

ЦИРКУМПОНТИКА

THE CIRCUMPONTICS

2023

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5156 (print)

2023 / № 5

ISSN 2949-5164 (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: История и политические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. — Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. — Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. — Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. — Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. — Domestic history (historical sciences); 5.6.2. — Global history (historical sciences); 5.6.5. — Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. — International relations (political sciences).

ISSN 2949-5156 (print)

2023 / № 5

ISSN 2949-5164 (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN
OF STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения»
Серия: История и политические науки»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д-р ист. наук, проф., ГУП

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д-р ист. наук, проф., ГУП

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — д-р полит. наук, доц., ГУП

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалес Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д-р ист. наук, проф., ГУП;

Журавлев В. В. — д-р ист. наук, проф., ГУП;

Захаров В. Н. — д-р ист. наук, проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д-р ист. наук, проф., ГУП (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д-р ист. наук, проф., ГУП

Штоль В. В. — д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.istpolitmgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. 266 с.

© Государственный университет просвещения, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.istpolitmgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the State University of Education.
Series: History and Political Sciences»
State University of Education**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., State University of Education

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K. A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of the State University of Education, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of the State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the journal (www.istpolitmgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of the State University of Education" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V. 266 p.

© State University of Education, 2023.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

site: www.istpolitmgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИРКУМПОНТИКА

От редколлегии.	10
Новичихин А. М. К вопросу о догреческом поселении на месте Горгиппии.	12
Солодовников К. Н., Файферт А. В. Некоторые вопросы палеоантропологии энеолита и ранней бронзы юга Восточной Европы в связи с проблемой происхождения афанасьевской культуры.	23
Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., Хохлов А. А. К вопросу о миграции племен ямной культуры ранней бронзы на территории Центральной и Юго-Западной Европы.	44
Пыслару И. Василий Городцов и его схема погребений эпохи бронзы. Анализ исследований (к 120-летию открытия)	54
Коваленко П. П., Красильников К. И. Материалы спасательных археологических исследований стратифицированного кургана эпохи бронзы у г. Кировска в Среднем Подонцовье (работы 1974 г.)	76
Николаева Н. А., Сафронов А. В., Чиж Н. С. Финал кубано-терской культуры в предгорьях Северного Кавказа (по материалам курганов у с. Хазнидон Северной Осетии)	93
Чишев В. Т. Древнеиранская собака-птица в кавказской металлопластике (по материалам кобанской археологической культуры)	111
Лучинский Н. Д. Кизил-кобинские памятники центральной группы Горного Крыма: хронология начальной стадии (XI–X вв. до н. э.)	119
Коньков А. С. Популяционно-генетические истоки носителей карасукской культуры ..	129
Керцева (Вольная) Г. Н. Фигурки оленя в мелкой бронзовой пластике раннего железного века Центрального и Северного Кавказа	139
Зуев В. Ю. Железный кинжал с зооморфным навершием, найденный у с. Ильинское в Оренбуржье	151
Сверчков Л. М. Дискуссия о «центральноазиатских фригийцах» и археологические данные.	168

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Малышев А. А., Клемешов А. С. К истории изучения археологических древностей полуострова Абрау.	182
Ткачёв А. Н. На новостройках Краснодара (неопубликованные материалы из довоенных работ Н. В. Анфимова).	197
Йотов В. Вклад российских исследователей в историю болгарской культуры.	205

РЕЦЕНЗИИ

- Яровой Е. В.** Мышь вместо горы (по поводу выхода монографии В. А. Дергачёва
«Ямная культура Карпато-Подунавья. Том I. Каталог памятников»)220

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Памяти друга, товарища, коллеги Александра Михайловича Смирнова244
Гераськова Любовь Сергеевна.247
Прощай, Андрей! (памяти Андрея Юрьевича Чиркова)250

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Сёр Ж.** ΝΕΟΣ ΗΡΩΣ, ΚΟΥΡΟΣ ΗΡΩΣ253

CONTENTS

CIRCUMPONTICA

From the Editorial Board	10
A. Novichikhin. On the Issue of Pre-Greek Settlement on the Site of Gorgippia	12
K. Solodovnikov, A. Faifert. Some Questions on Paleoanthropology of the Chalcolithic and Early Bronze Ages in the South of Eastern Europe in Connection with the Problem of the Origin of the Afanasievo Culture	23
P. Kuznetsov, O. Mochalov, A. Khokhlov. To the Question of Migration of Early Bronze Age Yamnaya Culture Tribes on the Territory of Central and South-Western Europe	44
I. Pyslaru. Vasily Gorodtsov and His Burials Scheme of the Bronze Age (To the 120th Anniversary of the Discovery)	54
P. Kovalenko, K. Krasilnikov. Materials Of Rescue Archeological Excavations of a Stratified Mound of the Bronze Age Near the Town of Kirovsk in the Seversky Donets Basin (Research of 1974)	76
N. Nikolaeva, A. Safronov, N. Chizh. The End of the Kuban-Terek Culture in the Foothills of the North Caucasus (Based on the Materials of the Mounds Near the Village of Khaznidon in North Ossetia)	93
V. Chshiev. The Ancient Iranian Dog-Bird in the Caucasian Repoussage (Based on the Materials of the Koban Archeological Culture)	111
N. Luchinsky. Monuments of the Kizil-Koba Culture of the Central Group in the Mountainous Crimea: Chronology of the Initial Stage (9 TH –10 TH Centuries BC)	119
A. Konkov. Population-Genetic History of the Karasuk Culture Origin	129
G. Kertseva (Volnaya). Deer Figurines in Small Bronze Sculptures of the Early Iron Age of the Central and Northern Caucasus	139
V. Zuev. An Iron Dagger with a Zoomorphic Tip Found Near Ilinskoe Village in Orenburg Region	151
L. Sverchkov. Discussion about the “Central Asian Phrygians” and Archaeological Data ...	168

FROM THE HISTORY OF THE BLACK SEA REGION ARCHEOLOGY

A. Malyshev, A. Klemeshov. To the History of the Study of Archaeological Antiquities of the Abrau Peninsula	182
A. Tkachev. On New Buildings in Krasnodar (Unpublished Materials from the Pre-War Works of N. V. Anfimov)	197
V. Yotov. The Contribution of Russian Researchers to the History of Bulgarian Culture ...	205

REVIEWS

E. Yarovoy. A Mouse Instead of a Mountain (Regarding the Release of the Monograph by V. A. Dergachev “Yamnaya Culture of Carpatho-Podunavie. Volume I. Catalogue of Monuments”)220

ACADEMIC LIFE

In Memory of a Friend, Comrade, Colleague Alexander Mikhailovich Smirnov.244

Geraskova Lyubov Sergeevna – An Obituary.247

Farewell, Andrey! (In memory of Andrey Yurievich Chirkov)250

FOR THE FIRST TIME IN RUSSIAN

G. Seure. ΝΕΟΣ ΗΡΩΣ, ΚΟΥΡΟΣ ΗΡΩΣ.253

ЦИРКУМПОНТИКА

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

FROM THE EDITORIAL BOARD

Оргкомитет международного проекта «Циркумпонтика» представляет вниманию читателей пятый выпуск одноимённого археологического ежегодника Государственного университета просвещения (ранее – МГОУ). В этом году исполняется своеобразный юбилей нашего издания. Пять лет – не столь большой срок, однако уже можно подвести некоторые итоги.

В историко-географическом аспекте проект нацелен на изучение прошлого Причерноморья и сопредельных территорий как зоны активного экономического взаимодействия, перекрёстка важнейших торговых путей, территории с богатейшим историко-культурным наследием. В предыдущих четырёх номерах опубликованы результаты исследований древностей Северного Причерноморья, Кавказа и связанных с причерноморской зоной Прикаспием и Ближним Востоком. Несмотря на постоянно расширяющийся список территорий, охваченных публикациями ежегодника, в центре нашего внимания по-прежнему остаются регион Чёрного моря и его периферия.

Хронологический диапазон исследований авторов памятников археологии достаточно широк, хотя и ограничен периодом от энеолита до раннего средневековья. Это позволяет сосредоточить основное внимание на изучении этого сложного и неоднозначного времени. При этом особое предпочтение отдаётся работам, содержащим публикации источников, накопленных за последние десятилетия. За 5 лет в нашем ежегоднике опубликованы

более 60 статей (с учётом настоящего выпуска), посвящённых энеолиту, бронзовому и раннему железному векам, а также ранневизантийскому времени.

Команде ежегодника представляется принципиальным акцентировать внимание на публикации материалов археологических исследований, не введённых ранее в научный оборот или до сих пор не получивших полноценного изучения. За несколько лет на страницах «Циркумпонтики» были обнародованы как результаты непосредственно полевых работ, так и итоги лабораторного изучения археологических, антропологических и палеоэкологических материалов. В 5 выпусках (включая и данный) опубликованы переводы значимых работ на иностранных языках – с английского, французского и румынского. С третьего выпуска появилась рубрика «Из истории науки», статьи в которой раскрывают этапы изучения древностей Циркумпонтийского региона, судьбы исследователей и их наследия. С пятого выпуска мы открываем раздел «Рецензии», где планируем и в дальнейшем давать развёрнутую оценку различным изданиям. Отражением событий в научной жизни исследователей Причерноморья являются и публикации в соответствующей рубрике сборника. Следует особо отметить, что развитие и расширение структуры ежегодника позволяет представить историю причерноморского региона во всем её многообразии.

Одной из важнейших задач проекта «Циркумпонтика» стало объединение

усилий учёных разных стран по изучению истории и археологии Причерноморья. Несмотря на крайне сложную международную обстановку, к настоящему времени в качестве наших авторов выступили историки и археологи из 12 стран (Армении, Болгарии, Германии, Италии, Казахстана, Молдовы, Польши, России, Румынии, Сербии, США, Украины), и их число постоянно расширяется.

Традиционно интернациональным стал и состав авторов данного выпуска. В непростых условиях наши зарубежные коллеги демонстрируют превосходство подлинного научного сотрудничества над сиюминутными политическими амбициями и попытками изоляции полноценных научных сообществ.

Хотелось бы подчеркнуть, что ежегодник является наиболее значимым изданием проекта «Циркумпонтика». Однако в его рамках запланирована и уже активно ведётся работа над подготовкой отдельных монографических изданий. Первый шаг уже сделан. В 2023 г. вышел в свет сборник «Археологические памятники Евразии от неолита до средневековья», посвящённый юбилею одного из основателей и постоянных авторов ежегодника –

Иона Пыслару. Продолжается подготовка к печати последующих трудов.

Представляя новый, пятый, выпуск, стоит отметить, что редколлегия «Циркумпонтики» стремится расширять круг авторов, предоставляя всем желающим возможность высказать свою позицию и принять участие в обсуждении актуальных проблем истории и археологии Причерноморья. Вместе с тем требования к ведению подлинно научной дискуссии неизменны – высокий уровень и убедительность аргументации, а также качество проведённых исследований. Оргкомитет проекта и редколлегия ежегодника заинтересованы в продолжение сотрудничества с учёными, избравшими объектом приложения своих усилий историю столь значимого региона Евразии. Наша основная цель остаётся прежней – сохранение единого научного пространства и дальнейшее укрепление международного сотрудничества.

*Е. В. Яровой, председатель оргкомитета,
ответственный за специальный выпуск
журнала «Вестник Государственного
университета просвещения. Серия: История и
политические науки. № 5. Циркумпонтика»*

УДК 903.4

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-12-22

К ВОПРОСУ О ДОГРЕЧЕСКОМ ПОСЕЛЕНИИ НА МЕСТЕ ГОРГИППИИ

Новичихин А. М.*Анапский археологический музей**354440, г. Анапа, ул. Набережная, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование археологических материалов доантичного времени, найденных на городище Горгиппии.

Процедура и методы. Осуществлён культурно-типологический анализ материалов энеолита и бронзового века с территории городища античной Горгиппии. В работе использованы сравнительно-типологический, сравнительно-культурологический и сравнительно-исторический методы, применён метод анализа и синтеза.

Результаты. Установлено существование на месте античной Горгиппии догреческого поселения. Его возникновение относится к эпохе энеолита. Судя по отдельным находкам, поселение просуществовало до позднего бронзового века. Одной из его функций могло быть поддержание морских контактов с населением Анатолии и Эгеиды.

Теоретическая и/или практическая значимость. Введены в научный оборот и обобщены археологические материалы энеолита и бронзового века, происходящие с городища античной Горгиппии. Установлен факт существования здесь догреческого поселения.

Ключевые слова: Горгиппия, энеолит, бронзовый век, кремнёвые изделия, шлифованные топоры-тесла

Благодарности. Исследование проведено в рамках проекта РНФ 22-28-01998 «Население предгорий Северо-Западного Кавказа в период Великой греческой колонизации» (руководитель проекта – кандидат исторических наук А. А. Малышев).

ON THE ISSUE OF PRE-GREEK SETTLEMENT ON THE SITE OF GORGIPPIA

A. Novichikhin*Anapa Archaeological Museum**ul. Naberezhnaya 4, Anapa 354440, Russian Federation*

Abstract

Aim. To conduct a research of pre-antique archaeological materials found at the settlement of Gorgippia.

Methodology. The cultural and typological analysis of the materials of the Eneolithic period and the Bronze Age from the territory of the ancient settlement of Gorgippia was carried out. Comparative-typological, comparative-cultural and comparative-historical methods are used in the work, and the method of analysis and synthesis is applied.

Results. The existence of a pre-Greek settlement on the place of the ancient Gorgippia has been established. Its origin dates back to the Eneolithic period. Judging by some finds, the settlement existed until the late Bronze Age. One of its functions could have been to maintain maritime contacts with the population of Anatolia and Aegeida.

Research implications. The archaeological materials of the Eneolithic and Bronze Age, originating from the ancient Gorgippia settlement, have been introduced into scientific circulation and generalized. The fact of the existence of a pre-Greek settlement there has been established.

Keywords: Gorgippia, Eneolithic, Bronze Age, flint objects, polished axes- adzes

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the RNF project 22-28-01998 "Population of the foothills of the North-West Caucasus during the Great Greek Colonization" (project manager – A. A. Malyshev, Cand. Sci. (History)).

Введение

Находки при раскопках античных городов Северного Причерноморья предметов каменного и бронзового веков свидетельствуют о том, что они зачастую возникали на тех же местах, где в предшествующие эпохи уже существовали поселения. Обобщённый анализ таких находок из раскопок боспорских городов был сделан Н. В. Молевой [17, с. 200–204]. Чаще всего отдельные каменные предметы встречаются в слоях античного времени. Контекст находок в ряде случаев свидетельствует об их вторичном использовании в культовых или утилитарных целях. Очень редко, как например, при раскопках Киммерика, были открыты непо потревоженные участки культурного слоя поселения эпохи бронзы, перекрытые античными напластованиями [12, с. 108–118].

Аналогичная картина прослежена и при исследовании античных памятников, расположенных на юго-восточной окраине Азиатского Боспора, в границах полуострова Абрау. Так, крупное поселение античного времени Мысхако расположено на месте значительного поселения эпохи энеолита [5, с. 12–15; 6, с. 32–33; 23, с. 58–59]. Рядом находится поселение бронзового века Мысхако-ФОК, могильник которого со сложными каменными конструкциями был перекрыт некрополем античного времени [13, с. 125–132]. При археологических исследованиях Раевского городища обнаружены свидетельства того, что на его месте располагалось поселение, существовавшее с энеолитической эпохи до раннего железного века [10, с. 144–146, рис. 2].

Археологические материалы эпохи неолита и энеолита

Археологические находки, полученные при исследовании Горгиппии, указывают на то, что люди жили на этом месте с эпохи неолита-энеолита.

Древнейшим свидетельством присутствия человека на месте античной Горгиппии (современной Анапы) может служить трапециевидный вкладыш для комбинированного орудия из тёмно-коричневого кремня (рис. 2.1), найденный на территории археологического заповедника «Горгиппия» в 1983 г. На режущих кромках имеются следы использования в виде мельчайших сколов. Изделие по форме напоминает микролитические трапеции неолитических памятников Кавказа [19, табл. IV, табл. V, табл. VII, табл. X; 28, рис. 6, I-1, II-1]. Впрочем, на Западном Кавказе подобные изделия встречены и в более ранних, мезолитических, комплексах [2, рис. 9, 11, 16].

Гораздо большим числом находок представлена на городище эпоха энеолита.

Из раскопок Горгиппии происходит четыре экземпляра полированных энеолитических топоров-тёсел, изготовленных из зелёного камня. Изделия отличаются по качеству и цвету материала, а также по тщательности отделки. Два тесла найдены при раскопках жилых кварталов Горгиппии в комплексах позднеантичного (II–III вв. н. э.) времени: в заполнении помещения 20 (раскопки 1967 г.) (рис. 1.3) и в яме 309 (раскопки 1985 г.) (рис. 1.1) [1, табл. 158, 5]. Одно тесло (рис. 1.2) найдено в 1987 г. при осмотре строительного котлована в юго-западной части античного городища, ещё

1–4. Каменные шлифованные топоры тёсла;
5. Мраморный пест
6. Бронзовый кельт

Рис. 1 / Fig. 1. Каменные и бронзовые изделия доантичного времени, найденные на городище Горгиппии: / Stone and bronze objects of pre-Antique time found at Gorgippia settlement

Источник: фото автора

одно (рис. 1.4) – в 2001 г. при производстве реставрационных работ на территории археологического заповедника «Горгиппия».

Весьма примечателен контекст обнаружения и внешний облик некоторых горгиппийских каменных тёсел. Так, тесло (рис. 1.1), обнаруженное в яме 309, находилось в шкатулке вместе с 40 монетами, стеклянными и каменными вставками, бронзовыми колокольчиками, мед-

ными фибулами, медными и костяными амулетами и другими предметами¹. Контекст находки подтверждает наблюдение Н. В. Молевой о том, что древние каменные орудия использовались жителями боспорских городов в религиозно-культурной практике в качестве сакральных предметов, оберегов, талисманов и т. п. [17, с. 203–205]. Такое же предназначение

¹ Алексеева Е. М. Отчёт. Анапская экспедиция. 1985 г. // НА ИА РАН. Р1-11588. Л. 41.

можно предположить и для миниатюрного топора-тесла (рис. 1.2), найденного в юго-западной части городища: оно хорошо отшлифовано, режущая кромка сточена и заглажена так, что представляет собой вытянутую фасетку шириной 0,3 см. Изделие покрыто сеткой мелких трещин, вероятно, вследствие пребывания в сильном огне.

Два других горгиппийских тесла, напротив, несут следы повторного практического применения. Так, у тесла из помещения 20 (рис. 1.3) отколот обушок, его лезвийная часть сильно скошена, само изделие закопчено. Автор раскопок И. Т. Кругликова предполагала, что тесло вторично использовалось в качестве лощила¹. У крупного топора-тесла (рис. 1.4), найденного на территории археологического заповедника «Горгиппия», также закопченного, лезвийная часть была повреждена в древности, однако оказалась сильно заглаженной в результате вторичного использования в качестве лощила или аналогичного по функции инструмента.

Судя по всему, рассматриваемые каменные топоры-тёсла были найдены жителями античной Горгиппии на территории города или в непосредственной близости от него. Подобные тёсла – частая находка на памятниках эпохи энеолита – ранней бронзы Северо-Западного Кавказа [2, рис. 13.26–28, рис. 15.23–24, рис. 16.23; 14, с. 20–27; 18, с. 191, табл. 46, рис. 30–31; 20, с. 9, 14; 21, с. 78; 26, с. 91, рис. 18; 27, с. 108–110, рис. 53]. Хорошо известны они и в материалах энеолитических памятников полуострова Абрау, в т. ч. и тех, на месте которых впоследствии возникли античные поселения: Мысхако [11, с. 20–22; 30, с. 48, рис. 1; 4, рис. 2.4–5], на территории и в окрестностях Раевского городища [4, с. 75–76, рис. 2.2–3; 10, с. 144, рис. 2, 5, 8; 25, с. 119, фототипия XX, 11, 12;].

¹ Кругликова И. Т. Отчёт о раскопках Горгиппии в 1967 г. Анапско-Керченской экспедицией ИА АН СССР // НА АМ. А1-4. Л. 7.

А. В. Дмитриев предлагает рассматривать каменные шлифованные топоры-тёсла как «маркеры» местной энеолитической культуры, связываемой им со строительством мегалитических дольменных комплексов [7, с. 46–47; 8, с. 6, 28, 20], однако не исключено, что такие орудия использовались населением Северо-Западного Кавказа вплоть до раннемайкопского времени [15, с. 69; 18, с. 191].

Помимо топоров-тёсел к эпохе энеолита могут быть отнесены кремнёвые вкладыши прямоугольной формы с обработанными ретушью краями, в двух случаях – с выступом-зубом для крепления у края. Два таких изделия (рис. 2.2–3) найдены на берегу Малой Анапской бухты в 1983 г., обломок ещё одного (рис. 2.4) – в 2012 г. на территории археологического заповедника «Горгиппия». Близкие по форме кремневые вкладыши известны в материалах энеолитических поселений Закубанья [24, рис. 4]. Поверхность вкладышей, найденных в Малой Анапской бухте (рис. 2.2–3), сильно сглажена: это может являться как следами их применения в качестве элементов жатвенных орудий, так и результатом пребывания в полосе морского прибоя. Обломок вкладыша с территории археологического заповедника «Горгиппия» (рис. 2.4) не имеет выраженных следов использования.

Энеолитический облик имеет и найденный в Малой бухте фрагмент кремнёвого ножа или пластинчатого вкладыша (рис. 2.5) из белого кремня, обработанного ретушью не только по сторонам, но и с торца: аналогичные изделия представлены в материалах поселений Свободное [20, рис. 2, рис. 3.1–28] и Мешоко [24, рис. 1, 2, 3.11–3.16].

Два кремнёвых вкладыша относятся к числу изделий специализированных форм. Они имеют форму, близкую к квадратной, и обработаны ретушью со всех 4 сторон. Первый (рис. 2.6), найденный при раскопках городища Горгиппии (раскоп «Город») в 1976 г., находит параллели среди материалов энеолитических

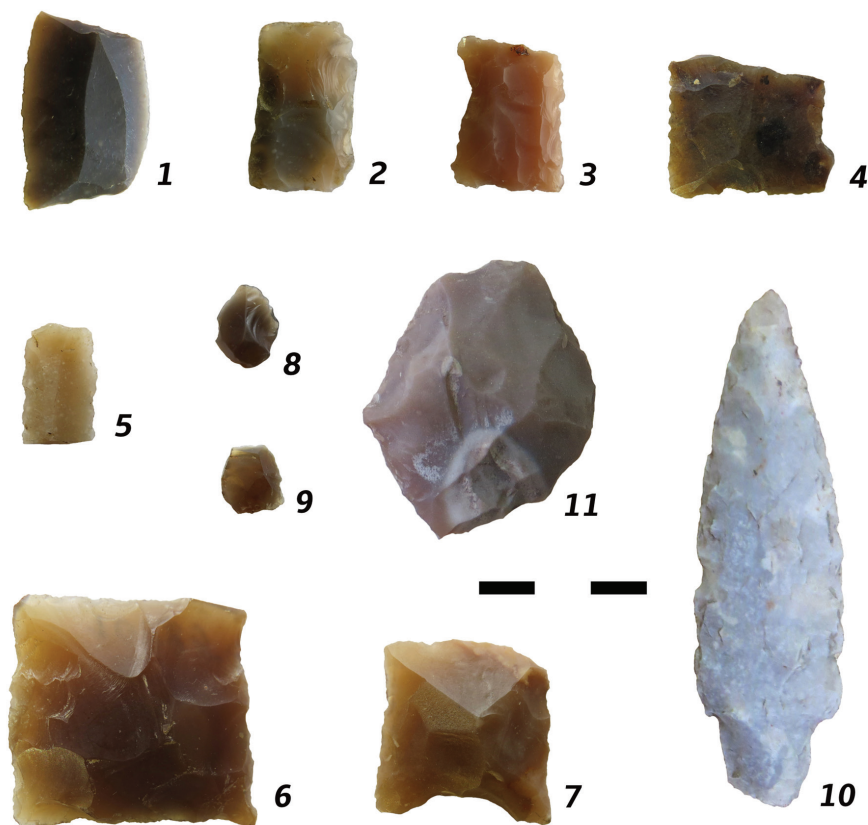

Рис. 2 / Fig. 2. Кремнёвые изделия эпохи неолита, энеолита и бронзового века, найденные на городище Горгиппии / Flint objects of the Neolithic, Eneolithic and Bronze Age found at Gorgippia settlement

Источник: фото автора

поселений Мешоко [24, рис. 12.1, 12.4] и хут. Веселый [21, рис. 5; 27, рис. 54.10]. Второй (рис. 2.7), найденный в Анапе на берегу моря в 2012 г. и имеющий сегментовидную выемку на одном из краёв, имеет аналогию среди вкладышей редких форм поселения Мешоко [24, рис. 14.9].

К этому же периоду можно отнести и два небольших кремнёвых скола (рис. 2.8–2.9), поднятых на берегу моря в Малой Анапской бухте в 1983 г. вместе с двумя упомянутыми ранее вкладышами. Как и вкладыши, сколы окатаны, эти находки могут указывать, что в существовавшем здесь энеолитическом поселении изготавливали и обрабатывали кремнёвые изделия.

Энеолитическое Анапское поселение имело могильник, возможно, курганный, впоследствии перекрытый некрополем Горгиппии. К инвентарю одного из разрушенных энеолитических погребений следует относить наконечник дротика из белого с сероватым оттенком кремня, найденный при земляных работах на ул. Новороссийской в Анапе. Наконечник удлинённо листовидной формы с выделенным черешком, сплошь покрыт мелкой ретушью (рис. 2.10). Близкий по форме наконечник известен среди материалов из слоя энеолита – ранней бронзы Воронцовской пещеры [2, рис. 13.16].

К эпохе энеолита или более позднему времени может быть отнесено изделие

типа скребка из коричневого кремня с грубо обработанными ретушью краями (рис. 2.11), найденное на территории археологического заповедника «Горгиппия» в 1987 г.

Ещё один предмет, культурно-хронологическая принадлежность которого не вполне ясна, обнаружен при раскопках Горгиппии в заполнении позднеантичного (II–III вв.) помещения 115. Это мраморный пест (рис. 1.5) конической формы с основанием в виде сегмента шара, завершающийся двумя коническим рогообразными выступами, один из которых отколот. Рабочая поверхность пята песта тщательно заглажена, в имеющемся по её краю сколе видны следы пигмента красного цвета. Всё это указывает на то, что орудие применялось в древности для растирания красок, но происходило это в античную эпоху или ранее – не ясно. Символика рогов и следы красной краски свидетельствуют о культовом предназначении песта. Форма изделия не характерна для античной эпохи и позволяет относить пест к более раннему времени – эпохе энеолита – бронзовому веку. Неясно также, является пест элементом предшествующего античному периода местной культуры или был доставлен сюда из других регионов Средиземноморья или Малой Азии в период греческой колонизации или позднее: то, что изделие выполнено из мрамора и тщательно обработано, не исключает такого варианта его происхождения. Впрочем, могли существовать и другие, более ранние, чем античное мореплавание, способы попадания на черноморское побережье Западного Кавказа ритуальных предметов иноземного происхождения.

Археологические материалы эпохи поздней бронзы

Самая поздняя находка из Горгиппии, относящаяся к доантичному периоду, – бронзовый топорик-кельт, найденный при раскопках Горгиппии подобно некоторым другим древним предметам – в

заполнении помещения 58 II–III вв. Одноушковый кельт (рис. 1.6) с арочными фасками по обеим сторонам носит следы интенсивного вторичного использования в качестве тесла, в результате чего изделие оказалось изогнутым, ушко утрачено, лезвийная часть орудия расслоилась.

Анапский кельт относится к типу К-32 по классификации Е. Н. Черных и является изделием, характерным для красномяжского очага металлургии, соотносимого с западнопричерноморскими археологическими культурами XIV–XII вв. до н. э. – Ноа и сабадиновской [29, с. 77, 179, рис. 33]. Анапский кельт – самая восточная находка кельта типа К-32, причём значительно удалённая от основного ареала распространения таких орудий.

При первой публикации этой находки автор предположил, что попадание этого изделия в район Анапы может являться свидетельством миграций в этот регион отдельных групп носителей сабадиновской культуры [22, с. 203–205]. После открытия на Таманском полуострове памятников белозерской и сабадиновской археологических культур стало понятно, что имела место не просто локальная миграция, а переселение значительных групп носителей этих культур позднего бронзового века, принёсших на Тамань и свои керамические традиции, и металлические изделия [9, с. 212–218]. В зону расселения (или воздействия) переселенцев входила и та местность, где впоследствии возникнет Горгиппия.

Заключение

Рассмотренные материалы дают основания утверждать, что древнейшее поселение на месте Анапы возникло в эпоху энеолита, и, видимо, существовало на протяжении всего периода бронзового века до его завершающего этапа. Нельзя исключать, что раннегреческое поселение (Синдская гавань античных авторов) возникло в VI в. до н. э. на месте или даже на территории располагавшегося тут поселения раннего железного века, археологиче-

ские следы которого пока не прослежены. Косвенно на это может указывать наличие на некрополе Синдской гавани погребений в каменных гробницах, типичных для населявших этот регион синдов.

Примечательно, что, как и на Мысхако, поселение на берегу Анапской бухты возникает в энеолитическую эпоху. Важную роль в этом, несомненно, сыграло занятие жителей этих поселений морским промыслом, но не исключено, что имели место и другие факторы.

Археологические материалы из раскопок последних десятилетий, в т. ч. в районе Анапы–Новороссийска, дали основание поставить вопрос о существовании в раннем бронзовом веке морских контактов населявших регион носителей майкопской археологической культуры с черноморским побережьем Малой Азии, в частности – с Восточной Анатолией [3, с. 13–15; 31, с. 113–116]. По мнению А. Н. Гей, опирающегося на материалы поселения Мысхако, эти контакты возникли ещё в эпоху энеолита [3, с. 15]. Надо полагать, что в установлении и подержании ранних кавказско-анатолий-

ских связей наряду с энеолитическим поселением в Мысхако существенную роль играло и Анапское поселение. В эпоху майкопской археологической культуры в морские контакты могли быть вовлечены и мореходы Эгеиды [16, с. 68]. Морским путём из Анатолии и Эгеиды на западно-кавказское побережье могли доставляться люди, идеи, технологии, предметы (в числе последних вполне мог оказаться и мраморный «рогатый» пест).

Раскопки Горгиппии продолжают, и надо полагать, коллекция относящихся к доантичному периоду находок будет пополняться. Не исключена и возможность открытия в Анапе и сохранившихся участков культурного слоя древнего поселения. Наиболее перспективен в этом отношении район Малой Анапской бухты, в античную эпоху застроенный гораздо менее плотно, чем территории археологического заповедника «Горгиппия», и давший почти половину происходящих из Анапы находок кремнёвых изделий энеолитической эпохи.

Дата поступления в редакцию 22.07.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 560 с.
2. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Кн. из-во, 1979. 112 с.
3. Гей А. Н. «Южный след» в памятниках майкопской культуры Западного Кавказа // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия: тезисы докладов круглого стола. М.: ИА РАН, 2013. С. 13–15.
4. Палеоэкология Северо-Западного Кавказа (Работы Северо-Кавказской археологической экспедиции в 2001 г.) / А. Н. Гей, А. А. Малышев, Е. Е. Антипина, Д. В. Богатенков, О. Е. Вязкова, А. А. Гольева, С. В. Дробышевский и др. // Историко-археологический альманах. 2002. № 8. С. 74–105.
5. Гей А. Н., Савченко Е. И. Исследование поселения Мысхако I в 1990 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992. С. 12–15.
6. Дмитриев А. В. Поселение майкопской культуры на Мысхако // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов. Майкоп, 1984. С. 32–33.
7. Дмитриев А. В. «Постдольменные горизонты», «палеодольмены» и истоки их строительства // XXXII Крупновские чтения. Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. Майкоп: Качество, 2022. С. 44–47.
8. Дмитриев А. В. Дольмены. Заблуждения исследователей и выход из тупика (Логический анализ выводов) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2022. Вып. 20. С. 6–35.
9. Кияшко А. В., Сударев Н. И. К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове // XIX Боспорские чтения.

- Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Симферополь-Керчь, 2018. С. 212–218.
10. Клемешов А. С., Малышев А. А. Антропогенные ландшафты Раевского городища // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 142–154.
 11. Кононенко А. П. Полированные «топоры-тесла» и их использование на поселении «Мысхако» // Древности Кубани: мат-лы семинара. Краснодар, 1987. С. 20–22.
 12. Кругликова И. Т. Памятники эпохи бронзы из Киммерика // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях. 1952. Вып. 43. С. 108–118.
 13. Малышев А. А. Планиграфия и погребальный обряд Мысхаковского могильника // Мысхаковский некрополь. Раскопки 1978–1979 гг. (Некрополи Черноморья. Вып. V). М.: МАКС Пресс, 2020. С. 123–142.
 14. Марковин В. И., Мунчаев Р. М. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях. 1961. Вып. 84. С. 19–29.
 15. Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М.: Гриф и К, 2003. 340 с.
 16. Мачинский Д. А. Об образном строе серебряных и золотых художественных изделий из Майкопского кургана // ΣΥΣΤΙΤΑ. Памяти Ю. В. Андреева / отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб: Алетейя, 2000. С. 45–70.
 17. Молева Н. В. Древности эпох камня и бронзы на античных памятниках Боспора // Античный мир и археология. 2002. Вып. 11. С. 200–204.
 18. Мунчаев Р. М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза / О. М. Джапаридзе, К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин и др. М.: Наука, 1994. С. 158–225.
 19. Небиеридзе Л., Цквитинидзе Н. Неолит Западного Кавказа // зნობზო (Amirani). 2012. Vol. XXIV. P. 59–83.
 20. Нехаев А. А. Энеолитические поселения Закубанья // Древние памятники Кубани: мат-лы семинара. Краснодар: Управление культуры Краснодарского крайисполкома, 1990. С. 5–22.
 21. Нехаев А. А. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести, 1992. Вып. 1. С. 76–96.
 22. Новичихин А. М. Находка бронзового кельта в Горгиппии // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культуры и взаимодействия народов Кавказа в древности и средневековье: мат-лы конф. / ред. Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: Вика-принт, 2015. С. 203–205.
 23. Онайко Н. А. Новый памятник майкопской культуры // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях. 1973. Вып. 134: Бронзовый век на территории СССР. С. 58–59.
 24. Осташинский С. М. Вкладышевые орудия поселения Мешоко // Древности Западного Кавказа / отв. ред. Н. Е. Берлизов. Краснодар, 2013. С. 4–28.
 25. Сизов В. И. Восточное побережье Чёрного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества / под ред. гр. Уваровой. 1889. Вып. II. С. 1–183 с.
 26. Столяр А. Д. Мешоко – поселение майкопской культуры // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. С. 73–98.
 27. Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. 160 с.
 28. Черленок Е. А. Археология Кавказа (мезолит, неолит, энеолит): учебно-метод. пособие. СПб, 2013. 53 с.
 29. Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 301 с.
 30. Шишлов А. В. Археологические памятники г. Новороссийска и история их исследования // Исторические записки. Исследования и материалы: сб. нач. трудов. Вып. 2. Новороссийск, 1996. С. 43–59.
 31. Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В. Культурно-экономические связи и контакты населения приморской части Северо-Западного Кавказа в эпоху ранней бронзы // XXXII Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. Крупновские чтения. Майкоп: Качество, 2022. С. 113–116.

REFERENCES

1. Alekseeva E. M. *Antichnyy gorod Gorgippiya* [The ancient city of Gorgippia]. Moscow, Redaktsiya URSS Publ., 1997. 560 p.
2. Voronov Yu. N. *Drevnosti Sochi i yego okrestnostey* [Antiquities of Sochi and its environs]. Krasnodar, Kn. iz-vo Publ., 1979. 112 p.
3. Gey A. N. ["Southern trace" in the monuments of the Maykop culture of the Western Caucasus]. In: *Tsivilizatsionnyye tsentry i pervobytnaya periferiya v epokhu rannego metalla: Modeli vzaimodeystviya: tezisy dokladov kruglogo stola* [Civilization centers and primitive periphery in the early metal era: models of interaction: abstracts of round table reports]. Moscow, IA RAN Publ., 2013, pp. 13–15.
4. Gey A. N., Malyshev A. A., Antipina E. E., Bogatenkov D. V., Vyazkova O. E., Golyeva A. A., Drobyshesky S. V., et al. [Paleoecology of the North-Western Caucasus (Works of the North Caucasian archaeological expedition in 2001)]. In: *Istoriko-arkheologicheskiye almanakh* [Historical and Archaeological Almanac], 2002, no. 8, pp. 74–105.
5. Gey A. N., Savchenko E. I. [Study of the Myskhako I settlement in 1990]. In: *Arkheologicheskiye raskopki na Kubani v 1989–1990 godakh* [Archaeological excavations in the Kuban in 1989–1990]. Yeisk, 1992, pp. 12–15.
6. Dmitriev A. V. [Settlement of the Maykop culture on Myskhako]. In: *13th «Krupnovskiy chteniye» po arkheologii Severnogo Kavkaza* [XIII "Krupnovskie readings" on the archeology of the North Caucasus]. Maykop, 1984, pp. 32–33.
7. Dmitriev A. V. ["Post-dolmen horizons", "paleo-dolmens" and the origins of their construction]. In: *XXXII Krupnovskiy chteniye. Drevniye i srednevekovyye kultury Kavkaza: otkrytiya, gipotezy, originalnost* [32nd Krupnov Readings. Ancient and medieval cultures of the Caucasus: discoveries, hypotheses, interpretations.]. Maykop, Kachestvo Publ., 2022, pp. 44–47.
8. Dmitriev A. V. [Dolmens. The researchers' misconceptions and the way out of the impasse (Logical analysis of conclusions)]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and research on the archeology of the North Caucasus], 2022, iss. 20, pp. 6–35.
9. Kiyashko A. V., Sudarev N. I. [On the issue of ethnocultural affiliation and chronology of monuments of the Late Bronze Age on the Taman Peninsula]. In: *XIX Bosporskiye chteniye. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Traditsii i innovatsii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [19th Bosporan Readings. Bosporus Cimmerian and barbarian world during the period of antiquity and the Middle Ages. Tradition and innovation. Proceedings of the international scientific conference]. Simferopol-Kerch, 2018, pp. 212–218.
10. Klemeshov A. S., Malyshev A. A. [Anthropogenic landscapes of the Raevskoye hillfort]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences], 2022, no. 5, Circumponctics, vol. IV, pp. 142–154.
11. Kononenko A. P. [Polished "adze axes" and their use at the Myskhako settlement]. In: *Drevnosti Kubani: mat-ly seminarov* [Antiquities of Kuban: seminar materials]. Krasnodar, 1987, pp. 20–22.
12. Kruglikova I. T. [Monuments of the Bronze Age from Cimmeric]. In: *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh* [Brief reports on reports and field studies], 1952, iss. 43, pp. 108–118.
13. Malyshev A. A. [Planigraphy and funeral rites of the Myskhako burial ground]. In: *Myskhakskiy nekropol'. Raskopki 1978–1979 gg. (Nekropoli Chernomorya. Vyp. V)* [Myskhak necropolis. Excavations 1978–1979 (Necropolises of the Black Sea region. Iss. V)]. Moscow, MAKSPress Publ., 2020, pp. 123–142.
14. Markovin V. I., Munchaev R. M. [About two types of stone tools of the North Caucasus]. In: *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh* [Brief reports on reports and field research], 1961, iss. 84, pp. 19–29.
15. Markovin V. I., Munchaev R. M. *Severnnyy Kavkaz. Ocherki drevney i srednevekovoy istorii i kultury* [North Caucasus. Essays on ancient and medieval history and culture]. Moscow, Grif i K Publ., 2003. 340 p.
16. Machinsky D. A. [On the figurative structure of silver and gold artistic items from the Maykop mound]. In: Zuev V. Yu., ed. *ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Pamyati Yu. V. Andreyeva* [ΣΥΣΣΙΤΙΑ. In memory of Yu. V. Andreev]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2000, pp. 45–70.

17. Moleva N. V. [Antiquities of the Stone and Bronze Ages on the ancient monuments of the Bosporus]. In: *Antichnyy mir i arkheologiya* [Antique world and archeology], 2002, iss. 11, pp. 200–204.
18. Munchaev R. M. [Maykop culture]. In: Dzhaparidze O. M., Kushnareva K. Kh., Markovin V. I., et al. *Epokha bronzы Kavkaza i sredy Azii. Rannyyaya i srednyaya bronza* [Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze] / Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 158–225.
19. Nebieridze L., Tskvitinidze N. [Neolithic of the Western Caucasus]. In: *Amirani* [ამირანი (Amirani)], 2012, vol. XXIV, pp. 59–83.
20. Nekhaev A. A. [Eneolithic settlements of the Trans-Kuban region]. In: *Drevniye pamyati Kubani* [Ancient monuments of the Kuban]. Krasnodar, Upravleniye kultury Krasnodarskogo krayapolkoma Publ., 1990, pp. 5–22.
21. Nekhaev A. A. [Pre-Maykop culture of the North Caucasus]. In: *Arkheologicheskiye vesti* [Archaeological news], 1992, vol. 1, pp. 76–96.
22. Novichikhin A. M. [Finding a bronze celt in Gorgippia]. In: Shatum R. B., Ulitin V. V., eds. *V «Anfimovskiy chteniye» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Kultury i vzaimodeystviye narodov Kavkaza v drevnosti i srednevekovyye* [5th “Anfimov Readings” on the archeology of the Western Caucasus. Cultures and interactions of the peoples of the Caucasus in antiquity and the Middle Ages]. Krasnodar, Vika-print Publ., 2015, pp. 203–205.
23. Onayko N. A. [New monument of Maykop culture]. In: *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh* [Brief reports on reports and field research], 1973, vol. 134: Bronze Age on the territory of the USSR, pp. 58–59.
24. Ostashinsky S. M. [Insert tools of the Meshoko settlement]. In: Berlizov N. E., ed. *Drevnosti Zapadnogo Kavkaza* [Antiquities of the Western Caucasus]. Krasnodar, 2013, pp. 4–28.
25. Sizov V. I. [Eastern coast of the Black Sea. Archaeological excursions]. In: gr. Uvarova, ed. *Materialy po arkheologii Kavkaza, sobrannyye ekspeditsiyami Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Materials on the archeology of the Caucasus, collected by expeditions of the Moscow Archaeological Society], 1889, iss. II, pp. 1–183.
26. Stolyar A. D. [Meshoko – a settlement of the Maykop culture]. In: *Sbornik materialov po arkheologii Adygei* [Collection of materials on the archeology of Adygea]. Maykop, 1961, pp. 73–98.
27. Formozov A. A. *Kamenny vek i eneolit Prikubanya* [Stone Age and Eneolithic of the Kuban region]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 160 p.
28. Cherlenok E. A. *Arkheologiya Kavkaza (mezolit, neolit, eneolit)* [Archeology of the Caucasus (Mesolithic, Neolithic, Chalcolithic)]. St. Petersburg, 2013. 53 p.
29. Chernykh E. N. *Drevnyaya metalloobrabotka na Yugo-Zapade SSSR* [Ancient metalworking in the South-West of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 301 p.
30. Shishlov A. V. [Archaeological monuments of Novorossiysk and the history of their research]. In: *Istoricheskiye zapiski. Issledovaniya i materialy* [Historical notes. Research and materials. Vip. 2]. Novorossiisk, 1996, pp. 43–59.
31. Shishlov A. V., Kolpakova A. V., Fedorenko N. V. [Cultural and economic ties and contacts of the population of the coastal part of the North-West Caucasus in the Early Bronze Age]. In: *XXXII Drevniye i srednevekovyye kultury Kavkaza: otkrytiya, gipotezy, svoyeobraziye. Krupnovskiy chteniye* [32nd Ancient and medieval cultures of the Caucasus: discoveries, hypotheses, interpretations. Krupnovsky readings]. Maykop, Kachestvo Publ., 2022, pp. 113–116.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новичихин Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Анапского археологического музея;

e-mail: yazamat03@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey M. Novichikhin – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of Archaeology, Anapa Archaeological Museum;

e-mail: yazamat03@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новичихин А. М. К вопросу о догреческом поселении на месте Горгииппии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 12–22.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-12-22

FOR CITATION

Novichikhin A. M. On the issue of Pre-Greek settlement on the site of Gorgippia. In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 12–22.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-12-22

УДК 903(571.53/.55)

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-23-43

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ПРОИСХОЖДЕНИЯ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Солодовников К. Н.¹, Файферт А. В.²

¹ Тюменский научный центр СО РАН

625026, г. Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, Российская Федерация

² ГАУК РО «Донское наследие»

344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Нижнебульварная, д. 29, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследование межгрупповой популяционной изменчивости древнего населения юга Восточной Европы в контексте происхождения населения афанасьевской культуры Южной Сибири и Центральной Азии.

Процедура и методы. С учётом выявленных проблемных вопросов палеоантропологии энеолита – ранней бронзы степей и лесостепей Восточной Европы сформирован корпус краниометрических данных, проведено его многомерное статистическое исследование.

Результаты. Проведённый анализ позволил выявить на статистическом уровне отличия серий двух культурно-генетических пластов древнего населения юга Восточной Европы, относящегося к протоевропейскому антропологическому типу. Определены общие различия между популяциями ямной общности и предшествующими на данных территориях группами периода энеолита. Выявлено наибольшее сходство большинства афанасьевских выборок черепов с ямными краниологическими сериями территории степей и лесостепей Волго-Уралья, а также серии из алтайского высокогорья с энеолитическими бережновского типа, среднестоговской культуры и других групп «степного энеолита» юга Восточной Европы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформированные краниологические серии энеолита и ранней бронзы юга Восточной Европы могут быть использованы для исследования вопросов культурно- и этногенеза древнего населения этой территории. Исследование палеоантропологических материалов восточно-европейских степей и лесостепей с получением новых фактических данных следует проводить с учётом узловых проблем палеоантропологии данного региона.

Ключевые слова: афанасьевская культура, краниометрия, палеоантропология, ранняя бронза, энеолит, ямная культура

Благодарности. Статья подготовлена по госзаданию № FWRZ-2021-0006. Выражаем искреннюю признательность доктору исторических наук, профессору СГСПА (Самара) А. А. Хохлову за многолетнее обсуждение проблем палеоантропологии, предоставленные измерительные данные черепа из могильника Кипец I, а также другие важные сведения об исследованных материалах энеолита–бронзы юга Восточной Европы. Мы признательны научному сотруднику отдела антропологии МАЭ РАН (Кунсткамера, СПб.), кандидату исторических наук А. А. Казарницкому за предоставленную электронную базу краниометрических данных культур ранней – средней бронзы Северо-Западного Прикаспия, а также украинским коллегам-антропологам и археологам за важные консультации и обсуждение проблем энеолита и ранней бронзы юга Восточной Европы.

SOME QUESTIONS ON PALEOANTHROPOLOGY OF THE CHALCOLITHIC AND EARLY BRONZE AGES IN THE SOUTH OF EASTERN EUROPE IN CONNECTION WITH THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF THE AFANASIEVO CULTURE

K. Solodovnikov¹, A. Faifert²

¹ Tyumen Scientific Center SB RAS
ul. Malygina 86, Tyumen 625026, Russian Federation

² State Autonomous Cultural Institution of the Rostov Region "Don Heritage"
ult. Nizhnebulvarnaya 29, Rostov-on-Don 344022, Russian Federation

Abstract

Aim. To study intergroup population variability of the ancient population of Southeastern Europe in the context of the origin of the population of the Afanasievo culture of Southern Siberia and Central Asia.

Methodology. A corpus of craniometric data was formed taking into account the identified problematic issues of paleoanthropology of the Eneolithic – Early Bronze steppes and forest-steppes of Eastern Europe, and its multidimensional statistical study was conducted.

Results. The analysis made it possible to identify at the statistical level the differences between the series of two cultural and genetic layers of the ancient population of the south of Eastern Europe belonging to the proto-European anthropological type. The general differences between the populations of the Yamnaya community and the groups of the Eneolithic period preceding in these territories are determined. The greatest similarity of the majority of Afanasievo samples of skulls with Yamnaya craniological series of the territory of the steppes and forest-steppes of the Volga-Ural region, as well as a series from the Altai highlands with Eneolithic Berezhnovsky type, Sredny Stog culture and other groups of the steppe Eneolithic of southern Eastern Europe was revealed.

Research implications. The formed craniological series of the Eneolithic and Early Bronze Age of Southeastern Europe are suitable for studying the issues of cultural and ethnogenesis of the ancient population of this territory. The study of paleoanthropological materials of the Eastern European steppes and forest-steppes with the reception of new factual data should be carried out taking into account the key problems of paleoanthropology of this region.

Keywords: Afanasievo culture, craniometry, paleoanthropology, Early Bronze Age, Chalcolithic, Yamnaya culture

Acknowledgments. This work was carried out according to state order no. FWRZ-2021-0006. We express our sincere gratitude to A. A. Khokhlov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the SGSPU (Samara), for the long-term discussion of the problems of paleoanthropology, the measurement data provided by the skull from the Kipets I burial ground, as well as other important information about the studied materials of the Eneolithic and Bronze Age of the Southeastern Europe. We are grateful to the researcher of the Department of Anthropology of the MAE of the RAS (Kunstkamera, St. Petersburg), Cand. Sci. (History) A. A. Kazarnitsky for providing an electronic database of craniometric data of Early – Middle Bronze cultures of the Northwestern Caspian region, as well as Ukrainian colleagues-anthropologists and archaeologists for important consultations and discussion of the problems of the Chalcolithic and Early Bronze Age in southern Eastern Europe.

Введение

Эпоха ранней бронзы степного пояса Евразии ознаменовалась двумя взаимосвязанными масштабными историческими событиями: формированием ямной культурно-исторической общности (области) (ЯКИО) в Восточной Европе и афанасьевской культуры в Южной Сибири и Центральной Азии¹. С афанасьевской культуры принято начинать отсчёт бронзового века в этой части Азии. Максимальная концентрация памятников последней прослежена в Горном Алтае и Минусинской котловине². По современным радиоуглеродным AMS-датам, афанасьевская культура датируется в интервале 3300–2500 л. до н. э.³

Для афанасьевской культуры на основании антропологических данных практически с самого начала исследований предполагалось её восточно-европейское происхождение⁴. На это же указывают и

современные данные палеогенетики⁵. Однако задача поиска конкретного региона исходной миграции пока не решена.

В данной статье делается попытка дать ответ на данный вопрос с точки зрения краниологии населения степной части Евразии. Дробное исследование афанасьевских популяций по отдельным регионам и их сопоставление с территориальными и хронологическими группами юга Восточной Европы с использованием новых данных выявило ряд узловых проблем палеоантропологии бронзового века юга Восточной Европы.

Проблемные вопросы палеоантропологии энеолита и ранней бронзы юга Восточной Европы

Главной проблемой при использовании сравнительных палеоантропологических данных с территории степей Восточной Европы является неполная сохранность краниологических материалов. Судя по опубликованным данным, на многих черепах отсутствуют измерения важных краниометрических признаков, особенно в наиболее древних из привлекаемых для сравнительного анализа материалах периода энеолита. В результате в локальных и суммарных сери-

лодовников К. Н. Антропологические материалы афанасьевской культуры: к проблеме происхождения // Вестник антропологии. 2009. № 17. С. 117–135; Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с; Хохлов А. А., Солодовников К. Н., Рыкун М. П., Кравченко Г. Г., Китов Е. П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3. С. 86–106.

⁵ Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K. G., et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522. № 7555. P. 167–172; Hollard C., Zvěničgorosky V., Keyser C., et al. New genetic evidence of affinities and discontinuities between bronze age Siberian populations // American Journal of Physical Anthropology. 2018. T. 167. № 1. P. 97–107; Narasimhan V. M., Patterson N., Moorjani P., et al. The formation of human populations in South and Central Asia // Science. Vol. 365. Iss. 6457. P. 7487.

¹ Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.; Ковалёв А. А. Распространение афанасьевской культуры на территории Сибиря: хронологические рамки и типологические особенности // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 188–209.

² Поляков А. В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

³ Hermes T. R., Tishkin A. A., Kosintsev P. A., Stepanova N. F., Krause-Kyora B., Makarewicz C. A. Mitochondrial DNA of domesticated sheep confirms pastoralist component of Afanasievo subsistence economy in the Altai Mountains (3300–2900 cal BC) // Archaeol. Res. Asia. 2020. Vol. 24. 100232; Polyakov A. V., Svyatko S. V., Stepanova N. F. A review of the radiocarbon dates for the Afanasievo culture (Central Asia): Shifting towards the shorter chronology // Radiocarbon. 2019. Vol. 61. № 1. P. 243–263.

⁴ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Т. 4. М.; Л.: АН СССР, 1948. 389 с.; Алексеев В. П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник. 1961. Т. 71. С. 107–206; Солодовников К. Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. 2003. № 10. С. 3–27; Козинцев А. Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4. С. 125–136; Со-

ях отсутствуют необходимые цифровые данные, что заставляет отказаться от их использования по общеупотребительному в анализе набору признаков. Примером такого рода служит важная для изучения вопросов культурогенеза населения степной зоны Восточной Европы краниологическая серия из погребений новоданиловского типа с отсутствующей высотой черепа до базиона [15; 16]. Это определяет необходимость вынужденной генерализации материалов по территориальному и культурно-хронологическому принципам для получения пригодных для межгруппового анализа сравнительных серий. Тем не менее ряд женских групп, как более малочисленных, не представлен необходимыми для сравнения серий используемыми краниометрическими признаками, что вынуждает их исключать из анализа.

Другой проявившейся в последние годы проблемой является отказ ряда исследователей-антропологов при изучении даже пригодных по сохранности материалов от измерения ряда важных признаков. В особенности это касается угловых размеров вертикальной профилировки лобной кости и лицевого отдела, получаемых с помощью штатива Моллисона. В результате при формировании групп наблюдений по этим признакам бывает существенно меньше, чем у сопоставимых. В отдельных случаях неясность измерения данных признаков заставляет отказаться от использования в сравнительном анализе даже некоторых суммарных серий¹.

Существенным вопросом последних десятилетий в палеоантропологии юга Восточной Европы в целом и обсуждаемого периода в частности является смещение исследовательского интереса из области этногенетических проблем в сферу биоархеологии. Например, до сих

пор не исследованы по краниометрической программе материалы новотитаровской культуры – одной из ключевых групп для периода ранней бронзы восточно-европейских степей. К настоящему времени исследовано около 1 000 новотитаровских погребений, но опубликованы краниометрические данные лишь по единственному черепу из погребения 35 кургана Овальный на Кубани².

Известной в палеоантропологии юга Восточной Европы проблемой также является типологическая нерасчленённость массива древних краниологических серий, относимых к протоевропейскому антропологическому типу. Определяющей его особенностью является большая ширина лица. Эта гиперморфность лицевого отдела в целом отличает древние группы с территории Восточной Европы по сравнению с современными европеоидами этой территории с преимущественно малой шириной лица. Как отмечалось ещё А. В. Шевченко, межгрупповой размах величин скулового диаметра серий, определяемых на тот момент как протоевропейские, варьирует в очень больших пределах – от 133,7 до 153,5 мм [27, прим. 18].

Специалистами констатируется общая принадлежность к протоевропейскому типу населения энеолита и ранней бронзы юга Восточной Европы и морфогенетическая преемственность популяций одного хронологического пласта с группами предшествующего времени. В составе населения той или иной культурно-хронологической группы определяется разная доля гипер- и относительно гипоморфных вариантов протоевропейского типа [15; 23], однако в целом на статистическом уровне не удавалось определить общие отличия энеолитических

¹ Романова Г. П. Палеоантропологические материалы из степных районов Ставрополя эпохи ранней и средней бронзы // Советская археология. 1991. № 2. С. 160–170.

² Балабанова М. А., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю. О возможных связях населения Кубани и Северного Причерноморья в эпоху средней бронзы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 1. С. 17–23.

популяций юга Восточной Европы от ямных групп.

Одним из главных вопросов, определяемых при сравнении краниологических серий афанасьевской культуры с группами предшествующего населения на территории восточноевропейских степей и лесостепей, является дискуссионность и недостаточная разработанность культурно-хронологической принадлежности групп погребений, из которых происходят сравнительные серии черепов. Объясняется это, в первую очередь, публикацией части антропологических материалов в тот период интерпретации археологических источников, когда ямная культурно-историческая область (общность) считалась относящейся к периоду энеолита. В неё включались, наряду с генетически связанными с ЯКИО типами памятников периода средней бронзы, также предшествующие по хронологии группы памятников периода энеолита¹. Этому есть объективные обстоятельства, поскольку культурные группы периода энеолита восточно-европейских степей зачастую проявляют в погребальной обрядности типологическое сходство вплоть до идентичности с более поздними памятниками ЯКИО.

Проиллюстрируем это на примере краниологической серии ямников Нижнего Подонья, в которую включены опубликованные Л. Г. Вуич [4], К. В. Зиньковским [9], Б. В. Фирштейн [20] и Е. Ф. Батиевой [3] измерения черепов. Составленные из этих материалов серии ямного времени донского право- и левобережья проявляют некоторые отличия: в то время как черепа из могильников левого берега Дона долихокранные, мужские черепа из могильников на правом берегу короче и шире, мезокранные по черепному указателю, у них шире и ниже лицо и орбиты. Несмотря на некоторые локальные различия, констатируется морфологическая

близость населения южнорусских степей на ранних этапах эпохи бронзы [3].

Однако на основании сведений из имеющихся отчётов об археологических работах выяснено, что в данную серию, помимо черепов из погребений позднего времени в нижнедонском (численно преобладают) и калмыцком вариантах, включены черепа из погребений раннего времени (Соленовская 1, погребение 32), а также позднего энеолита (Рестумов II, курган 1, погребение 5), в т. ч. относящегося к койсугскому типу или выделяемому «типу Радутка» (Семенкин, курган 6, погребение 17). Сходным образом часть черепов, включённых в подняемую серию Волгоградской области [2], вероятно, происходит из погребений позднего энеолита (могильники Новый Рогачик, Орешкин I). Также суммированная по индивидуальным данным [24; 25] серия «ямной культуры» Западного Казахстана объединяет краниологические находки из погребений ранней бронзы, атрибуция которых из-за малочисленности, малоинвентарности и отсутствия контекста может вызывать сомнения.

Данные примеры показывают сложность формирования имеющейся базы антропологических материалов в части возможности использования ранее опубликованных территориальных серий ЯКИО в межгрупповом анализе и необходимость учёта определённых допущений при его проведении. К сожалению, накопление палеоантропологических данных по отдельным территориально-хронологическим группам юга Восточной Европы существенно отстаёт от разработки концепций археологов с добавлением и перегруппировкой имеющихся археологических источников. Острой проблемой остаётся недостаточность данных радиоуглеродного AMS-датирования, которые помогли бы компенсировать неточность археологических определений.

¹ Даниленко В. Н. Энеолит Украины: Этноисторическое исследование // Киев: Наукова Думка, 1974. 176 с.

Краниологические серии энеолита и ранней бронзы юга Восточной Европы

С учётом этих общих особенностей были суммированы на основании индивидуальных и средних преимущественно опубликованных данных серии черепов энеолита, ранней и начала средней бронзы южной части Восточной Европы. Они использовались для исследования происхождения афанасьевского населения Южной Сибири и Центральной Азии [16, табл. 4]. Средние краниометрические данные некоторых из них приведены в таблицах 1–2.

Для группировки серий использованы практически все опубликованные краниологические материалы степного восточно-европейского энеолита. Суммарная серия хвалынской культуры Поволжья (табл. 1) взвешенно суммирована по данным из могильников Хвалынский I, Хвалынский II и Хлопков Бугор¹. К материалам среднестоговской культуры степной и лесостепной полосы бассейнов Днепра и Дона, суммированным в работах И. Д. Потехиной (Игрень VIII, Александрия, Каменные Потоки, Деревка II) [14; 15], добавлены измерения черепов из могильников Игрень VIII, погребение 2 [5, с. 269; 17, с. 18, 109]; Дрониha² [17, с. 29]; Бурани-Кая³; Ксизово 6 (раск. 2,

погребение 2; раск. 2, погребение 3)⁴; Кипец I⁵. По средним данным, суммарные хвалынская и среднестоговская серии (табл. 1) проявляют некоторые различия, прежде всего по вектору гипер-гипоморфности, и ослаблением в хвалынской серии гиперевропеоидных особенностей в строении носовой области, в целом характеризующих группы протоевропейского антропологического типа. Однако по результатам межгруппового канонического анализа обе они обнаруживают несомненное морфологическое сходство на фоне сравнительных серий⁶.

Измерения черепов из погребений новоданиловского типа (Мариуполь, Ворошиловград), учтённых И. Д. Потехиной [14; 15, табл. 35], дополнены измерениями черепов из заклада 1, погребения 2, могильника на Сурском острове [5, с. 272; 17, с. 67]; погребения 4 могильника Джурджулешты⁷ [17, с. 65]; кургана 1, погребения 3 могильника Джангар⁸ [17, с. 65]; кургана 13, погребения 7 могильника Перегрузное I⁹. Вместе они состав-

¹ Хохлов А. А. Население хвалынской энеолитической культуры. По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынский I, Хвалынский II, Хлопков Бугор // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара, 2010. С. 407–517, табл. IV.13.

² Алексеев В. П. Физические особенности мезолитического и раннеэнеолитического населения Восточной Европы в связи с проблемой древнего заселения этой территории // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л.: Наука, 1984. С. 28–36; Скоробогатов А. М., Смольянинов Р. В. Среднестоговские материалы в бассейне Верхнего и Среднего Дона // Российская археология. 2013. № 2. С. 126–136.

³ Потехина И. Д. К вопросу об антропологическом составе населения Крыма в эпоху энеолита и бронзы // Древняя и средневековая Таврика: археологический альманах / отв. ред. Ю. П. Зайцев, А. Е. Пуздровский. Донецк: Донбасс, 2010. № 22. С. 39–50.

⁴ Васильев С. В., Смольянинов Р. В., Боруцкая С. Б., Бессуднов А. Н. Население неолита-энеолита Верхнего Подонья и его погребальная обрядность (по материалам грунтового могильника Ксизово 6) // Stratum plus. 2018. № 2. С. 167–195.

⁵ Королев А. И., Ставицкий В. В., Хохлов А. А. О вооруженном насилии в эпоху раннего металла (по материалам грунтового могильника Кипец I в верховьях р. Вороны) // Stratum plus. 2019. № 2. С. 225–236; неопубл. измерения А. А. Хохлова.

⁶ Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века / А. А. Хохлов, К. Н. Солодовников, М. П. Рыкун, Кравченко Г. Г., Е. П. Китов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3. С. 86–106.

⁷ Потехина И. Д. Энеолитическое население Юга Восточной Европы: новые антропологические материалы // Вестник антропологии. 2007. № 15. С. 197–203.

⁸ Казарницкий А. А. О краниологических особенностях населения ямной археологической культуры Северо-Западного Прикаспия // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1. С. 142–150. Табл. 2.

⁹ Балабанова М. А., Перерва Е. В. Исследования антропологического материала из курганов могильника // Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований. Волгоград,

ляют мужскую краниологическую серию новоданиловского типа степей Восточной Европы, которая очень сходна с суммарной среднестоговской, но выделяется некоторым ослаблением горизонтальной профилировки лица (табл. 1). По результатам межгруппового анализа она неожиданно объединяется с черепами позднего зауральского энеолита из лесостепного Тоболо-Ишимья (Ботай, Гладунино), что даёт возможность предполагать общую морфо-генетическую подоснову энеолитических популяций юга Восточной Европы и лесостепных районов к востоку от Урала [16]. Однако более определённо можно предполагать преемственность антропологического типа людей из погребений новоданиловского типа по отношению к типу населения Днепро-Донецкой общности, оставившего могильники мариупольского типа [15].

Кроме того, суммирована сборная серия из погребений энеолита обширных степных районов Восточной Европы от Предкавказья до Днестра. Энеолитические материалы восточно-европейских степей, в частности, с территории Украины, нередко относятся разными авторами к разным культурам и группам (нижнемихайловская, ямная, среднестоговская, дереивская, квитянская, постмариупольская, постстоговская, среднемихайловская, константиновская и др.) [18, с. 42]. Поэтому объединение в одну серию краниологических материалов (в основном плохой сохранности, только часть из которых описывается в антропологических работах как принадлежащих к постмариупольской и нижнемихайловской культурам [8; 15]), возможно в настоящее время лишь на столь широкой территориально-хронологической основе. Помимо измерений черепов подкурганного энеолита, учтённых в монографии И. Д. Потехиной [12, с. 117–121; 15, с. 119–127, табл. 37–39; 30], в сводную серию степного энеолита

Восточной Европы (табл. 1) на основе индивидуальных данных включены материалы доянного энеолита из бассейна Северского Донца (могильники Александровск, Николаевка, Зимогорье)¹; из кургана 3, погребения 6 могильника Кияшки [8]; кургана 1, погребения 12 могильника Вертолётное поле²; погребения 3 на площади поселения Ракушечный Яр [9]³; Задано-Авиловского могильника⁴; кургана 29, погребения 1 могильника Айгурский 2 [7, с. 116–118]; и одного из энеолитических погребений Нальчикского могильника⁵.

Отдельную группу составляют черепа из так называемых «плоских» могильников степного Поднепровья (табл. 1), данные измерений которых были опубликованы как принадлежащие к ямной культуре⁶ и выделенные⁷ в отдельную се-

¹ Шепель Е. А. Население бассейна Северского Донца в эпоху энеолита – бронзы по антропологическим данным: дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1985. 448 с., Табл. 1.

² Батиева Е. Ф. Новые материалы по антропологии Нижнего Подонья // Вестник антропологии. 2001. № 7. С. 116–124; Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.) // Труды ГИМ. 2007. Вып. 165. С. 380.

³ Белановская Т. Д. Погребения близ неолитического поселения Ракушечный Яр у станицы Раздорской Ростовской области // Палеолит и неолит СССР. Т. VII, МИА. № 185, Л.: Наука, 1972. С. 262–270.

⁴ Шевченко А. В. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.: Наука, 1980. С. 136–183. Табл. 2; Малов Н. М. Задано-Авиловский энеолитический могильник (по материалам раскопок И. В. Сеницына) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8. Саратов: Научная книга, 2008. С. 3–15.

⁵ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ; Т. 4. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 107; Корневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: майкопско-новосвободненская общность: проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 243 с.

⁶ Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины. Киев: Наукова думка, 1967. 223 с.; Кондукторова Т. С. Антропологічний склад племен території України в епоху бронзи // МАУ. Вип. 4. Київ, 1969. С. 33–56.

⁷ Круц С. И. Население территории Украины эпохи меди-бронзы (по антропологическим данным). Киев: Наукова думка, 1972. 192 с.

2014. С. 218–263; Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.) // Труды ГИМ. М., 2007. Вып. 165. С. 380.

Таблица 1 / Table 1

Сравнительные краниологические серии энеолита и ранней бронзы степной и лесостепной полосы Восточной Европы / Comparative craniological series of the Eneolithic and Early Bronze Age of the steppe and forest-steppe zone of Eastern Europe

№ по Мартину или условное обозначение	Хвалынская культура		Среднестоговская культура		Новодани- ловский тип
	♂	♀	♂	♀	♂
1. Продольный диаметр	187,7(30)	179,9(16)	192,9(22)	181,7(9)	192,1(9)
8. Поперечный диаметр	138,0(30)	136,3(16)	142,8(22)	139,6(9)	142,1(9)
17. Высотный диаметр	137,7(15)	132,1(7)	142,7(15)	141,5(6)	144,0(1)
8:1. Черепной указатель	73,5(28)	76,1(16)	74,2(22)	77,0(9)	73,9(9)
9. Наименьшая ширина лба	98,4(32)	95,3(17)	101,4(20)	95,6(8)	102,3(8)
32. Угол профиля лба	81,4(24)	83,1(10)	82,2(9)	84,7(3)	85,7(3)
45. Скуловой диаметр	136,4(22)	127,5(11)	140,0(16)	131,0(6)	144,5(6)
48. Верхняя высота лица	69,5(21)	65,2(12)	69,3(17)	63,3(6)	70,5(4)
48:45. Верхний лицев. ук-ль	51,0*	51,1*	49,3(15)	47,8(5)	49,3(4)
72. Общий лицевой угол	84,4(22)	83,3(7)	83,7(9)	81,3(3)	82,5(3)
77. Назо-малярный угол	138,0(24)	138,4(14)	140,9(13)	141,8(5)	141,0(5)
∠Zm'. Зиго-максилляр. угол	125,0(26)	126,6(12)	126,6(14)	126,8(5)	132,6(3)
51. Ширина орбиты	43,6(28)	41,3(13)	43,7(17)	41,7(5)	44,8(6)
52. Высота орбиты	31,2(31)	30,6(13)	31,7(17)	30,7(5)	33,4(6)
55. Высота носа	51,0(23)	46,3(14)	51,6(17)	47,3(6)	52,5(4)
54. Ширина носа	24,6(21)	25,4(15)	25,3(18)	24,6(7)	24,7(5)
75 (1). Угол выступания носа	30,6(11)	26,7(4)	36,0(6)	32,8(4)	37,5(2)
SC. Симотическая ширина	8,2(16)	8,2(8)	8,9(10)	8,3(4)	10,4(4)
SS. Симотическая высота	4,2(14)	4,3(6)	5,3(10)	3,2(3)	5,6(4)
SS:SC. Симотический ук-ль	50,6(14)	51,5(6)	60,2(10)	38,6(3)	54,0(4)

Примечание: * – индекс средних.

Степной энеолит юга Восточной Европы (сборная серия)		«Плоские» могильники Поднепровья		Репинская культура		Бережнов- ский тип	Кеми- Обинская культура Крыма
♂	♀	♂	♀	♂	♀	♀	♂
192,5(22)	179,6(10)	188,5(8)	174,0(3)	185,3(4)	180,3(3)	185,5(2)	194,8(11)
142,2(24)	137,1(10)	143,4(8)	136,3(3)	141,3(4)	139,5(3)	137,0(2)	138,2(12)
137,5(8)	130,5(4)	140,3(3)	131,5(2)	136,0(2)	136,8(2)	137,0(2)	136,6(5)
73,8(21)	76,3(10)	76,1(8)	78,4(3)	76,5(4)	77,4(3)	73,9(2)	70,4(11)
101,4(24)	97,3(10)	100,1(8)	94,0(3)	98,6(4)	95,7(3)	94,5(2)	97,7(7)
82,0(6)	85,5(2)	82,8(5)	82,0(3)	79,3(3)	83,0(3)	84,5(2)	79,3(3)
139,4(15)	131,3(3)	138,3(8)	128,7(3)	139,0(4)	133,7(3)	128,0(2)	131,4(7)
70,9(11)	64,3(3)	65,6(8)	65,0(3)	72,2(3)	66,5(2)	67,0(2)	73,3(4)
50,8(9)	49,0(3)	47,5(8)	50,6(3)	52,0(3)	49,6(2)	52,3(2)	56,8(4)
85,3(6)	83,0(2)	84,0(5)	84,3(3)	83,0(3)	83,0(3)	81,5(2)	82,5(2)
140,0(11)	146,2(3)	140,0(5)	135,1(3)	141,5(3)	141,0(3)	137,2(2)	133,0(4)
127,5(11)	124,8(2)	127,2(5)	123,3(3)	124,9(3)	126,7(3)	127,1(2)	114,6(2)
42,9(13)	41,7(4)	41,5(7)	40,3(3)	43,7(3)	42,7(3)	43,0(2)	41,8(6)
31,7(13)	31,5(4)	31,6(8)	31,5(3)	32,3(3)	31,4(3)	32,0(2)	32,1(9)
52,3(11)	46,7(3)	50,0(7)	49,7(3)	53,4(3)	48,3(3)	50,5(2)	52,0(4)
24,1(14)	24,3(4)	24,9(7)	25,5(3)	24,8(3)	23,8(3)	23,5(2)	24,5(5)
28,2(5)	31,5(2)	31,0(2)	32,7(3)	29,0(3)	32,0(3)	28,0(2)	32,0(1)
8,6(7)	8,0(1)	8,9(4)	8,1(3)	7,9(3)	8,9(3)	5,4(2)	9,6(4)
4,4(7)	4,0(1)	4,4(4)	4,6(3)	3,9(3)	3,5(3)	3,6(2)	5,2(4)
52,6(7)	50,0(1)	48,5(4)	55,9(3)	50,0(3)	39,2(3)	65,3(2)	53,4(4)

Источник: составлено авторами

рию на основании отличий в погребальном обряде. Большая часть погребений, откуда они происходят (Дереивка I, Золотая Балка), относится к периоду среднего и позднего энеолита [17, с. 20; 29, с. 53–54, 83, 94–95, 174], другая часть (Волошское (пос. уроч. Скеля-Каменоломня), Гавриловка, Михайловка I), по сообщению Н. С. Котовой, не имеет чётких хронологических признаков и может датироваться как доянным, так и ямным [16, с. 383] и даже последующим временем эпохи бронзы.

Не менее проблематично выделение краниологической серии из погребений, связываемых с репинской культурой степей и лесостепей Восточной Европы (табл. 1). Её составляют 2 мужских и 2 женских черепа [23, табл. Б. 13, Б. 14] из погребений с керамикой ямно-репинского типа могильников степного и лесостепного Волго-Уралья (Быково I, курган 12, погребение 7; Орловка I, курган 2, погребение 2; Лопатино I, курган 31, погребение 1; Петровский, курган 1, погребение 2). На археологическую специфику и уточнённые данные о половой принадлежности скелетов из них нам указал А. А. Хохлов. Из могильника первого «проторепинского» этапа репинской энеолитической культуры Васильевский Кордон 17 происходят мужской и женский краниумы¹. Также неполный мужской череп найден в одном из редких для территории Северного Причерноморья погребений, относящийся, вероятно, к репинской культуре². Суммированная

из них краниологическая серия (табл. 1) также представляет массивный долихо-мезокранный протоевропейский тип с несколько ослабленной горизонтальной профилировкой лица на среднем уровне, с относительно меньшими выступанием носа и профилированностью переносья, что в значительной мере характеризует и вышеописанные группы периода энеолита.

Материалы из древнейших подкурганных захоронений Нижнего Поволжья, содержащих керамику, близкую к керамике хвалынской энеолитической культуры, относятся к хвалынско-бережновскому типу позднего энеолита³. Антропологический материал из погребений бережновского типа исследовался в специальных и обобщающих работах [19; 22; 23]. Используется полученная с учётом новых материалов [2, табл. 2] суммарная мужская серия из древнейших подкурганных погребений Нижнего Поволжья, и женская [19], характеризующаяся особенностями долихокранного умеренно гиперморфного протоевропейского типа (табл. 1).

Также использованы или сформированы, исходя из культурно-хронологической и территориальной принадлежности, суммарные краниологические серии культур ранней и начала средней бронзы юга Восточной Европы (табл. 1–2). Включение в анализ последних обусловлено хронологией афанасьевской культуры, датирующейся до середины III тыс. до н. э., а также морфогенетической преемственностью полтавкинского населения Поволжья и раннекатакомбного Поднепровья и Калмыкии от ямных групп своих или соседствующей территории [16].

Суммарные краниологические серии майкопской (включая черепа из погребений так называемого «степного майкопа») и новосвободненской культур (табл. 2) получены на основе материалов из мо-

¹ Свиридов А. А., Васильев С. В., Боротская С. Б. Палеоантропологическое исследование энеолитических захоронений из местонахождения Васильевский кордон 17 (Липецкая область) // Население Юга России с древнейших времен до наших дней: мат-лы науч. конф. Ростов/н/Д: ЮНЦ РАН, 2013. С. 48–51.

² Козак А. Д., Потехина И. Д. Энеолитическое погребение близ с. Каиры. Краниология и палеопатология // Stratum plus. 2020. № 2. С. 259–274; Рассамкин Ю. Я., Симоненко А. В. Новый погребальный комплекс эпохи энеолита в Нижнем Поднепровье: к вопросу о погребениях репинско-рогачикского времени // Stratum plus. 2020. № 2. С. 215–226.

³ Дремов И. И., Юдин А. И. Древнейшие подкурганные захоронения степного Заволжья // Российская археология. 1992. № 4. С. 18–31.

гильников Эвдык I, Клады, Нежинская 2, Заманкул, Манджикины I, Ипатово 5, Горячеводский I, Шарахалсун 6, Золотарёвка I, Чограй I и III, Канал Волга–Чограй, Улан IV по данным А. В. Шевченко [26, табл. 14], А. А. Хохлова [21], Т. И. Алексеевой [1], М. М. Герасимовой с соавторами [7] и А. А. Казарницкого [10; 11; 28].

С территории Северо-Западного Прикаспия происходят краниологические серии ямной культуры правобережья Нижней Волги (мужская [23, табл. Б. 17]) и Калмыкии (индивидуальные данные черепов южной и центральной групп [11, рис. 6, Приложение, табл. 2; 13, рис. 1] без инокультурных материалов [13, прим. 3] взвешенно суммированы с ямными из Южных Ергеней¹). С ними преемственно схожи группы начала средней бронзы с территории Калмыкии: раннекатакомбной [11, табл. 21] и северокавказской культур (суммировано по индивидуальным данным [6; 27]), а также ямнокатакомбной культурной группы [11, табл. 25]. Эти серии отличаются выраженной гиперморфностью в сочетании с очень широкой суббрахикранной черепной коробкой (табл. 2). Данные особенности также фиксируются на опубликованных и неопубликованных материалах ямной культуры Ставрополя², а степень их выраженности на материалах северокавказской культуры Калмыкии и Восточного Ставрополя не уступает таковой в ямных этой территории [6].

Популяции более северного ареала ЯКИО представлены суммарными сериями лесостепного Волго-Уралья [23, табл. Б. 15] и степного Поволжья [23, табл. Б. 16]. Другая выборка черепов

ранней бронзы, в противоположность группе из древнейших подкурганых погребений Нижнего Поволжья названная серией позднеямной эпохи, суммирована по старым и поступившим с 1970-х гг. материалам с территории Волгоградской области [2, табл. 2]. В данной работе она именуется серией ямной культуры Нижнего Поволжья. Женские черепа правобережья Нижней Волги, степного и Нижнего Поволжья ввиду единичности некоторых групп суммированы на основе индивидуальных измерений [2; 11; 23] в сборную группу ямников степей Нижней Волги (табл. 2). Также по опубликованным индивидуальным и средним данным [3; 4; 9; 20] получена суммарная серия ямной культуры Нижнего Подонья (табл. 2). Население средней бронзы Волго-Уралья представлено выборками черепов раннего и позднего этапов полтавкинской культуры Поволжья (суммарная полтавкинская для женских групп) и тамаруткульского культурного типа Приуралья [23, табл. Б.31–Б.33]. По индивидуальным данным [24; 25] суммирована серия «ямной культуры» Западного Казахстана (табл. 2). В целом, урало-поволжские серии отличаются от единокультурных Северо-Западного Прикаспия долихо-мезокранией и менее выраженной гиперморфностью. В этом отношении суммарная донская серия промежуточна между данными двумя антропологическими зонами.

Население ранних этапов эпохи бронзы более западных регионов представлено в антропологическом отношении суммированной по индивидуальным данным³ краниологической серией кеминской культуры Крыма (табл. 1), сериями ямной культуры степного Поднепровья [12, табл. 2] и Северо-Западного

¹ Хохлов А. А. О краниологических особенностях населения ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Вестник антропологии. 2006. № 14. С. 136–146.

² Романова Г. П. Палеоантропологические материалы из степных районов Ставрополя эпохи ранней и средней бронзы // Советская археология. 1991. № 2. С. 160–170; Герасимова М. М. К вопросу о происхождении ямной культуры // Вестник антропологии. 2011. № 19. С. 104–111.

³ Жилиева-Круц С. И. До палеоантропології кеміобинської культури // МАУ. Вип. 6. Київ, 1972. С. 28–35; Безбородых В. И., Васильев С. В. Черепа эпохи ранней и средней бронзы из Крыма // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 25. С. 143–161.

Таблица 2 / Table 2

Некоторые серии черепов ранней и начала средней бронзы Восточной Европы /
Some series of skulls of the Early and Early Middle Bronze Age of Eastern Europe

№ по Мартину или условное обозначение	Майкопская культура степного Предкавказья		Новосвобод- ненская культура Предкавказья		Ямная культура Нижнего Поволжья, суммарно
	♂	♀	♂	♀	♀
1. Продольный диаметр	196,3(12)	185,4(7)	193,5(2)	186,0(1)	179,3(14)
8. Поперечный диаметр	138,6(11)	134,1(7)	143,5(2)	151,0(1)	142,9(14)
17. Высотный диаметр	140,5(6)	132,4(5)	142,5(2)	139,0(1)	133,0(7)
8:1. Черепной указатель	70,9(11)	72,4(7)	74,2(2)	81,2(1)	79,8(14)
9. Наименьшая ширина лба	96,2(10)	92,1(8)	99,0(2)	100,0(1)	98,8(17)
32. Угол профиля лба	80,0(8)	84,5(4)	76,5(2)	87,0(1)	80,3(12)
45. Скуловой диаметр	133,4(11)	123,9(7)	137,0(2)	142,0(1)	132,9(14)
48. Верхняя высота лица	73,3(11)	65,0(7)	75,5(2)	77,0(1)	67,7(14)
48:45. Верхний лицев. ук-ль	55,2(10)	52,5(7)	55,1(2)	54,2(1)	47,9(14)
72. Общий лицевой угол	87,1(7)	84,8(4)	84,0(2)	92,0(1)	85,7(11)
77. Назо-малярный угол	135,2(10)	138,4(7)	132,3(2)	141,5(1)	137,0(13)
∠Zm'. Зиго-максилляр. угол	123,8(7)	122,6(7)	122,7(1)	127,4(1)	130,5(8)
51. Ширина орбиты	44,9(10)	41,1(7)	45,0(2)	43,0(1)	43,2(13)
52. Высота орбиты	32,9(10)	31,7(7)	31,0(2)	31,0(1)	33,2(16)
55. Высота носа	53,4(11)	48,5(7)	53,5(2)	52,0(1)	49,2(14)
54. Ширина носа	25,5(11)	22,2(7)	24,5(1)	23,0(1)	25,2(13)
75 (1). Угол выступания носа	37,9(8)	27,9(7)	43,5(2)	32,0(1)	27,2(9)
SC. Симотическая ширина	9,5(9)	9,7(4)	10,5(2)	9,7(1)	10,2(11)
SS. Симотическая высота	5,3(9)	5,1(4)	6,6(2)	4,8(1)	4,5(10)
SS:SC. Симотический ук-ль	56,0(9)	53,8(4)	64,3(2)	49,5(1)	46,6(10)

Ямная культура Калмыкии (южная и центр. группы)		Северокавказская культура Калмыкии		Ямная культура Нижнего Подонья		«Ямная» культура Западного Казахстана	
♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
187,2(42)	174,0(19)	188,0(3)	177,0(3)	187,9(20)	182,3(7)	193,7(10)	183,7(3)
148,4(43)	148,6(19)	148,8(4)	150,3(3)	143,4(20)	139,0(7)	140,0(10)	142,5(3)
139,2(32)	132,9(12)	138,7(3)	125,5(2)	135,6(7)	131,5(2)	134,8(4)	–
78,8(19)	78,0(9)	78,2(3)	85,0(3)	76,2(19)	76,3(7)	72,5(9)	77,5(2)
100,6(45)	98,3(20)	100,3(3)	97,0(3)	98,6(21)	96,1(7)	102,4(9)	94,5(4)
82,6(36)	85,3(16)	81,7(3)	82,5(2)	81,8(13)	86,3(3)	77,9(8)	90,0(1)
141,4(37)	135,3(19)	142,8(4)	137,7(3)	138,4(12)	130,7(3)	139,4(6)	145,0(1)
71,2(36)	67,0(19)	71,0(3)	67,7(3)	70,7(17)	67,9(4)	72,5(8)	78,0(1)
50,3(14)	49,4(17)	50,3(3)	49,2(3)	50,7(12)	49,9(3)	52,1(4)	53,8(1)
86,3(34)	85,4(17)	85,7(3)	88,0(2)	86,1(13)	89,0(2)	84,8(7)	80,0(1)
139,0(44)	141,0(16)	137,6(3)	141,1(3)	140,0(20)	140,4(6)	134,5(8)	143,0(3)
125,8(40)	124,8(14)	126,1(3)	130,1(3)	126,6(15)	132,9(3)	126,2(7)	129,5(2)
43,6(44)	43,0(21)	44,7(3)	42,3(3)	43,8(17)	41,0(5)	45,7(8)	43,7(2)
31,6(44)	32,4(17)	31,7(3)	31,8(3)	32,0(18)	34,4(5)	31,9(8)	32,5(2)
51,3(43)	49,2(17)	50,7(3)	49,7(3)	52,8(17)	52,5(4)	52,6(8)	49,8(2)
25,5(45)	25,1(17)	25,7(3)	23,8(2)	25,6(17)	25,7(3)	24,3(9)	24,0(3)
36,3(36)	31,5(17)	36,0(3)	36,5(2)	33,6(8)	30,0(1)	32,8(6)	26,0(2)
8,9(40)	8,5(17)	9,2(3)	8,9(2)	8,3(14)	12,0(1)	9,1(7)	8,7(2)
5,5(40)	4,6(17)	4,9(3)	5,2(2)	4,4(13)	7,5(1)	4,4(7)	4,4(2)
62,7(17)	54,7(17)	53,6(3)	57,7(2)	56,1(13)	63,5(1)	51,2 (7)	50,4(2)

Источник: составлено авторами

Причерноморья¹, а также раннекатакомбной культуры степного Поднепровья². В целом население западной части ЯКИО характеризуется выраженной долихокранией и комплексом признаков, отличающим от популяций более восточных регионов ямного ареала [16, прим. 10].

Межгрупповой многомерный статистический анализ

Ранее проведено межгрупповое статистическое исследование данной совокупности краниологических серий вместе с выборками черепов афанасьевской культуры Южной Сибири и Центральной Азии на основании канонического анализа [16]. По его результатам, главный вектор морфологической изменчивости населения энеолита, ранней и начала средней бронзы юга Восточной Европы связывается с относительными брахи- и гиперморфностью на юго-востоке ямного ареала и долихо-гипоморфностью на западе. Большинство выборок черепов ЯКИО по первому каноническому вектору формируют подобие клинальной изменчивости, а у женских групп даже образуется морфологическая дистанция популяций ранней – средней бронзы Северо-Западного Прикаспия от остальных ямных групп. Промежуточное положение по отношению к этим «полюсам» занимают ямные серии степного и лесо-

степного Волго-Уралья-Подонья и Западного Казахстана, а также афанасьевской культуры Южной Сибири и Центральной Азии [16, рис. 6].

Второй канонический вектор позволил впервые на статистическом уровне разделить мужские серии энеолита юга Восточной Европы и ямные этой территории [16, с. 386–387]. Сочетание нагрузок по нему образует комплекс признаков, в целом соответствующий характеру различий между древними северными (или северо-восточными) и южными (и западными?) европеоидами, что подчёркивается морфологической противоположностью по данному вектору морфологической изменчивости всех мужских энеолитических групп юга Восточной Европы и серий майкопско-новосвободненской общности. Большинство выборок черепов афанасьевской культуры сходно в этом отношении именно с сериями ЯКИО, а не энеолитическими. Вместе с тем, наибольшее сходство афанасьевской группы из алтайского высокогорья с сериями из энеолитических погребений степей Восточной Европы не позволяет отрицать возможность участия потомков последних в формировании афанасьевской культуры. При анализе женских серий, по сравнению с анализом мужских, выявляется в целом большее сходство ямных выборок черепов с краниологическими группами предшествующего энеолитического времени, что, возможно, является отражением субстратных взаимоотношений населения степей Восточной Европы. Афанасьевские женские серии наиболее сходны с диахронными группами энеолита, ранней и начала средней бронзы из Волго-Уралья [16].

Дополнительно проведён кластерный анализ (метод Варда) исследуемой совокупности на основе матрицы вычисленных расстояний Махаланобиса– $Pao D^2$ по 17 наиболее важным расово-диагностирующим признакам. По его результатам у мужских групп (рис. 1) образуются 3 основных кластера. Первый из них

¹ Суммировано по: Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ; Т. 4, М.; Л.: АН СССР, 1948. 389 с. Табл. 30; Зіневич Г. П. Краніологічні матеріали епохи енеоліту-бронзи з Північно-Західного Причорномор'я // МАУ. Вип. 6. Київ, 1972. С. 2–28. Недавно с пересчётом краниометрических данных и добавлением новых материалов опубликованы чрезвычайно важные для исследования формирования населения ямной общности суммарные мужские серии черепов ЯКИО Нижнего Поднепровья, бассейна Южного Буга и Северо-Западного Причерноморья: Ушкова Ю. В. Антропологічний склад населення ямної культурної спільноти Північного Причорномор'я: внутрішньогруповий аналіз чоловічої вибірки // Археологія. 2022. № 4. С. 3–20.

² Круц С. И. Скифы степей Украины по антропологическим данным. Киев: Видавець Олег Філюк, 2017. 202 с. Табл. 10–11.

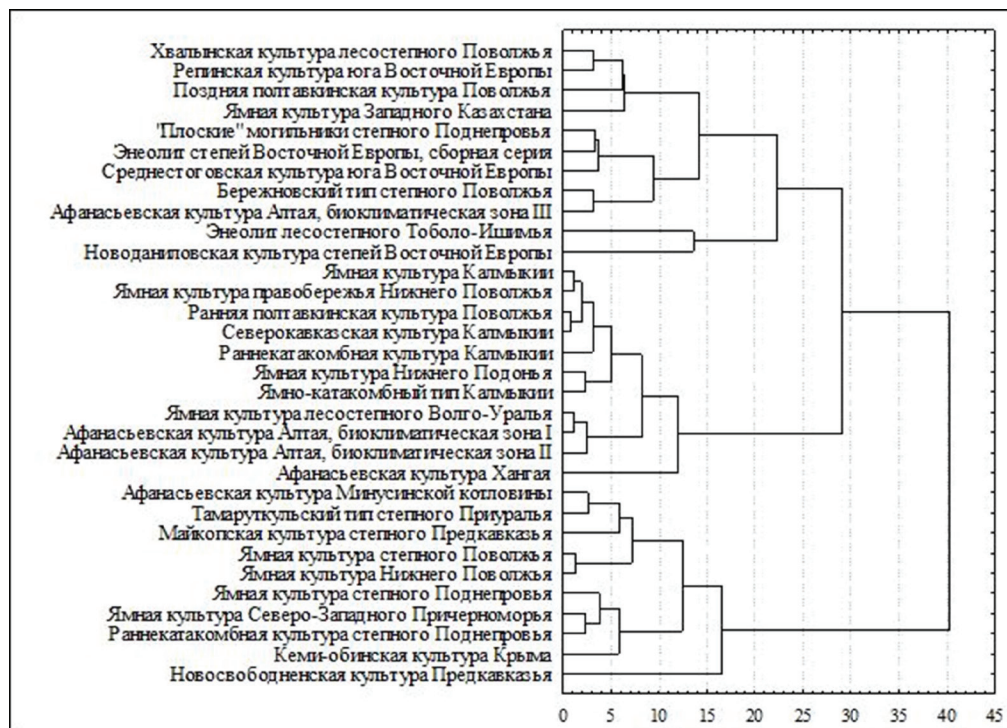

Рис. 1 / Fig. 1. Результаты кластеризации расстояний D^2 Махаланобиса–Рао между мужскими краниологическими сериями / Results of clustering of D^2 Mahalanobis–Rao distances between the male craniological series

Источник: составлено авторами

формируют все энеолитические серии и отдельные группы ранней и начала средней бронзы из Волго-Уральского региона. В другой кластер вместе с большинством алтайских и монгольской афанасьевскими сериями группируются ямные из Северо-Западного Прикаспия, Подонья и лесостепного Волго-Уралья. Третий кластер образуют серии западной части ямного ареала, майкопско-новосвободненской общности и ямные из степного Поволжья.

Примечательно, что серии афанасьевской культуры не образуют отдельного кластера, распределяясь с восточно-европейскими группами в различные из них. Последнее, по-видимому, подчёркивает отсутствие значимых антропологических различий мигрантного азиатского населения от предковых восточно-европейских популяций. Присоединение неболь-

шой серии афанасьевской культуры из биоклиматически суровых районов алтайского высокогорья вместе с бережновской к краниологическим сериям среднестоговской культуры, сборной «степного энеолита» и из «плоских» могильников Поднепровья (рис. 1) подтверждает прежний вывод о возможности участия потомков восточно-европейского энеолитического населения в формировании афанасьевских популяций [16]. Однако объединение остальных афанасьевских выборок черепов с сериями ранней и начала средней бронзы степного и лесостепного Волго-Уралья (рис. 1) определённо указывает на вероятную прародину афанасьевцев.

В женской части группировки краниологических серий менее выраженные, выделяется лишь кластер ранней – начала средней бронзы Северо-Западного

Прикаспия, к которому присоединяется женская краниологическая находка из погребения новосвободненской культуры (Эвдык, 1982, курган 5, погребение 11). Афанасьевские женские серии по результатам кластерного анализа объеди-

няются с разновременными волго-уральскими группами. Серия афанасьевской культуры Минусинской котловины, как и при анализе мужских групп, объединяется с синхронной тамаруткульской серией лесостепного Приуралья (рис. 2).

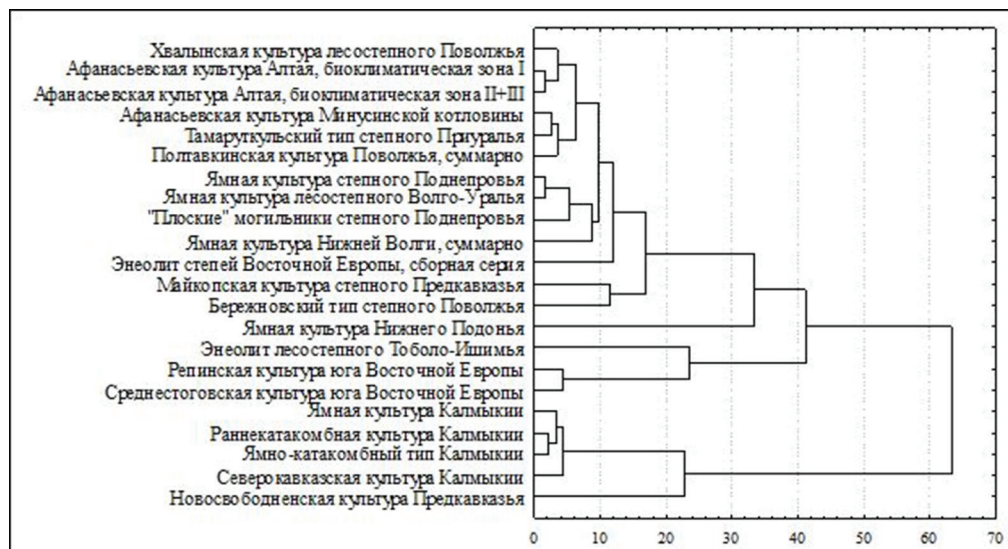

Рис. 2 / Fig. 2. Результаты кластеризации расстояний D^2 Махаланобиса–Рао между женскими краниологическими сериями / Results of clustering of D^2 Mahalanobis–Rao distances between the female craniological series

Источник: составлено авторами

Заключение

Выполненная работа по формированию сравнительных краниологических серий юга Восточной Европы позволила определить ряд узловых проблем в палеоантропологии энеолита – ранней бронзы этой территории. С их учётом анализ полученных серий черепов даёт возможность выявить антропологическую изменчивость древнего населения этого обширного региона. В результате определены на популяционном уровне отличия населения ямной культуры ранней бронзы южной части Восточной Европы от энеолитического этой же территории.

Проведённый анализ подтверждает значительное и специфическое сходство населения афанасьевской культуры Южной Сибири и Центральной Азии по признакам строения черепа с населением

энеолита – ранней бронзы южной части Восточной Европы. В популяционной структуре юга Восточной Европы большинство групп афанасьевской культуры наиболее сходны с населением ЯКИО Волго-Уралья, что, по-видимому, указывает на ямную волго-уральскую основу сложения «протоафанасьевцев» на их восточноевропейской прародине. Наибольшее сходство афанасьевской группы из высокогорья Алтая по краниологическим данным с бережновской и другими энеолитическими группами степей Восточной Европы не позволяет отвергнуть возможность участия также и этого населения или его потомков в формировании афанасьевской культуры.

В целом на данном уровне накопления палеоантропологических материалов среди имеющихся «восточноевропейских»

археологических гипотез происхождения афанасьевской культуры [16, с. 385] данные антропологии в наибольшей мере соответствуют мнению об особой роли в её формировании ямного населения Волго-Уралья¹ и в какой-то мере гипотезе о сложении афанасьевского комплекса в ареале среднестоговской/дереивской культуры между Днепром и Волгой². Однако для

решения этой проблемы необходимо как дальнейшее накопление археологических и палеоантропологических материалов, так и формирование новых археологических моделей и взаимное влияние результатов палеогенетических исследований.

Дата поступления в редакцию 02.09.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т. И. К антропологии племен майкопско-новосвободненской общности на Центральном Предкавказье // Памятники археологии и древнего искусства Евразии / отв. ред. А. Н. Гей. М.: ИА РАН, 2004. С. 168–179.
2. Балабанова М. А. К антропологии населения энеолита – ранней бронзы (по материалам могильников Волгоградской области) // Нижневолжский археологический вестник. 2016. Т. 15. № 1. С. 72–94.
3. Батиева Е. Ф. Черепа из нижнедонских могильников эпохи ранней бронзы // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий: мат-лы и исслед. по археологии России / отв. ред. М. М. Герасимова. М.: Таус, 2010. С. 484–491.
4. Вуич Л. Г. Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 62. С. 417–425.
5. Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955. 585 с.
6. Герасимова М. М., Пежемский Д. В. Краниологические материалы из погребений северокавказской культуры (раскопки ГУП “Наследие”, Ставрополь, 1998 г.) // Вестник антропологии. 2014. № 28. С. 112–115.
7. Герасимова М. М., Пежемский Д. В., Яблонский Л. Т. Палеоантропологические материалы майкопской эпохи из Центрального Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII / ред. А. Б. Белинский и др. Ставрополь: Наследие; М.: Памятники ист. мысли, 2007. С. 91–121.
8. Долженко Ю. В. Череп людини доби енеоліту з Нижнього Прип'їлля // Старожитності та історія Кременчука: збірник наукових праць / ред. О. Б. Супруненко. Київ; Полтава; Кременчук, 2018. С. 54–70.
9. Зиньковский К. В. Население низовий Дона в эпоху неолита и бронзы // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека / отв. ред. И. И. Гохман. Л.: Наука, 1974. С. 87–98.
10. Казарницкий А. А. Краниология населения майкопской культуры: “новые” старые материалы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1. С. 148–155.
11. Казарницкий А. А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы: (антропологический очерк). СПб: Наука, 2012. 264 с.
12. Круц С. И. Палеоантропологические исследования степного Приднепровья (эпоха бронзы). Киев: Наукова думка, 1984. 208 с.
13. О методах сравнительного анализа погребального обряда и краниологических данных (на примере ямной культуры Северо-Западного Прикаспия) / А. А. Казарницкий, И. С. Туркина, Е. В. Белькевич, Н. В. Панасюк // Археологические вести. 2015. № 21. С. 65–74.

¹ Моргунова Н. Л. О характере культурного взаимодействия населения ямной культуры степного Волго-Уралья и афанасьевской культуры Алтае-Саянского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3. С. 4–13.

² Николаева Н. А., Сафронов В. А. Курильницы предкавказской катакомбной культуры (Индоевропейская керамическая форма 1) // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Запорожье, 1990. С. 54–57; Николаева Н. А. Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций (часть 2) // Oriental Studies. 2019. Т. 12, № 4 (44). С. 577.

14. Потехина И. Д. О носителях культуры Средний Стог II по антропологическим данным // Советская археология. 1983. № 1. С. 144–154.
15. Потехина И. Д. Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита по антропологическим данным. Киев: ИА НАНУ, 1999. 208 с.
16. Солодовников К. Н., Эрдэнэ М. Феномен высокорослости афанасьевцев Алтая и Хангая: влияние среды или восточно-европейское наследие? // Stratum Plus. 2022. № 2. С. 373–394.
17. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона: Археолого-антропологический анализ материалов и каталог памятников / Д. Я. Телегин, А. Л. Нечитайло, И. Д. Потехина, Ю. В. Панченко. Луганск: Шлях, 2001. 152 с.
18. Файферт А. В. Историография нижнемихайловской культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика, Вып. 1. С. 41–53.
19. Фирштейн Б. В. Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР / отв. ред. А. М. Лесков, Н. Я. Мерперт. Киев: Наукова думка, 1967. С. 100–139.
20. Фирштейн Б. В. Материалы к антропологии населения эпохи бронзы Нижнего Подонья // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека / отв. ред. И. И. Гохман. Л.: Наука, 1974. С. 98–123.
21. Хохлов А. А. Краниологический тип человека, погребённого по традиции майкопской культуры эпохи ранней бронзы // Нижневолжский археологический вестник. 2002. № 5. С. 174–179.
22. Хохлов А. А. Краниологические материалы из древнейших подкурганных захоронений Бережновского типа // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 1. С. 196–199.
23. Хохлов А. А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара: СГСПУ, 2017. 368 с.
24. Хохлов А. А., Китов Е. П. К антропологии раннего этапа бронзового века Западного Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1. С. 64–71.
25. Хохлов А. А., Китов Е. П. Краниологические материалы раннебронзового века долины р. Уил Западного Казахстана // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20. № 3-2. С. 510–516.
26. Шевченко А. В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология древнего и современного населения Европейской части СССР / отв. ред. И. И. Гохман, А. Г. Козинцев. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.
27. Шевченко А. В. Краниологические материалы из могильников эпохи бронзы Калмыкии // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях / отв. ред. А. В. Громов. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 103–130.
28. Шишлина Н. И., Казарницкий А. А., Белькевич Е. В. Курган 3 могильника Улан IV: археология, антропология и хронология культур бронзового века Средних Ергеней // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями / ред. В. А. Алёшкин и др. СПб: Периферия, 2012. С. 390–398.
29. Rassamakin Y. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit: Graber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr // Archäologie in Eurasien. Band 17, Teil 2, 2004. 277 p.
30. Зіневич Г. П., Круц С. І. Антропологічна характеристика давнього населення території України (за матеріалами експедицій 1961–1963 рр.). Київ: Наукова думка, 1968. 144 с.

REFERENCES

1. Alekseeva T. I. [On the anthropology of the tribes of the Maykop-Novosvobodnaya community in the Central Ciscaucasia]. In: Gay A. N., ed. *Pamyatniki arkheologii i drevnego iskusstva Yevrazii* [Monuments of Archeology and Ancient Art of Eurasia]. Moscow, IA RAS Publ., 2004, pp. 168–179.
2. Balabanova M. A. [On the Anthropology of the Population of the Eneolithic – Early Bronze Age (on Materials of Burial Grounds of the Volgograd Region)]. In: *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2016, vol. 15, no. 1, pp. 72–94.
3. Batieva E. F. [Skulls from the Lower Don burial grounds of the Early Bronze Age]. In: Gerasimova M. M., ed. *Arkheologiya i paleoantropologiya yevreyskikh stepey i sopredelnykh territoriy. №. 13* [Archeology and paleoanthropology of the Eurasian steppes and adjacent territories]. Moscow, Taus Publ., 2010, pp. 484–491.

4. Vuich L. G. [Skulls from burial mounds of the Bronze Age and Sarmatian times on the left bank of the Lower Don]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR], 1958, no. 62, pp. 417–425.
5. Gerasimov M. M. *Vosstanovleniye litsa po cherepu (sovremennyy i prirodnyy chelovek)* [Reconstruction of the face from the skull (modern and fossil man)]. M.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR Publ., 1955. 585 p.
6. Gerasimova M. M., Pezhemsky D. V. [Craniological materials from the burials of North Caucasus culture (excavations SUE “Heritage”, Stavropol, 1998 year)]. In: *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], 2014, no. 28, pp. 112–115.
7. Gerasimova M. M., Pezhemsky D. V., Yablonsky L. T. [Paleoanthropological materials of the Maykop era from the Central Ciscaucasia]. In: Belinsky A. B., ed. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. VII* [Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Vol. VII]. Stavropol, Naslediye Publ.; Moscow, Pamyatniki ist. mysli Publ., 2007, pp. 91–121.
8. Dolzhenko Yu. V. [Skull of a Neolithic man from the Lower Pripyssil]. In: Suprunenko O. B., ed. *Starozhитnost' ta istoriya Kremenchuka* [Old life and history of Kremenchuk]. Kiev, Poltava, Kremenchuk, 2018, pp. 54–70.
9. Zinkovsky K. V. [Population of the lower reaches of the Don in the Neolithic and Bronze Ages]. In: Gokhman I. I., resp. ed. *Problemy etnicheskoy antropologii i morfologii cheloveka* [Problems of ethnic anthropology and human morphology]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 87–98.
10. Kazarnitsky A. A. [The Maykop Crania Revisited]. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archeology, ethnography & anthropology of Eurasia]. 2010. No. 1. P. 148–155.
11. Kazarnitsky A. A. *Naseleniye azovo-kaspiyskikh stepey v epokhu bronzy: (antropologicheskii ocherk)* [Population of the Azov-Caspian steppes in the Bronze Age: (anthropological essay)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2012. 264 p.
12. Kruts S. I. *Paleoantropologicheskiye issledovaniya stepnogo Pridneprov'ya (epokha bronzy)* [Paleoanthropological studies of the steppe Dnieper region (Bronze Age)]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1984. 208 p.
13. Kazarnitsky A. A., Turkina I. S., Belkevich E. V., Panasyuk N. V. [Methods of comparative analysis of the funerary rite and craniological data (on the example of the Yamnaya culture of the northwestern Caspian Sea region)]. In: *Arkheologicheskiye vesti* [Archaeological news], 2015, no. 21, pp. 65–74.
14. Potekhina I. D. [About the bearers of the Sredny Stog II culture according to anthropological data]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1983, no. 1, pp. 144–154.
15. Potekhina I. D. *Naseleniye Ukrainy v epokhi neolita i rannego eneolita po antropologicheskim dannym* [The population of Ukraine in the Neolithic and Early Chalcolithic eras according to anthropological data]. Kiev, IA NANU Publ., 1999. 208 p.
16. Solodovnikov K. N., Erdene M. [The Phenomenon of tall stature of the people of Afanasyevo culture in Altai and Khangai: environmental influence or Eastern European heritage?]. In: *Stratum Plus*, 2022, no. 2, pp. 373–394.
17. Telegin D. Ya., Nechitailo A. L., Potekhina I. D., Panchenko Yu. V. *Srednestogovskaya i novodanilovskaya kul'tury eneolita Azovo-Chernomorskogo regiona: Arkheologo-antropologicheskii analiz materialov i katalog pamyatnikov* [Srednestogovskaya and Novodanilovskaya cultures of the Eneolithic of the Azov-Black Sea region: Archaeological and anthropological analysis of materials and catalog of monuments]. Lugansk, Shlyakh Publ., 2001. 152 p.
18. Faifert A. V. [Historiography of the Lower Mikhaylovka culture]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and political sciences], 2019, no. 5. Circumpontics, vol. 1, pp. 41–53.
19. Firshtein B. V. [Anthropological characteristics of the population of the Lower Volga region in the Bronze Age]. In: Leskov A. M., Merpert N. Ya., eds. *Pamyatniki epokhi bronzy yuga yevropeyskoy chasti SSSR* [Monuments of the Bronze Age of the south of the European part of the USSR]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1967, pp. 100–139.
20. Firshtein B. V. [Materials for the anthropology of the Bronze Age population of the Lower Don region]. In: Gokhman I. I., ed. *Problemy etnicheskoy antropologii i morfologii cheloveka* [Problems of ethnic anthropology and human morphology]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 98–123.

21. Khokhlov A. A. [Craniological type of a person buried according to the tradition of the Maikop culture of the Early Bronze Age]. In: *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga archaeological bulletin], 2002, no. 5, pp. 174–179.
22. Khokhlov A. A. [The craniological materials from the ancient kurgan burials of the Berezhnovsky type]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, vol. 15, no. 1, pp. 196–199.
23. Khokhlov A. A. *Morfogeneticheskiye protsessy v Volgo-Ural'ye v epokhu rannego golotsena (po kran-iologicheskim materialam mezolita – bronzovogo veka)* [Morphogenetic processes in the Volga-Ural region in the early Holocene era (based on craniological materials of the Mesolithic – Bronze Age)]. Samara, SGSPU Publ., 2017. 368 p.
24. Khokhlov A. A., Kitov E. P. [On anthropology of the early stage of Bronze Age of West Kazakhstan]. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2012, no. 1, pp. 64–71.
25. Khokhlov A. A., Kitov E. P. [Craniological materials of the Early Bronze Age of the river Uil valley in Western Kazakhstan]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2018, vol. 20, no. 3-2, pp. 510–516.
26. Shevchenko A. V. [Anthropology of the population of the southern Russian steppes in the Bronze Age]. In: Gokhman I. I., Kozintsev A. G., eds. *Antropologiya drevnego i sovremennogo naseleniya Yev-ropeyskoy chasti SSSR* [Anthropology of the ancient and modern population of the European part of the USSR]. Leningrad, Nauka Pub., 1986, pp. 121–215.
27. Shevchenko A. V. [Craniological materials from Bronze Age burial grounds in Kalmykia]. In: Gromov A. V., ed. *Mikroevolyutsionnyye protsessy v chelovecheskikh populyatsiyakh* [Microevolutionary processes in human populations]. St. Petersburg, MAE RAS Publ., 2009, pp. 103–130.
28. Shishlina N. I., Kazarnitsky A. A., Belkevich E. V. [Kurgan 3 of the Ulan IV burial ground: archeology, anthropology and chronology of Bronze Age cultures of the Middle Ergeni]. In: Alekshin V. A., et al. [Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations. St. Petersburg, Periferiya Publ., 2012, pp. 390–398.
29. Rassamakin Y. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit: Graber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr. In: *Archäologie in Eurasien*. Band 17, Teil 2, 2004. 277 p.
30. Zinevich G. P., Kruts S. I. *Antropologichna kharakteristika davnego naseleynna teritorii Ukraïni (za ma-terialami yekspeditsiy 1961–1963 rr.)*. [Anthropological characteristics of the ancient population of the territory of Ukraine (based on materials from the expedition of 1961–1963)]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1968. 144 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Солодовников Константин Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук;
e-mail: solodk@list.ru

Файферт Анатолий Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий археолог Государственного автономного учреждения культуры Ростовской области «Донское наследие»;
e-mail: faifert86@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin N. Solodovnikov – Cand. Sci. (History), senior researcher, Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: solodk@list.ru

Anatoly V. Faifert – Cand. Sci. (History), Leading Archaeologist, State Autonomous Cultural Institution of the Rostov Region "Don Heritage";
e-mail: faifert86@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Солодовников К. Н., Файферт А. В. Некоторые вопросы палеоантропологии энеолита и ранней бронзы юга Восточной Европы в связи с проблемой происхождения афанасьевской культуры // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 23–43.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-23-43

FOR CITATION

Solodovnikov K. N., Faifert A. V. Some questions on paleoanthropology of the chalcolithic and early bronze ages in the south of Eastern Europe in connection with the problem of the origin of the Afanasievo culture. In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 23–43.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-23-43

УДК 903(571.53/.55)

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-44-53

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИИ ПЛЕМЁН ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., Хохлов А. А.

*Самарский государственный социально-педагогический университет
443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть и проанализировать проблему влияния степных скотоводческих племён начала эпохи палеометалла на оседлое население Центральной и Юго-Западной Европы. Осветить основные научные позиции о миграции ямных племен ранней бронзы и их влияние на местное население.

Процедура и методы. Научный анализ, основанный на комплексном подходе, проведён с вводом палеоантропологических и генетических данных.

Результаты. На западные территории проникали скотоводческие племена из пограничных районов в контексте традиционного хозяйственного освоения новых пространств. Под их влиянием в среде аборигенного населения происходят некоторые культурные новации, в определённой степени меняется генофонд, но без заметной фенотипической трансформации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют наметить территории, откуда распространялись скотоводческие группы на запад, подчеркнуть взаимную диффузию генотипов в контактных районах внутри индоевропейского общества на одном из ранних этапов их развития.

Ключевые слова: миграция, культуры ямная и шнуровой керамики Европы

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ 22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит – ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

TO THE QUESTION OF MIGRATION OF EARLY BRONZE AGE YAMNAYA CULTURE TRIBES ON THE TERRITORY OF CENTRAL AND SOUTH-WESTERN EUROPE

P. Kuznetsov, O. Mochalov, A. Khokhlov

*Samara State Socio-Pedagogical University
ul. M. Gorkogo 65/67, Samara 443099, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider and analyse the problem of the influence of steppe cattle-breeding tribes of the beginning of the Paleometallic era on the sedentary population of Central and South-Western Europe. To highlight the main scientific views on the migration of Early Bronze Age Yamnaya tribes and their influence on the local population.

Methodology. The scientific analysis based on an integrated approach, was conducted with the input of palaeoanthropological and genetic data.

Results. The western territories were penetrated by pastoralist tribes from the frontier regions in the context of traditional economic development of new spaces. Under their influence, some cultural innovations took place in the environment of the aboriginal population, and to a certain extent, the gene pool changed, but without noticeable phenotypic transformation.

Research implications. The research results allow us to outline the territories from which the pastoral groups spread westwards, to emphasise the mutual diffusion of genotypes in contact areas within Indo-European society at one of the early stages of their development.

Keywords: migration, Yamnaya and Corded Ware cultures of Europe

Acknowledgments. The article was written with the financial support of the Russian Science Foundation grant 22-18-00194 “Epochal transformation of cultural and physical appearance of the population of the south of the Middle Volga region and the Urals during the Neolithic – Early Iron Age according to the sources of archaeology, anthropology, and genetics”.

Введение

Проблема миграции скотоводческих групп населения раннебронзового века из степей восточной части Европы в западную была обозначена ещё в трудах Н. Я. Мерперта [12; 13] и М. Гимбутас [28]. При этом оба исследователя по-разному трактовали суть этой миграции. Если для М. Гимбутас это была *invasia*, «степное нашествие, нападение», то Н. Я. Мерперт считал, что не было ни единой миграции, ни единого периода миграций [12, с. 19].

В результате анализа краниологических материалов из подкурганых захоронений ранней бронзы юго-западной Европы, в частности, Румынии [18], Венгрии [31, р. 87–99], Болгарии [22], все авторы автономно приходили к выводу о приходе ямных групп с территории Северного Причерноморья.

В связи с активизацией палеогенетических исследований в начале III тыс., проблема миграций носителей ямной культуры была рассмотрена на соответствующем дисциплине уровне. Нужно сказать, что такие исследования проводились совместно. Инициатором и координатором общей деятельности коллектива стал учёный из США Д. Энтони. Участие археологов и антропологов заключалось в отборе костных образцов, предоставлении достоверной информации с указанием точной культурной и хронологической привязки изучаемых комплексов. Авторами были предоставлены около

60 образцов неолита – бронзового века из памятников Поволжья и Приуралья. Генетическое изучение образцов проводилось в специализированных лабораториях под руководством Д. Райха (США) и В. Хаака (Германия). На основе результатов анализа этих и других образцов вышел ряд коллективных работ [25; 30 и др.].

Исследования показали, что к периоду ранней – средней бронзы (после 3000 г. до н. э.) содержание гаплотипов в Центральной и Западной Европе меняется на 60–70%. В частности, у населения культуры шнуровой керамики уже доминируют гаплогруппы, которые характерны для культур Восточной Европы. На этом основании выдвинуто предположение, что люди, генетически связанные с ямной культурой Поволжско-Уральского региона, мигрировали на запад, и именно под их влиянием в Северной Европе формируется культура шнуровой керамики. Здесь же следует отметить, что в Центральной и Западной Европе меняется генофонд, как по мужской линии, так и по женской. Это говорит о том, что в миграциях принимали участие представители обоего пола. При этом степные мигранты, судя по сохранению на осваиваемой ими территории некоторой доли местных гаплотипов, вероятно, смешивались с европейскими земледельцами. В период распространения культуры колоковидных кубков число гаплотипов,

свойственное древнему местному населению неолита, возрастает, достигнув 50%. Несмотря на это, содержание гаплотипов населения культуры шнуrowой керамики, в большинстве своём полученных от степных мигрантов с востока, осталось довольно высоким, и на современном этапе является доминирующим.

В последние два десятилетия проведён подробный анализ ранних подкурганых захоронений степной зоны Подунавья. Установлено наличие самостоятельного варианта ямной культуры. Наиболее полно этот вариант получил характеристику в работах Ф. Хейда [27], Р. Харрисона и Ф. Хейда [26], И. Баторы [23]. Подробный их обзор был представлен Л. С. Клейном [6]. Таким образом, в дополнение к выделенным Н. Я. Мерпертом 9 вариантам ямной культурно-исторической области, в настоящее время добавился десятый, локализовавшийся на территории степного Подунавья. С. А. Ивановой проведён подробный анализ взаимосвязей северо-западного ареала ямной культуры и культуры шнуrowой керамики [29]. Такое взаимовлияние возможно также и при наличии родственных связей.

О роли и влиянии степного населения на возникновение в Центральной Европе новой эпохи, а именно бронзового века, являются втульчатые вислообушные металлические топоры. К наиболее ранним относятся топоры типа Банебюк-Ротунда [24]. Область распространения этих топоров занимает промежуточную территорию между ареалом западной ямной и южной границей ареала культуры шнуrowой керамики. Топоры данного типа близки топорам Третьей группы (Успенского типа) и топорам типа Бичкин-Булак [7]. Они распространены в северо-восточном Причерноморье и в Предкавказье. Топоры данных групп обнаружены в погребениях новотиторовской культуры рубежа IV–III тыс. до н. э.

Палеоантропологические данные к проблеме

В работах зарубежных генетиков, к сожалению, данные и выводы палеоантропологических исследований, в основном, игнорируются. Между тем именно они, помимо предоставления образцов для генетических анализов, дают почву для реконструкции происхождения физических комплексов, определения форм контактов между ними, в случае возникновения таковых, их распространения.

Население ямной культуры в целом было неоднородным. Выделенный на заре развития дисциплины [2] так называемый протоевропейский широколицый антропологический тип как характерный для древнейшего населения оказался не единственным. Варианты этого типа, помимо других, оказались, очевидно, доминирующими в краниологических сериях Поволжья, Северо-Западного Прикаспия и Предкавказья, Дона [5; 16; 17; 19; 20; 21 и др.]. Ямники Украины, если брать целостно, отличаются в сторону доминирования долихокрании при вариациях лица от сравнительно узкого до широкого в разных группах [3; 8; 9; 10; 11 и др.], т. е. не менее политипичны, чем их восточные группы. Среди них Причерноморские (к примеру, запорожская и южнохерсонская группы), а также Буго-Днестровская (Молдавия, буджакская культура¹) серии относительно лептоморфные, демонстрируют приближение к средиземноморскому краниологическому типу, его низколицемому и высоколицемому вариантам [4; данные С. П. Сегеды в: 15]. Происхождение первого связывали с влиянием населения усатовской культуры, восходящей своими корнями к Триполью, а второго – с кеми-обинской [10; 11; 15].

По мнению С. И. Круц [11, с. 56], обработавшей большой массив антропологиче-

¹ 21 мужской череп буджакской культуры измерены С. П. Сегедой, использованы И. Д. Потехиной для сравнения в антропологическом разделе монографии по памятникам трипольской культуры Северо-Западного Причерноморья [14].

ческих данных, почти все варианты населения ямной культуры этой части Европы имеют местные корни, в т. ч. массивные и мезоморфные протоевропеоидные типы, т. е. не связаны с движением волго-уральских групп на запад. Исключение может составлять возможное проникновение до Балкан ещё в энеолите отдельных коллективов хвалынской культуры, а на среднем этапе эпохи бронзы новотиторовских групп из Предкавказья, сформировавшихся на основе майкопско-новосвободненско-ямных контактов [1]. С краниологической точки зрения, первые представляют, в первую очередь, южных европеоидов, последние – в основном широколицых матуризованных «палеоевропеоидов» [5; 19; 21 и др.].

Относительно антропологической информации по населению культуры

шнуровой керамики Западной и Центральной Европы можно оперировать данными, опубликованными в работе И. Швидецки и Ф. Рёзинга [32]. Краниологические выборки шнуровой керамики из разных районов Восточной Пруссии, Германии, Польши и Чехословакии в целом сходные. Они характеризуются отчётливой долихократией, высоким сводом, среднешироким и чаще узким лицом. Этот краниологический комплекс не имеет ничего общего с матуризованными, широколицыми ямными сериями Волго-Уралья и Днепро-Донецкого региона. Они более сопоставимы с некоторыми материалами Причерноморья и Буджакской степи (табл. 1). Учитывая дополнительно географический аспект, к теории о пункте эмиграции или начала постепенного распространения ямного

Таблица 1 / Table 1

Сравнительные данные краниологических материалов локальных ямных групп и культуры шнуровой керамики Центральной Европы / Comparative data of craniological materials of local Yamnaya groups and corded ware culture of Central Europe

Признак	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Продольный д.	191,0	186,4	191,3	190,9	191,4	192,9	193,8	194,4
8. Поперечный д.	144,5	148,4	138,7	136,0	140,2	133,9	134,3	135,2
8/1. Черепной ук.	75,9	79,6	72,0	71,5	73,8	69,4	69,3	69,5
9. Наим. ширина лба	99,8	100,4	96,4	97,2	100,3	94,3	98,2	98,2
17. Высотный д.	137,6	142,1	137,5	139,3	-	141,6	142,0	136,2
45. Скуловая ширина	140,4	140,3	129,3	131,4	133,0	135,3	130,5	128,3
48. Верхн.высота лица	72,5	71,3	69,4	69,4	73,3	72,6	67,7	69,8
48/45. Верхнелицевой ук.	51,8	50,9	55,9	53,0	56,4	53,7	51,9	54,4
51. Ширина орбиты	43,8	43,8	42,5	43,2	-	42,7	40,8	42,4
52. Высота орбиты	32,1	31,6	30,9	49,5	33,3	31,1	32,2	32,6
52/51. Орбитный ук.	73,6	72,2	72,9	69,7	-	72,8	78,9	76,9
54. Ширина носа	25,6	25,5	23,8	24,2	25,0	25,0	25,0	26,3
55. Высота носа	53,2	51,7	50,4	49,5	53,1?	52,6	50,0	50,4
54/55. Носовой ук.	48,0	49,5	55,9	49,5	47,1	47,5	50,0	52,2

Условные обозначения: д. – диаметр; ук. – указатель

1. Ямники Волго-Уралья;

2. Ямники мог. Чограй I–V суммарно (взвешенные средние);

3. Ямники, Запорожская группа;

4. Ямники, южно-херсонская группа;

5. Ямная, Буджакский тип;

6–8. Культуры шнуровой керамики

Источник: 1 – [20, с. 241–242]; 2 – [5, табл. 7, с. 42–43]; 3 – группа [11, табл. 10–11, с. 65];

4 – [11, табл. 10–11, с. 65]; 5 – [15, с. 129]; 6–8 – [32, с. 14]

населения в районы Центральной Европы, разумеется, приоритет здесь следует отдать более близким территориям. Наличие отмеченных выше широколицых европеоидов в ямных захоронениях юга Европы, в частности Румынии и Болгарии [18; 22], может говорить о наличии разных (вероятно, и по времени) волнах распространения скотоводов с востока, но опять же, скорее, с территории Днепро-Донецкого региона.

Генетика и её осмысление

К нашему времени численность генетических определений для ямной культуры возросла (выше 50). Среди мужских гаплогрупп по-прежнему резко доминирующей является гаплогруппа R1b. У людей культуры шнуровой керамики первые результаты выявили гаплогруппу R1a. Но и здесь картина несколько изменилась. На сайте Д. Райха¹ можно найти генетические данные для многих культур древней Евразии. Здесь внесены новые точечные мутации, составляющие более длинные наследственные цепочки, которые не представлялись в первых генетических публикациях. По данным сайта на 2022 г., в лабораториях было получено и опубликовано 50 таких результатов для мужчин культуры шнуровой керамики. Из них 23 результата имели различные варианты гаплогруппы R1a; 22 результата – R1b; 3 – результата I2a; 1 – Q1b2a и 1 – E1. Таким образом, культура шнуровой керамики в основе своего происхождения, несомненно, является многокомпонентной. При этом генетический степной, ямный компонент, представленный субкладами гаплогрупп R1b, является одной из доминирующих составляющих (44%).

¹ Дэвид Райх – авторитетный американский генетик, один из передовых учёных в области изучения древней ДНК, автор многих публикаций в составе коллектива учёных мира, изучающих историю и генеалогию современных и древних народов, а также автор интернет-ресурса “David Reich Lab”. См.: URL: <https://reich.hms.harvard.edu/> (дата обращения 10.11.2023).

Из 22 результатов, давших степные гаплогруппы в культуре шнуровой керамики, 20 оказались распределёнными по 8 вполне полноценным субкладам. Два результата имеют ограниченные данные (R1b)², свойственные позднему палеолиту, скорее, они оказались недотипированы вследствие плохой сохранности образцов. Из полноценных субкладов 4 оказались общими с субкладами ямной культуры (рис. 1). Для ямной культуры это достаточно ранние субклады. Из них древнейшим является субклад R-M269, от которого в результате точковых мутаций уже в самой ямной культуре произошли ещё 3 субклада R-L23, R-L51 и R-Z2103. Все эти 4 ямных субклада есть у мужчин культуры колоколовидных кубков Центральной Европы. Но последующие мутации привели к появлению 3 новых субкладов у мужчин К.Ш.К. и 1 – в ямной культуре. Причём эти мутации, видимо, происходили уже независимо друг от друга. Количество новых точковых мутаций косвенно показывает, что К.Ш.К., возникнув в результате степного влияния, просуществовала дольше, чем ямная культура. Эти данные подтверждают результаты радиоуглеродного анализа – ямная культура находится в интервале 3528 вв. до н. э. CalBC, а К.Ш.К. в 2923 вв. до н. э. CalBC. Здесь фокус внимания не только на ядре происхождения древнейших ямников, но и на времени и степени их влияния на коренное западноевропейское население.

Сравнительное единство ямного населения в рамках вариантов мужской гаплогруппы R1b указывает только на сравнительно единое происхождение группы «основателя», причём весьма отдалённое по времени (верхний палеолит), и только по праотцовской линии. Формирование разных фенотипических вариантов среди региональных или локальных ямных групп обязано как микроэволюционным процессам в палеопопуляциях, так и

² YFull: [сайт]. URL: <https://www.yfull.com/tree/R/> (дата обращения: 22.12.2023).

Рис. 1 / Fig. 1. Схема микроэволюции субкладов клада «R1b» и их представленность в материалах ямной культуры и культуры шнуровой керамики Европы / Microevolution scheme of the subclades of “R1b” and their representation in the materials of the Yamnaya culture and the corded ware culture of Europe

Источник: составлено авторами

участию в процессе морфообразования иных антропологических компонентов. Многообразие таких компонентов убедительно показано самими генетиками, в частности, на примере изучения митохондриальных ДНК и аутосомных участков наследственности. Та или иная степень физической неоднородности является стандартной характеристикой населения любой археологической общности, особенно крупной и географически широко распространённой. И здесь противоречий между данными генетики и палеоантропологии нет.

Заключение

Сравнение археологических, антропологических и генетических данных позволяет сделать уверенный вывод о том, что степное население ямной археологической культуры распространялось на территории Юго-Западной и отчасти Центральной Европы. Этот процесс не носил стремительного миграционного

характера, а был, согласно ещё взгляду Н. Я. Мерперта [12], постепенным, происходил в разное время, и, видимо, в связи с освоением, прежде всего, экологических ниш, пригодных для ведения скотоводческого хозяйства. На основании комплекса гуманитарных и естественнонаучных подходов показано, что это движение было с территорий западной части восточноевропейского ареала ямной культуры, Подунавья и Причерноморья.

Под влиянием пришлого степного компонента, видимо, в среде населения Центральной Европы происходят некоторые новации в изготовлении артефактов, но их культурный облик и основы жизни, в целом, сохраняются. По данным генетики прослеживается изменение генофонда местного населения, а по существующим палеоантропологическим материалам очевидной фенотипической трансформации не фиксируется.

Дата поступления в редакцию 15.08.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Гей А. Н. Новотиторовская культура. М.: ИА РАН, 2000. 224 с.
2. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Т. 4. М., Л.: Акад. наук СССР, 1948. 391 с.
3. Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины. Киев: Наукова думка, 1967. 240 с.
4. Зиневич Г. П. Краниологические материалы эпохи неолита – бронзы из Северо-Западного Причерноморья // МАУ. Вып. 6, Киев: Наукова думка, 1972. С. 335.
5. Казарницкий А. А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы. Антропологический очерк. СПб.: Наука, 2012. 264 с.
6. Клейн Л. С. Ямная, не ямная (обзор современных работ о курганных погребениях Подунавья) // Stratum Plus. 2017. № 2. С. 361–376.
7. Корневский С. Н. О металлических топорах майкопской культуры // Советская археология. 1974. № 3. С. 7–12.
8. Кондукторова Т. С. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973. 126 с.
9. Круц С. И. Население территории Украины эпохи меди-бронзы (по антропологическим данным). Киев: Наукова думка, 1972. 191 с.
10. Круц С. И. Население степной Украины в эпоху энеолита–бронзы (по антропологическим данным): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 21 с.
11. Круц С. И. Скифы степей Украины по антропологическим данным. Киев–Берлин, 2017. 202 с.
12. Мерперт Н. Я. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. 1965. Вып. 105. С. 10–20.
13. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 245 с.
14. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье / Э. Ф. Патокова, В. Г. Петренко, Н. Б. Бурдо, Л. Ю. Полищук. Киев: Наукова думка, 1989. 144 с.
15. Потехина И. Д. Антропологические материалы из могильника Маяки // Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье / Э. Ф. Патокова, В. Г. Петренко, Н. Б. Бурдо, Л. Ю. Полищук. Киев: Наукова думка, 1989. С. 125–130.
16. Фирштейн Б. В. Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР / отв. ред. А. М. Лесков, Н. Я. Мерпет. Киев, 1967. С. 100–139.
17. Фирштейн Б. В. Материалы к антропологии населения эпохи бронзы Нижнего Подонья // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека / отв. ред. И. И. Гохман. Л., 1974. С. 98–123.
18. Хаас Н., Максимилиан К. Антропологическое исследование окрашенных костяков из комплекса могил с охрой в Главэнешти Векъ, Корлэтенъ и Стойканъ в Четэцуйе // Советская антропология. 1958. Т. 2. № 4. С. 133–146.
19. Хохлов А. А. Краниологические материалы ранней и начала средней бронзы Самарского Заволжья и Оренбуржья // Вестник антропологии. 1999. Вып. 6. С. 97–129.
20. Хохлов А. А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита-бронзового века). Самара: СГСПУ, 2017. 368 с.
21. Шевченко А. В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР / отв. ред. И. И. Гохман, А. Г. Козинцев Л.: Наука, 1986. С. 121–215.
22. Йорданов Й., Димитрова Б. Антропологични данни за погребаните в могиелните некрополи от североизточна България (рана бронзова епоха) // Панайотов И. Ямната култура в българските земи. Кн. XX. София, 1989. С. 175–190.
23. Batora J. Študie ku komunikácii medzi strednou a východnou Európou v dobe bronzovej. Bratislava: Petrus, 2006. 310 p.
24. Burtănescu F. Early and middle bronze age shaft-hole axes in Moldavia. Attempts of typology, chronology and cultural definition // Thraco-Dacica. 2002. Vol. XXIII (1–2). P. 171–206.
25. Haak W., Lazaridis I., Reich D., et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. Vol. 522. № 7555. P. 207–211.

26. Harrisson R., Heyd V. The transformation of Europe in the Third Millennium BC: the example of 'LePetitChasseur I + III' (Sion, Valais, Switzerland) // *Prähistorische Zeitschrift*. 2007. № 82/2. P. 129–214.
27. Heyd V. Die Spätkupferzeit im Süddeutschland. Untersuchungen zur Chronologie von den ausgehenden Mittekupferzeit bis zum Beginn der Frühbronzezeit im südlichen Donauegebiet und den benachbarten Regionen bei besonderer Berücksichtigung der keramischen Funde. Bonn: Habelt, 2000. 485 p.
28. Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Paris-Hague-London, 1965. 774 p.
29. Ivanova S. V. Connections between the Budzhak Culture and Central European groups of the Corded Ware Culture // *BPS*. 2013. № 18. P. 86–120.
30. Mathieson I., Reich D., et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // *Nature*. 2015. Vol. 528. № 7583. P. 499–503.
31. Marcsik A. The anthropological material of the pit-grav kurgans in Hungary // Sandor Bokonyi (contrib.) *The people of the pit-grav kurgans in eastern Hungary*. Budapest: Akademiai kiado, 1979. P. 8799.
32. Schwidetzky I., Rösing F. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit // *Homo*. 1990. Bd. 40. H. 1–2. S. 4–45.

REFERENCES

1. Gey A. N. *Novotitorovskaya kultura* [Novotitorovskaya culture]. Moscow, IA RAN Publ., 2000. 224 p.
2. Debets G. F. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR. Vol. 4]. Moscow, Leningrad, Acad. Nauk SSSR Pub., 1948. 391 p.
3. Zinevich G. P. *Ocherki paleoantropologii Ukrainy* [Essays on paleoanthropology of Ukraine]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1967. 240 p.
4. Zinevich G. P. [Craniological materials of the Neolithic - Bronze Age from the North-Western Black Sea region]. In: *MAU* [MAU], 1972, vol. 6, pp. 3–35.
5. Kazarnitsky A. A. *Naseleniye azovo-kaspiyskikh stepey v epokhu bronzy. Antropologicheskii ocherk* [Population of the Azov-Caspian steppes in the Bronze Age. Anthropological essay]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2012. 264 p.
6. Klejn L. S. [Yamnaya, not Yamnaya (review of current studies on kurgan graves of the Danube region)]. In: *Stratum Plus*, 2017, no. 2, pp. 361–376.
7. Korenevsky S. N. [About metal axes of the Maykop culture]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1974, no. 3, pp. 7–12.
8. Konduktorova T. S. *Antropologiya naseleniya Ukrainy mezolita, neolita i epokhi bronzy* [Anthropology of the population of Ukraine in the Mesolithic, Neolithic and Bronze Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 126 p.
9. Kruts S. I. *Naseleniye territorii Ukrainy epokhi medi-bronzy (po antropologicheskim dannym)* [Population of the territory of Ukraine in the copper-bronze era (according to anthropological data)]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1972. 191 p.
10. Kruts S. I. *Naseleniye stepnoy Ukrainy v epokhu eneolita-bronzy (po antropologicheskim dannym): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Population of steppe Ukraine in the Chalcolithic–Bronze Age (according to anthropological data): abstract. dis. ...cand. ist. Sci.]. Moscow, 1977. 21 p.
11. Kruts S. I. *Skify stepey Ukrainy po antropologicheskim dannym* [Scythians of the steppes of Ukraine according to anthropological data]. Kiev-Berlin, 2017. 202 p.
12. Merpert N. Ya. [On the connections of the Northern Black Sea region and the Balkans in the Early Bronze Age]. In: *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta arkheologii* [Brief reports on reports and field research of the Institute of Archeology], 1965, vol. 105, pp. 10–20.
13. Merpert N. Ya. *Drevneyshiye skotovody Volzhsko-Ural'skogo mezhdurechya* [The most ancient cattle breeders of the Volga-Ural interflaves]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 245 p.
14. Patokova E. F., Petrenko V. G., Burdo N. B., Polishchuk L. Yu. *Pamyatniki tripolskoy kultury v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye* [Monuments of Trypillian culture in the Northwestern Black Sea region]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1989. 144 p.
15. Potekhina I. D. [Anthropological materials from the Mayaki burial ground]. In: Patokova E. F., Petrenko V. G., Burdo N. B., Polishchuk L. Yu. *Pamyatniki tripolskoy kultury v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye* [Monuments of Trypillian culture in the North-Western Black Sea region]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1989, pp. 125–130.

16. Firshtein B. V. [Anthropological characteristics of the population of the Lower Volga region in the Bronze Age]. In: Leskov A. M., Merpet N. Ya., eds. *Pamyatniki epokhi bronzы yuga chasti SSSR* [Monuments of the Bronze Age of the south of the European part of the USSR]. Kiev, 1967, pp. 100–139.
17. Firshtein B. V. [Materials for the anthropology of the Bronze Age population of the Lower Don region]. In: Gokhman I. I., ed. *Problemy etnicheskoy antropologii i morfologii cheloveka* [Problems of ethnic anthropology and human morphology]. Leningrad, 1974, pp. 98–123.
18. Haas N., Maximilian K. [Anthropological study of painted bones from a complex of graves with ocher in Glavanesti Vek, Corlateni and Stoicani in Cetetsuie]. In: *Sovetskaya antropologiya* [Soviet Anthropology], 1958, vol. 2, no. 4, pp. 133–146.
19. Khokhlov A. A. [Craniological materials of the early and early Middle Bronze Ages of the Samara Trans-Volga and Orenburg regions]. In: *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 1999, vol. 6, pp. 97–129.
20. Khokhlov A. A. *Morfogeneticheskiye protsessy v Volgo-Urale v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolita-bronzovogo veka)* [Morphogenetic processes in the Volga-Ural region in the early Holocene era (based on craniological materials of the Mesolithic-Bronze Age)]. Samara, SGSPU Publ., 2017. 368 p.
21. Shevchenko A. V. [Anthropology of the population of the southern Russian steppes in the Bronze Age]. In: Gokhman I. I., Kozintsev A. G., eds. *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniya chasti SSSR* [Anthropology of the modern and ancient population of the European part of the USSR]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 121–215.
22. Yordanov J., Dimitrova B. [Anthropological tributes for burial in a necropolis burial ground from northeastern Bulgaria (early Bronze Age)]. In: Panayotov I. *Yamnata kulturny v bolgarskoy zemle. Kn. XX* [Yamnata culture in Bulgarian land. Book XX]. Sofia, 1989, pp. 175–190.
23. Bátor J. *Študie ku komunikácii medzi strednou a východnou Európon v dobe bronzovej*. Bratislava, Petrus, 2006. 310 p.
24. Burtănescu F. Early and middle bronze age shaft-hole axes in Moldavia. Attempts of typology, chronology and cultural definition. In: *Thraco-Dacica*, 2002, vol. XXIII (1–2), pp. 171–206.
25. Haak W., Lazaridis I., Reich D., et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. In: *Nature*, 2015, vol. 522, no. 7555, pp. 207–211.
26. Harrison R., Heyd V. The transformation of Europe in the Third Millennium BC: the example of 'LePetitChasseur I + III' (Sion, Valais, Switzerland). In: *Prähistorische Zeitschrift*, 2007, no. 82/2, pp. 129–214.
27. Heyd V. *Die Spätkupferzeit im Süddeutschland. Untersuchungen zur Chronologie von den ausgehenden Mittekupferzeit bis zum Beginn der Frühbronzezeit im südlichen Donauebiet und den benachbarten Regionen bei besonderer Berücksichtigung der keramischen Funde*. Bonn: Habelt, 2000. 485 p.
28. Gimbutas M. *Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe*. Paris-Hague-London, 1965. 774 p.
29. Ivanova S. V. Connections between the Budzhak Culture and Central European groups of the Corded Ware Culture. In: *BPS*, 2013, no. 18, pp. 86–120.
30. Mathieson I., Reich D., et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians. In: *Nature*, 2015, vol. 528, no. 7583, pp. 499–503.
31. Marcsik A. The anthropological material of the pit-grav kurgans in Hungary. In: *Sandor Bokonyi (contrib.) The people of the pit-grav kurgans in eastern Hungary*. Budapest: Akademiai kiado, 1979, pp. 8799.
32. Schwidetzky I., Rösing F. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit. In: *Homo*, 1990, bd. 40, h. 1–2, pp. 4–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецов Павел Фёдорович – кандидат исторических наук, доцент, директор Музея археологии Поволжья Самарского государственного социально-педагогического университета;
e-mail: pavelf.kpf.kuznetsov@gmail.com

Мочалов Олег Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета;
e-mail: oleg-mochalov00@rambler.ru

Хохлов Александр Александрович – доктор исторических наук, доцент, заведующий Волго-Уральским центром палеоантропологических исследований, профессор кафедры биологии, экологии и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета;
e-mail: khokhlov_aa@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pavel F. Kuznetsov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Director of the Museum of Archeology of the Volga Region, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia)
e-mail: pavelf.kpf.kuznetsov@gmail.com

Oleg D. Mochalov – Dr. Sci. (History), Prof., Department Head, Department of Russian History and Archeology, Samara State University of Social Sciences and Education;
e-mail: oleg-mochalov00@rambler.ru

Alexandr A. Khokhlov – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Head of the Volga-Ural Center for Paleoanthropological Research, Prof., Department of Biology, Ecology and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education;
e-mail: khokhlov_aa@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., Хохлов А. А. К вопросу о миграции племён ямной культуры ранней бронзы на территории Центральной и Юго-Западной Европы // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 44–53.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-44-53

FOR CITATION

Kuznetsov P. F., Mochalov O. D., Khokhlov A. A. To the question of migration of early bronze age Yamnaya culture tribes on the territory of Central and South-Western Europe. In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 44–53.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-44-53

УДК 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-54-75

ВАСИЛИЙ ГОРОДЦОВ И ЕГО СХЕМА ПОГРЕБЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ. АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ (К 120-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ)

Пыслару И.*Музей археологии «Каллатис»**905500, г. Мангалия, шоссе Констанцы, д. 23, Румыния*

Аннотация

Цель. Осветить историю открытия В. А. Городцова, сделанного в 1903 г. в результате археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1901 и 1903 гг.

Процедура и методы. На базе сравнительного и типологического методов с использованием методов математической статистики раскрыт путь, по которому двигался исследователь.

Результаты. Не уменьшая роли и не отрицая важности сделанного открытия, автор критично подходит к оценке методов и результатов археологических раскопок, проведённых В. А. Городцовым в начале XX в.

Теоретическая и/или практическая значимость. В процессе изучения имеющихся в распоряжении материалов удалось показать, что общий уровень развития археологической науки того времени ограничивал исследователя и не позволил ему достичь ещё более важных результатов. Поэтому В. А. Городцов, будучи близок к выделению особой группы погребальных памятников в деревянных рамных конструкциях, в итоге объединил их с погребениями в деревянных срубах. И лишь 70 лет спустя эта особая группа была определена как принадлежащая культуре многоваликовой керамики, занявшей в «триаде» В. А. Городцова промежуточное место между катакомбной и срубной культурами.

Ключевые слова: ямная культура, катакомбная культура, срубная культура, каменный ящик, рама, культура многоваликовой керамики

VASILY GORODTSOV AND HIS BURIALS SCHEME OF THE BRONZE AGE (TO THE 120TH ANNIVERSARY OF THE DISCOVERY)

I. Pyslaru*Museum of Archeology Callatis**Konstantsy shosse 23, Mangalia 905500, Romania*

Abstract

Aim. The aim of this paper is to highlight the history of the discovery made by V. A. Gorodtsov in 1903 as a result of archaeological research in Bakhmut district of Ekaterinoslav province in 1901 and 1903.

Procedure and methods. On the basis of comparative and typological methods with the use of mathematical statistics, the paper reveals the path the researcher followed.

Results. Without diminishing the role and denying the importance of the discovery, the author critically approaches to the assessment of methods and results of archaeological excavations conducted by V. A. Gorodtsov in the early XX century.

Research implications. In the process of studying the available materials, it was possible to show that the general level of development of archaeological science of that time limited the researcher and did not allow him to achieve even more important results. Therefore, V. A. Gorodtsov, being close to isolating a special group of funeral monuments in wooden frame structures, eventually combined them with burials in wooden log houses. And only 70 years later, this special group was defined as belonging to Multi-cordoned ware culture, which occupied an intermediate place between the Catacomb and Timber-grave cultures in the “triad” of V. A. Gorodtsov.

Keywords: Yamnaya culture, Catacomb culture, Timber-grave culture, stone box, frame, Multi-roller ceramics culture

Введение

В истории археологической науки особое место занимает личность Василия Алексеевича Городцова, научной деятельности которого посвящено немало работ. В частности, в них отражена роль В. А. Городцова в характеристике эпохи бронзового века Восточной Европы и открытия им триады археологических культур. По мнению В. С. Бочкарёва, созданная им периодизация является одним из наибольших достижений археологии прошлого века [4, с. 8]. Но на её место должна прийти новая: выявлены новые «бездомные» культуры. Среди них культура многовазиковой керамики [6, с. 64–65; 7, с. 8–9], к которой можно было бы добавить и памятники Синташты, и другие.

Оценивая сложившуюся ситуацию, некоторые исследователи начинают рассматривать тройственную периодизацию В. А. Городцова как некое прокрустово ложе, в которое бронзовый век юга Восточной Европы уже не влезает, и оттого её необходимо дополнить [29, с. 52–55]. В последние десятилетия появилось немало работ о В. А. Городцове [1; 2; 3; 9; 10; 14; 15; 16]. В частности, в одной из них И. Е. Сафонов рассматривает научную деятельность В. А. Городцова с широким привлечением архивных материалов [24, с. 174–175]. При этом мне не попадались работы, в которых бы анализировались собственно исследования В. А. Городцова. Ясно, что время и условия, в которых работал Городцов, едва ли сопоставимы с нынешними, однако подвергнуть анализу его методы и результаты вполне возможно.

По словам И. Е. Сафонова, роль В. А. Городцова в изучении проблематики эпохи бронзы общепризнанна, поскольку именно его работы стали в своё время основополагающими для систематизации, культурной и хронологической дифференциации памятников эпохи бронзы Восточной Европы, в т. ч. восточноевропейской степи и лесостепи. Необходимо подчеркнуть неразрывную связь проводившихся им полевых исследований и научных разработок на их базе. Продемонстрированный им комплексный подход к изучению памятников эпохи бронзы степной и лесостепной зон Восточной Европы, «в котором в неразрывном единстве присутствуют все основные археологические методические приёмы – учёт стратиграфических данных, полевые исследования, классификация и корреляция, типология, привлечение данных естественных наук, – вплоть до настоящего времени является одним из образцов подлинно археологического анализа» [24, с. 174–175]. Именно на эту сторону деятельности В. А. Городцова и хотелось бы обратить пристальное внимание.

Необходимость изучения научного наследия Городцова видится И. Е. Сафонову в возможности создания целостной концепции изучения восточноевропейской степной и лесостепной бронзы. С практической точки зрения ему представляется важным всестороннее обобщение источников, показывающих процесс возникновения и первых шагов археологии бронзового века в России. Поскольку трактовка В. А. Городцовым

проблем эпохи бронзы в Восточной Европе – состоявшийся факт, то она как таковая требует своего анализа и научного осмысления, «поскольку серьёзного исследования, посвящённого В. А. Городцову и изучению эпохи бронзы степной и лесостепной частей России, ещё нет, а существуют расхожие стереотипы» [24, с. 174–175], и в этом мы с автором солидарны. Правда, вызывает некоторое удивление заявление, что «несмотря на открытие и изучение новых культурных образований в последние десятилетия, периодизация В. А. Городцова выдержала проверку временем и сейчас является базовой для эпохи бронзы степи и лесостепи Восточной Европы» [24, с. 17–18].

Выделение 5 групп погребений в степных курганах (в ямах, катакомбах, срубках, на горизонте и в насыпи), сделанное В. А. Городцовым по результатам раскопок 1901 и 1903 гг. в Изюмском и Бахмутском уездах и на базе удивительной научной интуиции, положило начало созданию классификационной схемы, которая впоследствии была преобразована им в хронологическую систему [2, с. 115]. Отметим, что исследователи проигнорировали группу погребений в каменных ящиках, хотя исследователи востока Украины им уделяют немало внимания [3; 8; 13].

Исследования в бассейне Северского Донца (Бахмутский уезд Екатеринославской губернии)

Накануне проведения В. А. Городцовым исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии план исследований был скорректирован председателем Московского археологического общества (МАО) П. С. Уваровой (рис. 1). В письме от 24 апреля 1903 г. графиня сообщает ему: «На карте, на которой вы намечали свои раскопки, вероятно, помещена территория вдоль левого берега Кальмиуса. Весьма возможно, что мы туда направим одного из представителей Донецкого края Василия Харламова с целью обследовать левый берег р. Кальми-

ус, которого правый берег будет изучен вами» [27, с. 181].

Одной из главных научных целей этих исследований, по словам самого В. А. Городцова, было «выяснение типов погребений позднейших кочевников печенежско-половецкой группы и решение невырешенного в 1901 г. вопроса об отношении каменных баб в курганах». Учёный считал необходимым «установление древнейших типов придонских курганных погребений к классическим греко-римским культурам, и, таким образом, дать первым более точное хронологическое определение». Местность между Бахмутом и Кальмиусом находилась, по В. А. Городцову, «под живым воздействием классических культур», и он, изучив все типы погребений прошедших и обитавших здесь народов, «установил их хронологическое и культурное отношение друг к другу»¹.

Северная часть района Бахмутского уезда, избранного В. А. Городцовым для исследования, представляла собой особый Бахмuto-Торецкий физико-географический район, расположенный в бассейнах рек Бахмутки и Казенного Торца, в пределах Бахмутской и Кальмиус-Торецкой котловин. В геологическом строении этот район представлен отложениями карбона, перми, триаса, юры и мела, которые в долинах рек, в балках и по оврагам выходят на дневную поверхность. На водоразделах, где находились курганы, почва представлена лёссом и лёссовидными суглинками, в которых В. А. Городцову удалось отчётливо проследить отпечатки деревянных конструкций. Самая высокая точка (225 м над уровнем моря) расположена на водоразделе Казённого Торца и Бахмутки. Возвышенное плато сильно изрезано долинами речушек, глубокими оврагами и балками.

¹ Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I. / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 211.

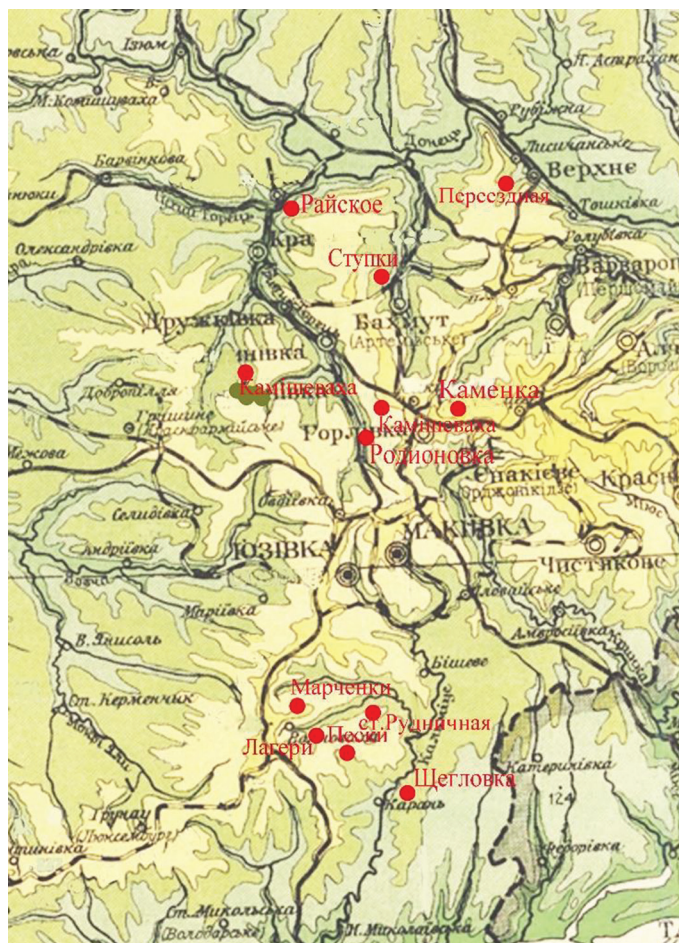

Рис. 1 / Fig. 1. Карта памятников, исследованных В. А. Городцовым в 1903 г. в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии / Map of monuments investigated by V. A. Gorodtsov in 1903 in Bakhmut district of Ekaterinoslav province

Источник: составлено автором

Южную часть Бахмутского уезда, предназначенного для исследований, составляет Приморский физико-географический район, расположенный в Приазовской низменности, в бассейне р. Кальмиус. В тектоническом отношении это часть Причерноморской впадины Русской платформы. Здесь толща осадочных пород прикрыта лёссами и лёссовидными суглинками. Рельеф здесь равнинный, есть долины и плоскодонные впадины [25, с. 13].

В Бахмутском уезде В. А. Городцов провёл 4 месяца полевых работ. В каче-

стве рабочей силы им использовались наёмные рабочие. Всего ими было раскопано 80 курганов, в которых было открыто 198 погребений, содержащих 212 костяков. Среди исследованных погребений 16 было в древнейших ямах, 24 – в катакомбах, 5 – в «срубках», 5 – в каменных ящиках, 14 – в поздних ямах, 66 – в насыпях и на горизонте, 5 – скифо-сарматских, 14 – с каменными бабами, 5 – торкского типа, 10 – позднекочевнических, 10 – ориентированных на Запад, 10 – неопределённых погребений, 11 – ограбленных позднекочевнических и 3 – невыясненные погребения.

бения. К эпохе бронзы В. А. Городцовым отнесены 130 погр. Что же касается его раскопок в Изюмском уезде, то там он за 4 месяца исследовал 268 курганных погребений, несколько древних стоянок и поселений¹, а также по поручению МАО провёл основательные разведки в бассейне Северского Донца [5, с. 24].

Всего в опубликованном дневнике раскопок В. А. Городцова за 1903 г. представлено 33 иллюстрации, среди которых: 1 рисунок и 6 фотографий сосудов эпохи бронзы, 2 фотографии и 2 рисунка погребений в каменных ящиках, 4 чертежа катакомбных погребений и 5 погребений «в срубах». В аналитической части помещены ещё 16 иллюстраций украшений, изваяний, керамики и погребений². Эта графическая информация составляет около 20% от материалов раскопанных погребений. Остальные материалы по фиксации исследований, надо полагать, находятся в архиве исследователя. В царской России разрешение (Открытый лист) на проведение археологических раскопок давала Императорская археологическая комиссия (ИАК), которая требовала от исследователей «всю научную работу, выполненную во время раскопок, направлять в ИАК» [1, с. 472–510]. Будучи представителем московской археологической школы, В. А. Городцов выражал неудовольствие этим требованием [26, с. 324].

Для своих исследований В. А. Городцов старался избирать наименее потревоженные курганы, которые раскапывались вручную, колодцами. Размеры колодцев квадратной формы колебались от 5 и до 8 аршин (от 3,5 м до 6 м). У с. Каменка в кургане № 6 исследователь вёл раскопки круглым колодцем диаметром 17 аршин (12 м). Способ ведения раскопок колод-

цами очень ограничивал стратиграфические наблюдения.

Следует заметить, что чертежи и рисунки раскопанных погребений зачастую заменены техническими рисунками, которые представляют собой аксонометрическое изображение предмета/ов, выполненное от руки, на глаз, с соблюдением пропорций в размерах. Такой способ изображения учитывал простоту построений на рисунке и давал возможность наиболее полно и наглядно передать форму предмета.

Некоторые исследователи как позитивное качество исследований В. А. Городцова отмечают применение им статистических нововведений. Городцов реализовал свою идею таблиц, высказанную им в труде «Русская доисторическая керамика»: «...чтобы следить за районами распределения тех или других керамических типов и делать между ними сравнения, не прибегая всякий раз к помощи описываемых вещей или их рисунков... Я полагаю, что этому может удовлетворить табличная система, имеющая в основе точно выработанную и однообразную терминологию. При таких условиях исследователю оставалось бы делать лишь краткие отметки против заранее напечатанных в таблицах терминов или, в случае новых открытий, вводить новые термины...»³. Примерами таких таблиц могут служить данные по исследованным им памятникам Бахмутского уезда⁴ и Изюмского уезда⁵.

Особое внимание при проведении археологических исследований В. А. Го-

¹ Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I. / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 211–285.

² Там же.

³ Городцов В. А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве / под ред. графини Уваровой и С. С. Слуцкого. Т. I. М., 1901. С. 578.

⁴ Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I. / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 277–281.

⁵ Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году. // Труды XII Археологического съезда. Т. 2 / под ред. графини Уваровой. М., 1905. С. 174–225.

родцовым уделено типам погребений и инвентарю. По словам В. Бочкарёва [7] со ссылкой на Л. С. Клейна, в предложенной классификации В. А. Городцову удалось выделить 2 ведущих показателя: форму устройства могил и типы керамики¹, в результате чего им определены 4 группы погребений: в ямах, катакомбах, срубках, на горизонте и в насыпи². Заметим, что о 4 группах В. А. Городцов говорит после исследований в Изюмском уезде, а пятая группа погребений в каменных ящиках, которую В. Бочкарёв проигнорировал, появилась у В. А. Городцова после исследований в Бахмутском уезде³.

К древнейшим типам погребений В. А. Городцов отнёс те, «культура которых характеризуется присутствием каменных орудий и медных или бронзовых предметов при отсутствии предметов из

железа. В классификации погребений, исследованных нами на берегах Донца... к бронзовой эпохе отнесены все погребения со скорченными костяками». Древнейшие из встреченных нами погребений совершались в простых ямах: позже на смену их явились катакомбы, а ещё позже – срубы, каменные ящики и, наконец, вновь появились погребения в простых ямах, а также в насыпях более старых курганов»⁴.

В таблице I «Погребения в ямах древнейшего типа»⁵ для описания погребений исследователь приводит сведения о положении погребённого:

- положение головою (ориентация), в котором он использует 16 значений;

- положения костяка: «на левом боку», «правом боку», «на спине с подж(атыми) н(огами)» и «вытянуто» – все по 2 значения: «х» – есть и «–» – нет. Сюда не попали такие важные признаки, как «положение ног» и «положение рук», «положение на животе».

«Бытовые предметы» им классифицированы, как нам представляется, не очень удачно. Называя среди них «глиняные сосуды» и «горную смолу», другие предметы он характеризует лишь по материалам: «каменные», «костяные», «медные», при том, что среди каменных могут быть не только изделия, но и сырьё, как, например, кремнёвые отщепы, а среди костяных невозможно будет отличить изделия из рога; равно как и среди медных предметов могут быть не только изделия, но и сырьё.

Ещё 6 признаков, которые относятся (как мы можем судить из контекста) к оборудованию погребального ложа, интерьера и экстерьера самого погребального сооружения: подсыпки или просто наличие «известки», «краски», «угля» и подстилки или перекрытие с помощью: «камышы, дерева и камня». Отдельным признаком идёт наличие «(костей) домашних животных». А если будут кости

¹ Относительно выделения типов керамики нам представляется это большим преувеличением, поскольку керамическая серия совсем невелика. Если в 16 погребениях ямной культуры обнаружены 1 целый и 2 во фрагментах сосуда, то из 24 катакомбных погребений лишь в 11, включая и 4 ямы катакомбного типа, найдены 12 сосудов [Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I. / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 252]. При целых сосудах в катакомбах, говорит В. А. Городцов, ставились жаровни, более подробное описание которых им дано в Каталоге выставки XIII Арх. Съезда.

Типология сосудов из катакомбных погребений им нигде не рассматривается, а есть замечание, что «характерными признаками катакомбных сосудов являются высокие сильно выраженные шейки, сильно выраженные округлые плечи и плоские днища. Исключение составляют редкие экземпляры: таковыми являются 2 сосуда, оказавшиеся совсем без горла, репчатой формы....Сравнивая обе керамические группы можно прийти к заключению, что они происходят от одного корня» [Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I. / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 252].

² Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I. / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 211–285.

³ Там же. С. 215.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 277.

диких животных, кости рыб, птиц, раковины моллюсков?

По сути, в таблицах представлено описание погребений в упрощённом виде, без статистического анализа¹. Так, по поводу ориентации погребённых, мы, имея сведения лишь о 14 из 16, можем сделать выводы, что:

- погребения с сохранившейся ориентировкой составляют 79,23–95,76%;
- ориентировку СВ имеют 2 погр., или 4,23–20,76%;
- ориентировку ЮЗЗ – 1 погр., или 0,19–12,30%;
- ориентировку ? – 1 погр., или 0,19–12,30%;
- ориентировку В – 1 погр., или 0,19–12,30%;
- преобладающая ориентировка – СВ (9 погр., или 43,84–68,65%);
- всего В ориентацию имеют 12 погр., или 64,17–85,82%;
- положение скелетов на боку – 4 погр (3 – пр. бок, 1 – л. бок), или 14,17–35,87%; вытянуто – 4 погр., или 14,17–35,87%; на спине с подж. ногами – 3 погр., или 8,99–28,50%;
- погребений с глиняными сосудами 5, или 19,66–42,83%;
- красная краска обнаружена в 12 погр., или 64,17–85,82%.

На основании полученных данных мы видим существование 2 групп ямных погребений, различающихся по ориентации: первая – СВ (9 погр.) и вторая – другие направления (5 погр.); в положении скелетов различаются 3 позы, распространённые в одинаковой мере в 2 группах.

В Изюмском уезде из 34 исследованных В. А. Городцовым погребений в ямах к древнейшим он отнёс лишь 16. Погребённые в таких ямах обычно ориентированы головой на В и СВ (64,17–85,82%), лежат или вытянуто на спине, или скор-

ченно на спине с поджатыми к животу коленями, или скорченно на правом боку. Исключение составляет 1 погр. с костяком, лежащим скорченно, на левом боку, головою на З².

На основе этих же данных В. А. Городцов поделил погребения в древних ямах на 3 группы: А, В, С. К погребениям группы А отнесено 4 погр. Их могильные сооружения – неглубокие, узкие ямы, иногда более широкие в головах, и с сильно округлёнными углами. Перекрытие – из обгорелых брёвен или плах в 1 или 2 ряда. Положение костяка – на спине, вытянуто, руки с кистями вдоль тела или на тазу. Ориентировка – В, СВ. Краска во всех погребениях. Инвентарь представлен изделиями из кремня, кости, но без металла, есть глиняный сосуд в обломках³.

К погребениям группы В отнесено 3 погр. Могильное сооружение – неглубокие ямы четырёхугольной формы с округлёнными углами. Перекрытие – из брёвен. Положение костяка – на спине, с подтянутыми к животу коленями, руки вытянуты с кистями вдоль тела или на тазу. Иногда ноги распадались ромбом. Ориентировка – В, СВ. Краска/известь и что-то ещё в качестве посыпки наряду с краской. Инвентарь представлен в 1 погр. металлической бусиной⁴.

К погребениям группы С отнесено 8 погр. Могильное сооружение – четырёхугольные ямы, с более или менее округлёнными углами. Глубина – ? Перекрытие – из брёвен или плах, в 1 случае – камни. Обгорелость – ? Ориентировка – преимущественно СВ (СВВ, В, СВ), 1 погр. – ЮЗЗ на л. боку. Положение костяка – скорченно, на правом боку, руки вытянуты с кистями вдоль тела или на тазу. Краска в 5 погр. Инвентарь представлен кремнями в 3 случаях, без метал-

¹ Здесь и далее мы будем применять метод процентных соотношений, предложенный нами при анализе археологических материалов, в т. ч. и из исследований В. А. Городцова [20, с. 178–187].

² Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году // Труды XII Археологического съезда. Т. 2 / под ред. графини Уваровой. М., 1905. С. 216.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 219.

ла, глиняный сосуд – в 3 случаях (2 – в обломках и 1 – целый)¹.

Говоря о наличии глиняных сосудов в древнеямных погребениях, отметим, что в Бахмутском уезде в 16 погр. их было найдено 5 (19,66–42,83%), а в 43 древнеямных погребениях Изюмского уезда глиняные сосуды круглодонной формы содержались лишь в 6 погр. (8,66–19,23%). Это позволяет говорить о территориальных различиях между группами древнеямных погребений этих уездов.

Возвратимся вновь к исследованиям в Бахмуте. В таблице II «Погребения в катакомбах»² приводятся в целом те же сведения о положении погребённого, однако исключён признак «на спине с подж(атыми) н(огами)». Параметры разделов «Бытовые предметы» и признаки, относящиеся к оборудованию погребального ложа и погребального сооружения, остались без изменений, но появилась расшифровка «(костей) домашних животных»: «корова, овца, лошадь».

На стадии заполнения таблицы по катакомбным погребениям В. А. Городцов столкнулся с несовершенством созданной им табличной формы, и для 4 погр. было добавлено определение «ямное катакомбного типа». В «предметах» в признак «каменные» он дописал «жерновок» и «булава», а в материалы для оформления погребального сооружения в признаке «камень» трижды записал «глина». Как в случае с древними ямными погребениями, так и с катакомбными он не стал делать стат-анализа. Выборка в данном случае превышает 2 десятка объектов и поэтому она более представительна, чем предыдущая по древнеямным погребениям, и мы попытаемся сделать кое-какие

обобщения. Так, по поводу ориентации погребённых мы, имея сведения лишь для 16 из 23, можем сделать следующие выводы.

Погребений с сохранившейся ориентировкой 16 из 24 или 59,97–79,15%. Преобладающая ориентировка – на В (5 погр., или 13,13–30,33%). В направлении В ориентированы 7 погр., или 20,84–40,02%. В южном направлении – 10 погр., или 33,14–53,81%.

Положение скелетов на боку – 21 погр. (20 – пр. бок и 1 – л. бок), или 85,42–97,17%. Положение скелетов вытянуто – 1 погр., или 0,95–8,6%. Красная краска обнаружена в 10 погр., или 33,14–53,81%. Известь обнаружена в 8 погр., или 24,86–44,71%, глиняные сосуды – в 12 погр., или 41,75–62,58%.

Погребения «ямные катакомбного типа» 4 случая из 23, или 9,48–25,29%.

На основании полученных данных мы видим, что:

- по ориентировке группы В и Ю не могут быть различимы;
- характерное положение скелетов – на правом боку;
- посыпка красной охрой и известью распространены в одинаковой мере;
- глиняные сосуды имеются почти в половине погребений;
- среди погребальных сооружений от 9 до 25% ямы вместо катакомб;
- сосуды имелись в 3 из 4 ям катакомбного типа; в 9 из 20 катакомб были сосуды, или в 33,87–56,12%.

Интересно отметить, что, завершая анализ катакомбных погребений, В. А. Городцов утверждает, что полученный материал «одинаково устанавливает связь всей придонецкой катакомбной культуры с кавказскими культурами конца бронзово-железного века», и после этого добавляет: «в этом отношении описываемая культура заслуживает особого внимания русских археологов»³. Уже в это время исследователи

¹ Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году // Труды XII Археологического съезда. Т. 2 / под ред. графини Уваровой. М., 1905. С. 220.

² Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 278.

³ Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской

дователь стоит на пути отождествления типов погребений с «археологическими культурами». И думается, что не совсем прав В. Бочкарёв, полагающий, что только в работе «Культуры бронзовой эпохи средней России» (1916 г.) В. А. Городцовым была впервые рассмотрена и охарактеризована как отдельная «южнорусская» донецкая катакомбная культура, о которой исследователь первоначально говорил как о «катакомбном народе» [5].

Переходя к описанию других погребений, исследователь каждому из них посвящает свой раздел (раздел III – «Погребения в срубках»¹; раздел IV – «Погребения в каменных ящиках»²; раздел V – «Погребения в ямах более позднего времени»³; раздел VI – «Скорченные погребения в насыпях курганов»⁴). В заключении к этим разделам он добавляет, что «культура срубного народа в некотором отношении стояла выше катакомбной культуры. ...Вероятно, одновременно со срубным народом или несколько позже начал селиться в Бахмутском крае народ, хоронивший своих покойников в каменных ящиках/цистах». Позже всех явились народы, хоронившие своих покойников в насыпях курганов всех предшествующих времён и в ямах, насыпая над ними курганы круглой формы с вершиной над центром основания. Жили они поздно, возможно, даже в железном веке⁵.

Но если в данном случае под термином «культура» В. А. Городцов имел в виду материальную культуру, то в предыдущем пассаже, когда он говорил о «придонецкой катакомбной культуре», речь у него явно шла об археологической культуре. Археологическими культурами выделенные им классификационные типы погребений он назовёт позже.

губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I. / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 233.

¹ Там же.

² Там же. С. 237.

³ Там же. С. 239.

⁴ Там же. С. 241.

⁵ Там же. С. 247–248.

Наш анализ таблиц В. А. Городцова был бы неполным, если бы мы не рассмотрели и остальные таблицы по срубам, каменным ящикам, ямам более позднего времени, в насыпях и на горизонте.

Для описания таблицы III «Погребения в срубках»⁶ в Бахмутском уезде В. А. Городцов использовал уже выработанную им схему, но с несколькими модификациями. Так, в материалах в графе «камыш» появляется слово «луб», а в признаке «кости» исчезает упоминание «лошади». При заполнении таблицы IV «Погребения в каменных ящиках»⁷ в графе «глиняные сосуды» появляется запись «дер. чаша». В таблице «Погребения в ямах, более позднего времени» среди «предметов» появляется указание на новый материал – «железный», и однажды в графе «медный» записано слово «бусы».

Важно заметить, что В. А. Городцов в типологии ям установил следующие значения: ямы древнейшего типа для ямных погребений; ямы катакомбного типа для катакомбных погребений; ямы более позднего времени и ямы в насыпи позднейшего типа для погребений, следующих по времени после погребений в срубках и в каменных ящиках. К этому позднейшему типу В. А. Городцов отнес погребение в к. 8 п. 1 у с. Каменка на р. Бахмут, хотя и рассматривает его вместе с погребениями в ямах более позднего времени.

В таком случае у нас получилась выборка из 24 погр., где только для 20 известна ориентация, что составляет 75,72–90,94%. Преобладающая ориентировка на В, её имеют 10 погр., или 31,60–51,73%. В восточном направлении ориентированы 13 погр., или 43,99–64,33%. В западном направлении ориентированы 7 погр., или 19,88–38,44%. Положение скелетов на боку – 20 погр. (7 – пр. бок (24,33–45,66%) и 13 – л. бок (54,33%–75,66%)), или 75,72–90,94%. Глиняные сосуды найдены в 2 погр., ориентированных на 3 (4,55–

⁶ Там же. С. 279.

⁷ Там же.

22,11%), и в 10 погр., ориентированных на В (54,49–78,83%).

Из этой таблицы следуют выводы:

- общая черта для погребений «в ямах более позднего времени» – положение погребённых преимущественно на левом боку;

- является обоснованным деление на 2 группы: – с западной и восточной ориентацией;

- для погребений с восточной ориентацией более характерно наличие глиняных сосудов (54,49–78,83%), чем для погребений с западной (4,55–22,11%).

Поскольку, как утверждает О. А. Кривцова-Гракова, исследованиями нескольких поколений археологов выяснен факт, что «погребения в насыпах и на горизонте» представляют собой истинное явление в срубной культуре или вариант погребений срубной культуры [12], анализ таблицы VI «Погребения в насыпи и на горизонте»¹, в которой представлена выборка из 66 погр., может дать интересные наблюдения.

Ориентация погребённых в этой выборке известна только для 48 погр., или 66,13–77,14%. При этом ориентацию на В имеют 40 погр., или 53,70–65,69%, а на З – 7 погр., или 6,71–14,18%. Таким образом, подтверждается деление на 2 группы с диаметральной широтной ориентацией погребённых.

Преимущественное положение погребённых приходится на левый бок (38 случаев, или 50,66–62,76%). Во всех 66 погр. 38 сосудов, при этом 8 сосудов происходит из погребений с невыясненной ориентировкой. В 40 погр. с ориентацией на В было 27 сосудов (60,09–74,90%), в то время как в 7 погр. с ориентацией на З – 1 сосуд (0,05–6,61%). Как и при рассмотрении таблиц № 3–5, здесь видно, что наличие сосудов для погребений с

западной ориентацией нехарактерно, в то время как в погребениях с восточной ориентацией сосуды есть в 67,5%±7,40% случаев.

Попытаемся соединить несколько выборок, которые на данный момент, после предложения О. А. Кривцовой-Граковой, мы будем считать относящимися к срубной культуре, и рассмотрим их вместе.

Теперь наша выборка будет иметь 90 единиц. Правда, для 22 (19,91%–28,97%) из них ориентировка неизвестна. В восточном направлении ориентировано 53 погр., или 53,70–64,07%, в направлении на З – 14 погр., или 11,73–19,37%. На левом боку находится костяк в 51 погр., или 51,44–61,89%. Всего во всех 90 погр. найдено 53 глиняных сосуда. В 14 погр. с ориентацией на З известно 3 сосуда (2,48–8,83%), в то время как из 53 погр. с ориентацией на В сосуды есть в 37 (63,50–76,11%).

Таким образом, более представительная выборка подтвердила выводы, которые были сделаны нами ранее после анализа таблиц III и IV, а именно, – выделяются 2 основные группы погребений по ориентации – на В (53 погр.) и на З (14 погр.). Для группы с ориентировкой на В характерно наличие глиняных сосудов в погребениях (в 37 из 53), а для группы с ориентировкой на З эта черта нехарактерна (в 3 из 14). Для последующего анализа нам необходимы данные о положении рук погребённых, инвентаре из камня, кости, металла, форме и орнаментации керамики из погребений, а также анализ других материалов, в том числе и специфика погребальных сооружений. Однако эти данные В. А. Городцовым зачастую были опущены.

Особое внимание хотелось бы сконцентрировать на погребениях, которые В. А. Городцовым были названы «погребения в срубках» или «срубные погребения»² и которые, по его словам, с опорой на данные раскопок курганов Каменки (к. 15, п. 2) и Ступки (к. 5, п. 5)

¹ Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I. / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 280–281.

² Там же. С. 253–257.

в «Придонецком крае явились позже катакомбных»¹. В районе Бахмута было открыто всего 5 срубных погребений, в то время как в районе Изюма – 37. Кроме того, у с. Щеловка (к. 16, п. 2 – В, л/б, +сосуд) встречено ещё 1 погр., похожее на срубное. Наличие сруба подверглось сомнению из-за ветхости дерева. Погребение было совершено в насыпи. При нём найдены черепа и ноги коровы и овцы, а также «кремнёвый прекрасно оббитый наконечник стрелы»².

Обратимся к описаниям В. А. Городцова. В разделе III «Погребения в срубах» он сообщает, что эти погребения, судя по курганам на р. Бахмут у с. Каменка (к. 15, п. 2 – 3, л/б, -/с) и Ступки (к. 5, п. 5 – В, л/б, +сос.), были вводными в насыпи курганов, где основными погребениями были катакомбные³.

На р. Торце было исследовано 3 хорошо сохранившихся сруба, в неглубоких грунтовых ямах, погребения принадлежали взрослым индивидам. Простейший из них (Камышеваха, к. 8, п. 3 – 3, Ч, л/б, б/с) состоял из 4 толстых дубовых брёвен – «лафетов», стёсанных с внутренних граней. Концы продольных брёвен обработаны на четырёхгранные шипы и вложены в пазы поперечных брёвен (рис. 2).

Размер сруба – 2 арш. 10 верш. в длину и 1 арш. 1 верш. в ширину и высоту 8 вершков. Сверху сруб накрывался 6 дубовыми обугленными пластинами. Подстилкой покойнику служил луб⁴. Перед лицом покойника, ориентированного головой на 3, лежал неопределённый деревянный предмет, имевший вид узкой пластинки в виде линейки.

¹ Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I. / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 254.

² Там же. С. 254.

³ Там же. С. 234.

⁴ Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 365. Рис. 99.

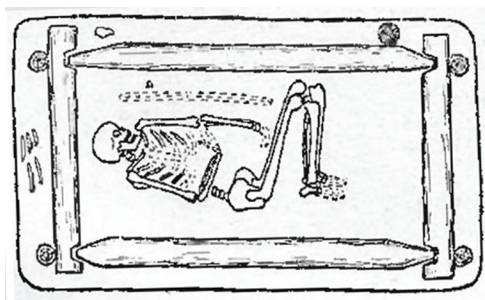

Рис. 2 / Fig. 2. Камышеваха, к. 8, п. 3 (по В. А. Городцову) / Kamyshevakh, mound 8, burial 3 (according to V. A. Gorodtsov)

Источник: Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I. / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 234

Другой сруб (Камышеваха, к. 5, п. 1 – 3, Ч, л/б, -/с) устройством походил на вышеописанный, но отличался большей тщательностью отделки. Стены его состояли не из брёвен, а широких дубовых, слегка обугленных досок (рис. 3).

Рис. 3 / Fig. 3. Камышеваха, к. 5, п. 1 (по В. А. Городцову) / Kamyshevakh, mound 5, burial 1 (according to V. A. Gorodtsov)

Источник: Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I. / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 234

Сруб был сначала закрыт досками, затем слоем лёсса, вынутого из ямы, а сверху лёсса заложен двойным рядом нетолстых

бревен, из которых нижние лежали вдоль, а верхние – поперёк сруба. Данное сооружение ранее не встречалось в придонских срубных погребениях¹. В погребении и в насыпи кургана обнаружены обломок бронзового долотца, кремьень, черепа и ноги нескольких коров, следы костра, насыпь была обложена камнями.

Ещё более сложное и оригинальное устройство найдено в третьем погребении (Камышеваха, к. 7, п. 1 – В, W, л/б, +7 сосудов) (рис. 4).

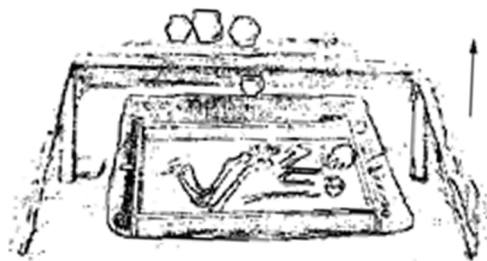

Рис. 4 / Fig. 4. Камышеваха, к. 7, п. 1 (по В. А. Городцову) / Kamyshevakh, mound 8, burial 1 (according to V. A. Gorodtsov)

Источник: Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I. / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 234

Это дощатый сруб, аналогичный по устройству предыдущему. Особенность его составляет шалаш, выстроенный над срубом. Шалаш состоял из 2 столбов, врытых в круглые ямы в головах и ногах покойника вне сруба. На верхние концы столбов положено бревно, к которому прислонены сучья так, чтобы образовывали решётку двускатной крыши из камыша. Перед лицом покойника, который лежал головою на СВ, был поставлен глиняный горшок и положен ряд позвонков животного (овцы). В погребении найдены остатки распавшихся на мелкие

крупинки бронзовых бусинок (?)². Между стенками сруба и ямы, в которой стоял сруб, в каждый угол вложены по одной ноге коровы и 1 горшочек. На краях ямы, под крышей шалаша, стоял третий горшочек вверх дном, и рядом с ним лежала известковая плитка. На гребне крыши шалаша поставлены рядом 3 горшка кверху дном и рядом с ними – жерновок и кремьень. В насыпи, обложенной камнями, найдены следы костра, череп и ноги коровы, горшок, точильный камень, жжённые кости.

Оба сруба со сложными покрытиями являлись основными погребениями в курганах, вводных погребений не было совсем.

Во всех исследованных срубах, пишет В. А. Городцов, находилось по одному костяку, который лежал «согнуто» (по Городцову, эта позиция может означать положение, слабо скорченное на боку (Камышеваха, к. 7, п. 1) или на спине с разворотом на бок (Камышеваха, к. 5, п. 1)), головами в 3 случаях на 3 (Каменка, к. 15, п. 2; Камышеваха, к. 5, п. 1, Камышеваха, к. 8, п. 3) и в 2 – на В (Камышеваха, к. 7, п. 1, Ступки, к. 5, п. 5), при этом срубы с ориентацией на В содержали сосуды³.

Итак, мы видим, что исследователь уделяет много внимания погребальным сооружениям и инвентарю, однако описание их он делает суммарным. Различия же, наблюдаемые между ними, он относит за счёт вариативности и индивидуальной специфики каждого из погребений.

Предыдущие исследования в бассейне Северского Донца (Изюмский уезд Харьковской губернии)

После завершения археологических раскопок в Бахмутском уезде В. А. Городцов подвёл итоги с учётом результатов

² Там же. С. 362–363. Рис. 97–98.

³ Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 236.

¹ Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. I / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 355–356. Рис. 95–96.

своих предыдущих наблюдений в Изюмском уезде¹. На решение исследователя о выделении «погребений в срубках» не влияли его предыдущие наблюдения над стратиграфией, ориентировкой, положением костяков в 37 такого рода погребениях, изученных в Изюмском уезде.

Среди 37 погр. в срубках: 5 – с неизвестной ориентацией (7,89–19,13%), 14 – на В (34,98–52,51%), 16 – на З (41,16–58,83%), 2 – на С (1,68–9,12%). В 32 срубках с известной ориентацией в 11 были сосуды (25,97–42,77%), сосудов вовсе не было в 27 срубках (77,95–90,79%).

Западную ориентацию имели 16 срубов (41,16–58,81%), и все без сосудов. Восточную ориентацию имели 14 срубов (34,98–52,51%). Не содержали сосуды погребения в 4 срубках на В (6,05–18,34%). Сосуды в погребениях на В имелись в 10 срубках (65,23–88,60%).

Всего в Бахмутском и Изюмском уездах исследовано 42 погр. в срубках, из них 5 – с неизвестной ориентацией (6,90–16,90%), 16 – ориентированы на В (30,60–45,58%), 19 – на З (37,55–52,91%), 2 – на С (1,47–8,04%).

В 37 срубках с известной ориентацией сосуды были в 14 (29,86–45,81%), сосудов не имелось в 29 погр. (61,91–76,18%).

Западная ориентация и отсутствие сосудов были у 18 погр. (89,61–99,85%). Западная ориентация и наличие сосудов – в 1 случае (0,14–10,38%). Восточная ориентация и наличие сосудов – в 10 (50,39–74,60%). Восточную ориентацию без сосудов имели 6 погр. (25,39–49,60%).

Казалось бы, статистика сама говорит за себя: основной характерной чертой захоронений в срубках является отсутствие сосудов в погребениях. При этом раз-

делять погребения на группы по ориентировке в данном случае статистически невозможно. Только лишь при сочетании 2 признаков: «ориентировка» и «наличие/отсутствие сосуда» становится возможным разделение погребений на группы: 1) с западной ориентировкой и без сосудов и 2) с сосудами и преобладающей восточной ориентировкой. Тем не менее В. А. Городцов объединил их в одну группу², и в связи с этим дальнейшая характеристика инвентаря из погребений в срубках даётся им уже суммарно.

Целые сосуды (21 шт.) были найдены в 13 из 37 срубов. Как мы уже отмечали, среди срубов без целых глиняных сосудов выделяется группа из 21 погр., ориентированных на З с отклонениями к С – 60% (по подсчётам В. А. Городцова), или 50,11–66,55%. Среди срубов с погребениями, ориентированными на В, выделяются:

1) группа с сосудами (10 погр., или 65,23–88,60%);

2) без сосудов (4 погр.).

Таким образом, можно сделать вывод, что, видимо, на более позднем этапе в погребениях с восточной ориентацией появляется обычай помещать в захоронение глиняные сосуды. Поскольку существующая погребальная практика не исчезает внезапно, то в более поздних погребениях, а именно «в насыпях и на горизонте», мы можем наблюдать тенденцию, о которой говорили выше: сопровождение глиняными сосудами погребений с восточной ориентировкой среди погребений «в насыпях и на горизонте» вырастает до $86,27 \pm 4,81\%$ по сравнению с $71,42 \pm 12,07\%$ среди срубных погребений. Керамика начинает появляться и в погребениях «в насыпи и на горизонте» с западной ориентацией в $13,72 \pm 4,81\%$.

Очевидно, что одним из хронологических признаков является отсутствие

¹ Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году // Труды XII Археологического съезда. Т. 1 / под ред. графини Уваровой. М., 1905. С. 226–340; Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году // Труды XII Археологического съезда. Т. 2 / под ред. графини Уваровой. М., 1905. С. 174–225.

² Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. 1 / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 211–365.

сосудов в погребениях, на что не было обращено должного внимания. При этом для погребений, содержащих сосуды, наиболее характерной является восточная ориентировка (от 81,45% до 91,09%), в то время как для погребений с западной ориентацией эта черта наблюдается от 8,90% до 18,54%.

Сам В. А. Городцов отмечал, что срубы с погребениями с 3 ориентировкой предшествуют срубам с В ориентацией и что в последних были найдены острорёберные сосуды. Хотя в погребениях с костяками, ориентированными на 3, целые сосуды не были им найдены, за острорёберной керамикой после В. А. Городцова утвердилось наименование «раннесрубной».

В итоге В. А. Городцов пришёл к выводу, что погребения в «насыпях» и «на горизонте» несколько позже погребений в «срубах». Если мы соединим общие выборки по всем срубным погребениям Изюмского и Бахмутского уездов и присоединим к ним погребения «в насыпях и на горизонте» с погребениями «в срубах» и «кам/ящ», то получится выборка в 198 погр. с известной ориентацией. Из них 167 имеют широтную ориентацию (81,76–86,92%), где ориентировка на В – у 115 погр. (65,27–72,44%), а ориентировку на 3 – у 52 погр. (27,55–34,72%).

Из 167 погр. с широтной ориентировкой только 100 погр. (56,08–63,67%) сопровождалось сосудами. Из 115 погр., ориентированных на В, сосудами сопровождалось 80 погр., или 65,72–73,85%, а из 52 погр. на 3 сосуды имелись в 20 погр., или 31,71–45,20%.

На основе полученных нами статистических данных можно сделать следующие выводы:

1. преобладающей ориентировкой является широтная (81,76–86,92%);
2. статистически чётко выделяются 2 группы: на В – 65,27–72,44% и на 3 – 27,55–34,72%.

Поскольку глиняные сосуды были в 100 из 167 погр. с широтной ориентировкой (56,08–63,67%), и при этом 80 сосудов

было в 115 погр. на В (65,72–73,85%), а 20 сосудов в 52 погр. с 3 ориентировкой (31,71–45,20%), то можно утверждать, что выделение нами 2 групп (с ориентировками на В и на 3) подтверждается ещё и признаком наличия/отсутствия глиняных сосудов.

Отметим, что таблицы, составленные по разделам, в целом совпадают с такими для Бахмутского уезда, однако раздел VI¹ получил наименование «Погребения в насыпях и на горизонте» (к ним отнесено 66 погр.) вместо «Скорченные погребения в насыпях курганов». Проанализировав раскопочные материалы В. А. Городцова, мы обнаружили, что погребениями «в насыпи» он назвал 50 захоронений, в то время как погребений «на горизонте» – всего 6.

Итоги исследований В. А. Городцова в бассейне Северского Донца

После рассмотрения погребений в срубах, исследованных в Изюмском и Бахмутском уездах В. А. Городцовым, вырисовывается следующая картина. Деревянные погребальные конструкции, названные им «срубами», устроены по-разному. Информации для статистического анализа этого аспекта недостаточно, но ясно, что некоторые «срубы» представляют собой дощатые конструкции, которым мы дали обозначение «рамы» [17; 23], другие сделаны из отёсанных брусьев или брёвен.

Из данных В. А. Городцова следует, что разница между погребениями состоит не только в конструкции сруба, но и в ориентировке и положении погребённого, а также наличии/отсутствии глиняного сосуда и другого сопроводительного инвентаря [22; 28]. Для описания положения погребённых В. А. Городцовым употребляются определения: скорченно, сильно скорченно, слегка скорчен, согнут (рис. 5).

¹ Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году // Труды XII Археологического съезда. Т. 1 / под ред. графини Уваровой. М., 1905. С. 280.

1. Великая Камышеваха, к. 2, п. 1

2. Великая Камышеваха, к. 2, п. 2

Рис. 5 / Fig. 5. Погребения в «срубках» с погребёнными, ориентированными на В и СВ (по В. А. Городцову) / Burials in timber-graves with the bones orientated in the E and NE direction (according to V. A. Gorodtsov)

Источник: Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году // Труды XII Археологического съезда. Т. 1 / под ред. графини Уваровой. М., 1905. С. 174–225

К счастью, при описании курганов №№ 5 и 8 у с. Камышеваха Бахмутского уезда им были представлены описания и рисунки погребений № 1 и № 3 в «срубках», где погребённые, по словам В. А. Городцова, лежали в «согнутом» состоянии. Лишь

только в этом случае стало понятно, что речь идёт о положении костяков на «спине с разворотом на бок, с одной рукой вытянутой вдоль тела и другой согнутой в локте» (рис. 6). Увы, устаревшая терминология В. А. Городцова дожила до наших дней.

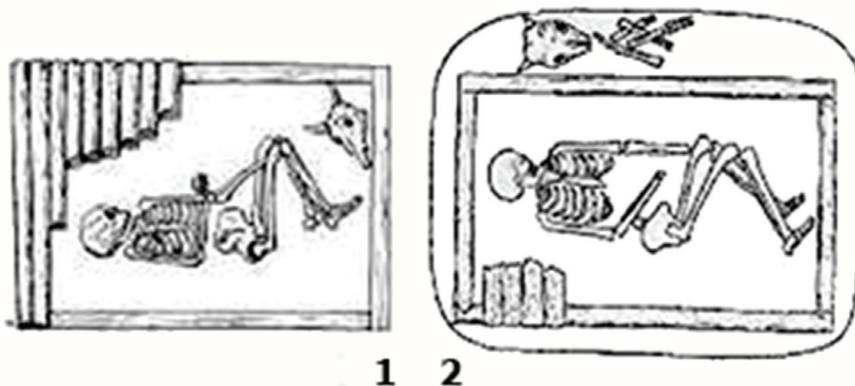

Рис. 6 / Fig. 6. Погребения в «срубках» с костяками, ориентированными в направлении на З (по В. А. Городцову). Изюмский уезд / Burials in timber-graves with the bones orientated in the W direction (according to V. A. Gorodtsov). Izium district

Источник: Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. 1 / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 356–357. Рис. 96; С. 365. Рис. 99.

Сравнивая культуру срубного народа с предшественниками, В. А. Городцов говорит, что она по некоторым признакам стояла выше катакомбной культуры. Развитое плотническое искусство, каким обладал этот народ, показывает, что в его распоряжении имелись прекрасные металлические, вероятнее всего, бронзовые топоры и другие инструменты, с помощью которых он соорудил постройки в форме шалашей¹.

Всегда, когда речь заходит о культурах эпохи бронзы Восточной Европы, вспоминают о вкладе В. А. Городцова. Так, в 1955 г. его ученица и последовательница О. А. Кривцова-Гракова пишет: «В результате археологических раскопок В. А. Городцова под Изюмом и Бахмутом (ныне Артёмовск) в 1901–1903 гг. значительно пополнились данные о культурах бронзового века в южных степях нашей страны. В отчётах о раскопках и в обобщающем исследовании В. А. Городцов определил последовательность сменявших друг друга культур и разработал их относительную и абсолютную хронологию. Схема, установленная им, в своих основных чертах остаётся верной и в настоящее время; лишь отдельные положения В. А. Городцова не получили подтверждения при дальнейших работах и были изменены» [12, с. 5]. Какие же именно?

Последствия открытий В. А. Городцова

В результате двухлетних исследований в бывших Изюмском и Бахмутском уездах В. А. Городцов пришёл к заключению, что срубная культура на Украине не является исконной. В противоположность этому местное происхождение срубной культуры на Волге уже в конце 1920-х гг. представлялось неоспоримым. По погребальным сооружениям большая часть этих погребений была отнесена В. А. Городцовым к срубной культуре. Среди обнару-

женных им погребений в срубках он различал погребения с западной и восточной ориентацией. Опираясь на стратиграфические данные, он признавал, что срубы с западной ориентацией костяков являются самыми ранними среди срубных погребений и идут непосредственно после погребений катакомбной культуры. Костяки в погребениях не сопровождалось, как правило, целыми глиняными сосудами.

Однако главным для исследователя было наличие погребального сооружения – «сруба». Было бы неверным утверждать, что В. А. Городцов, придававший большое значение керамике², не обратил внимания на отсутствие целых сосудов, однако от внимания последующих поколений исследователей этот признак ускользнул. Поскольку самые ранние погребения в срубках, не содержавшие сосуды, были объединены с более поздними срубными погребениями, содержавшими острорёберные сосуды, то за ними закрепилось наименование «раннесрубных». Именно такое не критичное восприятие научного наследия В. А. Городцова впоследствии негативно отразилось на исследованиях погребальных памятников как самой срубной культуры, так и культуры многоваликовой керамики.

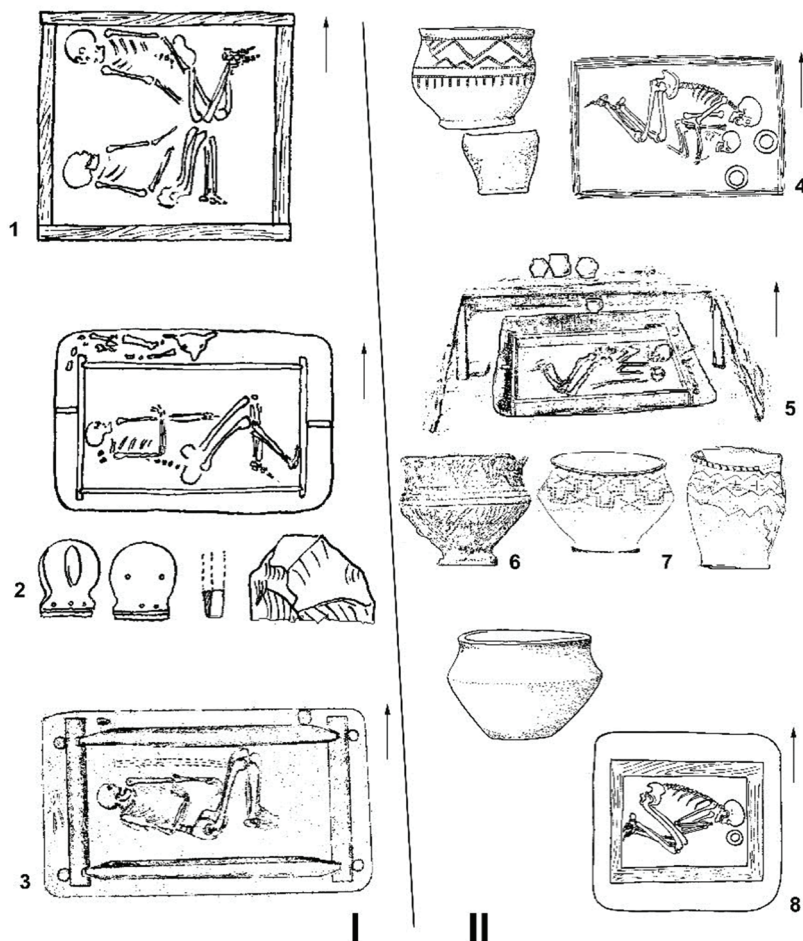
Находясь под влиянием работ В. А. Городцова, многие археологи считают погребальное сооружение едва ли не самым важным определяющим признаком и потому кладут его в основу своих классификаций. При этом одни и те же формы погребальных сооружений характерны для разных культур, как, например, деревянные конструкции в виде рам и срубов – для культуры многоваликовой керамики и для срубной культуры (я уже не упоминаю деревянные конструкции андроновской культуры и раннего железного века). Это обстоятельство затрудняет культурную атрибуцию погребений.

¹ Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году // Труды XII Археологического съезда. Т. 1 / под ред. графини Уваровой. М., 1905. С. 247–248.

² Городцов В. А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве / под ред. графини Уваровой и С. С. Слущкого. Т. 1. М., 1901. С. 577.

В начале 1970-х гг. после изучения исследований В. А. Городцова мною был сделан вывод, что погребальные деревянные конструкции в виде дощатых рам со слабоскорченными погребениями, ори-

ентированными на 3 и не сопровождающиеся целыми сосудами, принадлежат культуре многоваликовой керамики [15; 16; 18], в то время как собственно срубные конструкции, использующие брёвна,

I. Погребения в рамах, где костяки ориентированы на 3:
1 – Каменка, к. 1, п. 12; 2 – Камышеваха, Волчье поле, к. 5, п. 1; 3 – Камышеваха, к. 8, п. 3

II. Погребения в рамах, где костяки ориентированы на В:
4 – Ново-Александровка, к. 4, п. 2; 5 – Камышеваха, к. 7, п. 1; 6 – Каменка, к. 6, п. 1; 7 – Юзовка, к. 26, п. 3; 8 – Райское, к. 1, п. 1

Рис. 7 / Fig. 7. Культурно-хронологические группы погребений в «срубках» по материалам В. А. Городцова (раскопки в в Изюмском (1901) и Бахмутском (1903) уездах в бассейне р. Северский Донец) / Cultural and chronological groups of burials in timber-graves according to the materials of V. A. Gorodtsov (excavations in Izyum (1901) and Bakhmut (1903) districts in the Seversky Donets river basin)

Источник: Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году // Труды XII Археологического съезда. Т. 1 / под ред. графини Уваровой. М., 1905. С. 174–225; Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. Т. 1 / под ред. графини Уваровой. М., 1907. С. 211–285.

лафеты или брусы, с сильно скорченными погребениями, ориентированными на В и сопровождающимися целыми сосунами, принадлежат собственно срубной культуре [19; 20; 21; 22].

В своё время Л. С. Клейн [11], чтобы различать деревянные погребальные конструкции, принадлежащие срубной культуре и культуре многоваликовой керамики, предлагал ввести понятие «рамной культуры». Да и сейчас наряду с архаичными терминами В. А. Городцова периодически появляются новые понятия типа «рамы-срубы».

Заключение

Итак, в 120-ю годовщину знаменательного открытия основных археологических культур эпохи бронзы Восточной Европы, сделанного выдающимся археологом В. А. Городцовым, можно с удовлетворением отметить, что, несмотря на прошедший отрезок времени, полученные им результаты не потеряли своей ценности. Однако их конструктивный и критический анализ даёт возможность по-новому оценить это открытие.

Недостатки в проведении исследований В. А. Городцова, которые были отмечены выше, не умаляют ни в коей мере его заслуг. Ведь одновременно с ним работала ещё когорта таких археологов, как В. Харламов, Е. Мельник, Дм. Яворницкий, Е. Трифилев, Ю. Готье и др., но ни у одного из них мы не найдем такого обстоятель-

ного и внимательного подхода к фиксации и описанию исследуемых памятников.

Говоря о необходимости пересмотра периодизации В. А. Городцова, на которой ныне настаивает ряд археологов, надо признать, что именно им уже был подготовлен этот шаг. Достаточно более внимательно посмотреть на всю проделанную им подготовительную работу и спросить: разве не В. А. Городцов открыл, что самые ранние погребения в срубах имеют ориентировку на запад? Разве не он отметил, что в них нет целых глиняных сосудов? Разве он не говорил, что погребения без сосудов с западной ориентировкой предшествуют погребениям в срубах с восточной ориентировкой, сопровождающимся целыми глиняными сосунами? Оставалось их только разделить!

Однако выделение им погребального сооружения как основного критерия для определения культурного типа и акцент на важности керамического материала, который в данных погребениях отсутствовал, помешали исследователю выйти на результат, который им самим был уже подготовлен. Установки самого автора в отношении методики выделения археологических культур не позволили ему сделать это. Поэтому не случайно, когда в 1915 г. В. А. Городцов ознакомился с материалами Одесского кургана, где погребения культуры многоваликовой керамики представлены достаточно ярко, он так и не смог их правильно интерпретировать.

Дата поступления в редакцию 22.09.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозорова И. В., Кузьминых И. В., Сафонов И. Е. Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения) // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 472–510.
2. Белозорова И. В., Кузьминых И. В. Научная деятельность В. А. Городцова в годы Первой мировой войны // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. V / отв. ред. А. Г. Ситиков. Казань: Отечество, 2015. С. 114–118.
3. Березанская С. С., Чередниченко Н. Н. Срубная культура // Археология УССР. Т. I. Киев: Наукова думка, 1985. С. 462–472.
4. Бочкарёв В. С. Периодизация В. А. Городцова в контексте хронологических исследований Европейского бронзового века // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация / редкол. Ю. И. Колев и др. Самара: НТЦ, 2001. С. 8–10.

5. Бочкарёв В. С. Периодизация В. А. Городцова в контексте хронологических исследований европейского бронзового века // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы: мат-лы науч. конф. / редкол. Ю. И. Колев и др. Самара: СамГПУ, 2001. С. 8–10.
6. Бочкарёв В. С. «Радиоуглеродная революция» и проблема периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы // Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья / редкол. Е. Н. Носов и др. СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 2013. С. 59–76.
7. Бочкарёв В. С. Археологические проблемы радиоуглеродной хронологии (по материалам эпохи бронзы южной половины Восточной Европы) // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: мат-лы науч. конф. / отв. ред. Е. А. Черленок. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 7–12.
8. Братченко С. Н. Погребения срубной культуры // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье / отв. ред. Д. Я. Телегин. Киев: Наукова думка, 1977. С. 17–21.
9. Гриб В. Х. К вопросу о срубках в погребениях бронзового века на территории Донецкой и Ворошиловградской областей // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: тез. докл. конф. / отв. ред. А. А. Моруженко. Донецк, 1979. С. 77–78.
10. Качалова Н. К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность / отв. ред. С. Г. Басин. Куйбышев, 1985. С. 33–35.
11. Клейн Л. С. Археологическая типология. Типы Городцова. Л.: АН СССР, 1991. 447 с.
12. Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 166 с.
13. Литвиненко Р. А. Погребальные сооружения срубной культуры Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья // Донецкий археологический сборник / науч. ред. В. А. Посредников. Донецк, 1992. С. 29–46.
14. Наследие В. А. Городцова и проблемы современной археологии / отв. ред. С. В. Студизцкая. М.: ГИМ, 1988. 190 с.
15. Писларий И. А. О двух культурно-хронологических группах погребений в срубках бассейна Северского Донца // Новейшие открытия советских археологов: тез. докл. конф. Ч. 1 / отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1975. С. 89–90.
16. Писларий И. А. Новые материалы для изучения вопроса о сложении срубной культуры // Открытия молодых археологов Украины: тезисы докл. конф. Ч. 1 / отв. ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1976. С. 18–19.
17. Писларий И. А. Деревообработка в эпоху меди-бронзы в Донецкой лесостепи // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: тезисы докл. конф. / отв. ред. А. А. Моруженко. Донецк, 1979. С. 20–21.
18. Писларий И. А. Итоги изучения памятников середины II тыс. до н. э. в Донецкой лесостепи // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг.: тезисы док. / отв. ред. В. Ф. Генинг. Днепропетровск: ДГУ, 1980. С. 55–68.
19. Писларий И. А. О методе проверки однородности массива археологических памятников // Новые методы археологических исследований / отв. ред. В. Ф. Генинг. Киев: Наукова думка, 1982. С. 169–193.
20. Писларий И. А., Пожидаев В. Ф. О применении метода процентных соотношений // Методологические и методические вопросы археологии / отв. ред. В. Ф. Генинг. Киев, 1982. С. 178–187.
21. Писларий И. А. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 22 с.
22. Писларий И. А. Погребальный обряд племен культуры многоваликовой керамики // Древняя история населения Украины. Киев, 1991. С. 52–66.
23. Писларий И. А. Деревообработка в эпоху средней бронзы // Хозяйство древнего населения Украины. Ремесло и промыслы древнего населения Украины. Ч. 2 / редкол. Ю. Д. Кибальник и др. Киев, 1995. С. 196–210.
24. Сафонов И. Е. В. А. Городцов и изучение эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002. 23 с.

25. Симоненко В. Д. Очерки о природе Донбасса. Донецк, 1977. 149 с.
26. Смирнов А. С. В. А. Городцов как представитель московской археологической школы дореволюционного времени // Краткие сообщения Института археологии. № 240 / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 318–328.
27. Татаринцов С. И. В. А. Харламов – руководитель «белоказначества» и В. А. Городцов // Праці Центру пам'яткознавства. 2011. Вип. 19. С. 180–184.
28. Pâslaru I. Ritul funerar al triburilor culturii ceramicii cu decor vălurit (sec. XVII–XVI) // Carpica. 1994. Vol. XXV. P. 23–44.
29. Отрощенко В. В. Міркування щодо концепцій культурогенезу // Археологія і давня історія України. 2021. Вип. 2. С. 52–58.

REFERENCES

1. Belozerova I. V., Kuzminykh I. V., Safonov I. Ye. [Vasilij Alexeevich Gorodtsov: life course (In commemoration of the 150th birth anniversary of the scholar)]. In: *Rossiyskiy arkeologicheskij yezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook], 2011, no. 1, pp. 472–510.
2. Belozerova I. V., Kuzminykh I. V. [Scientific activity of V.A. Gorodtsov during the First World War]. In: Sitdikov A. G., ed. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkeologicheskogo syezda. T. V* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress. Vol. V]. Kazan, Otechestvo Publ., 2015, pp. 114–118.
3. Berezanskaya S. S., Cherednichenko N. N. [Timber culture]. In: *Arkheologiya USSR* [Archeology of the Ukrainian SSR. Vol. I]. Kiev, Naukova Dumka Pul., 1985, pp. 462–472.
4. Bochkarev V. S. [Periodization of V. A. Gorodtsov in the context of chronological studies of the European Bronze Age]. In: Kolev Yu. I., ed. *Bronzovyy vek Vostochnoy Yevropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya* [Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization]. Samara, STC Publ., 2001, pp. 8–10.
5. Bochkarev V. S. [Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization]. In: Kolev Yu. I., ed. *K stoletiyu periodizatsii V. A. Gorodtsova bronzovogo veka yuzhnoy poloviny Vostochnoy Yevropy* [To the century of V. A. Gorodtsov's periodization of the Bronze Age of the southern half of Eastern Europe]. Samara, SamSPU Publ., 2001, pp. 8–10.
6. Bochkarev V. S. ["Radiocarbon revolution" and the periodization problem of Bronze Age materials in south part of Eastern Europe]. In: Nosov E. N., ed. *Printsipy datirovaniya pamyatnikov epokhi bronzы, zheleznoy veka i srednevekovyia* [Principles of dating monuments of the Bronze Age, Iron Age and the Middle Ages]. St. Petersburg, IIMK RAN Publ., SpbGU Publ., 2013, pp. 59–76.
7. Bochkarev V. S. Archaeological problems of radiocarbon chronology (based on materials from the Bronze Age of the southern half of Eastern Europe). In: Cherlenok E. A., ed. *Problemy periodizatsii i khronologii v arkeologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Yevropy* [Problems of periodization and chronology in the archeology of the early metal era of Eastern Europe]. St. Petersburg, Skifia-print Publ., 2013, pp. 7–12.
8. Bratchenko S. N. [Burials of the Timber culture]. In: Telegin D. Ya., ed. *Vilnyanskiye kurgany v Dneprovskom Nadporozhye* [Vilnyan mounds in the Dnieper Nadporozhye]. Kiev, Naukova Dumka Pul., 1977, pp. 17–21.
9. Grib V. Kh. [On the issue of log houses in Bronze Age burials on the territory of the Donetsk and Voroshilovgrad regions]. In: Moruzhenko A. A., ed. *Problemy epokhi bronzы yuga Vosgochnoy Yevropy* [Problems of the Bronze Age in the south of Eastern Europe]. Donetsk, 1979, pp. 77–78.
10. Kachalova N. K. [Periodization of log monuments of the Lower Volga region]. In: Basin S. G., ed. *Srubnaya kulturno-istoricheskaya obshchnost* [Timber cultural and historical community]. Kuibyshev, 1985, pp. 33–35.
11. Klein L. S. *Arkheologicheskaya tipologiya. Tipy Gorodtsova* [Archaeological typology. Gorodtsov's types]. Leningrd, AN SSSR Publ., 1991. 447 p.
12. Krivtsova-Grakova O. A. *Stepnoye Povolzhye i Prichernomorye v epokhu pozdney bronzы* [Steppe Volga region and the Black Sea region in the late Bronze Age]. Moscow, AN SSSR Publ., 1955. 166 p.
13. Litvinenko R. A. [Funeral structures of the Timber-frame culture of the Donetsov region and the North-Eastern Azov region]. In: Intermediaries V. A., sci. ed. *Donetskiy arkeologicheskii sbornik* [Donetsk archaeological collection]. Donetsk, 1992, pp. 29–46.

14. Studzitskaya S. V., ed. *Gorodtsova i problemy sovremennoy arkheologii* [The legacy of V. A. Gorodtsov and the problems of modern archeology]. Moscow, GIM Publ., 1988. 190 p.
15. Pislariy I. A. [About two cultural and chronological groups of burials in log houses of the Seversky Donets basin]. In: Baran V. D., ed. *Noveyshiye otkrytiya sovetskikh arkheologov. Ch. 1* [Latest discoveries of Soviet archaeologists: abstract. report conf. Part 1]. Kiev, 1975, pp. 89–90.
16. Pislariy I. A. [New materials for studying the question of the composition of the timber-frame culture]. In: Baran V. D., ed. *Otkrytiya molodykh arkheologov Ukrainy* [Discoveries of young archaeologists of Ukraine. Part 1]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1976, pp. 18–19.
17. Pislariy I. A. [Woodworking in the Copper-Bronze Age in the Donetsk forest-steppe]. In: Moruzhenko A. A., ed. *Problemy epokhi bronzы yuga Vostochnoy Yevropy* [Problems of the Bronze Age in the south of Eastern Europe]. Donetsk, 1979, pp. 20–21.
18. Pislariy I. A. [Results of the study of monuments of the mid-2nd millennium BCE in the Donetsk forest-steppe]. In: Gening V. F., ed. *Arkheologicheskiye issledovaniya na Ukraine v 1978–1979 gg.* [Archaeological research in Ukraine in 1978–1979]. Dnepropetrovsk, DSU Publ., 1980, p. 55–68.
19. Pislariy I. A. [On the method of checking the homogeneity of an array of archaeological monuments]. In: Gening V. F., ed. *Novyye metody arkheologicheskikh issledovaniy* [New methods of archaeological research]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1982, pp. 169–193.
20. Pislariy I. A., Pozhidaev V. F. [On the application of the method of percentage ratios]. In: Gening V. F., ed. *Metodologicheskiye i metodicheskiye voprosy arkheologii* [Methodological and methodological issues of archeology]. Kiev, 1982, pp. 178–187.
21. Pislariy I. A. *Kultura mnogovalikovoy keramiki Vostochnoy Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Culture of multi-roll ceramics of Eastern Ukraine: abstract of Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, 1983. 22 p.
22. Pislariy I. A. [Funeral rite of the tribes of the culture of multi-roll ceramics]. In: *Drevnyaya istoriya Ukrainy* [Ancient history of Ukraine]. Kiev, 1991, pp. 52–66.
23. Pislariy I. A. [Woodworking in the Middle Bronze Age]. In: Kibalnik Yu. D., ed. *Khozyaystvo drevnego naseleniya Ukrainy. Remeslo i promysly drevnego naseleniya Ukrainy. Ch. 2* [Economy of the ancient population of Ukraine. Crafts and crafts of the ancient population of Ukraine. Part 2]. Kiev, 1995, pp. 196–210.
24. Safonov I. E. *Gorodtsov i izucheniye epokhi bronzы vostochnoyevropeyskoy stepi i lesostepi: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [V. A. Gorodtsov and the study of the Bronze Age of the Eastern European steppe and forest-steppe: abstract of Cand. Sci. thesis in Historical sciences] Voronezh, 2002. 23 p.
25. Simonenko V. D. *Ocherki o prirode Donbassa* [Essays on the nature of Donbass]. Donetsk, 1977. 149 p.
26. Smirnov A. S. [V. A. Gorodtsov as a representative of the Moscow archaeological school of the pre-revolutionary period]. In: Makarov N. A., ed. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii. № 240* [Brief communications of the Institute of Archeology. No. 240]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2015, pp. 318–328.
27. Tatarinov S. I. [V. A. Kharlamov – leader of the “White Cossacks” and V. A. Gorodtsov]. In: *Pratsi Tsentru pam'yatkoznavstva* [Pratsi Center of Remembrance], 2011, iss. 19, pp. 180–184.
28. Pâslaru I. Ritul funerar al triburilor culturii ceramicii cu decor vălurit (sec. XXII–XXI). In: *Carpica*, 1994, vol. XXV, pp. 23–44.
29. Otroshchenko V. V. [Reasoning about the concepts of cultural genesis]. In: *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukrainy* [Archeology and ancient history of Ukraine], 2021, iss. 2, pp. 52–58.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пыслару Ион – археолог-эксперт Музея археологии «Каллатис»;
e-mail: ipaslaru50@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ion Pyslaru – expert archaeologist, “Callatis” Archaeological museum;
e-mail: ipaslaru50@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пыслару И. Василий Городцов и его схема погребений эпохи бронзы. Анализ исследований (к 120-летию открытия) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 54–75.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-54-75

FOR CITATION

Pyslaru I. Vasily Gorodtsov and his burials scheme of the Bronze age (to the 120th anniversary of the discovery). In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 54–75.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-54-75

УДК 903.2 / 903.5

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-76-92

МАТЕРИАЛЫ СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТРАТИФИЦИРОВАННОГО КУРГАНА ЭПОХИ БРОНЗЫ У Г. КИРОВСКА В СРЕДНЕМ ПОДОНЦОВЬЕ (РАБОТЫ 1974 Г.)

Коваленко П. П., Красильников К. И.

*Центр археологии и этнографии, Луганский государственный педагогический университет
91011, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. На основании частично сохранившейся документации и материалов исследований кургана у г. Кировск установить культурно-хронологическую характеристику погребальных комплексов и их место в региональной периодизации Доно-Донецкого массива.

Процедура и методы. Проведена описательная характеристика материалов исследований. При обработке данных использованы сравнительно-типологический, стратиграфический и планиграфический методы.

Результаты. Посредством анализа совокупности признаков погребального обряда и инвентарных наборов отдельных захоронений определяется их культурно-хронологическая позиция. На основании данных стратиграфии реконструируется модель сооружения кургана и устанавливается относительная хронология комплексов.

Теоретическая и/или практическая значимость. В научный оборот вводятся новые материалы эпохи ранних металлов из спасательных исследований кургана на Правобережье Северского Донца.

Ключевые слова: Среднее Подонцовье, эпоха ранних металлов, бронзовый век, катакомбная культура, срубная культура, погребальный обряд, курган

MATERIALS OF RESCUE ARCHEOLOGICAL EXCAVATIONS OF A STRATIFIED MOUND OF THE BRONZE AGE NEAR THE TOWN OF KIROVSK IN THE SEVERSKY DONETS BASIN (RESEARCH OF 1974)

P. Kovalenko, K. Krasilnikov

*The Archaeology and Ethnography Center of Lugansk State Pedagogical University
ul. Oboronnaya 2, Lugansk 91011, Russian Federation*

Abstract

Aim. To establish the cultural and chronological characteristics of the burial complexes and their place in the regional periodization of the Don-Donets region on the basis of partially preserved documentation and materials from research on the mound near the town of Kirovsk.

Methodology. A descriptive characterization of the research materials was carried out. When processing the data, comparative typological, stratigraphic and planigraphic methods were used.

Results. By analyzing the entirety of features of the funeral rite and the inventory sets of individual burials, their cultural and chronological position is determined. Based on the stratigraphic data, the construction model of the mound is reconstructed and the relative chronology of the complexes is established.

Research implications. New materials from the Early Metal Age rescue studies of the mound on the Right Bank of the Seversky Donets are introduced into the scientific circulation.

Keywords: Seversky Donets Middle Valley, Early Metal Age, Bronze Age, Catacomb culture, Srubnaya culture, funeral rite, mound

Введение

Основными и часто единственными свидетельствами культурно-исторических процессов периода энеолита – бронзового века степей Доно-Донецкого региона являются древние курганные могильники. Их изучение имеет более чем столетнюю историю и с различной степенью интенсивности продолжается в настоящее время.

Наиболее ранние полевые исследования погребальных памятников в бассейне Северского Донца связаны с дореволюционными работами Н. Е. Бранденбурга и В. А. Городцова¹. В 20–30-е гг. XX в. активным исследованием подкурганных захоронений занимается местный краевед С. А. Локтюшев [13]. Последующие десятилетия курганной археологии Северскодонецкого региона отмечены лишь спорадическими раскопками отдельных насыпей. Возобновляются по-настоящему грандиозные работы на территории Донецких степей только в 70–80-е гг. XX в., когда в зонах строительства масштабных мелиоративных систем работают спасательные археологические экспедиции Института археологии Академии наук УССР, Киевского и Донецкого государственных университетов [16]. В последующем, с окончанием функционирования этих новостроечных экспедиций, отмечается значительный спад полевых изысканий. На современном этапе

развития силами местных университетских и музейных сотрудников проводятся лишь ограниченные по масштабам одиночные исследования.

Таким образом, в результате более чем 120-летней полевой деятельности накоплен огромный массив источников по погребальным комплексам всех культурно-хронологических горизонтов, представленных в степной и отчасти лесостепной зонах Юго-восточной Европы. К сожалению, источниковедческий потенциал этих материалов остаётся весьма ограниченным в связи с тем, что около половины всех полученных данных всё ещё недоступны широкому кругу специалистов.

Сегодняшняя военно-политическая обстановка в регионе делает маловероятным в хоть какой-то даже среднесрочной перспективе возобновление практической деятельности по исследованию древних могильников, поэтому особенно актуальным является направление, посвящённое введению в научный оборот результатов исследований прошлых лет. Так, в последнее десятилетие силами местных специалистов уже опубликовано не менее сотни погребальных комплексов, происходящих из более чем двух десятков курганных насыпей [2; 3; 6; 10 и др.]. Тем не менее масштабы существующих архивных источников и, самое главное, их качественное состояние всё ещё требуют огромных усилий по обработке. Настоящей публикацией представляем материалы одного из таких археологических памятников.

В полевой сезон 1974 г. археологическая экспедиция Ворошиловградского государственного педагогического института совместно с Ворошиловградским областным обществом охраны памятников истории и культуры провели спасательные исследования разрушенного

¹ Городцов В. А. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии // Труды XII археологического съезда в Харькове. Т. 1. М., 1905. С. 226–340; Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года // Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе. Т. 1. М., 1907. С. 286–365; Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. СПб: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. С. 162–164, 190.

кургана у г. Кировск на правом берегу р. Лугань в бассейне Северского Донца. Раскопные работы, полевая фиксация и первичная обработка материала осуществлялись под руководством одного из авторов при участии студентов.

По завершению археологических исследований научный отчёт и полевая документация в соответствии с действующими положениями были переданы на постоянное хранение в архив тогда ещё Института археологии Академии наук УССР (шифр 1974/34)¹. Однако позднее, при работе с фондами, выяснилось, что материалы указанных исследований в какой-то момент были практически полностью утрачены – от них сохранилась лишь текстовая часть. В связи с этим сотрудниками Восточнотраинского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины в 2006 г. по имеющимся обрывочным сведениям, прежде всего, архивным данным из фондов Луганского педуниверситета и небольшой опубликованной заметке по результатам работ от 1978 г. [15] взамен утраченного был воссоздан новый научный отчёт. Экземпляр отчёта вновь был передан на постоянное хранение в г. Киев, где в настоящее время хранится под тем же шифром².

Настоящая публикация основана на всей совокупности имеющейся информации, однако часть данных, к сожалению, остаётся со значительными пробелами и неточностями. Чертежи общего плана кургана и стратиграфических профилей подаются на основании сохранившихся материалов с незначительными правками, планы же отдельных насыпей кургана и выбросов из погребений реконструированы по данным разрезов. Планы по-

гребений публикуются без изменений. В тех же случаях, когда они совершенно не соответствуют фотографиям, чертежи подаются лишь схематически, что дополнительно оговаривается в тексте.

Описание и характеристика материалов исследований

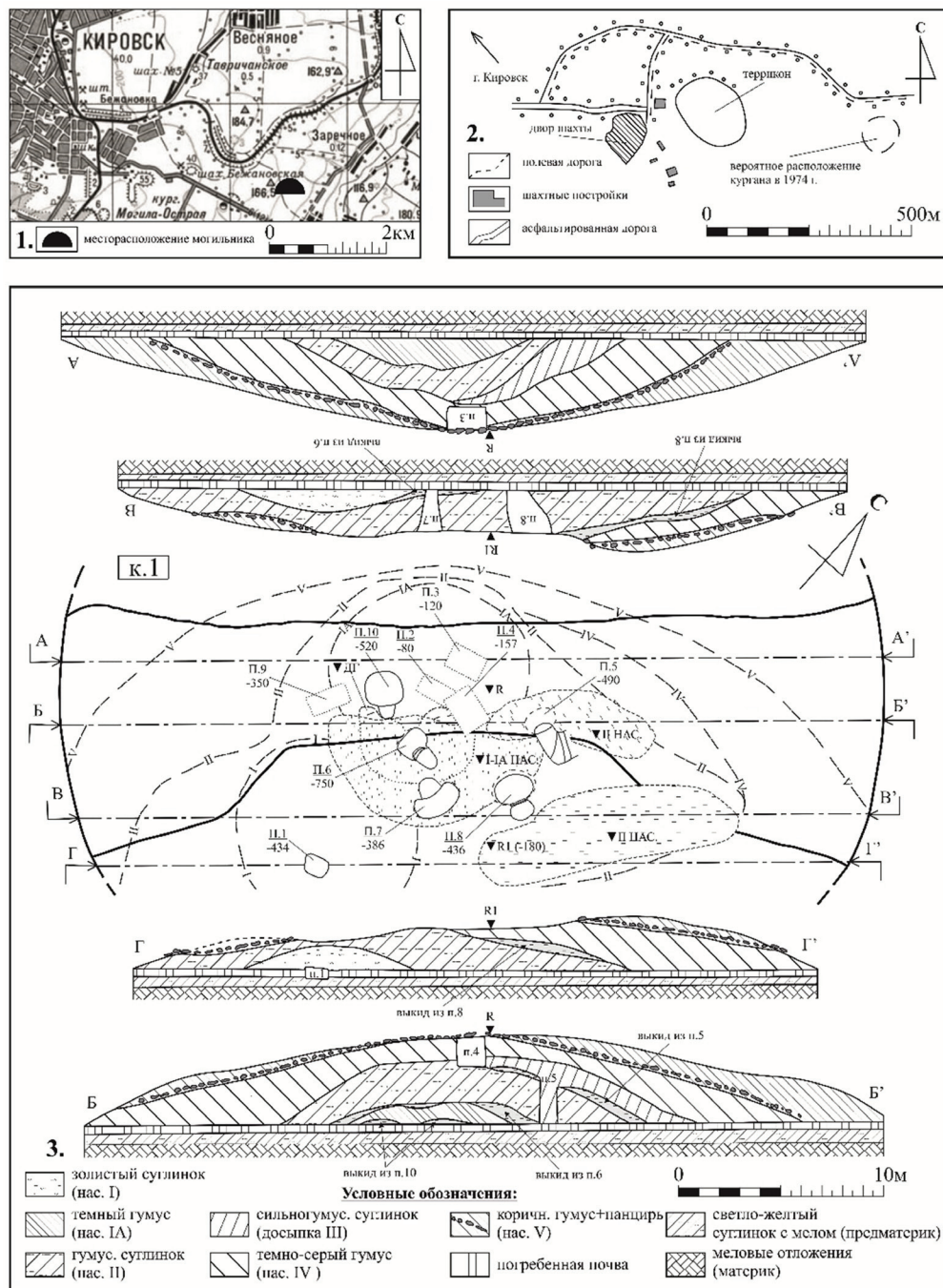
Точное местоположение памятника по сохранившимся данным не известно. Единственная же имеющаяся привязка «600 м к востоку от шахтного двора» позволяет локализовать могильник в пространстве между двумя терриконами шахты «Бежановская» на ЮВ окраине современного г. Кировска. В физико-географическом отношении это участок водораздела р. Лугань и её правобережного притока р. Камышеваха с абсолютными высотными отметками на окружающей местности в пределах 160–170 м (рис. 1.1–1.2).

По свидетельствам очевидцев, в непосредственной близости от исследованного кургана располагалась ещё одна насыпь, к моменту раскопок полностью уничтоженная земляными работами по забору грунта для нужд шахтоуправления. Её высота составляла до 1,5 м, а диаметр – около 15 м. Присутствие на обозначенном участке могильника в составе двух курганов подтверждается и данными военно-топографической карты второй половины XIX в. Кроме того, не более чем в 1,5 км к ЮЗ от разрушенного памятника на картах значится ещё один могильник, основная часть которого сегодня, по всей видимости, также уничтожена или погребена под шахтными отвалами.

Первоначально исследованный курган имел высоту до 4 м и диаметр свыше 40 м, но к моменту полевых работ представлял собой останец центральной части насыпи размерами 40×10 м и высотой не более 4 м от уровня древнего горизонта. Восточная часть насыпи оказалась срезана до материка, а западная и центральная – частично разрушены современными перекопами и инженерными сооружениями времён ВОВ (рис. 1.3).

¹ Красильников К. И. Отчёт о проведении спасательных археологических работ кургана на шахте «Бежановская», г. Кировск Ворошиловградской области, 1974 г. // Архив Института археологии НАН Украины. 1974/34.

² Красильников К. И., Пробейголова А. С. Отчёт о проведении спасательных работ кургана у шахты «Бежановская» г. Кировск в августе 1974 г. // Архив Института археологии НАН Украины. 1974/34.

1. Карта месторасположения памятника
 2. Ситуационный план расположения кургана
 3. План и профили бровок кургана

Рис. 1 / Fig. 1. Могильник шахты «Бежановская», курган 1/ Кировск, исследования 1974 г. / Burial ground of the Bezhanovskaya mine, kurgan 1. Kirovsk, the research of 1974

Источник: данные авторов

Всего в кургане обнаружено 10 погребений различных культурно-хронологических горизонтов: 1 – периода энеолита – ранней бронзы (П1), 6 – эпохи средней бронзы (П5, П6, П7, П8, П9(?), П10), 2 – позднего бронзового века (П2 (?), П4) и 1 – датируется ранним железным веком (П3).

Кроме материалов обозначенных комплексов в составе коллекции из раскопок Бежановского кургана значатся находки без конкретной привязки. Установить их контекстовое положение по имеющейся информации не представляется возможным. Однако, вероятнее всего, эти артефакты происходят из разрушенных погребений, следы которых наблюдались в отвалах как исследованного кургана 1, так и полностью уничтоженного кургана 2. Депаспортизированные материалы представлены находками:

– *кремнёвый клиновидный топор* уплощённой трапециевидной формы (рис. 2.1). Тело орудия в поперечном сечении подпрямоугольное, обушок скруглённый средних параметров. Изготовлен в технике двустороннего ретуширования, местами поверхность со следами шлифования. Его размеры: длина – 12,7 см, ширина лезвийной части – 6,2 см, ширина обушковой части – 3,8 см, толщина тела орудия – 3 см;

– *сосуд* баночной формы ассиметричных пропорций со слегка загнутым внутрь венчиком (рис. 2.2). Поверхность серого цвета без орнамента. Размеры сосуда¹: Дв – 11 см, Дт – 7,8 см, В – 8,6 см, Тс – 0,7 см, Тд – 0,8 см;

– *сосуд* горшковидной формы с отогнутым наружу венчиком и слабо выделенным перегибом в верхней части тулова (рис. 2.3). Верх венчика и перегиб в месте наибольшего диаметра украшены поясами из одиночных округлых вда-

лений. Поверхность серого цвета, тесто грубой формовки. Размеры сосуда: Дв – 12,6 см, Дт – 13,1 см, Дд – 8,5 см, В – 11,2 см, Вг – 1,5 см, Тс – 1 см, Тд – 1,5 см.

Погребение 1 (рис. 2.4) – основное, эпохи энеолита – ранней бронзы, зафиксировано с горизонта погребённой почвы на глубине – 4,2 м и на расстоянии 11,8 м к ЮЮЗ от репера.

Яма подовальной формы размерами 1,2×0,93 м с удлинением по линии ЗЮЗ–ВЗВ. Дно погребения находилось на отметке 4,34 м от репера.

В центре ямы на органическом тлене коричневого цвета обнаружен костяк подростка, придавленный сверху несколькими плитами песчаника.

Погребённый лежал в скорченном положении на левом боку, головой на ССЗ, лицевой частью повернут к В. Левая рука прямая, кистью уложена между большими берцовыми костями, правая рука согнута, её кисть находилась на локте левой руки. Ноги сильно согнуты, угол скорченности в тазобедренных суставах прямой.

Погребение 2 (рис. 2.5) – впускное, неопределённое, обнаружено на глубине 0,8 м в 2,5 м к ЗЮЗ от репера, в пределах II–IV насыпей кургана.

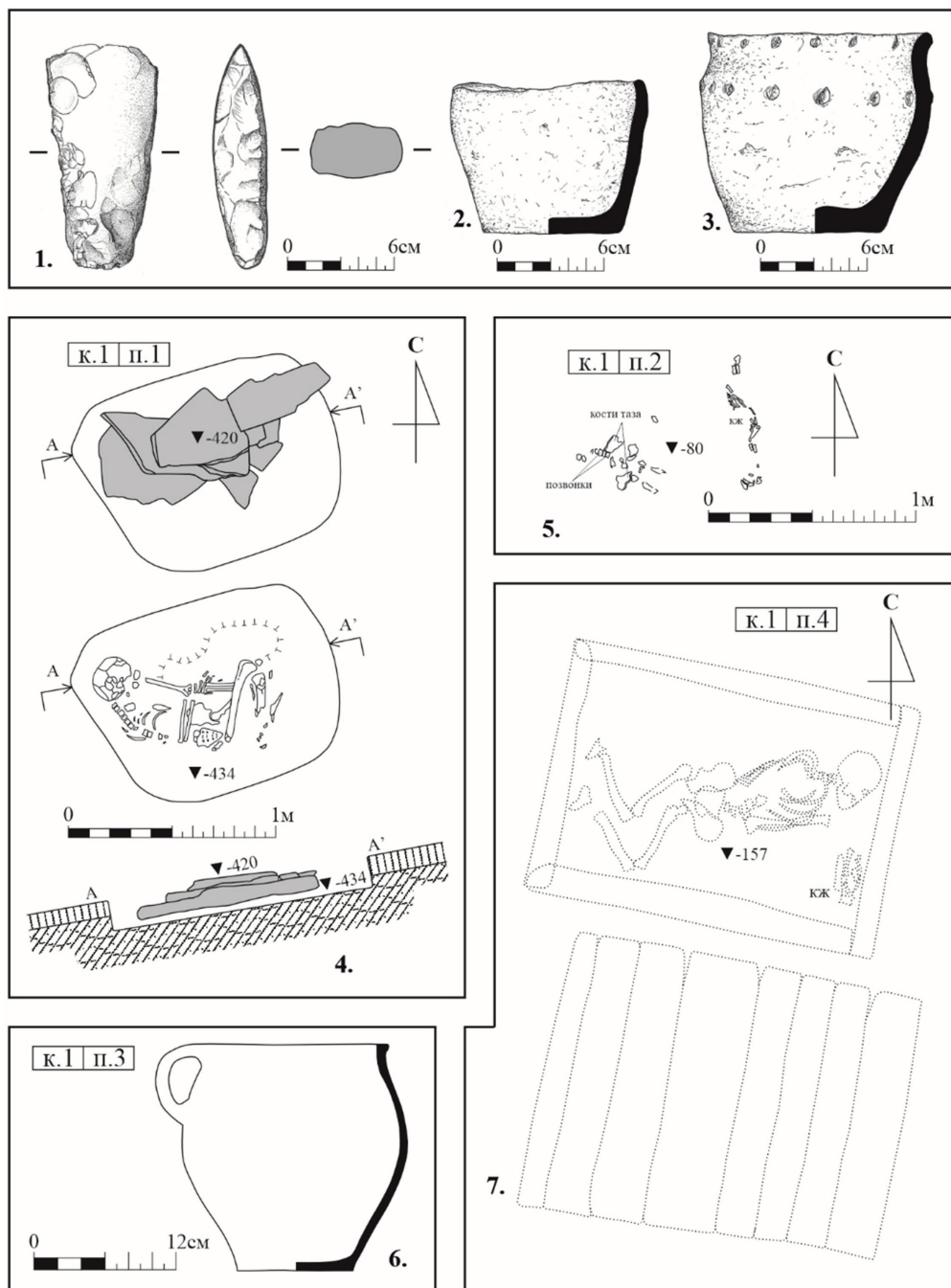
Погребальная конструкция не зафиксирована.

Костные останки плохой сохранности. Судя по ним, погребённый лежал на спине, головой на З. В его ногах находился жертвенник из костей конечностей и черепа МРС.

Погребение 3 – впускное, раннего железного века, зафиксировано на расстоянии 2 м к ЗСЗ от репера непосредственно под вершиной насыпи. Погребение практически полностью уничтожено окопом и огневой точкой времён ВОВ.

Судя по архивным данным, захоронение было совершено в яме, стенки которой были обложены массивными плитами песчаника. Рядом с плитами в переотложенном состоянии на глубине 1–1,2 м от репера находились кости взрослого человека и обломки керамического

¹ Далее при описании размеров сосудов использованы следующие обозначения: Дв – диаметр венчика, Дт – диаметр тулова, Дд – диаметр дна, В – общая высота, Вг – высота горловины, Тс – толщина стенок, Тд – толщина дна.

1-3. Депортированные находки

4. Планы и разрез погребения 1

5. План погребения 2

6. Сосуд из погребения 3

7. Планы погребения 4 (реконструкция)

Рис. 2 / Fig. 2. Могильник шахты «Бежановская», курган 1, погребения 1-4. Кировск, исследования 1974 г. / Burial ground of the Bezhanovskaya mine, kurgan 1, burials 1-4. Kirovsk, the research of 1974

Источник: данные авторов

сосуда кувшиновидной формы ассиметричных пропорций с одной петельчатой ручкой (рис. 2.6). Внешняя поверхность лощёная, неорнаментированная, чёрного цвета. Размеры сосуда: Дв – 16,5 см, Дт – 19 см, Дд – 9,7 см, В – 19,1 см, Вг – 1 см, Тс – 0,7 см, Тд – 0,8 см.

Погребение 4 (рис. 2.7) – впускное, срубное, выявлено в пределах центральной части насыпи на глубине 1,57 м и на расстоянии 1,3 м к ЮЗ от репера. Судя по стратиграфическому профилю по линии Б-Б', захоронение совершено с вершины кургана.

Погребальное сооружение представлено срубом, ориентированным по линии ЗСЗ–ВЮВ. Сверху конструкция перекрыта сплошным поперечным настилом из массивных плах¹. На сохранившейся фотографии комплекса размеры перекрытия не более 1,8 м по линии продольной оси и около 1 м по линии поперечной оси. Примерно в этих же параметрах находятся размеры ямы, обложенной брёвнами.

Внутри сруба лежал взрослый человек в скорченном положении на левом боку, головой на ВСВ, лицевой частью повернут на ЮВ. Ноги согнуты под прямым углом. Перед черепом находился жертвенник из костей животных.

Погребение 5 (рис. 3.1) – впускное, катакомбное, зафиксировано на расстоянии 3 м к ВЮВ от репера по характерному выкиду, уложенному на поверхности второй насыпи с обеих сторон от шахты. Расчищалось с горизонта погребённой почвы на отметке 3,1 м от репера.

Входная шахта подпрямоугольной формы размерами 2,15×1,15 м ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Ко дну шахты, устроенному на глубине 4,45 м от репера, ведут 2 уступа. Первый устроен на отметке 4,2 м, имеет вид ступени шириной 0,3 м и высотой 0,05 м, второй – угловой, его ширина до 0,6 м, высота 0,2 м.

Погребальная камера правильной овальной формы размерами 1,55×1,1 м, имеет удлинение по линии ССВ–ЮЮЗ. Сопряжение шахты и камеры перпендикулярное, переход внутрь устроен посредством ступени высотой 0,45 м. Свод просел, его высота не устанавливается.

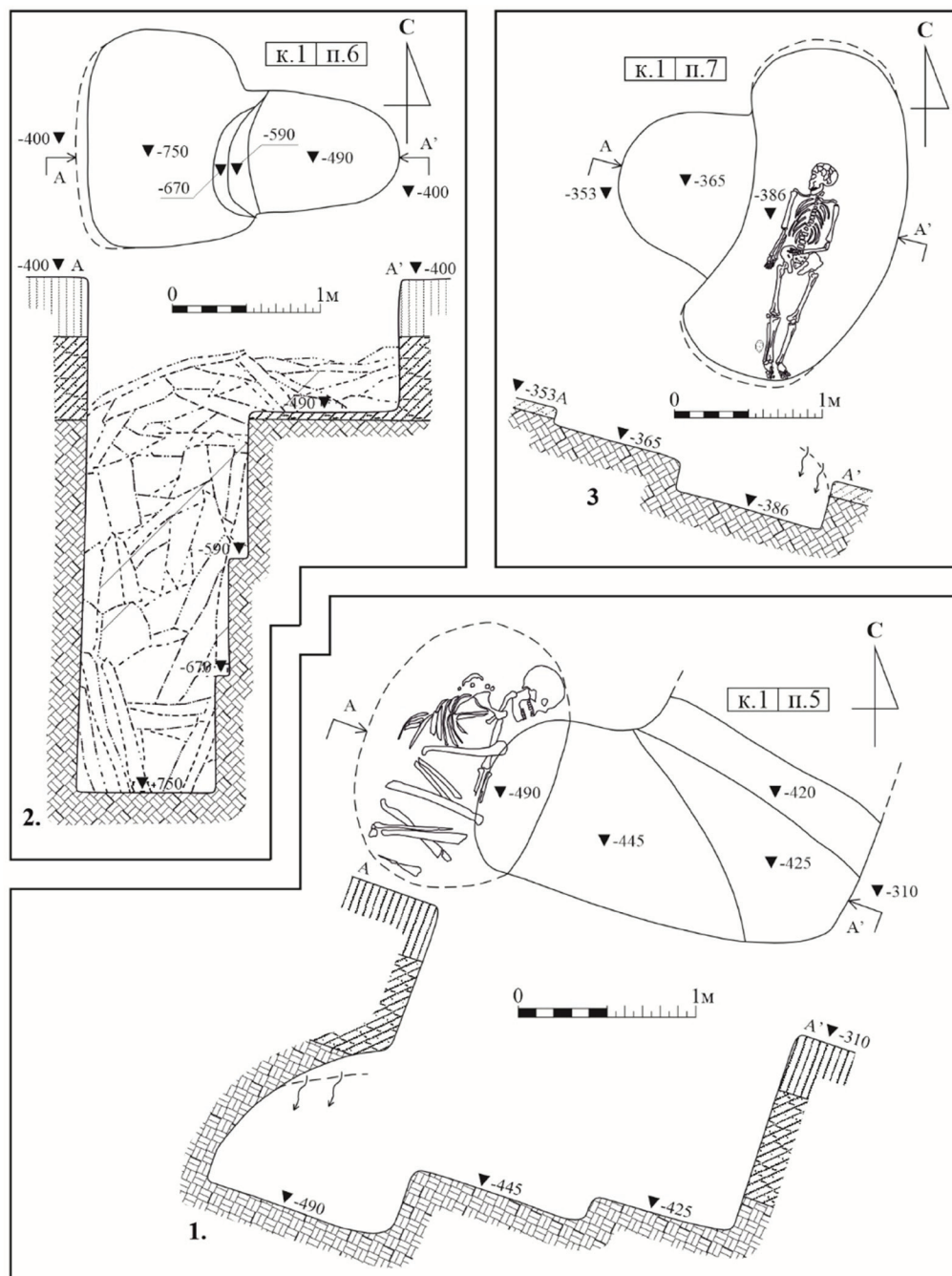
В центральной части погребальной камеры лежал костяк взрослого человека в скорченном положении на левом боку, головой ориентирован на СВ, лицевой частью повернут к входу. Левая рука прямая, её кисть положена у колен, правая рука смещена с первоначального положения. Ноги резко согнуты.

Погребение 6 (рис. 3.2) – впускное, эпохи средней бронзы, выявлено на расстоянии 4,5 м к ЮЮЗ от репера, между двумя ранними насыпями.

По всей видимости, с погребением следует связывать массивный выкид материкового мела, прослеженный в профиле бровки Б-Б' сверху насыпи IА. Его же линза залегает на склоне насыпи I и частично на горизонте древней поверхности, что визуальнo фиксируется в стратиграфическом профиле по линии В-В'. Расчищалось с уровня погребённой почвы на отметке – 4 м от репера.

Погребальный комплекс имеет входную яму подовальной формы размерами 1,02×0,83 м, ориентированную по оси В-З. Её дно находилось на отметке 4,9 м. С этого уровня посредством двух ступеней, устроенных вдоль западной стенки входной площадки на отметках 5,9 м и 6,7 м от репера осуществлён переход в основную камеру. Она подпрямоугольной формы с закруглёнными углами размерами 1,5×1,12 м, ориентирована по линии С–Ю. Дно находилось на глубине 7,5 м от репера. Яма от своего основания до середины входной площадки, т. е. на глубину около 3 м, была забутована плитами песчаника. Камни здесь специально укладывали вдоль стенок, но особенно тщательно – в верхней части забутовки. Прочая часть конструкции заполнена стерильным гумусированным грунтом.

¹ Сохранившиеся кальки полевых чертежей абсолютно не соответствуют фотографиям, поэтому в данной работе чертёж приводим в схематическом виде.

1. План и разрез погребения 5
2. План и разрез погребения 6
3. План и разрез погребения 7

Рис. 3 / Fig. 3. Могилиник шахты «Бежановская», курган 1, погребения 5–7. Кировск, исследования 1974 г. / Burial ground of the Bezhanovskaya mine, kurgan 1, burials 5–7. Kirovsk, the research of 1974

Источник: данные авторов

Каких-либо следов скелета или сопутствующего инвентаря не обнаружено.

Погребение 7 (рис. 3.3) – впускное, катакомбное, выявлено в 5,5 м к Ю от репера. Пятно расчищалось с верхнего горизонта материка на глубине 3,53 м от репера, но признаки захоронения фиксировались и выше, в насыпи кургана.

От входной шахты сохранилась небольшая площадка подокруглой формы размерами 1×0,9 м. Дно находилось на отметке 3,65 м от репера.

Погребальная камера изогнутой овальной формы размерами 2,41×1,03 м, ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ. Переход внутрь камеры осуществлён при помощи уступа-ступени высотой 0,21 м. Свод обрушен, высота не устанавливается.

Костяк взрослого человека лежал в южной части погребальной камеры в вытянутом положении на спине, головой на ССВ. Череп повернут вправо, лицевой частью на ЗСЗ. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута, кистью уложена на таз. У берцовых костей правой ноги прослежено пятно охры.

Погребение 8 (рис. 4) – впускное, катакомбное, зафиксировано на расстоянии 5,5 м к ЮВ от репера. Заполнение входной шахты фиксировалось с вершины сохранившейся части насыпи. Расчистка осуществлялась с глубины 3,8 м от репера в пределах предматерикового и верхнего материкового слоёв.

Входной колодец овальной в плане формы размерами 1,17×0,85 м с удлинением по линии ЮЮЗ–ССВ. Дно находилось на отметке 4,05 м от репера. В СЗ стенке шахты при помощи ступени высотой 0,31 м был обустроен переход в погребальную камеру. Вход закрыт несколькими поставленными на ребро плитами, размеры самой крупной из них – 0,75×0,55×0,1 м.

Погребальная камера овальной формы размерами 2,18×1,6 м ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ. Свод обрушен, стенки сохранились на высоту 0,55 м от дна. Дно камеры находилось на глубине 4,36 м от репера.

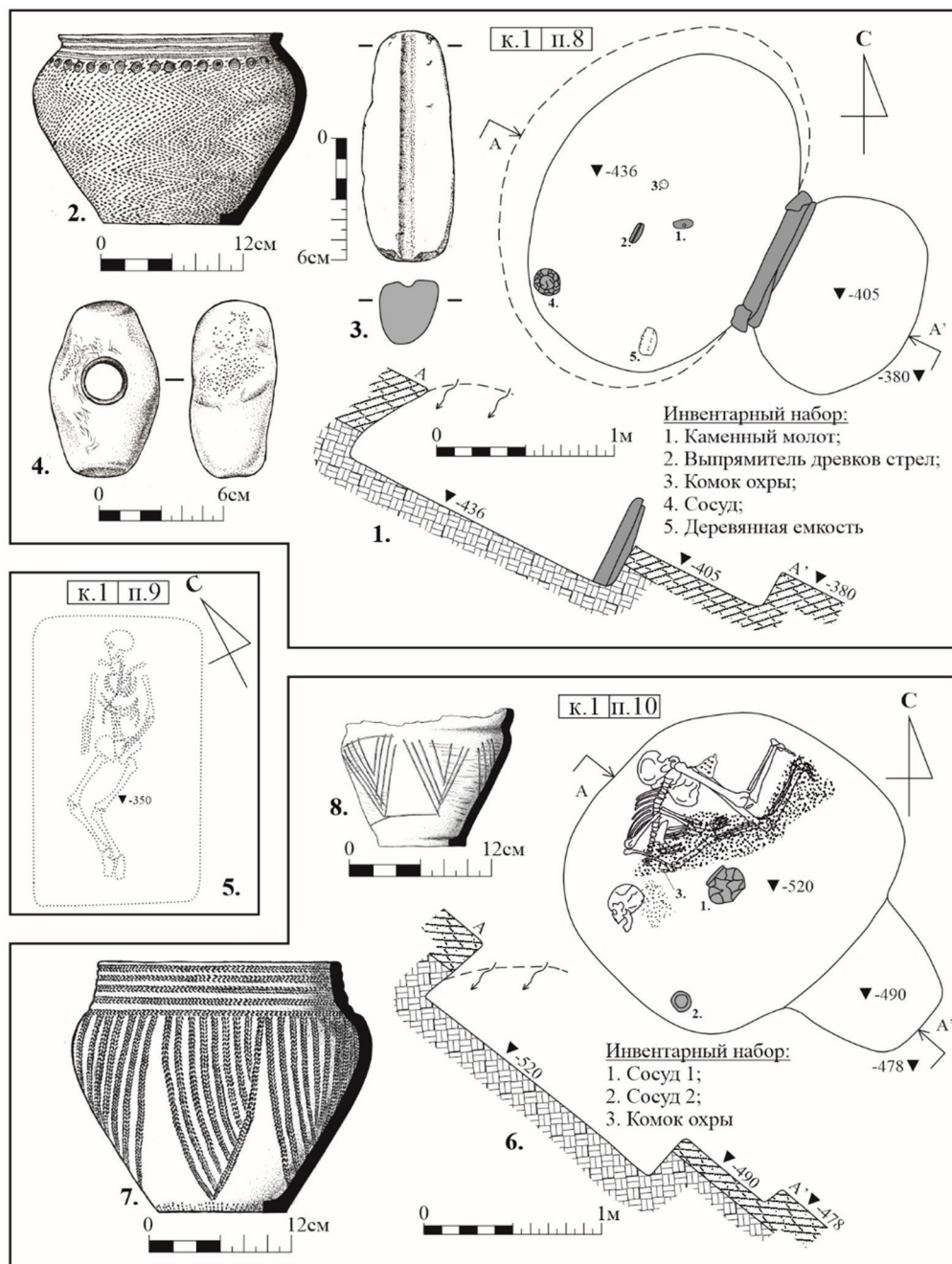
В погребении следов костяка не обнаружено. Инвентарный набор представлен серией вещей. Под южной стенкой на дне камеры оставлены керамический сосуд и истлевшая деревянная ёмкость, возможно, миска. В центральной части катакомбы обнаружены каменный молот, песчаниковый выпрямитель и распавшийся комок охры:

1. приземистый низкошейный *сосуд* со слегка отогнутым наружу венчиком и округлым туловом (рис. 4.2). Внешняя поверхность от придонной части до верха плечиков украшена ёлочной композицией из оттисков мелкозубчатого штампа. По верху плечиков нанесён ряд спиралевидных оттисков, над которыми расположены 3 пояса оттисков мелкой трёхрядной тесьмы. Поверхность светло-коричневого цвета, внутри имеются следы разнонаправленных расчёсов. Размеры сосуда: Дв – 18,8 см, Дт – 23,1 см, Дд – 11,8 см, В – 16,3 см, Вг – 1,1 см, Тс – 0,8 см, Тд – 1 см;

2. *створка каменного выпрямителя* для древков стрел (рис. 4.3) имеет вид подпрямоугольного бруска с закруглёнными углами и продольным, округлым в сечении жёлобом. Изготовлен из крупнозернистого песчаника светло-серого цвета. Размеры изделия: 11,3×4,3×3,8 см;

3. каменный сверлёный *молоток* подовальной формы с уплощёнными торцами (рис. 4.4). Проушное отверстие расположено с некоторым смещением от центра. Изготовлен из твёрдой мелкозернистой породы тёмно-серого цвета, поверхность тщательно зашлифована. Размеры изделия – 8,6×5,3×3,7 см, диаметр проушины – 2 см.

Погребение 9 (рис. 4.5) – впускное, эпохи средней бронзы (?), зафиксировано в центральной бровке в 8 м к ЮЗ от репера на глубине 3,5 м. Уровень впуска не прослежен. Судя по профилям бровок, основание погребальной конструкции находилось в пределах стыка IА и II курганных насыпей.

1. План и разрез погребения 8
2. Сосуд
3. Выпрямитель
4. Каменный топор

5. План погребения 9 (реконструкция)
6. План и разрез погребения 10
7-8. Сосуды

Рис. 4 / Fig. 4. Могильник шахты «Бежановская», курган 1, погребения 8–10. Кировск, исследования 1974 г. / Burial ground of the Bezhanovskaya mine, kurgan 1, burials 8–10. Kirovsk, the research of 1974

Источник: по данным авторов

Архивные фотографии комплекса отсутствуют, сохранившуюся же кальку полевого чертежа следует рассматривать лишь в схематическом отношении. Последняя, вероятно, является реконструкцией погребальной конструкции и положения костяка на основании отдельных сохранившихся участков стенок или костей. Такую же ситуацию наблюдаем и в отношении имеющихся в нашем распоряжении калек чертежей погребений 2–4, однако для них доступны и объективные фотоснимки. В отношении рассматриваемого комплекса сложно представить, что в гумусированных горизонтах насыпи, в которых, судя по глубине залегания он располагался, можно зафиксировать все параметры конструкции. Но тем не менее ориентировочно их следует принимать во внимание.

По имеющимся данным погребение совершено в прямоугольной яме размерами 2×1 м, ориентированной по линии ЮЗ–СВ. Прослеженная глубина конструкции около 0,25 м.

Костяк взрослого человека лежал в скорченном положении на спине, головой на СВ, череп повернут вправо. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута, её кисть находилась у таза. Ноги упали вправо, угол скорченности в коленных суставах прямой.

Погребение 10 (рис. 4.6–4.8) – основное, катакомбное, зафиксировано на расстоянии 5 м к ЮЗ от репера по выбросу материкового грунта на уровне древней поверхности. Судя по профилю центральной бровки, по линии Б–Б' выброс был уложен по обе стороны от входной шахты и распространялся в южном направлении. Расчищалось пятно с горизонта предматерика на отметке 4,78 м от репера.

Входной колодец не прослежен, но от него сохранилась небольшая площадка нижней части шахты. Она имеет вид уступа трапецевидной формы размером 0,75×0,6 м, дно находилось на глубине 4,9 м от репера.

Погребальная камера подквадратной формы находилась к СЗ от колодца, свод обрушен. Размеры камеры 1,8×1,65 м, дно отмечено на отметке 5,2 м.

Под задней стенкой камеры лежал костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку, головой на ЮЮЗ. Череп отделён от позвонков и смещён. Правая рука вытянута вдоль тела, кистью положена у колен, левая согнута под прямым углом, кистью положена у правого локтя. Погребённого сопровождал инвентарь: перед ним лежал сосуд, а в районе предплечья обнаружен комок охры; ещё 1 сосуд, по всей видимости используемый в качестве жаровни, обнаружен слева от входа:

1. массивный *сосуд* со слабовыпуклыми плечиками, плавно переходящими в высокую прямую горловину (рис. 4.7)¹, по венчику украшен 5 горизонтальными поясами, исполненными оттисками трёхрядной мелкой тесьмы, и таким же приёмом изображены свисающие до самого дна 9 треугольников, внутреннее пространство которых заполнено аналогичными вдавлениями; придонная часть тулова оформлена рядом вертикальных оттисков зубчатого штампа. Размеры сосуда: Дв – 20,5 см, Дт – 25,3 см, Дд – 11 см, В – 21,6 см, Вг – 4,5 см, Тс – 0,8 см, Тд – 1,2 см;

¹ Настоящий сосуд ранее ошибочно учтён нами как относящийся к комплексу 2/5 могильника у г. Червонопартизанск [7, с. 121–122]. Указанный казус произошёл ввиду того, что оба научных отчёта, посвящённых результатам исследований у г. Кировск и г. Червонопартизанск, одновременно воссоздавались взамен утраченных по ограниченными данным. К тому же оба могильника имели привязки к шахтам с созвучными названиями, что и вызвало путаницу. Заметить это удалось лишь при подготовке настоящей работы, когда во время поиска аналогий выяснилось, что сосуд из настоящего комплекса имеет поразительно идентичное сходство с сосудом из могильника у г. Червонопартизанск, который якобы физически отсутствовал в фондах и поэтому был описан по фотографии. Теперь данный факт снимает имевшее место противоречие в отношении погребения 2/5 Червонопартизанского могильника, когда в одном комплексе находились разнотипные сосуд с классической донецкой орнаментацией и жаровня, относящая к памятникам бахмутского типа.

2. *сосуд* стройных пропорций с едва выделенным поддоном и уступом на уровне плечиков (рис. 4.8). Венчик в сохранившейся части слегка отогнут наружу, но ни в одном месте сосуд не прослежен на всю высоту. Плечики украшены 6 прочерченными треугольниками, обращёнными вершинами вниз. Основания 5 из них закрыты горизонтальными полосами. Размеры сосуда: Дт – 14,3 см, Дд – 7,4 см, В сохр. – 11,9 см, Вг сохр. – 1,8 см, В поддона – 1 см, Тс – 0,6 см, Тд – 0,7 см.

Относительная хронология комплексов. Анализ стратиграфии

На основании анализа чертежей стратиграфических разрезов и планиграфии расположения погребальных комплексов предпринята попытка реконструкции этапов сооружения кургана. Стоит отметить, что имеющиеся отрывочные данные, низкий уровень первоначальной полевой фиксации, а также степень состояния памятника к моменту раскопок не позволяют с полной уверенностью говорить об относительной хронологии погребений, однако, в нашем понимании, предлагаемая схема имеет весьма надёжные обоснования и не противоречит существующей региональной периодизации.

Основным, совершённым с уровня древней дневной поверхности является погребение 1 эпохи энеолита – ранней бронзы. В связи с тем, что погребальная конструкция имела незначительные размеры и была обустроена в верхних горизонтах материкового мела, выкид на уровне древнего горизонта отсутствовал. Над комплексом возведена первичная насыпь I из золистого суглинка диаметром около 9 м и высотой до 1,2 м.

Затем к северу от первоначального кургана было обустроено катакомбное погребение 10, выкид из которого находился на древней дневной поверхности по обе стороны от входной шахты и распространялся в южном и восточном направлениях. Над захоронением также на уровне погребённой почвы была

сооружена самостоятельная насыпь IA, сложенная из тёмного гумусированного грунта. Судя по профилям бровок, диаметр этой насыпи составлял 10 м, а высота не превышала 1,5 м.

Конструкция данного погребения была сооружена не в центральной части кургана, а под его ЮЗ полой. Обе первичные насыпи хотя и примыкали друг к другу, но, вероятно, не имели стратиграфического соотношения, а выкид из погребения 10 не перекрывал полы насыпи над погребением 1. Таким образом, на исследуемом участке в катакомбный период возникло 2 самостоятельных, не имеющих отношения друг к другу, кургана.

Следующий этап строительства связан с сооружением погребального комплекса 6 эпохи средней бронзы, размещённого непосредственно между двумя первичными насыпями. Только с упомянутым комплексом, совершённым на значительной глубине, можем связывать мощный материковый выкид, прослеженный на поверхности насыпи IA. Вероятно, к этому же выкиду относится незначительная линза, выявленная в профиле по линии В-В' и перекрывающая северную полу насыпи I. Над погребением возведена мощная насыпь II из гумусированного суглинка высотой до 2 м, объединившая ранее существовавшие курганы с условным центром на месте впуска погребения 6.

С уровня насыпи II было впущено катакомбное погребение 5, выкид из которого прослежен на её северном склоне. Над комплексом сооружена локальная, сложенная из сильногумусированного суглинка подсыпка III максимальной толщиной до 1,5 м. Она увеличила размеры существующего кургана в северном направлении.

Также с уровня насыпи II было впущено ещё одно катакомбное погребение 8, выкид из которого прослежен на её поверхности в восточной части. Уровень впуска погребального комплекса фиксируется с сохранившегося горизонта вер-

шины в центральной части стратиграфического профиля по линии В-В'. С этого же уровня прослежен и выпуск катакомбного погребения 7, однако соотношение между комплексами не устанавливается. Вероятно, над одним из них была совершена мощная досыпка тёмно-серого гумуса высотой более 2,2 м, являющаяся IV курганный насыпью и знаменующая следующий этап устройства некрополя.

Современный вид кургана связан со строительством мощного каменного кромлеха и перекрывшей его насыпи V, сложенной из коричневого гумуса. Сложно точно сказать, к какому именно комплексу относится возведение этого горизонта. Судя по южному и северному профилю центральной бровки, где под вершиной прослежены срубное захоронение 4 и погребение 3 эпохи РЖВ, именно с одним из них следует связывать сооружение финальной насыпи.

Уровни впуска погребений 2 и 9 не зафиксированы, но известные глубины их залегания позволяют предположительно установить относительную хронологию комплексов. Так, погребение 2, находящееся на глубине 0,8 м было совершено с горизонта IV–V насыпи, а погребение 9, зафиксированное на отметке 3,5 м, – с уровня II курганный насыпи.

Заключение

В заключение обратимся к культурно-хронологической характеристике полученных материалов.

К числу наиболее древних объектов, выявленных при полевых исследованиях, относим безинвентарное погребение 1. Несмотря на отсутствие датирующего инвентаря, его нижняя стратиграфическая позиция и целый ряд ярких обрядовых черт позволяют отнести данный комплекс в состав редкой группы захоронений эпохи энеолита – ранней бронзы. Совокупность таких признаков, как погребальная конструкция в виде небольшой ямы, меридиональная ориентация, скорченная поза костяка на левом боку,

западная ориентировка и своеобразный вариант положения рук, когда левая вытянута вдоль тела с кистью под бедренными костями, а правая согнута и кистью уложена на локоть левой руки, находит абсолютные аналогии среди серии погребений (П 12, 24, 30) кургана 7 Койсугского могильника на Нижнем Дону [12, с. 41–42, 45–46]. Указанным комплексам отводится достаточно ранняя позиция в хронологической цепочке группы захоронений энеолита – ранней бронзы Койсугских курганов [12, с. 53].

Следующий хронологический пласт Бежановского кургана представлен захоронениями позднекатакомбного периода. Наиболее ранним из них является погребение 10, совершённое с уровня древней дневной поверхности. Сосуд с тесёмчатой орнаментацией из рассматриваемого комплекса является классическим для донецкой катакомбной культуры позднего этапа [4, с. 124; 11, с. 99–112]. Его ближайшая аналогия встречена в позднедонецком погребении могильника у г. Сватово [14, с. 97, рис. 24.8]. Интересна находка в этом же комплексе небольшого сосуда с уступчатым плечиком и прочерченной орнаментацией. Сам способ нанесения орнамента выступает поздним признаком и наибольшее распространение находит на посуде заключительного периода развития катакомбной общности. Форма же сосуда не типична для эпохи средней бронзы. Аналогий ей в ближайших территориальных и хронологических группах найти пока не удалось.

К катакомбному времени также относится погребальный комплекс 6, насыпь над которым перекрывала основные захоронения кургана. Его более надёжную культурно-хронологическую позицию установить затруднительно ввиду отсутствия надёжных атрибутирующих признаков. Предварительно выявленный объект можно рассматривать в качестве незавершённого сооружения катакомбного типа, впоследствии забутованного плитняком.

Следующий стратиграфический горизонт кургана представлен катакомбными погребениями 5 и 8. Отличительным образцовым признаком погребения 5 выступает скорченное положение костяка на левом боку. Для катакомбных культур Северскодонецкого региона такая позиция является редким признаком и встречается не более чем в 5% погребений. Причём большинство этих комплексов являются безинвентарными или же не содержат диагностирующих наборов вещей, поэтому надёжно в культурном контексте не определяются. Ряд скорченных погребений на левом боку, устроенных в катакомбных конструкциях, но подбойного типа, рассматривается учёными уже в рамках ранних бабинских захоронений финала средней бронзы.

Примечателен инвентарный набор катакомбного кенотафа 8. Определяющим признаком здесь выступает приземистый керамический сосуд, сплошь орнаментированный зубчатым штампом в виде ёлочной композиции, дополненной рядами спиралевидных и тесёмчатых оттисков. По существующим разработкам он может быть отнесён в состав позднекатакомбных погребений с керамикой с ёлочной орнаментацией, выделяемых А. М. Смирновым [11, с. 87–99]. Здесь, однако, стоит оговориться, что рассматриваемая группа весьма неоднородна, и рядом исследователей вообще включается в состав донецкой культуры. Вопрос атрибуции таких комплексов только предстоит разрешить.

Другие находки из погребения 8 не могут быть в достаточной степени диагностируемыми, поскольку встречаются в нескольких катакомбных группах. Редкой категорией погребального инвентаря является створка так называемого выпрямителя для древков стрел. Их находки нам известны всего в 6 комплексах из почти 1 500 исследованных в Среднем Подонцовье. Каменный сверлёный молоток – вообще вторая подобная находка из закрытого комплекса. Первая встречена

в захоронении 3 кургана 2 у пос. Николаевка на правом берегу Северского Донца [8, с. 163, рис. 2.2]. Редкость подобных изделий может объясняться тем, что основной их вариацией выступали классические, распространённые во многих европейских культурах эпохи ранних металлов каменные сверлёные топоры-молотки. Экземпляры же молотковидного типа, по всей вероятности, являлись не получившим широкого распространения дериватом классических орудий.

Значительный интерес представляет катакомбное погребение 7. Его стратиграфическая позиция не зафиксирована, но по целому ряду признаков, прежде всего, округлой входной шахте и вытянутому положению костяка, рассматриваемый комплекс может быть уверенно отнесён к редкой серии захоронений ингульско-го типа. Впервые эта позднекатакомбная группа на Северском Донце была выделена и охарактеризована С. Н. Санжаровым более 30 лет назад и включала тогда всего лишь 6 комплексов [7]. Сегодня к ним следует добавить ещё несколько захоронений, обнаруженных за прошедшее время в могильниках бассейна Северского Донца – Красная Заря 6/7 [9, с. 114], Чернухино 1/6 [1, с. 138], Попов Яр-2 3/5 [5, с. 59], Дружковка 1Б/17 [17, с. 89–90]. Вопрос их развёрнутой характеристики является темой будущих работ.

Прочие погребальные комплексы представляют верхний стратиграфический горизонт кургана. Из-за значительных разрушений погребальных конструкций в насыпи кургана, а также вследствие отсутствия части полевой документации их культурно-хронологическое определение возможно лишь предположительно. Так, судя по глубине залегания и вероятному положению костяка в погребении 9, комплекс может быть отнесён к эпохе средней бронзы. Погребальный комплекс 4, представленный скорченным захоронением на левом боку с восточной ориентацией, относится к местной срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Наконец, разрушенное погребение 3 с лощёным кувшиновидным сосудом с петельчатой ручкой относится к эпохе раннего железного века.

Значительный интерес представляет находка кремнёвого клиновидного топора с неустановленным контекстовым положением. В местной территориальной среде изделия подобной, но не идентичной морфологии бытуют в степных нео- и энеолитических культурах. Абсолютных аналогий в памятниках Доно-Донецкого

региона найти не удалось, однако идентичные формы известны в материалах культур шнуровой керамики (фатьяновская, среднеднепровская). В этом случае находку следует рассматривать в качестве импорта с западных или северных территорий.

Два депаспортизированных сосуда, по нашему мнению, относятся к срубным древностям эпохи поздней бронзы.

Дата поступления в редакцию 24.09.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Гершкович Я. П. Курганы в междуречье р. Лозовой и р. Ольховой на Донецком кряже // Древние культуры Восточной Украины. 1996. Вып. 1. С. 133–167.
2. Коваленко П. П., Красильников К. И. Итоги археологических исследований курганов у поселка Краснореченское на р. Красная (работы 2006–2008 гг.) // Археологическое наследие. 2019. № 1. С. 74–88.
3. Коваленко П. П., Красильников К. И. Результаты исследования курганного могильника у с. Пионерское на Северском Донце (по материалам раскопок 1987–1988 гг.) // Археология восточноевропейской лесостепи. 2018. Т. 1. С. 88–122.
4. Коваленко П. П., Красильников К. И. Результаты исследования кургана у г. Червонопартизанск на Донецком кряже (материалы охранных раскопок 1982 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. С. 114–127.
5. Исследование курганов группы Попов Яр-2 в Донецкой области / Ю. Б. Полидович, А. Н. Усачук, Э. Е. Кравченко, В. А. Подобед // Археологический альманах. 2013. Вып. 30. С. 36–135.
6. Пыслару И. Курганы эпохи бронзы в Провальской степи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. С. 76–100.
7. Санжаров С. Н. К вопросу о культурно-хронологическом членении катакомбных памятников Северского Донца // Советская археология. 1991. № 3. С. 5–19.
8. Санжаров С. Н. Каменные сверлёные топоры-молотки Донбасса // Российская археология. 1992. № 2. С. 160–177.
9. Санжаров С. Н., Бритюк А. А. Краснозори́нский курганный могильник в бассейне Лугани // Древние культуры Восточной Украины / отв. ред. В. А. Манько. Луганск: Восточноукраинский университет, 1996. С. 58–132.
10. Санжаров С. Н., Черных Е. А. Курганные древности эпохи бронзы Привольнянской излучины Северского Донца. Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2021. 276 с.
11. Смирнов А. М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996. 182 с.
12. Файферт А. В. Койсугский курганный могильник. Погребения койсугского типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. С. 28–55.
13. Археологічне надбання С. О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження) // Краєзнавчі записки. Вип. V / автор-упорядник І. М. Ключева. Луганськ: «Шико» ТОВ «Віртуальна реальність», 2009. 480 с.
14. Братченко С. Н. Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили-кургани III тис. до н. е. та майдани // Матеріали та дослідження з археології Східної України. 2004. № 2. С. 65–190.
15. Красильников К. И. Рятувальні розкопки кургану поблизу м. Кіровська // Археологія. 1978. Вип. 27. С. 100–101.
16. Литвиненко Р. О. Новобудовна археологія на сході України: основні віхи, результати і наслідки // Історичні записки: Збірник наукових праць. 2012. Вип. 33. С. 228–237.
17. Полидович Ю. Б. Курган доби бронзи «Розкопана могила» поблизу м. Дружківка Донецької області // Археологический альманах. 2011. Вып. 25. С. 71–155.

REFERENCES

1. Gershkovich Ya. P. [Mounds in the interfluvium of the river Lozova and river Alder on the Donetsk Ridge]. In: *Drevniye kultury Vostoka Ukrainy* [Ancient cultures of Eastern Ukraine], 1996, vol. 1, pp. 133–167.
2. Kovalenko P. P., Krasilnikov K. I. [Results of archaeological research of mounds near the village of Krasnorechenskoye on the river. Krasnaya (works 2006–2008)]. In: *Arkheologicheskoye naslediyе* [Archaeological Heritage], 2019, no. 1, pp. 74–88.
3. Kovalenko P. P., Krasilnikov K. I. [Results of the study of the burial mound near the village Pionerskoe on the Seversky Donets (based on materials from excavations in 1987–1988)]. In: *Arkheologiya vostochnoyevropeyskoy lesostepi* [Archeology of the Eastern European forest-steppe], 2018, vol. 1, pp. 88–122.
4. Kovalenko P. P., Krasilnikov K. I. [Study of a tumulus near Chervonopartizansk, the Donetsk Ridge (rescue excavations, 1982)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and political sciences], 2020, no. 5, pp. 114–127.
5. Polidovich Iu. B., Usachuk A. N., Kravchenko E. Ye., Podobed V. A. [Exploration of barrows of Popov Yar-2 group in Donetsk province]. In: *Arkheologicheskyy almanakh* [Archaeological almanac], 2013, iss. 30, pp. 36–135.
6. Pyslaru I. [Bronze Age barrows in the Provalskaya steppe]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and political sciences], 2019, no. 5, pp. 76–100.
7. Sanzharov S. N. [On the cultural and chronological division of the catacomb sites at the Seversky Donets]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1991, no. 3, pp. 5–19.
8. Sanzharov S. N. [Stone boring axes-hammers from Donbass]. In: *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology], 1992, no. 2, pp. 160–177.
9. Sanzharov S. N., Britiyuk A. A. [Krasnozorskiy burial mound in the Lugan basin]. In: Manko V. A., ed. *Drevniye kultury Vostochnoy Ukrainy* [Ancient cultures of Eastern Ukraine]. Lugansk, Vostochnoukrainskiy universitet Publ., 1996, pp. 58–132.
10. Sanzharov S. N., Chernykh E. A. *Kurgannyye drevnosti epokhi bronzy Privol'nyanskoj izluchiny Severskogo Dontsa* [Kurgan antiquities of the Bronze Age of the Privolnya bend of the Seversky Donets]. Lugansk, Izd-vo LGU im. V. Dala Publ., 2021. 276 p.
11. Smirnov A. M. *Kurgany i katakomby epokhi bronzy na Severskom Dontse* [Mounds and catacombs of the Bronze Age on the Seversky Donets]. Moscow, 1996. 182 p.
12. Faifert A. V. [The Koisug kurgan. Burials of the Koisug type]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and political sciences], 2020, no. 5, pp. 28–55.
13. [Archaeological heritage of S. O. Loktyushev (to the 130th anniversary of his birth)]. In: Klyuchneva I. M., ed. *Krayeznavchi zapysky. Vyp. V* [Regional notes. Vol. V]. Luhansk, "Shiko" LLC "Virtualna realnist", 2009. 480 p.
14. Bratchenko S. N. [Ancient Slobozhanshchyna: Swativski moghily-mounds of the 3rd millennium BC. and Maidans]. In: *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohiyi Skhidnoyi Ukrayiny* [Materials and research on the archeology of Eastern Ukraine], 2004, no. 2, pp. 65–190.
15. Krasnylnikov K. I. [Rescue excavations of a mound near the city of Kirovsk]. In: *Arkheolohiya* [Archeology], 1978, vol. 27, pp. 100–101.
16. Lytvynenko R. A. [New building's archeology in the east of Ukraine: the basic marks, results and consequences]. In: *Istorychni zapysky: Zbirnyk naukovykh prats* [Historical Notes: Collection of Scientific Works], 2012, iss. 33, pp. 228–237.
17. Polidovich Iu. B. [The "Rozkopana Mogyla" barrow of the Bronze Age near the town Druzhkivka of the Donetsk region]. In: *Arkheolohichnyy almanakh* [Archeological almanac], 2011, iss. 25, pp. 71–155.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коваленко Пётр Петрович – младший научный сотрудник Центра археологии и этнографии Луганского государственного педагогического университета;
e-mail: p_kov@mail.ru;

Красильников Константин Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского государственного педагогического университета;
e-mail: lena_ap11@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Petr P. Kovalenko – Research Assistant, Archaeology and Ethnography Center, Lugansk State Pedagogical University;
e-mail: p_kov@mail.ru;

Konstantin I. Krasilnikov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of World History and International Relations, Lugansk State Pedagogical University;
e-mail: lena_ap11@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коваленко П. П., Красильников К. И. Материалы спасательных археологических исследований стратифицированного кургана эпохи бронзы у г. Кировска в Среднем Подонцовье (работы 1974 г.) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 76–92.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-76-92

FOR CITATION

Kovalenko P. P., Krasilnikov K. I. Materials of rescue archaeological excavations of a stratified mound of the Bronze Age near the town of Kirovsk in the Seversky Donets Basin (research of 1974). In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 76–92.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-76-92

УДК 902.3

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-93-110

ФИНАЛ КУБАНО-ТЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРЕДГОРЬЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНОВ У С. ХАЗНИДОН СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ)

Николаева Н. А.¹, Сафронов А. В.^{2,3}, Чиж Н. С.²

¹ Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² Институт востоковедения Российской академии наук

107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, Российская Федерация

³ Российский технологический университет МИРЭА

119454, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 78, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Хронология последнего этапа кубано-терской культуры среднебронзового века Северного Кавказа.

Процедура и методы. Дано описание погребальных комплексов кубано-терской культуры, показана их стратиграфическая позиция в курганах бронзового века у с. Хазнидон Северной Осетии и соотношение с катакомбной культурой; впервые очерчен полный комплекс с многомолоточковидными булавами (керамика + украшения) и определена их хронология и этнокультурная атрибуция.

Результаты. Получено свидетельство сосуществования кубано-терской культуры с катакомбной культурой в одном микрорегионе Северной Осетии Чикола-Хазнидон согласно данным как горизонтальной, так и вертикальной стратиграфии памятников этих культур. Подтвердились контакты кубано-терской и катакомбной культур в виде смены формы погребения (от ямы к катакомбе) при сохранении инвентаря кубано-терской/северокавказской культуры на всех этапах катакомбной культуры в Северной Осетии. Впервые представлена керамика с многомолоточковидными булавами. Определена их этнокультурная атрибуция как «индоарийский» компонент в «древнеевропейской» кубано-терской культуре.

Теоретическая и/или практическая значимость. Получены новые данные для реконструкции этнокультурных процессов на Северном Кавказе в эпоху средней бронзы.

Ключевые слова: Северная Осетия, бронзовый век, индоевропейские миграции, кубано-терская культура, катакомбные культуры, погребальный обряд, многомолоточковидные булавы

THE END OF THE KUBAN-TEREK CULTURE IN THE FOOTHILLS OF THE NORTH CAUCASUS (BASED ON THE MATERIALS OF THE MOUNDS NEAR THE VILLAGE OF KHAZNIDON IN NORTH OSSETIA)

N. Nikolaeva¹, A. Safronov^{2,3}, N. Chizh²

¹ State University of Education

ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

ul. Rozhdestvenka 12, Moscow 107031, Russian Federation

³ Russian Technological University

Prospect Vernadskogo 78, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract

Aim. To introduce the chronology of the last stage of the Middle Bronze Age of the North Caucasus (the Kuban-Terek culture).

Methodology. A description of the burial complexes of the Kuban-Terek culture and their stratigraphic position in the Bronze Age mounds near the village of Khaznidon of North Ossetia is given. For the first time, a complete complex with multi-hammer pins (ceramics + jewelry) was outlined and their ethnocultural attribution was determined.

Results. Evidence of the coexistence between the Kuban-Terek culture and the Catacomb culture in one microregion of Chikola-Khaznidon in North Ossetia was obtained based on the data from both horizontal and vertical stratigraphy in the monuments of these cultures. Contacts between the Kuban-Terek and Catacomb cultures were confirmed in the form of a change in the shape of the grave (from pit to catacomb) while preserving the inventory of the Kuban-Terek/North Caucasian culture at all stages of the Catacomb culture in North Ossetia. For the first time, the ceramic complexes with multi-hammer-shaped pins of the final period of the Kuban-Terek culture are presented, and their ethnocultural attribution is interpreted as an Indo-Aryan component in the "Ancient European" Kuban-Terek culture.

Research implications. New data have been obtained for the reconstruction of ethnocultural processes in the North Caucasus in the Middle Bronze Age.

Keywords: North Ossetia, Bronze Age, Indo-European migrations, Kuban-Terek culture, Catacomb cultures, burial rite, multi-hammer-shaped pins

Введение

До настоящего времени в подавляющем большинстве исследований, касающихся эпохи бронзы Северного Кавказа, сохраняется представление о единой *северокавказской культуре* (далее СКК)¹

Почти сразу с появлением этого названия единство СКК и правомерность этого термина были поставлены под сомнение, и после принципиальной критики² автор термина В. И. Марковин заменил «СКК» на название (в той же степени неточное)

¹ В. И. Марковин собрал имеющиеся на тот момент коллекции эпохи бронзы в краеведческих музеях республик Северного Кавказа и дал им название «северокавказская культура» (СКК), воспринятое исследователями как монокультурное образование и создававшее впечатление ложного единства бронзового века на всём Северном Кавказе. Массовый приток новых материалов, начиная с 1965 г., в виде погребальных комплексов в курганах Предкавказья и Северного Кавказа никак не повлиял на

приверженность исследователей термину СКК, который стал препятствием к решению ряда вопросов происхождения, хронологии бронзового века Северного Кавказа и мотивацией для появления новых работ на эту тему.

² Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.: Знание, 1974. С. 23–306.

«северокавказская культурно-историческая общность» (далее СК КИО) [2], которое не привилось, и потому название «поликультурной» СКК живёт и поныне. А проблема осталась.

К вопросу хронологии и стратификации бронзового века Северного Кавказа ещё до масштабных раскопок на Северном Кавказе и на тех же материалах, которые были в распоряжении В. И. Марковина, иначе подошёл В. А. Сафронов. Он разработал систему относительной хронологии бронзового века Северного Кавказа, стержнем которой стала последовательность северокавказского импорта в стратифицированных курганах бронзового века Предкавказья¹. Свою периодизацию В. А. Сафронов подтвердил материалами собственных раскопок на Северном Кавказе в Прикубанье (1978–1981), Северной Осетии (1976–1978) и в Калмыкии (1984–1987)².

Отсутствие «культурных дефиниций» в периодизации В. А. Сафронова побудило нас обратиться к этой проблеме, и в 1987 г. нами была выделена *гомогенная культура*³ для «массива памятников пост-майкопского и докобанского периода» в ареале между меридиональным течением Кубани и Терека, которая была обозначена как «кубано-терская» культура⁴. Поиски новых доказательств в пользу правомерности термина «кубано-терская культура» сохраняют свою актуальность, поэтому в данной статье анализируются

материалы кубано-терской культуры из курганов у с. Хазнидон Ирафского р-на Северной Осетии, раскопанных в 1978 г.

Другой проблемой, рассматриваемой в статье, является соотношение КТК с катакомбной культурой, памятники которой наряду с КТК существуют в среднебронзовую эпоху в предгорных районах Северного Кавказа. Хотя до больших раскопок 1960-х гг. катакомбы в Северной Осетии и Кабарде не были ещё известны, *a priori* считалось [7], что предкавказская катакомбная культура граничила с северокавказской культурой. При этом занимала разные территории и сосуществовала с ней, но на каком отрезке времени – оставалось неясным из-за отсутствия необходимых археологических данных, а также надёжной периодизации катакомбной культуры Предкавказья.

В. А. Сафронов на материалах раскопок И. В. Синицына в 1963–1966 гг. разработал периодизацию катакомбной культуры Калмыкии, в которой «культурные» катакомбные группы, обозначались цифрами [13, с. 124 и др.], но это было не понято или не замечено исследователями [1; 14]. В настоящее время эти группы III–VI, по В. А. Сафронову, фигурируют под названиями «ямно-катакомбная, восточноманычская, лолинская» культуры.

Присутствие катакомбных памятников эпохи бронзы было выявлено (в результате раскопок 60–80-х гг. XX в.) по всей предгорной полосе Кабарды и Северной Осетии, Карачаево-Черкессии и в Закубанье. Этот факт, а также меняющаяся граница между двумя культурами в пределах II тыс. до н. э. требовали большей ясности в вопросе их территориального и культурного размежевания. Задачи периодизации катакомбной культуры Северного Кавказа, атрибуции смешанных памятников и генезиса раннекатакомбных памятников были решены нами в ряде статей [8; 9; 10]⁵, однако вопрос

¹ Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.: Знание, 1974. С. 23.

² Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. 500 с.

³ Там же.

⁴ Периодизация кубано-терской культуры (I–V эпохи) опирается на относительную хронологию памятников эпохи бронзы В. А. Сафронова, выведенную из стратиграфии курганов Северной Осетии, раскопанных нами в 1976–1980 гг.

⁵ Хронология катакомбной культуры зависит от признания одной из двух гипотез происхождения катакомбы: либо от дольменов Кавказа (М. И. Ар-

хронологического соотношения этих двух культур в центральной части предгорий Северного Кавказа до сих пор остаётся недостаточно освещённым, что делает актуальным наше обращение к этой теме.

Нами была намечена модель трансформации и вытеснения кубано-терской культуры катакомбной и всех дальнейших изменений в катакомбной культуре в регионе с. Чикола Северной Осетии в предгорьях Северного Кавказа [9]. Но для окончательного суждения потребовались материалы ближайших курганов у с. Хазнидон (в 7 км от курганов Чиколы), которые проясняют картину о конкретном соотношении КТК и катакомбной культуры.

С другой стороны, задача определения финальной хронологической границы кубано-терской культуры никем не определялась, хотя до сих пор предположительно она фиксируется предкобанским горизонтом Рутха-Фаскау, выделенным В. А. Сафроновым [11; 12, с. 26], подтверждённым нашими раскопками катакомб в Чиколе [9], а также работами других исследователей [5].

Описание и анализ комплексов КТК в стратифицированных курганах у с. Хазнидон Северной Осетии (№ 1, 2, 5) (раскопки Н. А. Николаевой и В. А. Сафронова 1978 г.)

Приводимые материалы определяют территориальные и хронологические границы *позднего этапа* кубано-терской культуры (от р. Лаба до р. Урух), а также наряду с курганами у с. Чикола, с. Дзуарикау и с. Ногир [9] являются основой периодизации как КТК в целом, так и её контактов с катакомбной культурой Северной Осетии. Они раскрывают процесс смены погребальных традиций в регионе в эпоху средней бронзы. Могильник у с. Хазнидон функционировал на хронологическом отрезке СБ Ib/c – СБ Па, по В. А. Сафронову [12]. Керамическая

коллекция могильника Хазнидон насчитывает 33 сосуда и несколько десятков бронзовых украшений КТК IV–V этапов¹. Керамический инвентарь из погребений курганов Хазнидона² и Ногира позволил дополнить рабочую классификацию керамики КТК в Дзуарикау новыми типами, а разнообразный состав металлического инвентаря отразил почти все типы номенклатуры металлокомплекса Кубано-Терского междуречья³.

Курган № 1 – представлял собой каменно-земляную насыпь высотой 2,4 м, диаметром 28 м (рис. 1). В кургане обнаружены 4 погребения, относящиеся к двум хронологическим этапам IV КТК и VI КТК⁴.

Погребение № 1 кургана № 1 (рис. 1.I.1) – последнее впускное в курган при основном КТК IV этапа (Хазнидон

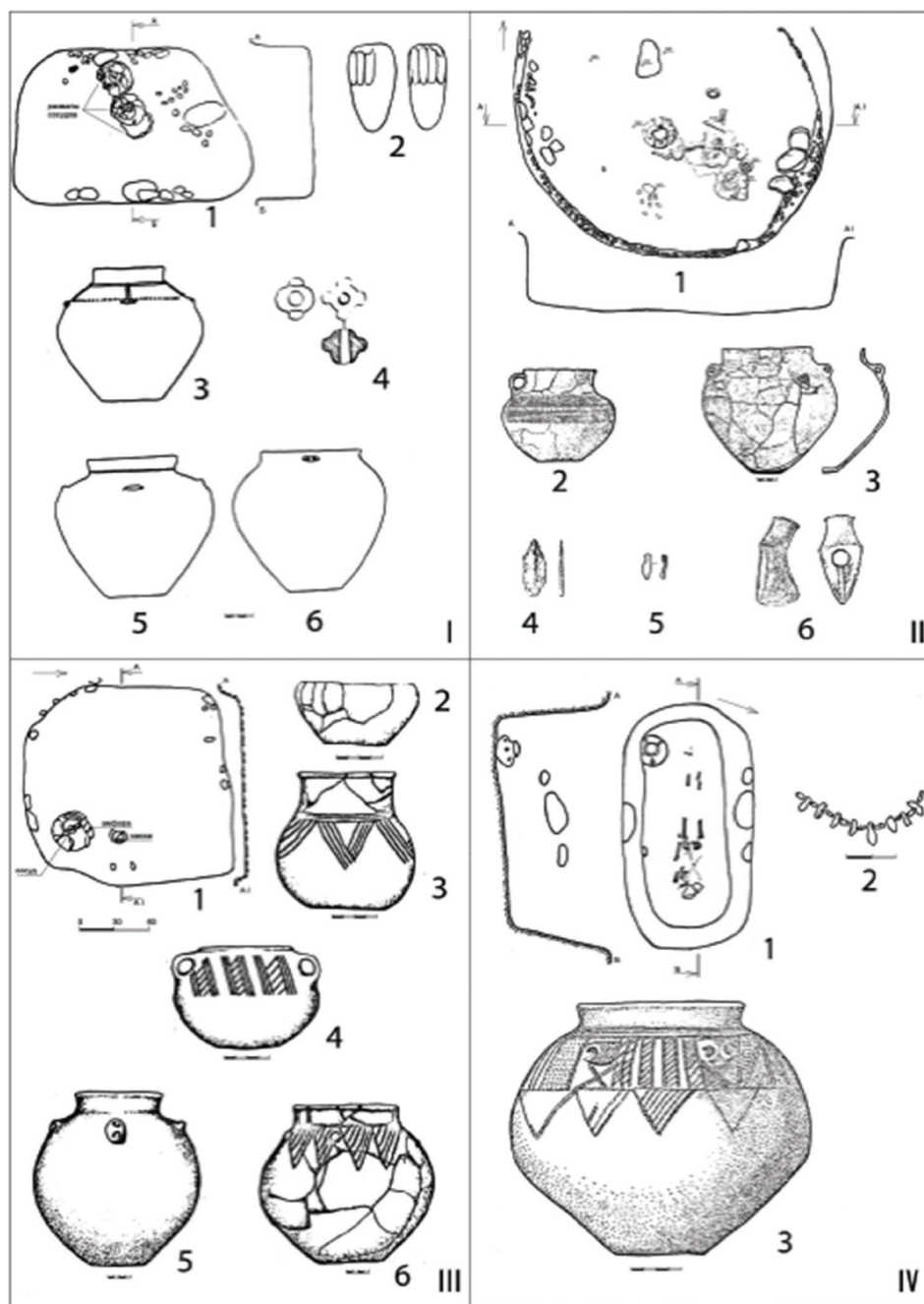
¹ Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. 500 с.

² Селение Хазнидон, где находились курганы с погребениями КТК, расположено в западной части района, на левом берегу реки Урух. Находится в 7 км к западу от районного центра Чикола и в 82 км к северо-западу от Владикавказа. Курганы у с. Хазнидон были раскопаны В. А. Сафроновым в 1978 г. 6 курганов из Чиколы II с катакомбами раскопаны Н. А. Николаевой в 1977 г. [9]. КТК и катакомбы фиксируются в курганах Чиколы и Хазнидона. Селение Чикола расположено в северной части Ирафского района, недалеко от правого берега реки Урух, по обоим берегам одноимённой р. Чикола. Другой центр КТК в ямах и катакомбах с комплексами КТК представлен курганом у с. Ногир (8 км от Владикавказа) [8]. Курганы у с. Дзуарикау (в 25 км от Владикавказа у р. Фиадон у входа в Куртатинское ущелье, раскопанные нами в 1976 г.), содержали кроме майкопской, раннюю кубано-терскую и смешанные комплексы КТК и пост-куро-аракской культуры.

³ Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. Прил. 3, рис. 25–28.

⁴ Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. С. 281.

тамонов; В. Я. Кияшко, А. В. Кияшко), либо от металитов СЗ Франции (Н. А. Николаева, В. А. Сафронов).

I - погребение № 1;

II - погребение № 2;

III - погребение № 3;

IV - погребение № 4

Рис. 1 / Fig. 1. Хазнидон, курган № 1 / Khaznidon, mound № 1

Источник: Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. 500 с.

Авторы глубоко признательны Даниилу Юрьевичу Куксу за помощь в составлении таблиц к статье.

1/2). Кенотаф. Яма трапециевидной формы, заполненная камнями.

Инвентарь:

– *сосуд 1* – амфора куявского типа с 4 выступами, декорированными насечками, с 4 налепными валиками, спускающимися от венчика к выступам. Налепы соединяются линией оттисков треугольников (рис. 1.1.3).

– *сосуд 2* – амфора куявского типа с выступами на плечевой части вместо ручек), цвет – чёрный (рис. 1.1.5).

– *сосуд 3* – амфора без ручек, но с 4 симметрично расположенными под венчиком очковидными налпами (рис. 1.1.6).

Кроме сосудов, в инвентаре находилась булава с 4 шишечками (рис. 1.1.4) и заготовка каменного топора (рис. 1.1.2). Основание для отнесения погребения к VI этапу – каменная булава, которая встречается в памятниках эпохи бронзы XIV/XIII вв. до н. э. на Кавказе (Былым, могильник Айлама) [3] и в Восточной Европе [11].

Погребение № 2 кургана № 1 (рис. 1) – основное в кургане¹. Яма выкопана в материке и заполнена камнями, круглая в плане, размером 2,6×2,0×1,5 м от древней дневной поверхности. Исследованная часть – 0,5 м.

Скелет лежал вытянуто, головой на В.

Инвентарь состоял из 2 сосудов (одно-ручного кувшина (высота 15 см), украшенного линиями оттисков шнура и наколами (рис. 1.1.2) и амфоры с четырёхленточными ручками (рис. 1.1.3), с линией треугольников, заштрихованных оттисками шнура под ручками), гранёного топора из змеевика длиной 12,3 см (рис. 1.1.6), фрагмента бронзового ножа или дротики (рис. 1.1.4) и украшений (ложковидных подвесок длиной 1,2 см (рис. 1.1.5). Используемые штампы – шнур и наколы.

Ближайшая аналогия кувшину найдена в погребении Чегем II к. 34 с бронзовой молоточковидной булавкой и выпуклыми коваными бляхами². Аналогия топору+кувшину – Верхний Акбаш³. Основание отнесения к IV этапу КТК – кованые полусферические бляхи, кувшин, тип топора IV стадии, по классификации В. А. Сафронова [11, табл. 1.2]).

Погребение № 3 кургана № 1 (рис. 1.1.1) – впускное при основном КТК. Представляет собой яму-кенотаф подквадратной формы (рис. 1.1.1.1).

Инвентарь:

– *неорнаментированная амфора*, имела 4 псевдополушарных налпа с ложными отверстиями (рис. 1.1.1.5);

– *амфора*, украшенная свисающими треугольниками из оттисков шнурового штампа и 4 выпуклинами, расположенными под горловиной (рис. 1.1.1.6);

– *кубок* грушевидной формы, орнаментированный вписанными углами, линиями оттисков шнурового штампа вокруг горловины (рис. 1.1.1.3);

– *миска*, находившаяся в амфоре (рис. 1.1.1.3);

– *миска* с загнутым внутрь венчиком (рис. 1.1.1.2);

– *двуручный сосуд* высотой 10,5 см (рис. 1.1.1.4). Орнаментирован косыми линиями оттисков шнура. Основание для отнесения к IV этапу является стратиграфия погребения, а также наличие таких же «куявских»⁴ амфор, как и в основном погребении.

Погребение № 4 кургана № 1 (рис. 1.1.1.1) – впускное при основном КТК IV эта-

² Там же. Рис. 49.1.

³ Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.: Знание, 1974. С. 23–306.

⁴ Термин «куявские» амфоры – условный, подразумевает сосуд с выделенной цилиндрической горловиной, округлым туловом, плоскодонный и с 4 ручками на плечевом поясе на концах диаметров. Такие есть и в смешанных комплексах КША и КШК. Амфоры – термин по аналогии с очертаниями древнегреческих панафинейских амфор.

¹ Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. 500 с.

па. Форма ямы – продолговатый прямоугольник с закруглёнными углами. Погребение суживалось ко дну; в её заполнении попадались камни (рис. I.IV.1).

Женский скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ.

Инвентарь: в ЮЗ углу ямы находилась амфора «куявского» типа с асимметричным метопным орнаментом, включающим прямоугольники, треугольники, косые лесенки, кресты, сделанные оттисками шнура. Полушарные ручки размещены под горловиной симметрично на концах диаметров (рис. I.IV.3). На груди женщины лежали украшения: бронзовые ложковидные, сегментовидные и пастовые цилиндрические бусы (рис. I.IV.2). Атрибуция и хронология – IV этап КТК¹.

Обсуждение. Стратиграфия кургана устанавливается по 4 разрезам 3 бровок, в которых прослеживается 3 курганных слоя. Древнейший (III) слой имеет в длину 19 м и высоту по центру 1 м (при диаметре кургана 23–28 м и высоте 1,92 м). Он был сооружён над погребением № 2, выкид от которого наслонился на древнюю дневную поверхность (прослежен в бровке 0). Последним впускным погребением в курган было погребение № 1, которое нарушило все 3 курганных слоя. Погребение № 1 хорошо прослеживалось (в бровке и в плане) благодаря заполнению, состоящему из булыжника. Погребение № 3 было впущено в полу древнейшего кургана. Выкид от него был законсервирован слоем II, в полу которого было впущено погребение № 4, над которым был возведён курганный слой I. Таким образом, погребения сооружались в кургане 1 в следующей последовательности: 1/2, 1/3, 1/4, 1/1.

Основное погребение 1/2 близко по времени к *вытянутому погребению* Кыз-

бурун III к/28² с аналогичной амфорой, посоховидными булавками и коваными полусферическими умбонами, *так и правобочному погребению* Чегем II 34/цп³ с кувшином и бронзовой булавкой с одной парой молоточков. Анализ обряда и типов инвентаря в кургане 1 у с. Хазнидон позволяет провести параллели с катакомбами Предкавказья. Названные памятники синхронны *вытянутым* погребениям в катакомбах Калмыкии с посоховидными булавками и коваными полусферическими бляхами (IV группа погребений Калмыкии в катакомбах, по В. А. Сафронову⁴). Гранёный топор из змеевика кабардино-пятигорского типа из погребения Хазнидон 1/2 относится, по классификации В. А. Сафронова, к III стадии, тогда как топор из катакомбы Чиколы 25/11 относится к IV стадии [11, рис. 5].

Выводы. Впускные погребения 1/3 и 1/4 синхронны по орнаментации и типам керамики V (более ранней) группе катакомб Калмыкии с Т-образными катакомбами, по В. А. Сафронову⁵, и *I этану* катакомб Северного Кавказа: Чиколы 19/3 и 25/11 [9, с. 143]. Поздняя группа Н-образных катакомб в Калмыкии⁶ синхронна *II этану* катакомб Северного Кавказа. Самое позднее в кур-

² Там же. Каталог № 324. Рис. 79.

³ Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. № 228, рис. 49.

⁴ Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.: Знание, 1974. С. 23–306.

⁵ Там же.

⁶ Первые 2 этапа катакомбной культуры Северной Осетии соответствуют делению V группы Калмыкии, по В. А. Сафронову, или восточно-маньчской культуры Предкавказья на 2 этапа (ранняя – с Т-образными катакомбами, орнаментированной керамикой и неглубокой камерой от дна входной ямы; поздняя – Н-образные катакомбы, с неорнаментированной керамикой и большим перепадом между входной ямой и камерой).

¹ Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. С. 281.

гане погребение Хазнидон 1/1 с булавой и сосудом с налпным орнаментом синхронно *III этану* катакомб Осетии [9, с. 147, рис. 8] и синхронно группе VI погребений Калмыкии, по периодизации В. А. Сафронова (см. выше), с элементами срубного обряда (скорченно, руки перед грудью или у черепа) и инвентарю (валиковая орнаментация на керамике, «срубоидные» ножи).

Курган № 2 (рис. 2) – представлял собой каменно-земляную насыпь высотой 2 м и диаметром 36 м. В нём было обнаружено 6 погребений, относящихся к 2 хронологическим этапам: IV КТК и V КТК.

Погребение № 1 кургана № 2 (рис. 2. VI) – впускное при основном погребении КТК. Погребение – яма, заполненная камнями; в плане прямоугольной формы.

Скелет лежал скорченно на левом боку, головой на СВ.

Инвентарь:

- амфоровидный *сосуд* с 4 симметричными выступами, украшенный резным зигзагом (рис. 2.VI.2);

- многомолоточковидная *булавка* (рис. 2.VI.3);

- литые *пронизки* с манжетами на концах (рис. 2.VI.6);

- бочонковидные *бусы* и сегментовидные *пронизки* (рис. 2.VI.4);

- *стерженьки-подвески* (рис. 2.VI.5).

Основание для отнесения к V этапу КТК – стратиграфия, обряд погребения, многомолоточковидная булава и *литые пронизы с орнаментом в виде «бегущей волны»* (рис. 2.VI.6), характерные для венгерского бронзового века XIV–XIII вв. до н. э. [11, рис. 7.V–7.VI].

Погребение № 2 кургана № 2 (рис. 2. II) – впускное. Яма прямоугольной формы с подбоем для сосуда.

Скелет лежал вытянуто на спине, головой на В.

Инвентарь состоял из *амфоры* куявского типа с 4 ручками-ушками (рис. 2. II.3) и *двуручного сосуда* (рис. 2.II.2). Орнамент на амфоре асимметричен и за-

ключён в метопы. Элементы орнамента – круглые вдавления; треугольный штамп; зигзаг, выполненный шнуром; косая лесенка. Основание для отнесения к IV этапу – тип амфоры; орнамент и стратиграфия.

Погребение № 3 кургана № 2 (рис. 2. III) – основное в кургане. Впускными являются КТК IV и V этапов. Форма погребального сооружения – яма прямоугольной формы, трапециевидная по дну.

Скелет лежал вытянуто на спине, головой на В.

Инвентарь:

- *амфора* куявского типа. Орнамент – чередование треугольников разной формы в 3 ярусах. Основание отнесения – тип амфоры (рис. 2.III.2).

Погребение № 4 кургана № 2 (рис. 2. VII) – впускное при основном КТК. Погребение – яма прямоугольной формы, заполненная булыжником, трапециевидная ко дну.

На дне лежали 2 скелета, вытянуто, головой на СВ (рис. 2.VII).

Инвентарь:

- куявская *амфора* с 4 симметричными выступами, имеет метопный орнамент (рис. 2.VII.2);

- дисковидные бронзовые *бляхи-зеркала* (рис. 2.VII.3);

- *ложковидные подвески*;

- сегментовидные и бочонковидные *бусы* (рис. 2.VII.5– VII.7);

- литые *пронизы*, украшенные «микенской волной» (рис. 2.VII.4).

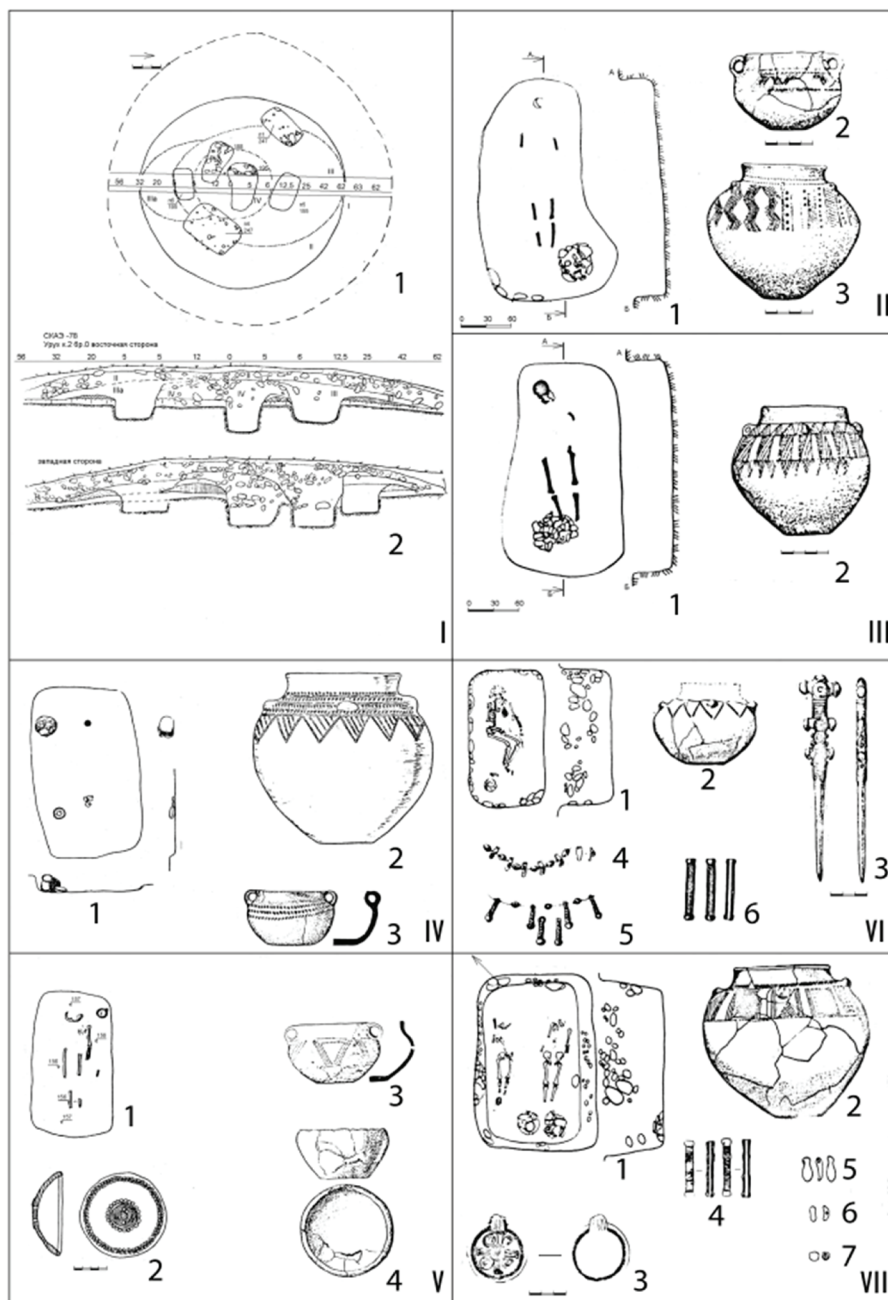
Погребение № 5 кургана № 2 (рис. 2. IV) – впускное. Яма прямоугольной формы. Обнаружена по заполнению в бровке и как пятно на древнем горизонте. Кенотаф.

Инвентарь:

- *амфора* куявского типа с выступами вместо ручек (рис. 2.IV.2);

- маленький *двуручный сосуд* (рис. 2. IV.3);

- 2 литых полусферических *бляхи* – *умбоны* (рис. 2.V.2).

I. План и разрезы кургана;

II. Погребение № 2;

III. Погребение № 3;

IV. Погребение № 5;

V. Погребение № 6;

VI. Погребение № 1;

VII. Погребение № 4

Рис. 2 / Fig. 2. Хазнидон курган № 2 / Khaznidon, mound № 2

Источник: Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. 500 с.

Погребение № 6 кургана № 2 (рис. 2.V) – впускное. Обнаружено по заполнению ямы в бровке и как пятно на древнем горизонте. Яма прямоугольной формы.

Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ (рис. 2.V.1).

Инвентарь:

– слева от головы обнаружен двуручный *сосуд*, в котором находилась миска (рис. 2.V.3–V.4). Орнамент на сосуде – деградированный; контуры треугольников.

– на груди найдены бронзовые и пастьевые *бусы*.

Погребения 2/6 и 2/5 синхронны.

Обсуждение. Стратиграфия. В кургане 2 было найдено 6 погребений, которые увязаны между собой стратиграфически (рис. 2.I). Древнейшим в кургане было погребение 2/2. Выкид от погребения 2/2 наслонился с севера от центра и прослежен в западном разрезе центральной бровки. Это погребение связано с сооружением древнейшего курганного слоя (IV). В полу IV слоя впущено погребение 2/5 и перекрыто курганным слоем III. Погребение 2/6 впущено в полу курганного слоя III и перекрыто слоем II, укрепленным каменным панцирем. Над захоронением 2/6 прослеживается ещё и прослойка IIIa. Таким образом, курганный слой II связывается с последующим по времени погребением 2/3. Курганный слой I сооружён над вытянутым погребением 2/4, относящимся к катакомбной эпохе (СБ IIa, по В. А. Сафронову¹). Близко к нему по времени и погребение 2/1, содержащее почти идентичный металлический инвентарь, но совершённое уже по другому обряду захоронения – скорченно на боку. Основание отнесения погребения

к V этапу – место между погребениями IV и V этапов, поскольку последними впускными были пп. 2/1 и 2/4 с многомолоточковидными булавами.

Стратиграфия кургана № 2 у с. Хазнидон является основой для периодизации культуры среднебронзовой эпохи на её финальных стадиях и позволяет констатировать *присутствие двух обрядов* (согнуто на боку и вытянуто на спине) на этапе СБ IIa, по В. А. Сафронову, или IV этапе КТК. Последовательность погребений была такова: 2/2, 2/5, 2/6, 2/3 и последними в курган были впущены синхронные захоронения 2/1 и 2/4.

Курган № 5 – представлял собой каменно-земляную насыпь высотой – 2 м и диаметром – 32 м. В кургане обнаружены 4 погребения, относящиеся к 2 хронологическим этапам V КТК.

Погребение № 1 кургана № 5 (рис. 3.I) – основное в кургане. Перекрывалось погребениями V этапа. Яма прямоугольной формы, сужалась ко дну.

Скелет лежал вытянуто на спине, головой на В (рис. 3.I.1).

Инвентарь типичен для V этапа:

– 2 *амфоры* куявского типа с нестандартными «ручками»: первая, высотой 21 см, с налепами под венчиком и нарезным орнаментом в виде ленты зигзагов с подвешенными треугольниками (рис. 3.I.2); вторая, высотой 27 см, с дисковидными сдвоенными налепами на линии наибольшего диаметра и орнаментом в виде валика на основании горловины и подвешенными к нему треугольниками (рис. 3. I.4);

– двуручный *сосуд/кратер* с орнаментом в виде рельефного зигзага, выполненного угловым штампом (рис. 3.I.3).

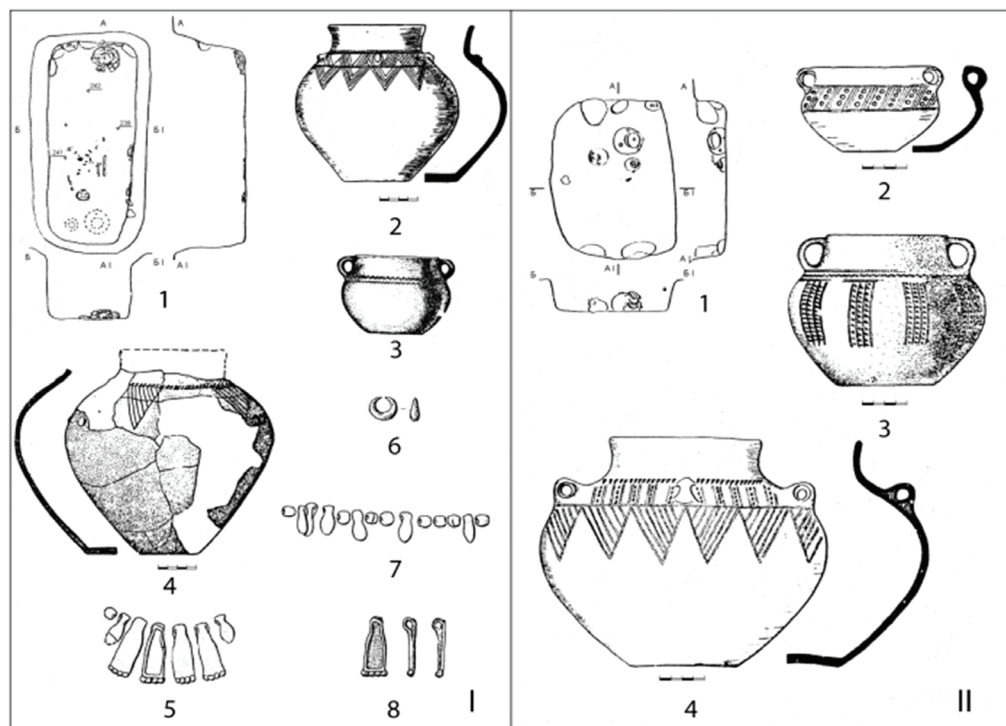
Металлический инвентарь:

– калачикообразная *подвеска* (рис. 3.I.6);

– бронзовые ложковидные *подвески* и бочковидные *бусы* (рис. 3.I.7);

– трапециевидные *подвески* с шишечками на конце (рис. 3.I.5, 8); (5 экз.).

¹ Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. 500 с.; Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.: Знание, 1974. С. 23–306.

I. Погребение № 1

II. Погребение № 3

Рис. 3 / Fig. 3. Хазнидон, курган № 5 / Khaznidon, mound № 5

Источник: Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. 500 с.

Отсутствие шнура в орнаменте указывает на переходную дату – IV/V этапы КТК.

Погребение № 3 кургана № 5 (рис. 3. II) – впускное, кенотаф при основном 5/1. Форма ямы – прямоугольная с закругленной одной стороной и углами.

Инвентарь:

- куявская амфора (рис. 3. II.4);
- двуручный сосуд меньшего размера (рис. 3. II.2);
- двуручный сосуд большего размера (рис. 3. II.3).

Погребение относится, по В. А. Сафронову, к периоду СБ Ic–СБ IIa (IV/V этапу КТК, по Н. А. Николаевой¹), поскольку

ку в формах сосудов и орнаменте больше элементов IV этапа КТК.

Погребение № 2 кургана № 5 (рис. 4. I) – впускное при основном погребении КТК 5/1. Яма прямоугольной формы с закруглёнными углами, заполненная в верхней части камнями, что предполагает какое-то несохранившееся перекрытие и наброску камней на нём.

Скелет лежал вытянуто на спине, головой на Ю (рис. 4. I.1).

Инвентарь:

- большой сосуд – амфора с 2 мощными ленточными ручками на линии наибольшего диаметра (высота – 26 см) стоял у черепа. Плечевая часть сосуда была

древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. 500 с.

¹ Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте

украшена сочетанием крестов и зигзагов в технике шнура, заключённых в метопы. Кроме 2 ручек, есть очковидные налесты с 2 вмятинами (это черта декора на сосудах КТК последующей стадии СБ II б и СБ III) (рис. 4.I.6).

– двуручный *сосуд* со шнуровым орнаментом в виде Х-ов и вписанных углов (рис. 4.I.7).

Металлический инвентарь:

– бронзовая многомолоточковидная *булавка* (рис. 4.I.2);

– полусферическая *бляха* (рис. 4.I.8);

– литые орнаментированные *пронизы* с манжетами на концах и микенским орнаментом «бегущая волна» (рис. 4.I.3–I.4);

– *подвески* литые в 1,5 оборота с заострёнными и расплюснутыми концами (рис. 4.I.5).

Датирующие признаки – орнамент и «булавка». Дата: V этап КТК, XIV–XIII вв. до н. э.

Погребение № 4 кургана № 5 (рис. 4. II). Яма слегка трапециевидной формы с перекрытием и наброской камней на нём. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ЮВ (рис. 4.II.1).

Инвентарь:

– амфора «куявского» типа с 4 полусферическими ручками, орнаментированная оттисками шнурового штампа (рис. 4. II.6);

– 2 дисковидные *бляхи-зеркала* (рис. 4.II.7);

– литые *пронизы* с манжетами, орнаментированные микенской «бегущей волной» (рис. 4.II.4);

– строенные *стерженьки-подвески* (рис. 4.II.3);

– ложковидные *подвески* с бусами (рис. 4.II.5);

– *подвески* «калачик» (рис. 4.II.2);

– гранёный *топор* «кабардино-пятигорского» типа (рис. 4.II.8).

Дата: V этап КТК, XIV–XIII вв. до н. э. [11, рис. 7.V–7.VI].

Обсуждение. Стратиграфия. В кургане 5 обнаружено 4 погребения. Основное

погребение – кенотаф 5/3¹. В разрезах кургана выявлено 3 курганных слоя: устанавливается послойная стратиграфия, благодаря фиксации выкидов от погребений 5/1 и 5/2. Выкид от погребения 5/3 был законсервирован древнейшим (III) курганным слоем, на который наслоился в бровке 2-ой выкид из погребения. Этот выкид законсервирован курганным слоем II и каменным панцирем. На этот курганный слой наслоился с востока от центра выкид из погребения 5/2². Последним впускным в курган было погребение 5/4³, близкое по времени к погребению 5/2. Таким образом, последовательность погребений такова: древнейшее – 5/3, следующее – 5/1, и далее близкие по времени – 5/2 и 5/4 с многомолоточковидными булавами.

Выводы. В курганах Хазнидона можно выделить 3 хронологических горизонта погребений кубано-терской культуры.

Первый (древнейший) горизонт составлен погребениями 1/2, 1/4, 1/3, 2/2, 2/3, 2/6, 5/3, 5/1. В металлокомплексе таких погребений:

– полушарные кованые *бляхи* с пунсонным орнаментом, как в Лечинкае 18/п. [3, с. 109, рис. 1];

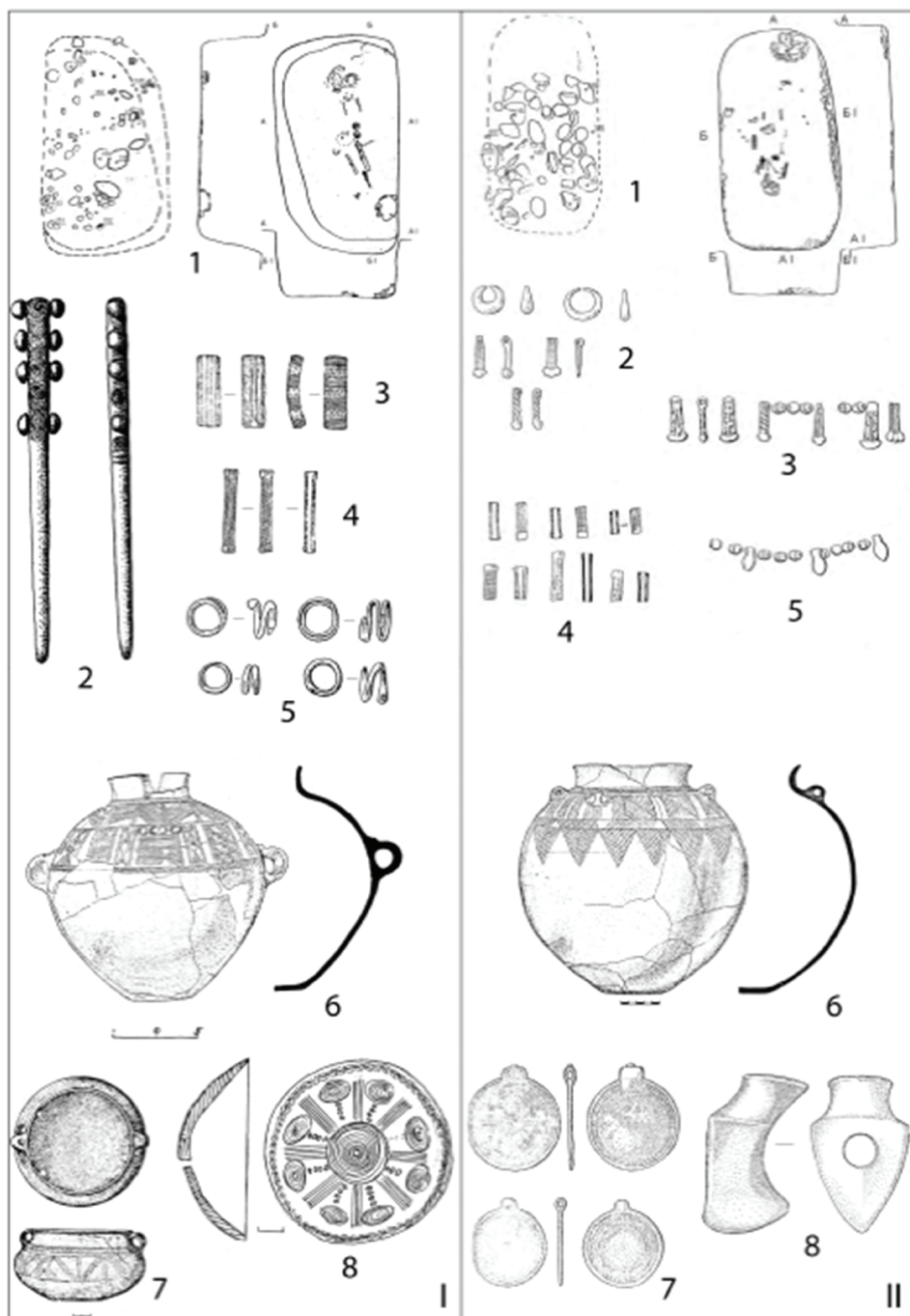
– бронзовые двумолоточковые *булавки*, как в Чегеме II 34/цп [3, с. 72, рис. 28.1].

Второй (более поздний стратиграфически) горизонт образован погребениями 2/4, 5/4, 5/2 и 2/1 с многомолоточковидными булавами, с литыми полусферическими бляхами-умбонами и топорами IV/V стадий [11, рис. 2], литыми пронизями с орнаментом «бегущая волна». Этот орнамент фиксируется на дунайских бронзах вкладах Хайду-Шамшон – Апа XIV в. до н. э. и Косидер XIII в. до н. э. [11, рис. 7.V–7.VI], что и является

¹ Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. Рис. 107.

² Там же. Рис. 111.

³ Там же. Рис. 112.

I. Погребение № 2

II. Погребение № 4

Рис. 4 / Fig. 4. Хазнидон. Курган № 5 / Khaznidon. Mound № 5

Источник: Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. 500 с.

основанием отнесения этого горизонта к V этапу КТК¹.

Третий стратиграфический горизонт. Самым поздним в курганах Хазнидона является погребение 1/1, содержащее булаву с 4 шишечками², датируемую XIV–XIII вв. до н. э. по аналогиям с горизонтом Ростовка-Сейма-Турбино-Бородинский клад [11]. Синхронно с VI группой, по В. А. Сафронову, и с лолинской культурой, по Р. Мимоходу, а в степях Восточной Европы – памятникам культуры многоваликовой керамики, хронологическим репером для которой является Бородинский клад с булавой, идентичной булаве из Хазнидона 1/1 [11]. Ближайшая аналогия этой булавы найдена в погребении № 3 высокогорного могильника Айлама в Былыме, в Кабардино-Балкарии [3, с. 146, рис. 22.8].

Стратиграфия курганов у с. Хазнидон дополнила стратиграфию памятников пост-майкопского времени, построенную на материалах курганов у с. Дзуарикау и с. Ногир.

Заключение

Наиболее важным итогом интерпретации приведённых данных по Северной Осетии явилось выделение того хронологического отрезка, на котором, как было установлено, сосуществуют катакомбные памятники степного Предкавказья, Северного Кавказа и предгорные памятники КТК (СБ IIa и СБ IIb, по В. А. Сафронову и IV и V этапы КТК, по Н. А. Николаевой³). До этого времени катакомбной культуры в Осетии нет, а после этого периода население КТК вы-

тесняется катакомбными племенами в высокогорье (Былым, Кабардино-Балкария) [3, с. 146–163] и исчезает. Несмотря на то, что катакомбная культура генетически родственна кубано-терской (в основе её, как и в основе КТК, одни и те же древнеевропейские культуры – культуры шнуровых керамик и шаровидных амфор Центральной Европы), двубрядность (катакомба и яма; скорченное и вытянутое положение погребённого) существует на всём протяжении пребывания катакомбной культуры и КТК в Северной Осетии.

Получены доказательства в пользу ранее выведенной закономерности образования первых катакомбных памятников и в Предкавказье, и на юге Восточной Европы на основе формы первых контактов кубано-терской и катакомбной культур в виде смены формы погребения (от ямы к катакомбе) при сохранении инвентаря кубано-терской/северокавказской культуры.

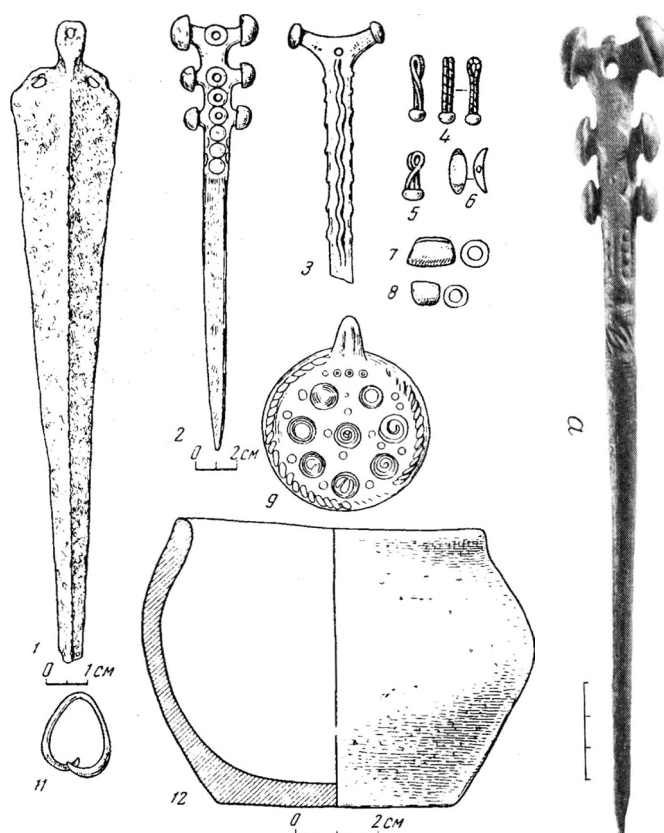
Многомолоточковидные булавки Северной Осетии, отмеченные также в Кабарде (Чегем 23/цп) [3, с. 72, рис. 28.49, рис. 79], в Кисловодске [6, с. 7, сн. 274], в предгорных станицах Краснодарского края – Андрюковской к. 8 (рис. 5.I) [6, с. 79], Псебайской (рис. 5.II) [7, рис. 9, рис. 13], Келлермесской [7, рис. 9], могут рассматриваться как финал кубано-терской культуры в соответствии с датой XIV–XIII вв. до н. э. для дунайского орнамента «бегущая волна» [11, рис. 7] на литых пронизях с манжетами, а также с датой кинжала из станицы Андрюковская, курган 8/2, определяемого временем Троянской войны, учитывая, что погребение 8/2 найдено рядом с курганом Андрюковская курган 7, содержащим кинжал с секирой, аналогичной найденной в Приамовой Трое 7a [6; 7, рис. 16; 11]⁴.

¹ Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. С. 281.

² Там же. Прил. 1. Рис. 96.

³ Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. 500 с.

⁴ Сафронов А. В. Упомянется ли Троянская война в надписи Рамсеса III? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2019. № 23-2. С. 939–949.

1. Ст. Андрюковская 8

2. Псебайская курган 3 (в насыпи)

Рис. 5 / Fig. 5. Многомолоточковидные булавки Прикубанья / Multi-hammer-shaped pins of Prikubanye

Источник: [7]

Многомолоточковидные булавки – результат дальнейшей эволюции бронзовых молоточковидных булавок с одной парой молоточковидных выступов в КТК, воспроизводящих в металле костяные молоточковидные булавки, рассматриваемые нами как предмет культа¹ у населения как *праиранской*/древнеямной, так и *индоарийской*/кубано-днепровской (новотитаровского варианта) культур юга Восточной Европы². Костяные молоточ-

ковидные булавки связаны с погребальным обрядом и культом Великой богини. «Авеста» сообщает имя Великой богини индоиранцев – Ардвисура Анахита³. Они не являются предметом импорта с Кавказа в степные индоиранские культуры, а представляют органическую часть комплекса КТК («древнеевропейского», с точки зрения лингвистики), свидетельствуя о тесном союзе между индоариями (кубано-днепровская культура в новотитаровском варианте) и древнеевропейцами (кубано-

¹ В свете сказанного термин «булавки» надо рассматривать как условный и технический термин и не воспринимать буквально.

² Николаева Н. А. О лингвокультурной атрибуции и семантике «костяных молоточковидных булавок»

по материалам раскопок 1986 года в Калмыкии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 4. С. 151–169.

³ Там же. С. 163

терская культура) на Северном Кавказе. Воспроизведение в бронзе костяных молоточковидных «булавок» соседних индоариев на Кавказе (кубано-днепровская культура/новотитаровский вариант)¹ можно объяснить глубоким восприятием населения КТК (древнеевропейцев по языку) культа Великой Богини – основного персонажа религии населения «степного варианта» КТК² – индоариев (с позиции лингвистики). Этот факт отразился в исчезновении Y-образной гигантской булавки, характерной для КТК в куро-аракский период её развития, бесспорно, тоже символа божества плодородия [4], являю-

щейся эндемиком для районов Кабарды и Осетии, и замещении её в последующий период бронзовыми молоточковидными булавками, сходными с Y-образными булавками по функции.

Представленные полные керамические комплексы с многомолоточковидными булавками из Хазнидона с нового ракурса характеризуют финальную пору кубано-терской культуры³ и впервые позволяют уточнить культурную атрибуцию и семантику многомолоточковидных булавок.

Дата поступления в редакцию 01.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева М. В. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.
2. Археология СССР. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза / отв. ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковиц. М.: Наука, 1994. 384 с.
3. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 / под ред. В. И. Марковина. Нальчик: Эльбрус, 1984. 302 с.
4. Корневский С. И. Т- и У-образные булавки эпохи средней бронзы Большого Кавказа в Предкавказье // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе: СОГУ, 1986. С. 12–24.
5. Корневский С. И. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.: ИА АН СССР, 1990. 174 с.
6. Латынин Б. А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1967. № 9. С. 3–96 с.
7. Марковин В. И. Культура племён Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). М.: Наука, 1960. 151 с.
8. Николаева Н. А., Сафронов А. В. Курган у с. Ногир и проблемы среднебронзового века Северной Осетии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып II. С. 164–179.
9. Николаева Н. А., Сафронов А. В. Периодизация катакомбной культуры (по материалам курганов у с. Чиколы Северной Осетии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 129–149.
10. Николаева Н. А., Сафронов А. В., Карлова К. Ф. Индоарийская атрибуция степного варианта Кубано-Терской культуры (по материалам курганов у ст. Терская Моздокского района Северной Осетии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып IV. С. 29–44
11. Сафронов В. А. Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Вып. 1. Л.: ЛГУ, 1968. С. 75–128.

¹ Николаева Н. А. О лингвокультурной атрибуции и семантике «костяных молоточковидных булавок» по материалам раскопок 1986 года в Калмыкии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 4. С. 160–163.

² Там же.

³ Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. С. 223.

12. Сафронов В. А. О датировке Рутхинского погребального комплекса северокавказской культуры // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 108: Археологические памятники Кавказа и Средней Азии / отв. ред. Т. С. Пасек. М.: Наука, 1966. С. 23–29.
13. Сафронов В. А. Николаева Н. А. Происхождение костяных молоточковидных булавок // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 142: Памятники эпохи бронзы и раннего железа / под ред. И. Т. Кругликовой. М.: Наука, 1975. С. 11–17.
14. Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.): дис. ... докт. ист. наук. М., 2009. 661 с.

REFERENCES

1. Andreeva M. V. *Vostochnomanychskaya katakombnaya kultura: analiz materialov pogrebalnykh pamyatnikov* [East Manych catacomb culture: analysis of materials from burial monuments]. Moscow, Taus Publ., 2014. 272 p.
2. Kushnareva K. Kh., Markovits V. I., eds. *Arkheologiya SSSR. Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii. Rannyyaya i srednyaya bronza* [Archeology of the USSR. Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 384 p.
3. Markovin V. I., ed. *Arkheologicheskiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979* [Archaeological research on new buildings in Kabardino-Balkaria in 1972–1979]. Nalchik, Elbrus Publ., 1984. 302 p.
4. Korenevsky S. I. [T- and U-shaped pins of the Middle Bronze Age of the Greater Caucasus in the Ciscaucasia]. In: *Etnokulturnyye problemy epokhi bronzy Severnogo Kavkaza* [Ethnocultural problems of the Bronze Age of the North Caucasus]. Ordzhonikidze, SOGU Publ., 1986, pp. 12–24.
5. Korenevsky S. I. *Pamyatniki naseleniya bronzovogo veka Tsentralnogo Predkavkazyia* [Monuments of the Bronze Age population of the Central Ciscaucasia]. Moscow, IA AN SSSR Publ., 1990. 174 p.
6. Latynin B. A. [Hammer pins, their cultural attribution and dating]. In: *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage], 1967, no. 9, pp. 3–96.
7. Markovin V. I. *Kultura plemen Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy (II tys. do n. e.)* [Culture of the tribes of the North Caucasus in the Bronze Age (2nd millennium BC)]. Moscow, Nauka Publ., 1960. 151 p.
8. Nikolaeva N. A., Safronov A. V. [A kurgan near the village of Nogir and the problem of cultural attribution of Middle Bronze Age monuments in North Ossetia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and political sciences], 2020, no. 5. Circumpontica, iss. II, pp. 164–179.
9. Nikolaeva N. A., Safronov A. V. [Periodization of the Catacomb culture (based on the materials of the mounds near the village of Chikola, North Ossetia)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and political sciences], 2021, no. 5. Circumpontica, vol. III, pp. 129–149.
10. Nikolaeva N. A., Safronov A. V., Karlova K. F. [The Indo-Aryan attribution of the Kuban-Terek culture steppe variant, based on kurgans near Terskaya. Mozdok district, North Ossetia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and political sciences], 2022, no. 5. Circumpontics, iss. IV, pp. 29–44.
11. Safronov V. A. [Dating of the Borodino treasure]. In: *Problemy arkheologii. Vyp. 1* [Problems of archeology. Vol. 1]. Leningrad, LGU Publ., 1968, pp. 75–128.
12. Safronov V. A. [On the dating of the Rutkha burial complex of the North Caucasian culture]. In: Passek T. S., ed. *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta arkheologii. Vyp. 108: Arkheologicheskiye pamyatniki Kavkaza i Sredney Azii* [Brief reports on reports and field research of the Institute of Archeology. Vol. 108: Archaeological sites of the Caucasus and Central Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 23–29.
13. Safronov V. A. Nikolaeva N. A. [Origin of bone hammer-shaped pins]. In: Kругликова И. Т., ed. *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta arkheologii. Vyp. 142: Pamyatniki epokhi bronzy i rannego zheleza* [Brief reports on reports and field research of the Institute of Archeology. Vol. 142: Monuments of the Bronze and Early Iron Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 11–17.

14. Shishlina N. I. *Severo-Zapadnyy Prikaspiy v epokhu bronzy (V–III tys. do n. e.): dis. dok. ist. nauk* [North-Western Caspian Region in the Bronze Age (5–3 millennium BC): Dr. Sci. thesis in Historical sciences.] Moscow, 2009. 661 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения;

e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Сафронов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Российского технологического университета (МИРЭА);

e-mail: safron1477@yandex.ru

Чиж Никита Сергеевич – аспирант Института востоковедения Российской академии наук;

e-mail: ch1999@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Nikolaeva – Cand. Sci. (History), Prof., Department of General History, State University of Education;

e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Aleksander V. Safronov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, MIREA – Russian Technological University;

e-mail: safron1477@yandex.ru

Nikita S. Chizh – Postgraduate student, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences;

e-mail: ch1999@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николаева Н. А., Сафронов А. В., Чиж Н. С. Финал кубано-терской культуры в предгорьях Северного Кавказа (по материалам курганов у с. Хазнидон Северной Осетии) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 93–110.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-93-110

FOR CITATION

Nikolaeva N. A., Safronov A. V., Chizh N. S. The end of the Kuban-Terek culture in the foothills of the North Caucasus (based on the materials of the mounds near the village of Khaznidon in North Ossetia). In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpon-tica, iss. V, pp. 93–110.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-93-110

УДК 94/902

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-111-118

ДРЕВНЕИРАНСКАЯ СОБАКА-ПТИЦА В КАВКАЗСКОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОБАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

Чшиев В. Т.*Институт истории и археологии РСО – Алания**362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Прояснить семантику зооморфных бронзовых привесок в виде протомы и головы собачовидного зверя, снабжённых птичьим треугольным хвостом, встречающихся в погребальных комплексах кобанской археологической культуры.

Процедуры и методы. В работе рассматриваются «птицевидные» бронзовые привески кобанской культуры и другие артефакты Кобани с близкими зооморфными скульптурными композициями, использованы типичная для археологических исследований методология, комплексный и сравнительно-исторический методы.

Результаты. В процессе исследования проявлена семантика «птицевидных» бронзовых привесок кобанской культуры Кавказа.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье предложена и доказывается новая, оригинальная трактовка семантики зооморфных («птицевидных») бронзовых привесок кобанской археологической культуры. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке научных работ по древней истории Кавказа, для научной работы студентов и преподавателей исторических факультетов, аспирантов.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы – раннего железа Кавказа, кобанская культура, «птицевидные» бронзовые привески кобанской культуры, семантика кобанских бронзовых привесок в виде собаки-птицы

THE ANCIENT IRANIAN DOG-BIRD IN THE CAUCASIAN REPOUSSAGE (BASED ON THE MATERIALS OF THE KOBAN ARCHEOLOGICAL CULTURE)

V. Chshiev*Institute of History and Archeology of Republic of North Ossetia – Alania**ul. Vatutina 46, Vladikavkaz 362025, Russian Federation*

Abstract

Aim. To clarify the semantics of zoomorphic bronze pendants in the form of a protoma and the head of a dog-like animal, equipped with a bird's triangular tail, found in the burial complexes of the Koban archaeological culture.

Methodology. The paper examines the “bird-like” bronze pendants of the Koban culture and other Koban artifacts with similar zoomorphic sculptural compositions; it uses a methodology typical of archaeological research, such as comprehensive and comparative historical methods.

Research implications. The article proposes and proves a new original interpretation of the semantics of zoomorphic (“bird-like”) bronze pendants of the Koban archaeological culture. The results of the research can be used in the preparation of scientific papers on the ancient history of the Caucasus, for the scientific work of students and teachers of historical faculties, postgraduate students.

Keywords: Late Bronze – Early Iron Age of the Caucasus, Koban culture, “bird-like” bronze pendants of Koban culture, semantics of Koban bronze pendants depicting a dog-bird

Введение

В памятниках кобанской культуры Кавказа достаточно широко представлены небольшие бронзовые литые зооморфные привески с протомой животного и треугольным, напоминающим птичий, хвостом. Эти так называемые птицевидные привески (тип ХУП, группа 1 – по классификации В. И. Козенковой) [2, с. 140, рис. 6.7, с. 149, рис. 12.8; 3, с. 43]. Их отличает сочетание прото-мы животного с собаковидной головой, имеющей подтреугольные или округлые формы, можно сказать, с «настороженными» ушами и птицевидными туловищем и хвостом. У некоторых привесок, кроме треугольного хвоста и звериной головы со стоячими ушами, имеются и птичьи крылья (рис. 1–2). В материалах Эльхотовского могильника кобанской культуры [8, с. 56; 9, с. 273] данные предметы зафиксированы исключительно в женских комплексах. В погребениях птицевидные привески располагались, как правило, по две в области груди, плеч, реже шеи и спины погребённой, в некоторых случаях они находились в составе ожерелий. Представляется, что новые материалы Эльхотовского могильника позволяют пролить свет на связанные с ними мифо-идеологические представления древних «кобанцев». Несомненная мифологичность рассматриваемых привесок заставляет нас попытаться найти ему объяснение в мифологемах Кавказа или близких к нему областей.

Древнеиранская собака-птица в кавказской металлопластике

В этой связи большой интерес представляет дуальный образ Сэнмурва – Симурга, широко распространённый не только в древнем и средневековом Иране, но и далеко за его пределами, в частности – в Закавказье, т. е. территориально совсем недалеко. Облик Сэнмурва, священной

собако-птицы, обитающей на «Древе всех семян», и связанный с плодородием, благодатью и, в целом, с поддержанием космологического миропорядка, в авестийской традиции, в Бундахишне раскрывается в описании видов и свойств, сотворённых животных. Здесь он относится к виду птиц-животных, причём наибольшему из них. «Четвёртый вид – (птицы) – (животные)», из которых триединая Сэн – наибольшее...»¹. Здесь же, в Бундахишне, раскрывается и вторая природа Сэнмурва, так как он описывается вновь ещё и в классе («виде»), млекопитающих и сравнивается с летучей мышью. «Десятый, сто десять видов птиц. Птицы, такие, как Сэнмурв... Одиннадцатый – летучая мышь. Сенмурв и летучая мышь летают по ночам... Летучая мышь сотворена из трёх видов (животных): зубастой собаки, (птицы) и мускусного (животного)»². Сравнение в Авесте Сэнмурва с летучей мышью и опять-таки с собакой проливает свет, на наш взгляд, и на необъяснимое ранее различие в оформлении ушей кобанских бронзовых привесок, когда в одних случаях мы видим на их головках треугольные уши типа собачьих, а в других – большие, иногда почти круглые, также стоячие уши летучих мышей. Таким образом, указание в тексте Авесты дополнительно на связь Сэнмурва и летучей мыши: «Сэн (из) ночных птиц у врат мира дважды создан был...» [6, с. 68] и, учитывая сходство наших привесок и с летучей мышью, и с Сэнмурвом, можно наметить ещё и эту параллель между кобанскими привесками и образом Сэнмурва.

По поводу птичьей составляющей данных привесок укажем не только на их хвосты треугольной формы, но и ясно

¹ Авеста. Избранные гимны из Видевдата / перевод И. Стеблин-Каменского. М.: Дружба народов, 1993. Гл. 14.

² Там же.

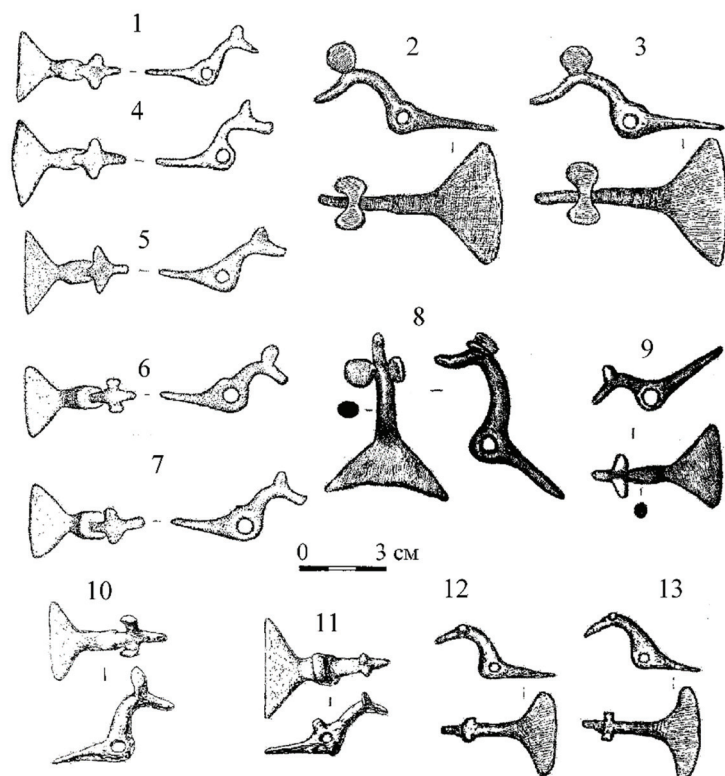

Рис. 1 / Fig. 1. Птицевидные привески. Эльхотовский могильник (бронза) / Bird-like attachments. Elkhotoevsky burial ground (bronze)

Источник: [10, с. 299]

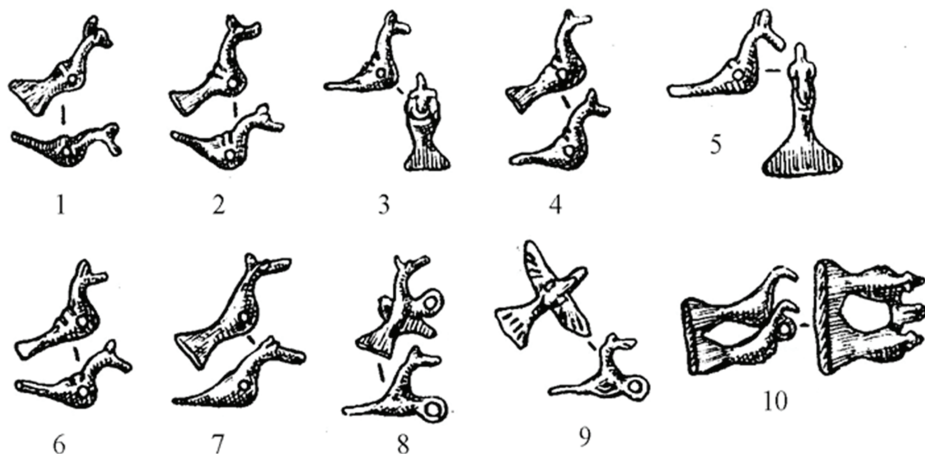

Рис. 2 / Fig. 2. Птицевидные привески. Тлийский могильник (бронза) / Bird-like attachments. Tliyskiy burial ground (bronze)

Источник: [4, с. 166]

выраженные крылья такой привески из Тлийского могильника, что даёт нам основание, уже в других случаях (как на примере Эльхотовских фигурок) указывая на треугольный хвост и аналогичную ушастую головку, трактовать их как собако-птицу. Кроме того, на верхней части тулова некоторых «бескрылых» привесок обозначены небольшие бороздки или выпуклости, также указывающие, по нашему мнению, на крылатость этих существ (рис. 1, 7, 12; рис. 2.1–2.9). Само слово «Сэнмурв» в переводе с древнеиранского означает «собака-птица». Как подчёркивает К. В. Тревер, в монографии, посвящённой Сэнмурву «...имя *saenamereyō*, *sen-murv* и все его звуковые разновидности будут таким же двойником (но в другой языковой среде) слова “*paskud*”, означающего “птица-собака”, как самый образ Сэнмурва является двойником (но в другой этнической среде) образа Паскуджа. Сэнмурв должно означать просто “собака-птица”, как Паскудж означает “птица-собака”» [6, с. 26].

Весьма важную роль применительно к данному вопросу играют известные изо-

бражения Сэнмурва на предметах материальной культуры. В этой связи одним из наиболее интересных, как нам представляется, является изображение Сэнмурва на медальоне серебряного блюда из собрания Государственного Эрмитажа, происходящего из района Глазова [6, с. 40]. Как совершенно справедливо заключает далее исследовательница: «В трактовке хвоста Сэнмурва на нашем блюде и чешуи (если это чешуя) можно было бы видеть выражение водного естества Сэнмурва. Если Сэнмурв первоначально, будучи космическим существом «о трёх естествах»..., был связан с тремя сферами, то в нём, наряду с чертами «небесенка» верхнего неба – птицы, должны быть черты, связывающие его со «средним небом», – собаки, и черты, характерные для водной стихии, – рыбы» [6, с. 41]. Дополнительным доказательством наличия у Сэнмурва третьей, хтонической, водной «страты» являются его изображения с весловидным хвостом бобра и выдры – «водяной собаки» Бундахишна, а также хвоста рыбы или рыбьей чешуи (рис. 4.2, 4.4).

Рис. 3 / Fig. 3. Бронзовые кружки с зооморфными ручками. Тлийский могильник / Bronze mugs with zoomorphic handles. Tliysky burial ground

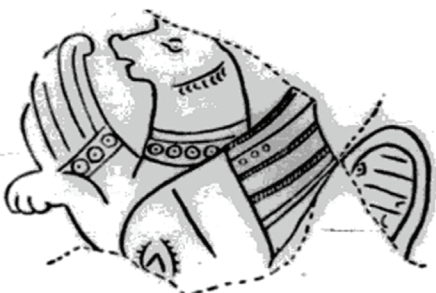
Источник: [5, с. 75]

1

2

3

4

1. Бронзовый пояс из Тли
2. Деталь узора на каменном рельефе (Так – и – Бостан, Иран)
3. Фрагмент иранской керамической тарелки
4. Золотая обкладка ножен меча

Рис. 4 / Fig. 4. Изображения Сэнмурва на предметах материальной культуры / Images of Senmurv on objects of material culture

Источник: 1 – [5, с. 272], 2 – [6, с. 150], 3 – [6, с. 156], 4 – [6, с. 145]

Полагая, что образ описываемых бронзовых фигурок является мифологичным, следует признать так же и то, что он должен, так или иначе, проявляться и в других категориях материальной культуры древних «кобанцев». Действительно, в материалах кобанской культуры мы находим большую категорию предметов, на которых присутствует уже известный нам образ фантастического животного, имеющего собачью голову со стоячими ушами, и, что характерно, – треугольный хвост. Это бронзовые ситуды, «вазы» и кружки (рис. 3), ручки которых пред-

ставляют собой скульптурную бронзовую фигурку собаковидного существа с треугольным хвостом [3, с. 47, рис. 19; 4, с. 75, рис. 63; 5, с. 446–448; 7, с. 241, рис. 196, табл. XXXU.1.22 и др.]. Эти предметы представлены достаточно большим числом на территории центрального и западного вариантов кобанской культуры, а также встречаются в Причерноморье, куда попали в качестве основного элемента кобанского импорта в скифскую среду [1, с. 46, рис. 9, 11]. Как пишет В. И. Козенкова: «Металлическая, главным образом, бронзовая посуда составляла харак-

терную особенность преимущественно горных памятников центрального варианта (Кобань, Фаскау, Верхняя Рутха, Кашкатау, Жемтала, Тли...). Вазы и кружки часто украшались чеканным узором и рельефными зверовидными ручками» [3, с. 47, рис. 19, № 3, 6, 8, 13]. Как теперь представляется, зооморфное (собаковидное) животное с треугольным хвостом на кобанских бронзовых сосудах является образом, близким или аналогичным Сэнмурву. На наш взгляд, бронзовая ручка-Сэнмурв, «стоящая на карауле» у края данного типа сосудов, как нельзя лучше соответствует «функциям» этого существа как оберегающего (защита и, возможно, освящение напитка) и показывает его связь, кроме прочего, с водой, жидкостью, хтоникой.

Наконец, уже не в видоизменённом, а в классическом древнеиранском виде, мы видим изображение Сэнмурва на бронзовом поясе из погребения 419 Тлийского могильника кобанской культуры (рис. 4.1) [5, с. 271, табл. 69].

Рассмотрев некоторые моменты, связанные с семантикой бронзовых птицевидных привесок, следует прояснить ещё один вопрос, связанный с этим интересным образом – это парность привесок, прослеживаемая в подавляющем большинстве случаев их нахождения в комплексах. В одних случаях эти привески отлиты по отдельности, но помещены на ожерелье рядом друг с другом, в других случаях они отлиты вместе, но везде повторяется их парность (рис. 2.10). Эта особенность данных привесок объясняется, на наш взгляд, тем, что и на «Древе всех семян» мы видим не только Сэнмурва, но и ещё одну священную птицу – Камрош, которая «помогает» Сэнмурву. Другими

словами, они «работают *в паре*»: «И обителище Сэнмурва – на дереве всех семян, исцеляющем от зла: и каждый раз, когда он поднимается, тысяча веток из дерева вырастает; и когда садится, тысячу веток ломает и семена с них рассыпает. И Птица Камрош *всегда поблизости сидит*, и дело её в том, что семена (которые) с дерева всех семян, исцеляющего от зла, (Сэнмурв) рассыпает, – собирает и туда, где Тиштар воду берёт, (их) несёт...» [6, с. 12].

В связи с вышеизложенным, становится понятной и такая большая популярность этого ёмкого полиморфного образа в среде носителей кобанской культуры. Предмет, имеющий такую богатую многообразную символику, становится важным атрибутом обихода, а также необходимой принадлежностью парадного и, соответственно, погребального костюма древних «кобанцев».

Заключение

Таким образом, птицевидные привески кобанской культуры, по нашему мнению, связаны с мифо-религиозным образом, близким древнеиранскому Сэнмурву. Нам неясна природа появления этого древнеиранского религиозно-мифологического образа в среде кобанских племён Кавказа. Это может быть проявлением влияния популярного образа древнеиранской мифологии, распространённого на больших территориях, в том числе, в Закавказье, или может быть связано с наличием в среде кобанских племён иранского компонента. Но несомненным, на наш взгляд, является знакомство древних «кобанцев» с этим или весьма близкими ему образами.

Дата поступления в редакцию 15.07.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Галанина Л. К, Алексеев А. Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // Археологический сборник. Материалы и исследования по археологии СССР. 1990. Вып. 30.С. 34–54.
2. Козенкова В. И., Пседахский могильник кобанской культуры (по раскопкам 1976–1977 гг.) // Новое в археологии Северного Кавказа / отв. ред. В. И. Марковин. М.: Наука, 1986. С. 134–157.

3. Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племён. Западный вариант. М.: Ин-т археологии РАН, 1998. 200 с.
4. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVII–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 240 с.
5. Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект пресс, 2002. 500 с.
6. Тревер К. В. Сэнмурв-Паскудж, Собака-птица. Л.: Государственный Эрмитаж, 1937. 74 с.
7. Уварова П. С. Материалы по археологии Кавказа. Т. VIII. М., 1900. 382 с.
8. Чшиев В. Т. Эльхотовский могильник кобанской культуры – новый памятник истории Северной Осетии эпохи поздней бронзы // Материалы и исследования по археологии России. Вып. 3. / отв. ред. М. С. Гаджиев. М.: ИА РАН, 2001. С. 21–28.
9. Чшиев В. Т. Набор вооружения из погребения 41 Эльхотовского могильника кобанской культуры // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2004. № 4. С. 273–286.
10. Чшиев В. Т. Эльхотовский некрополь – эталонный памятник кобанской культуры предгорной зоны РСО – Алания. Владикавказ: ВНИЦ РАН. 2022. 314 с.

REFERENCES

1. Galanina L. K., Alekseev A. Yu. [New materials on the history of Trans-Kubania in the early Scythian period]. In: *Arkheologicheskiiy sbornik. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Archaeological collection. Materials and research on the archeology of the USSR], 1990, vol. 30, pp. 34–54.
2. Kozenkova V. I. [Psedakh burial ground of the Koban culture (based on excavations in 1976–1977)]. In: Markovin V. I., ed. [New in the archeology of the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 134–157.
3. Kozenkova V. I. *Materialnaya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyy variant* [Material basis of life of the Koban tribes. Western version]. Moscow, In-t arkheologii RAN Publ., 1998. 200 p.
4. Tekhov B. V. *Tsentralnyy Kavkaz v XVII–X vv. do n. e.* [Central Caucasus in the 17th–10th centuries BC]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 240 p.
5. Tekhov B. V. *Tayny drevnikh pogrebeniy* [Secrets of ancient burials]. Vladikavkaz, Proyekt press Publ., 2002. 500 p.
6. Trever K. V. *Senmurv-Paskudzh, sobaka-ptitsa* [Sanmurv-Paskug, bird-dog]. Leningrad, Gosudarstvennyy Ermitazh Publ., 1937. 74 p.
7. Uvarova P. S. *Materialy po arkheologii Kavkaza. T. VIII* [Materials on the archeology of the Caucasus. Vol. VIII]. Moscow, 1900. 382 p.
8. Chshiev V. T. [Elkhotovsky burial ground of the Koban culture – a new monument to the history of North Ossetia of the Late Bronze Age]. In: Gadzhiev M. S., ed. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii. Vyp. 3* [Materials and research on the archeology of Russia. Vol. 3]. Moscow, IA RAN Publ., 2001, pp. 21–28.
9. Chshiev V. T. [A set of weapons from burial 41 of the Elkhotov burial ground of the Koban culture]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and research on the archeology of the North Caucasus], 2004, no. 4, pp. 273–286.
10. Chshiev V. T. *Elkhotovskiy nekropol – etalonnyy pamyatnik kobanskoy kul'tury predgornoy zony RSO – Alaniya* [Elkhotovsky necropolis is a reference monument of Koban culture of the foothill zone of the RSO – Alania]. Vladikavkaz, VNC RAS Publ., 2022. 314 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Таймуразович Чшиев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания;
e-mail: hacht@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir T. Chshiev – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of History and Archeology of Republic of North Ossetia – Alania;
e-mail: hacht@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чшиев В. Т. Древнеиранская собака-птица в кавказской металлопластике (по материалам кобанской археологической культуры) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 111–118.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-111-118

FOR CITATION

Chshiev V. G. The ancient Iranian dog-bird in the Caucasian repoussage (based on the materials of the Koban archeological culture). In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 111–118.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-111-118

УДК 902.3

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-119-128

КИЗИЛ-КОБИНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГРУППЫ ГОРНОГО КРЫМА: ХРОНОЛОГИЯ НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ (XI–X ВВ. ДО Н. Э.)

Лучинский Н. Д.*Институт археологии РАН**117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Разработать более чёткие хронологические границы начальных памятников кизил-кобинской культуры в центральной зоне крымских предгорий.

Процедура и методы. Для решения вопросов хронологии используется сравнительно-типологический метод. Проводится синхронизация начального этапа кизил-кобинской культуры с соседними культурами Северного Причерноморья.

Результаты. Ранее исследователи датировали самые ранние кизил-кобинские памятники IX–VIII вв. до н. э. В данной статье показано, что наиболее ранние кизил-кобинские памятники датируются XI–X вв. до н. э.

Теоретическая и/или практическая значимость. Решение проблемы хронологии первичных кизил-кобинских памятников является главной задачей в вопросах генезиса кизил-кобинской культуры.

Ключевые слова: Предгорный Крым, Северное Причерноморье, поздний бронзовый век, кизил-кобинская культура, гальштат, белозерская культура, балтская группа памятников

MONUMENTS OF THE KIZIL-KOBA CULTURE OF THE CENTRAL GROUP IN THE MOUNTAINOUS CRIMEA: CHRONOLOGY OF THE INITIAL STAGE (9TH–10TH CENTURIES BC)

N. Luchinsky*Institute of Archeology of the Russian Academy Sciences**ul. Dmitriya Ulyanova 19, Moscow 117292, Russian Federation*

Abstract

Aim. To develop chronological boundaries of the initial monuments of the Kizil-Koba culture in the central zone of the Crimean foothills.

Methodology. A comparative typological method is used to solve chronological issues. Synchronization of the initial stage of the Kizil-Koba culture with the neighboring cultures of the Northern Black Sea region is carried out.

Results. Earlier, researchers dated the earliest sites of the Kizil-Koba culture of the 9th–8th centuries BC. This article shows that the earliest sites date back to the 11th–10th centuries BC.

Research implications. Solving the problem of chronology of the primary sites of the Kizil-Koba culture is the main goal in the issue of the genesis of this culture.

Keywords: Foothill Crimea, Northern Black Sea region, Late Bronze Age, Kizil-Koba culture, Hallstatt, Belozersk culture, Baltic group of sites

Введение

Разработка основ хронологии кизил-кобинской культуры имеет фундаментальное значение для решения вопросов её генезиса и динамики развития. Однако даже в настоящее время хронология кизил-кобинских памятников остаётся мало разработанной. Несмотря на то, что за последние несколько лет (2016–2023 гг.) накопилось довольно большое количество новых материалов кизил-кобинской культуры, которые можно синхронизировать с соседними культурами, эта работа на теоретическом уровне проводится слабо. Также остаются необработанными многие архивные материалы и коллекции в фондах музеев. Остаётся неясной хронологическая позиция памятников кизил-кобинской культуры раннего этапа. Это затрудняет выяснение вопроса о культурной преемственности между памятниками Предгорного Крыма финала поздней бронзы – начала раннего железа (XI–VII вв. до н. э.) и собственно кизил-кобинскими памятниками VI–IV вв. до н. э.

В связи с этим в настоящей статье предпринята попытка детально рассмотреть вопросы хронологии кизил-кобинской культуры, и, в первую очередь, построить хронологию памятников Предгорного Крыма финала поздней бронзы – начала раннего железа, так как именно они, по наибольшей вероятности, составили последующую основу этой культуры.

Исследователи традиционно делили развитие кизил-кобинской культуры на 3 периода (ранний, средний и поздний), которые условно синхронизировали с белозерским, предскифским («киммерийским») и раннескифскими периодами в Северном Причерноморье и Крыму. В прошлой статье я разделил ранний этап кизил-кобинской культуры на три стадии: начальная стадия а (XI–X вв. до н. э.); б (IX–VIII вв. до н. э.); с (VII – начало VI вв. до н. э.) [9, с. 96]. Ещё раз

напомню, что на данный момент деление это весьма условно и соответствует начальному оформлению кизил-кобинской культуры в позднее белозерское время и предскифский период и её окончательному формированию на начальном этапе раннескифского времени. С VI–V вв. до н. э. кизил-кобинские памятники могут более надёжно датироваться по предметам скифского и античного импорта. В данной статье рассмотрены памятники начальной стадии (а) центральной группы Предгорного и Горного Крыма (в границах современного Симферопольского района). Для того, чтобы полностью осветить вопросы хронологии ранних кизил-кобинских памятников, потребуется цикл статей. По этой причине я рассматриваю данную статью как первую из этого цикла, призванного более детально обосновать новую хронологическую позицию ранней кизил-кобинской культуры.

Хронология начальных кизил-кобинских памятников центральной группы Предгорного и Горного Крыма

Поселение Дружное 1. Охранные раскопки В. А. Колотухина 1977 г.¹ Памятник расположен в 0,6 км к востоку от с. Дружное Симферопольского района (данные на 1978 г.). Примерная площадь поселения на момент раскопок составляла 300×200 м. Разработка *относительной хронологии* на основе данных стратиграфии довольно затруднительна. В XX в. на территории поселения производились многочисленные земляные работы, и к моменту раскопок сохранился относительно небольшой участок с наиболее выраженным культурным слоем, исследованная площадь которого составила 152 м². Толщина культурного слоя составляла в среднем 10–25 см. Также на поселении Дружное были обнаружены

¹ Колотухин В. А. Отчёт об охранных археологических раскопках кизил-кобинского поселения у села Дружное в Крыму в 1977 году // Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка № 126. ОАСА. Инв. А-75.

многочисленные перекопы, впускное погребение. По замечанию самого В. А. Колотухина, материал стратиграфически не разделялся¹. По этим причинам построение относительной хронологии этого памятника возможно, в первую очередь, на материалах керамического комплекса. Лепные кухонные горшки представлены фрагментами верхних профильных частей, часто имеют выраженный S-видный профиль, декорированы лепным подтреугольным валиком, налепами на тулове, насечками по венчику². Типы горшков поселения Дружное имеют аналогии на памятниках белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья, группы Балта [2, рис. 17, 18, 21, 25–27].

По этим аналогиям горшки поселения Дружное датируются в рамках XI–X вв. до н. э. Среди столовой посуды имеется горшковидный сосуд с выраженным S-видным профилем. Он имеет вытянутые пропорции, налипной Т-образный орнамент³. Аналогии этому сосуду подобрать трудно. Схожие по форме столовые горшки имеются в материалах эпонимного поселения Кизил-Коба [5, рис. 25.1-2]. Среди материалов белозерской или гальштатских культур Северного Причерноморья схожие формы и орнаментацию обнаружить не удаётся. Но схожая профилировка в целом характерна для памятников тшинецкого культурного круга и его производных (белогрудовской культуры), откуда, возможно, ведёт своё происхождение. В целом, подобный сосуд поселения Дружное представляется возможным суммарно датировать XII–X вв. до н. э.

Корчаги поселения Дружное представлены отдельными фрагментами, имеют дуговидно отогнутый венчик с закраиной, налипной орнамент на месте

перехода шейки в тулово⁴. Аналогичные столовые сосуды также встречаются на памятниках белозерской культуры [2, рис. 19.15, 28.15, 28.17, 30.13]. По этим аналогиям, корчаги поселения Дружное датируются XI–X вв. до н. э. Лощёные черпаки и кубки, столовые миски⁵ (некоторые шлемовидной формы) имеют многочисленные аналогии в белозерской культуре, в культурной группе Балта, культуре Козия-Сахарна [2, фото 2; 4, рис. XVIII.17, XIX.7–10]. Кубки встречаются и на самых ранних памятниках Северного Причерноморья начала предскифского времени [3, рис. 9–12]. Эти типы сосудов датируются XI – началом IX вв. до н. э. Глиняные пряслица, каменные топоры и молоты⁶, песты имеют широкие датировки, но также указывают на период бытования поселения Дружное в рамках XI–IX вв. до н. э.

Абсолютная хронология поселения Дружное I строится на специфических орнаментированных парадных сосудах, костяных и металлических изделиях. Фрагмент столового горшковидного сосуда S-видного профиля с ручкой-упором (рис. 1.1)⁷, орнаментированный горизонтальными каннелюрами по шейке с идущими от них вниз наклонными короткими парными каннелюрами по плечу сосуда⁸ аналогичен сосуду из погребения в Иолкосе (XII–XI вв. до н. э.) [10, рис. 2336]. Встречаются схожие типы сосудов и на памятниках белозерской культуры XI–X вв. до н. э. (поселение Ялпут IV) [2, рис. 22.3], в гальштатских памятниках Поднестровья и Подунавья [4, рис. XI.25]. Судя по единичному фраг-

⁴ Там же. Рис. 11:13.

⁵ Там же. Рис. 11, 12:21–33.

⁶ Там же. Рис. 12:7–20, 16.

⁷ Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в работе над иллюстрациями Мингулову Даниилу.

⁸ Колотухин В. А. Отчёт об охранных археологических раскопках кизил-кобинского поселения у села Дружное в Крыму в 1977 году // Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка №126. ОАСА. Инв. А-75. Рис. 11:1.

¹ Колотухин В. А. Отчёт об охранных археологических раскопках кизил-кобинского поселения у села Дружное в Крыму в 1977 году // Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка № 126. ОАСА. Инв. А-75. С. 1–2.

² Там же. Рис. 10.

³ Там же. Рис. 11:2.

менту поселения Дружное, этот образец представляет собой импорт и датируется в пределах XI–X вв. до н. э. Среди орнаментальных мотивов прочей парадной посуды поселения Дружное выделяются несколько типов: 1) ромбический; 2) наклонные линии; 3) зигзаг; 4) сочетание горизонтальных наколов с опускающимися от них резными наклонными линиями¹. Схожие типы орнаментов имеются на посуде поздней белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья XI–X вв. до н. э. [2, фото 3.5]. Однако последний, 4 тип, не имеет прямых аналогий в соседних культурах, а ведь в дальнейшем развитии кизил-кобинской культуры этот тип орнаментации становится ведущим. Подобный орнамент имеется уже на раннем черноголовском погребении Крыма Пролом 1 [7, рис. 15.1], что может указывать на появление резного геометрического кизил-кобинского орнамента уже в X – начале IX вв. до н. э. (в контексте всех предметов поселения Дружное).

Костяной псалий (рис. 1.2) и костяные наконечники стрел² имеют аналогии как в ранних предкифских, так и в чернолесских памятниках лесостепи, что позволяет определять самую позднюю хронологическую границу поселения Дружное не позже конца X – начала IX вв. до н. э.

Таким образом, в целом по керамическому комплексу время функционирования поселения Дружное 1 датируется в рамках XI–X вв. до н. э. Не противоречит этим датам и абсолютная датировка индивидуальных находок. Судя по малой мощности культурного слоя и стратиграфически однородному материальному комплексу, можно предполагать, что поселение Дружное функционировало в ограниченном временном диапазоне. В связи с этим предлагаю гипотетически

датировать время существования поселения Дружное не раньше конца XI в. до н. э. и не позже начала IX в. до н. э. Более конкретная датировка на данный момент не представляется возможной.

Могильник Дружное 1. Грунтовой могильник с погребениями в каменных ящиках Дружное 1 расположен в 150–200 м к востоку от одноимённого поселения, и, судя по материалам, связан с ним [6, с. 6]. Раскопки проводились В. А. Колотухиным в конце 1980-х гг. На момент раскопок часть погребений находилась в нарушенном состоянии. Структурно могильник состоит из 3 групп каменных ящиков: западной, восточной и северо-восточной. Здесь будут рассмотрены наиболее ранние группы погребений (западная и восточная).

Относительная хронология строится на основе керамического погребального инвентаря. В западной и восточной группах погребений посудный набор представлен лощёными кубками низких пропорций, более крупными сосудами горшковидной формы. Часть погребальных сосудов имеют лепную орнаментацию [6, рис. 1.1–13]. Все указанные сосуды имеют полные аналогии в памятниках поздней белозерской культуры (в том числе и в могильниках). По этим аналогиям керамический погребальный инвентарь западной и восточной групп могильника Дружное 1 датируется XI–X вв. до н. э. Не противоречит этим датировкам и набор украшений – бронзовые кольца, многовитковые перстни, раковины каури [6, рис. 1.14–34].

Абсолютная хронология строится на находках бронзовых булавок с раскованным щитком и петельчатой головкой (2 экз.) [6, рис. 13.24–25], которые встречаются на памятниках культур Ноа и Сабатиновка, белозерской и культур раннего гальштата, а также бронзового двухлопастного наконечника стрелы килевидной формы [6, рис. 13.34], который имеет аналогии на памятниках поздней белозерской культуры [2, с. 91–92,

¹ Колотухин В. А. Отчёт об охранных археологических раскопках кизил-кобинского поселения у села Дружное в Крыму в 1977 году // Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка №126. ОАСА. Инв. А–75. Рис. 11:6, 10, 11; 12:31, 33; 14.

² Там же. Рис. 12:1–5.

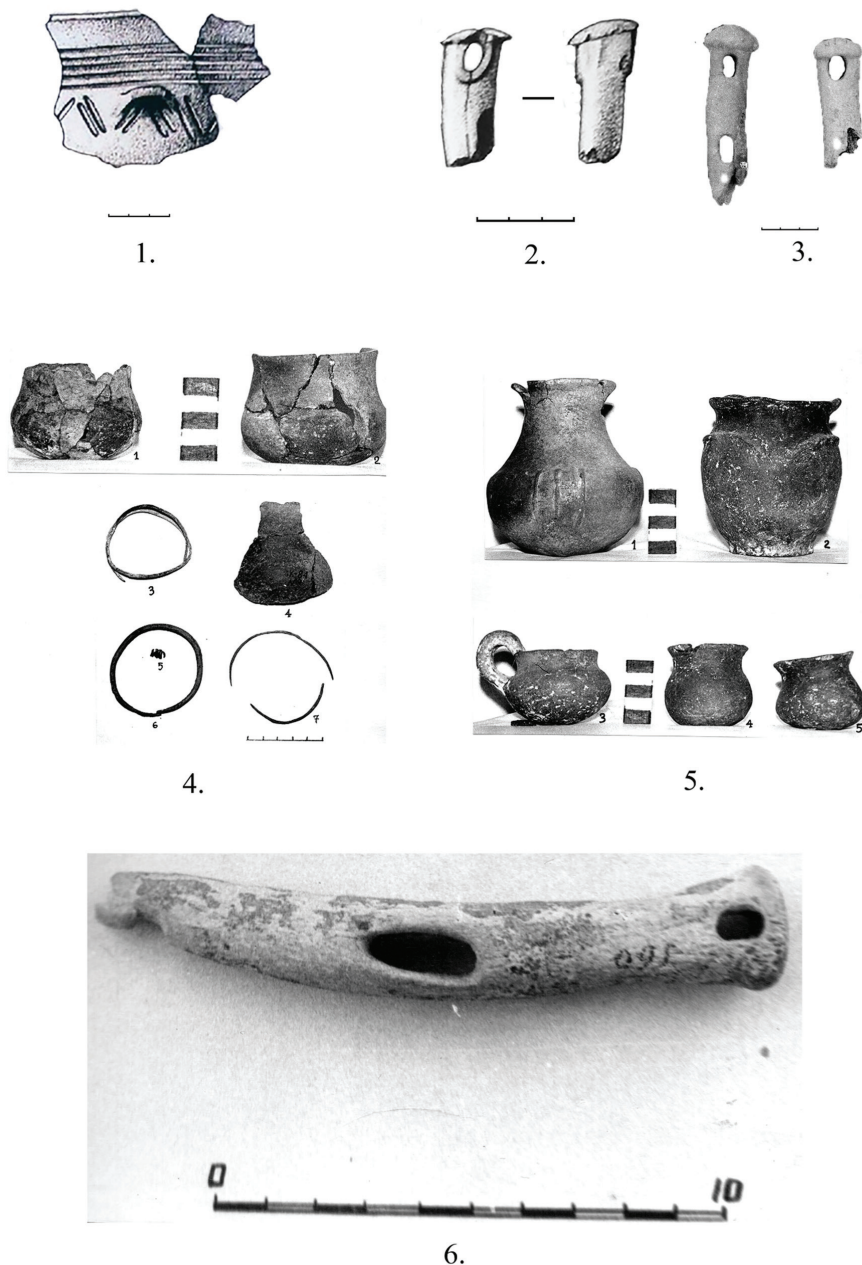

Рис. 1 / Fig. 1. Хроноиндикаторы ранней кизил-кобинской культуры / Chronoindicators of the early Kizil-Koba culture

Источник: 1–2 – Колотухин В. А. Отчёт об охранных археологических раскопках кизил-кобинского поселения у села Дружное в Крыму в 1977 году // Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978.

Папка №126. ОАСА. Инв. А-75. Рис. 11.1, 12.1; 3–5 – Колотухин В. А. Отчёт о работах северокрымской экспедиции в 1984 году. Часть II. Альбом иллюстраций. Фонды ИАК РАН. Фонд О-1. Опись 1. Дело 378. Рис. 220.1.2, 232, 250; 6 – Колотухин В. А. Отчёт об археологических разведках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году // Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978.

Папка 130. ОАСА. Инв. А-77. Рис. 17

рис. 34.2]. Всё это позволяет определить верхнюю хронологическую границу наиболее ранних погребений могильника Дружное 1 временем не позже конца X в. до н. э.

Поселение Кизил-Коба. Памятник расположен в 25 км к юго-востоку от Симферополя, в 500 м к северо-востоку от с. Краснопещерное. Первые раскопки произвёл в 1914 г. С. И. Забнин, в 1918 г. А. С. Моисеев. В 1920 г. на площадке перед одноимённой пещерой провели разведки Г. А. Бонч-Осмоловский, Н. Л. Эрнст и С. И. Забнин. В 1921 г. были произведены раскопки нескольких хозяйственных ям. В 1924 г. Г. А. Бонч-Осмоловский обследовал 2 кизил-кобинские пещеры, произвёл раскопки на площадке перед пещерой площадью 18 м². В 1961 г. О. И. Домбровский и А. А. Щепинский провели раскопки полуземлянки [8, с. 24–26]. В 1982–1984 гг. на площади 380 м² (за 3 года раскопок) проводились раскопки под руководством В. А. Колотухина. К 1980-м гг. культурный слой был нарушен античными, средневековыми и современными перекопами¹.

Слабая мощность культурного слоя, его нарушение позднейшими перекопами не дают возможности построить чёткую стратиграфию. Лишь самый нижний слой гумуса (5–10 см) содержал собственно кизил-кобинские материалы. По указаниям В. А. Колотухина, материал стратиграфически не разделяется.

Относительная хронология строится на основе керамического комплекса, изделий из кости и камня. Кухонная посуда представлена горшками с отогнутым венчиком и S-видным профилем, с плоским дном, приземистых и вытянутых пропорций, многие из которых украшены лепным орнаментом из валиков, гладких или с защипами. Столовая посуда гладкостенная или лощёная, представлена корчагами, черпаками, кубками и мисками

(рис. 1.5). Нередко встречается налёпной и резной орнамент². Весь посудный набор имеет аналогии как на памятниках Предгорного Крыма, так и в белозерской культуре, в группе Балта Северо-Западного Причерноморья и датируется XI–X вв. до н. э. [1, рис. 2; 2, рис. 17, 21, 26, 27].

Абсолютная хронология поселения Кизил-Коба строится на таких индивидуальных находках, как фрагменты костяных псалиев (рис. 1.3) с овальными отверстиями, и костяные наконечники стрел со скрытой втулкой³, которые имеют аналогии на памятниках белозерской культуры и также датируются в рамках XI–X вв. до н. э. [2, рис. 35].

Могильник Суучан. Расположен на левом берегу одноимённой реки, рядом с эпонимным поселением Кизил-Коба. В 1982 г. в результате обрушения участка берега обнажилась стенка каменного ящика, в 1984 г. были проведены разведочные раскопки под руководством В. А. Колотухина. Погребения представляли собой каменные ящики. В отчёте северо-крымской экспедиции указываются сведения о подкурганных погребальных сооружениях⁴.

Погребальный инвентарь (рис. 1.4) представлен лощёными кубками чёрного и коричнево-серого цветов, небольших размеров, приземистых пропорций, с лунковидным углублением на округлом донце, с короткой или высокой шейкой, отогнутым венчиком. Металлы представлены бронзовыми проволочными браслетами⁵. Кубки и браслеты находят многочисленные аналогии на могильниках поздней белозерской культуры [2,

¹ Колотухин В. А. Отчёт о работах северо-крымской экспедиции в 1984 году // Фонды ИАК РАН. Инв. № 173. Папка № 377. С. 48–51.

² Колотухин В. А. Отчёт о работах северо-крымской экспедиции в 1984 году. Часть II. Альбом иллюстраций // Фонды ИАК РАН. Фонд О-1. Описание 1. Дело 378. Рис. 222–236.

³ Там же. Рис. 220.

⁴ Колотухин В. А. Отчёт о работах северо-крымской экспедиции в 1984 году. Фонды ИАК РАН. Инв. № 173. Папка № 377. С. 53–55.

⁵ Колотухин В. А. Отчёт о работах северо-крымской экспедиции в 1984 году. Часть II. Альбом иллюстраций. Фонды ИАК РАН. Фонд О-1. Описание 1. Дело 378. Рис. 250.

фото 2], а сами конструкции погребальных сооружений¹ схожи с погребениями культур раннего гальштата, таких, как Козия-Сахарна [4, табл. IV]. По этим аналогиям датировка могильника Суучхан возможна в рамках XI–X вв. до н. э.

Могильник у с. Донское. Грунтовой могильник из каменных ящиков расположен в 2 км к западу от с. Донское и русла р. Бештерек. Раскопки велись под руководством В. А. Колотухина. Было вскрыто 13 захоронений [5, с. 28].

Погребальный инвентарь представлен не так хорошо, как в могильнике Суучхан. В погребениях обнаружены лощёные кубки небольших размеров, аналогичные кубкам могильника Суучхан и могильникам белозерской культуры XI–X вв. до н. э. Также найдены фрагменты бронзовых спиралевидных пронизей, костяных и перламутровых бусин, также характерных для погребений белозерского времени [5, рис. 23]. Всё это указывает на возможность датировки могильника Донское в рамках XI–X вв. до н. э. и синхронизации его с могильниками Дружное 1 и Суучхан.

Поселение Фонтаны. Археологические разведки В. А. Колотухина 1977 г. Поселение расположено в 0,8 км к югу от с. Фонтаны, на правом берегу р. Западный Булганак, рядом с комбикормовым заводом (по данным на 1978 г.). В ходе разведок было выявлено 5 хозяйственных ям в обресе грунтовой дороги².

По данным В. А. Колотухина, на поселении не выявлено чётко выраженного культурного слоя, что не даёт возможности построения относительной хронологии на основе данных стратиграфии. Как и в других случаях, вся относительная хронология строится на основе керами-

ческого комплекса памятника. Посудный набор представлен кухонной и столовой лепной посудой. В категории кухонной посуды выделяются типы горшков (фрагменты верхних профильных частей) и целых форм горшков вытянутых и приземистых пропорций, больших («пифосы») и средних размеров, с S-видным профилем и плоским донцем. Они украшены налепным валиком на месте перехода шейки в тулово, подтреугольным или с насечками³. Аналогичные сосуды имеются на памятниках белозерской культуры, в культурной группе Балта, и датируются XI–X вв. до н. э. Имеются миски, по форме близкие к тарелкам, с выделенным ребром и загнутым внутрь венчиком, украшенным косыми насечками, а также миски шлемовидной формы⁴. Они также имеют аналогии на памятниках белозерской культуры. Столовая посуда, как правило, лощёная, представлена фрагментами и целыми формами корчаг с конусовидным горлом, черпаками и кубками. Часть фрагментов (малый процент) имеет рельефный лепной орнамент в виде концентрических кругов, резной геометрический орнамент, близкий орнаментации белозерской лощёной керамики (в которой он также встречается редко)⁵.

Эти аналогии позволяют датировать время существования поселения Фонтаны в рамках XI–X вв. до н. э. Из верхнего заполнения ямы № 5 происходит фрагмент верхней профильной части лощёного кубка, украшенного типичным резным кизил-кобинским орнаментом – горизонтальной линией наколов под венчиком, с идущими от них вниз резными линиями в форме остроконечного треугольника вершиной вниз⁶. Однако говорить о появлении этого орнамента на данном памятнике в XI–X вв. до н. э. пока не приходится – возможно попа-

¹ Колотухин В. А. Отчёт о работах северо-крымской экспедиции в 1984 году. Часть II. Альбом иллюстраций. Фонды ИАК РАН. Фонд О-1. Опись 1. Дело 378. Рис. 242, 244, 246, 248.

² Колотухин В. А. Отчёт об археологических разведках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году // Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка 130. ОАСА. Инв. А-77. С. 2.

³ Там же. Рис. 11.

⁴ Там же. Рис. 11:6, 9.

⁵ Там же. Рис. 13.

⁶ Там же. Рис. 14.

дание этого единичного фрагмента в верхнее заполнение ямы в более позднее время случайно. Для абсолютных датировок имеет значение находка фрагмента костяного псаля (рис. 1.6) с сохранившимися двумя отверстиями овальной формы, с малым на конце и большим по центру, с резным орнаментом из 4 концентрических кругов на уплощённой стороне¹. Аналогичные псаля имеют-ся на памятниках поздней белозерской культуры, их датировка также не выходит за рамки XI–X вв. до н. э. Таким образом, дата функционирования поселения Дружное определяется XI–X вв. до н. э. и синхронизируется с рассмотренными выше памятниками центральной группы Предгорного и Горного Крыма поздней бронзы – начала раннего железа, составляя с ними один культурный горизонт.

Заключение

В границах современного Симферопольского района, в центральной части Предгорного и Горного Крыма выделяется горизонт памятников XI–X вв. до н. э., которые имеют ряд признаков, характерных для последующей кизил-кобинской культуры – ряд специфических типов лепной посуды, погребения в каменных ящиках, специфичный резной геометрический орнамент на парадной керамике, преимущественно на корчагах и кубках. Эти признаки, как было показано выше, появляются в Предгорном и Горном Крыму уже с XI–X вв. до н. э., и сохраняются до конца этой культуры в IV в. до н. э. Долгое время один из виднейших крымских археологов, В. А. Колотухин, не относил памятники поздней бронзы Горного Крыма к собственно кизил-кобинской культуре, выделяя их в отдельную «горнокрымскую культуру» [5].

На данный момент во всём Предгорном и Горном Крыму так и не обнару-

жено культур, которые непосредственно хронологически смыкались бы с ними – с памятниками даже средней бронзы имеются значительные хронологические разрывы. Учитывая это, на данный момент представляется возможным считать эти памятники не просто генетически предшествующими, а именно самыми ранними кизил-кобинскими. В настоящей статье при опоре на новые хронологические системы культур поздней бронзы – раннего железа Северного Причерноморья, показано, что первичные памятники кизил-кобинской культуры составляют единый горизонт, достаточно однородный в культурном отношении, и датируются XI–X вв. до н. э., а не IX–VIII вв. до н. э., как это предполагали ранее. Рассмотренные памятники современного Симферопольского района представляют собой единую культуру с памятниками Юго-Западного и Юго-Восточного Крыма синхронного времени, что будет показано в последующих статьях. Они, по всей видимости (судя по материальному комплексу), имеют прямую генетическую связь с памятниками предскифского времени IX–VIII вв. до н. э., которые уже рассматриваются как собственно кизил-кобинские.

Однако до сих пор существует ряд проблем. Из-за слабой изученности неясна хронологическая связь между кизил-кобинскими памятниками стадии *a* (XI–X вв. до н. э.) и стадии *b* (IX–VIII вв. до н. э.). Удивляет и малое количество открытых до сих пор памятников начальной стадии: всего несколько поселений и три могильника. Однако учитывая, что большее число синхронных памятников известно лишь по редким разведкам (порой лишь по сборам подъёмного материала), можно предполагать, что дело здесь в очень слабой изученности Предгорного Крыма. Полевые работы последних лет подтверждают это, когда мы обнаруживаем новые памятники, которые заполняют эти хронологические лакуны (как в случае с курганным могильником в

¹ Колотухин В. А. Отчёт об археологических разведках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году // Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка 130. ОАСА. Инв.А-77. Рис. 17.

Строгоновке, в пригороде Симферополя, обнаруженном и раскопанном в 2021 г.). Для выявления и дальнейшего освещения вопросов генезиса кизил-кобинской культуры необходимы новые, гораздо более интенсивные полевые работы, публикация архивных материалов, а также обработка материалов, накопившихся в фондах музеев.

На данный момент можно лишь констатировать, что рассматриваемые памятники Горного Крыма XI–X вв. до н. э. являются наиболее ранними кизил-кобинскими памятниками и генетически они связаны с поздней белозерской культурой Северо-Западного Причерноморья, а также с культурной группой Балта и рядом гальштатских культур, где

выявлена схожая погребальная обрядность – захоронения в каменных ящиках определённых конструкций и положением погребённых. В связи с этим можно предположить, что в XI–X вв. до н. э. в Предгорном и Горном Крыму появляются группы белозерского населения, утратившего свою культурную идентичность, и эти группы либо восприняли новую погребальную обрядность (грунтовые могильники с каменными ящиками), либо смешались частично с группами гальштатского населения Северо-Западного Причерноморья. Именно это население составило основу кизил-кобинской культуры начальной стадии в Горном Крыму.

Дата поступления в редакцию 12.09.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванчугов В. П. Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы // Материалы по археологии Северного Причерноморья: сб. науч. трудов / отв. ред. Г. А. Дзис-Райк. Киев: Наукова думка, 1983. С. 88–101.
2. Ванчугов В. П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры. Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
3. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика ранних кочевников Северного Причерноморья (IX – первая половина VII вв. до н. э.). Киев: Издатель Олег Финюк, 2017. 338 с.
4. Кашуба М. Т. Раннее железо в Лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // *Stratum plus*. 2000. № 3. С. 241–488.
5. Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. (Этнокультурные процессы). Киев: Южногородские ведомости, 1996. 158 с.
6. Колотухин В. А. Население предгорного и горного Крыма в VII–V вв. до н. э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э.–VII в. н. э.: сб. науч. трудов / отв. ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1987. С. 6–27.
7. Колтухов С. Г. Киммерийцы Степного и Предгорного Крыма (погребальные памятники и «комплекты» IX–VII вв. до н. э.). Симферополь: АРИАЛ, 2022. 116 с.
8. Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев: Наукова думка, 1965. 198 с.
9. Лучинский Н. Д. К проблеме генезиса кизил-кобинской культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. С. 85–103.
10. Сенаторов С. Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры: типология и хронология: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 480 с.

REFERENCES

1. Vanchugov V. P. [Baltic group of monuments of the Late Bronze Age]. In: Dzis-Raik G. A., ed. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [Materials on the archeology of the Northern Black Sea region]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1983, pp. 88–101.
2. Vanchugov V. P. *Belozerskiye pamyatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye. Problema formirovaniya belozerskoy kultury* [Belozersky monuments in the North-Western Black Sea region. The problem of the formation of Belozersk culture]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1990. 168 p.
3. Gavrilyuk N. A. *Lepnaya keramika vskore kochevnikov Severnogo Prichernomor'ya (IX – pervaya polovina VII vv. do n. e.)* [Modeled ceramics of the early nomads of the Northern Black Sea region (9th – first half of the 7th centuries BC)]. Kiev, Izdatel Oleg Finyuk Publ., 2017. 338 p.

4. Kashuba M. T. [Early Iron in Forest-Steppe between Dniester and Siret (Cozia-Saharna culture)]. In: *Stratum plus*, 2000, no. 3, pp. 241–488.
5. Kolotukhin V. A. *Gornyy Krym v epokhu pozdney bronzy – nachala zheleznogo veka. (Etnokul'turnyye protsessy)* [Mountain Crimea in the Late Bronze Age – the beginning of the Iron Age. (Ethnocultural processes)]. Kiev, Yuzhnogorodskiy vedomosti Publ., 1996. 158 p.
6. Kolotukhin V. A. Population of the foothill and mountain Crimea in the 7th–5th centuries. BC e.]. In: Vysotskaya T. N., ed. *Materialy k etnicheskoy istorii Kryma VII v. do n. e. – VII v. n. e.* [Materials on the ethnic history of Crimea in the 7th century BC – 7th century]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1987, pp. 6–27.
7. Koltukhov S. G. *Kimmeriytsy Stepnogo i Predgornogo Kryma (pogrebalnyye pamyatniki i «komplekty» IX–VII vv. do n. e.)* [Cimmerians of the Steppe and Foothill Crimea (funerary monuments and “sets” of the 9th–7th centuries BC)]. Simferopol, ARIAL Publ., 2022. 116 p.
8. Leskov A. M. *Gornyy Krym v I tysyacheletii nashey ery* [Mountain Crimea in the 1st millennium BC]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1965. 198 p.
9. Luchinsky N. D. [About the origin of Kizil-Koba culture]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and political sciences], 2021, no. 5, pp. 85–103.
10. Senatorov S. N. *Lepnaya keramika kizil-kobinskoy kul'tury: tipologiya i khronologiya: dis. ... kand. ist. nauk* [Modeled ceramics of the Kizil-Koba culture: typology and chronology: Cand. Sci thesis in Historical sciences]. St. Petersburg, 2001. 480 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лучинский Николай Дмитриевич – сотрудник Института археологии Российской академии наук;
e-mail: lunin.kolya2015@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nikolay D. Luchinsky – Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: lunin.kolya2015@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лучинский Н. Д. Кизил-кобинские памятники центральной группы Горного Крыма: хронология начальной стадии (XI–X вв. до н. э.) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 119–128.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-119-128

FOR CITATION

Luchinsky N. D. Monuments of the Kizil-Koba culture of the central group in the mountainous Crimea: chronology of the initial stage (11th–10th centuries BC). In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 119–128.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-119-128

УДК 575; 903;94

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-129-138

ПОПУЛЯЦИОННО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ НОСИТЕЛЕЙ КАРАСУКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Коньков А. С.*Центр палеоэтнологических исследований**109012, г. Москва, Новая площадь, д. 12/5, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Установить место происхождения населения карасукской культуры, учитывая контекст популяционной динамики Великой Степи в эпоху бронзы.

Процедура и методы. Сделан анализ данных, опубликованных в специальной литературе и полученных при помощи различных биоинформационных алгоритмов.

Результаты. Распространение карасукской культуры сопровождалось миграцией носителей монголоидного компонента, которые впервые в популяционной истории степного пояса Евразии проникли на территории к западу от Алтая. Предки киммерийцев были самой западной группой карасукского населения. Миграция карасукцев стала первой масштабной переселенческой волной в рамках всего региона, которая происходила с востока, а не с запада, как в случае миграции афанасьевского и андроновского населения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложена гипотеза миграции карасукского населения с территории западной Монголии.

Ключевые слова: генетика, палеодНК, карасукская культура, киммерийцы, андроновцы, Монголия

POPULATION-GENETIC HISTORY OF THE KARASUK CULTURE ORIGIN

A. Konkov*Paleoethnology Research Center**Novaya plochad 12/5, Moscow 109012, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the place of origin of the Karasuk culture population, considering the population history context of the Great Steppe in the Bronze Age.

Methodology. The analysis of the data published in specialized literature sources and obtained by different bioinformatics methods was carried out.

Results. The spreading of the Karasuk culture was accompanied by the distribution of the Mongoloid component carriers, who were the first in the population history of the Eurasian steppe belt to penetrate the territory west of the Altai. The ancestors of the Cimmerians were the westernmost group of the Karasuk population. The migration of the Karasuk people was the first large-scale migration wave in the whole region which occurred from the east, not from the west, as in the case of the migration of the Afanasievo and Andronovo populations.

Research implications. A hypothesis of migration of the Karasuk population from the territory of western Mongolia is proposed.

Keywords: genetics, ancient DNA, Karasuk culture, Cimmerians, Andronovo population, Mongolia

Введение

Карасукская культура – одна из ключевых эпох не только в археологической истории Великой Степи эпохи бронзы, но и одна из ключевых эпох в её популяционной истории вообще, которая сопровождалась мощными популяционными сдвигами. Именно с этого периода носители восточноазиатского компонента, связанные с монголоидным населением, проникают в западную зону степного пояса Евразии. Именно с этой эпохи начинается распространение монголоидного населения с востока на запад, медленно и неуклонно продолжающееся в Средневековье и Новое Время. В силу того, что материальные истоки традиций карасукской культуры – спорный вопрос археологии, важно суммировать существующие данные о генезисе её населения со стороны палеогенетики.

Популяционная история Великой степи эпохи энеолита и бронзы до карасукского времени

В эпоху бронзы население Великой Степи несколько раз меняло свой популяционный ландшафт. Первая встряска территории будущей карасукской культуры началась в период эпохи меди.

Общая популяционная история в афанасьевское, окуневское, чемурчекское время

Уже в энеолите с носителями афанасьевской культуры в IV тыс. до н. э. происходит европеоидное расселение выходцев из Европы в Азию. Оно происходило из Причерноморья на восток на территории Алтая, Хакасии, в западную и центральную Монголию, окрестности Байкала. Все локальные группы афанасьевцев генетически схожи друг с другом и генетически схожи с ямниками (кроме групп Прибайкалья и Джунгарии, смешавшихся с местным населением) [5; 8; 19]. В генофонде афанасьевских племён, как и представителей ямной культуры, присутствуют компоненты

восточноевропейских (ЕНГ) и кавказских (СНГ) охотников-собирателей, которые они и приносят на свою территорию восточных степей [4; 5; 8; 19]. Считается, что именно с этой культурой распространяется производящее хозяйство и медная металлургия, а также существует мнение, что афанасьевцы связаны с носителями индоевропейских тохарских языков.

Во время своей миграции из европейских степей в азиатские афанасьевские племена не охватили 2 региона – крайний восток Монголии и Центральный Казахстан. На востоке Монголии и в Забайкалье осталось жить население, родственное монголоидному и близкое современному населению этих областей [8]. Западнее афанасьевского ареала в центральном Казахстане жили популяции, в генофонде которых преобладал компонент ANE – компонент группы, которая у генетиков называется древнесевероевразийцами (*Ancient North Eurasian*). Древнесевероевразийцы составляли основу палеолитического населения Сибири и отчасти Центральной Азии. К этим людям относились представители прибайкальского могильника Мальта возрастом 24 тыс. лет, Янской стоянки возрастом 32 тыс. лет, Монгольского могильника Салхит возрастом 33 тыс. лет, Афонтовой горы Афонтова-Гора 2 (AG2) и Афонтова-Гора 3 возрастом 18 тыс. лет из бассейна Енисея [19].

Эти люди были родственны европеоидному населению Западной Евразии. В Сибири они были замещены монголоидными группами в составе нескольких волн миграции в период 17–10 тыс. лет назад [19]. Прямые потомки североевразийцев были представители ботайской культуры, в чьём генофонде полностью преобладал компонент ANE. Здесь, в отличие от Сибири, им удалось сохраниться. Важно также, что популяции ботайской культуры не испытали влияния популяций, близких афанасьевским группам, при их миграции на восток. Их генофонд остался не затронут этими переселениями [7; 19; 20].

Афанасьевское население в середине III тыс. до н. э. было замещено генетически отличными носителями чемурчекской и окуневской культур, в результате чего выходцы из причерноморских степей Восточной Европы здесь исчезли. Окуневская культура распространяется на территории Хакасии. Генофонд окуневского населения отличается преобладанием европеоидного компонента североевразийцев ANE, но, в отличие от ботайцев, он уже включал ощутимую примесь 10–20% населения степей Восточной Европы. Его появление было следствием контактов предков окуневцев с афанасьевскими группами, инфильтрировавшимися в их среду [4; 6; 8]. Кроме этого, окуневцы, возможно, несли и некоторую примесь монголоидного населения, принесённую в их среду с востока из Прибайкалья, но в одних исследованиях она выявляется [19], в других – не выявляется [4]. Чемурчекская культура распространяется на территории Западной Монголии и Джунгарии. Её представители были генетически неоднородны: у южных групп преобладал европеоидный североевразийский компонент ANE, принесённый сюда с запада от ботайцев, у северных групп основу генофонда составлял монголоидный компонент, принесённый сюда со стороны Прибайкалья [8].

Носители североевразийского компонента ANE, кроме ареала окуневской и ботайской культуры, в период XXII–XVIII вв. до н. э. проживали также в Синьцзяне. Они представляли создателей таримских мумий [20]. Были ли они более поздними переселенцами с севера или представляли изначально местное население, пока неясно.

Первые популяционные встряски в зоне будущего ареала карасукской культуры, которые происходили между энеолитом и эпохой бронзы, привели здесь к нескольким процессам смены населения, вначале, в афанасьевское время – к активному замещению в восточных степях выходцами из европейских степей, кото-

рые не затронули только крайний восток степного пояса и его центр в зоне ботайской культуры; позже – в чемурчекское и окуневское время – к его замещению выходцами из восточномонгольских областей и потомками североевразийцев из центральной зоны Великой Степи.

Общая популяционная история в андроновское время

Во время возникновения андроновской культуры (XIX–XV вв. до н. э.) произошёл второй исход с запада в восточные степи [5]. Ему предшествовала миграция населения из Центральной Европы в Причерноморье, которая принесла анатолийский компонент из Центральной Европы (который туда, в свою очередь, был привнесён анатолийскими земледельцами в начале неолита) [1; 5; 13; 17].

Эти события запустили широкий процесс перемещений и изменений традиций по всей степной и лесной зонам Восточной Европы и привели к формированию ряда новых культур: фатьяновской, абашевской, катакомбной, синташтинской, петровской. Им предшествовал ряд важных инноваций, которые происходили на протяжении эпохи бронзы: 1) одомашнивание лошадей, которое началось в низовьях Волги, Дона, Предкавказье уже в сер. IV – сер. III тыс. до н. э. в ареале ямной культуры на границе с Кавказом; 2) распространение новых повозок с использованием колёс со спицами в Приуралье (в ареале синташтинской культуры) [10].

Данные процессы не ограничились восточноевропейским регионом и распространились в более восточные области степного пояса Евразии, где на их основе сформировалась андроновская культура (XIX–XV вв. до н. э.). При дальнейшей миграции уже андроновцев на широком пространстве Центральной Азии от Урала до Прибайкалья на её периферии возник широкий круг андроновидных культур: еловская, алакульская, фёдоровская [6; 13].

Эти археологические сдвиги в Европе и Азии отразились и на популяционных процессах. Группы выходцев из Центральной Европы, которые представляли собой потомков носителей традиции культурной общности боевых топоров, смешавшихся с потомками неолитических земледельцев Европы, переселяются на восток. Они движутся в обратном направлении по отношению к их предкам, двигавшимся из ареала ямной культуры на запад [5]. Отсюда они проникают двумя направлениями в лесную и степную зоны Восточной Европы [1; 3; 13; 15; 17]. Перемещение в зону европейских степей представляло возвращение в зону исхода, тогда как переселение в лесную зону Восточноевропейской равнины было новым направлением миграций.

Проникновение выходцев из западных областей Европы в степные области восточноевропейских степей происходило в среду потомков населения ямной культуры, которое сохранялось здесь с энеолита. После их инфильтрации генофонд популяций ямной культуры сохранил своё ядро у её потомков среди населения европейских степей, но включил ощутимую долю пришельцев из Центральной Европы (до 30%).

Этот вклад пришельцев включал 2 новых компонента: анатолийский и компонент западноевропейских охотников-собираателей. Местное население степей, вклад которого составлял 70%, включало компоненты восточноевропейских охотников ЕHG и кавказских охотников-собираателей СHG. Более всего вероятно, что он был принесён из бывшего ареала культуры шаровидных амфор [1; 17]. Данный популяционный процесс вливания выходцев из Центральной Европы в степные популяции восточноевропейских степей и Приуралья сформировал население катакомбной [14], полтавкинской культуры, а далее на южном Урале население синташтинской культуры [13].

В лесную зону направлялись предки населения фатьяновской культуры (XX-

VII–XX вв. до н. э.). Они также распространялись из той же зоны, что и группы, переселявшиеся в степные равнины Европы из ареала культуры шаровидных амфор, и несли в себе примесь её населения. Здесь они заместили население волосовской культуры, в генофонде которого преобладал компонент восточноевропейских охотников-собираателей ЕHG. [3; 15].

Население абашевской культуры (XXI–XVII вв. до н. э.) могло происходить из нескольких источников:

1) от потомков фатьяновского населения;

2) новой, более поздней группы мигрантов из Центральной Европы, которая пришла из той же зоны, откуда до этого вышли предки фатьяновцев с востока ареала колоколовидных кубков;

3) из зоны степных обитателей Восточной Европы, где одна из групп мигрантов, связанная родством с кругом популяций катакомбной, полтавкинской и синташтинской культур, отделилась и переселилась из зоны Приуралья в лесную зону Верхней Волги и Приуралья [3].

Миграционные процессы в степной зоне не остановились на Южном Урале. Из синташтинского ареала выплеск населения продолжился далее на восток уже в азиатские степи, где он связан с миграциями андроновских племён. В популяционном отношении андроновцы были близки более западным популяциям степной и лесной зон Восточной Европы этого времени. Их отличие заключалось во включении 8% примеси лесостепного населения Сибири [13]. В самой степной зоне андроновцы на востоке достигли Алтая и запада Монголии. В окрестностях Байкала фронт миграции был остановлен [8; 19].

Таким образом, миграции андроновских племён повторили путь афанасьевского населения. Но, в отличие от прежних мигрантов афанасьевского времени, они продвигались на восток сплошным фронтом, не оставляя позади и внутри

своего движения какие-либо островные анклавов, подобные популяциям ботайской культуры. Они поглощали все популяции на своём пути целиком.

Жители крайнего востока степного пояса в Центральной и Восточной Монголии не были вытеснены андроновским населением и усвоили весь комплекс западных скотоводческих инноваций. Это видно по составу молочных липидов на посуде восточномонгольской культуры улаанзуух (XV–XII вв. до н. э.), которое характерно для пород скота западноевразийского происхождения [8; 18]. Именно это обстоятельство позволило сохраниться местным популяциям и их генофонду в противостоянии с новой волной западных пришельцев. Восток Монголии, занятый скотоводческой культурой улаанзуух (которая существовала в середине XV – середине XII в. до н. э.), и население восточного Забайкалья оставались полностью и чисто монголоидными. Это население включало только восточноевразийские компоненты [8; 19]. В центральной Монголии выходцы из среды андроновских популяций частично проникали в генофонд населения культуры Мёнх-хайрхан (XIX–XIV вв. до н. э.), но ей удалось сохранить генофонд чермурчекской эпохи. На западе Монголии возникло метисированное население из пришельцев и местных жителей [8].

Представители андроновской популяционной волны выходят за пределы степного пояса в Среднеазиатское Междуречье и Индию, где сильно меняют генофонд местного населения, формируя его новый облик в этих регионах [13]. Также они проникают и на Иранское нагорье, генофонд которого изменяется в меньшей степени [12].

Важно, что в Синьцзяне всю эту эпоху сохраняются носители компонента ANE, близкие окуневцам и ботайцам, не меняя свой генофонд, но воспринимая культурные традиции соседей [20]. Эта область остаётся своего рода заповедником популяционной стабильности в период бур-

ных изменений. Чуть позже этой эпохи часть выходцев из Таримского бассейна проникает на Памир и вносит свою примесь в виде компонента ANE в генофонды прародителей современных ваханцев и сарыкольцев [7; 19].

Новая эпоха миграций андроновского времени вновь сопровождалась возвращением выходцев из причерноморских степей в восточные степи. В отличие от афанасьевцев, их генофонд нёс ещё и некоторую примесь анатолийского компонента из центра Европы. Также, в отличие от миграций афанасьевской эпохи, их распространение от Европы до Байкала происходило непрерывно и не имело разрывов посередине пути, подобных ботайской культуре и её населению. Население восточных степей Монголии более прочно усвоило западные скотоводческие инновации, что сыграло важную роль в сохранении их популяций, а население запада Монголии обрело метисированный характер, сочетающий генофонд пришельцев и местных потомков чемуручекской эпохи. Интересно, что этими популяционными сдвигами миграций андроновского населения остаётся незатронутым население Синьцзяна, тогда как население Среднеазиатского Междуречья и севера Индии подверглось этому влиянию и включило в себя высокую долю потомков переселенцев из западных степей Причерноморья.

Популяционная история степной зоны в карасукское время

С появлением карасукской культуры (XV–IX вв. до н. э.) вектор миграции вновь изменился. На этот раз он был направлен с востока на запад [5; 6]. Она изменила популяционный облик, сложившийся в эпоху миграций андроновского населения. В это время в степной зоне происходило несколько процессов перемещения населения.

Из восточных степей Монголии со стороны культуры улаанзуух (XV–IX вв. до н. э.) происходил ограниченный при-

ток на северо-запад Монголии в окрестности оз. Хубсугул [8]. Это влияние уже не охватывало территории монгольского Алтая и более западных земель. Запад Монголии был заселён носителями традиции погребальных оленных камней – херексуров (*Deer Stone-Khirigsuur Complex* – кратко DSKC (середины XIV–X вв. до н.э.). Их генофонд обладал смешанным генофондом, полумонголоидно-полугеоеидным и возник от слияния андроновского геоеидного населения и местного монголоидного населения Прибайкалья. Согласно данным археологии они имели связи с карасукской культурой.

Карасукская культура распространяется в Минусинской котловине, Туве и Казахстане, где её западные границы достигают Приаралья. В карасукскую эпоху конца II – начала I тыс. до н.э. в её ареале у всего населения возрастает монголоидный компонент. С носителями карасукской культуры восточноевропейский компонент впервые появился на территориях к западу от Тянь-Шаня и Алтае-Саянского региона, где он прежде не наблюдался. При этом он не охватил в популяционном отношении более восточные области Притяньшанья и Хакасию в зоне будущей тагарской культуры. Здесь и в более позднюю эпоху железного века между Центральным Казахстаном и Западной Монголией будет сохраняться популяционное пятно геоеидного населения – прямых потомков восточных андроновцев, которые не имели в своём генофонде вклада популяционных компонентов, характерных для монголоидного населения востока Монголии и Сибири этой эпохи [5; 6; 7].

Важно, что во время влияния карасукского населения популяционные изменения не были столь драматичны, как в эпоху афанасьевской, андроновской, чемурчекской культур. Это миграционное взаимодействие происходило не путём полного замещения, а в результате инфильтрации пришельцев в популяции

предшественников, в силу чего эти группы в равном соотношении сочетали генофонды пришельцев и прежних групп [5; 6; 7; 8].

Место истоков карасукской культуры неодинаково видится разными археологическими школами. Но если принимать во внимание генетические, а не археологические аргументы, то истоки её населения наиболее правдоподобно искать в степях Западной Монголии, в районе традиции погребальных оленных камней херексуров (*Deer Stone-Khirigsuur Complex*) или западнее её на территории Тувы и Джунгарии. Оно не могло происходить из Хакасии или с юга Красноярского края, занятого чисто геоеидными андроновскими популяциями, где монголоидный компонент отсутствовал [5; 6]. Оно не могло прийти из зоны Среднеазиатского Междуречья, где также проживали геоеидные популяции, возникшие от смешения андроновцев и потомков населения Бактрийско-Маргианского антропологического комплекса [13]. Оно не могло прийти и со стороны Синьцзяна, где проживали потомки населения, связанного с таримскими мумиями, у которых в генофонде также отсутствовал монголоидный компонент [20]. Потому истоки карасукского населения можно искать только на востоке, а исход носителей монголоидного компонента из зоны традиции оленных камней херексуров можно рассматривать в качестве правдоподобной рабочей гипотезы.

Кроме импульса карасукской культуры, ещё одно влияние, распространявшее популяционные компоненты монголоидного населения в этот период, происходило с севера – из Западной Сибири. Оно было связано с носителями межовской культуры. Его влияние охватило Урал и северо-запад Казахстана [5; 11].

В западных степях между Днепром и Уралом катакомбная и петровская культуры сменяются срубной и алакульской культурами. Генетически это население схоже с предыдущим населением ката-

комбной и андроновской культур, где более восточные группы закономерно сближаются с популяциями андроновской культуры [9]. Представление о формировании катакомбной культуры, где смена традиций происходила без смены населения, соответствует точке зрения Н. А. Николаевой [2]. Примечательно, что в популяциях европейских степей нет восточноевразийского влияния [9], что говорит о том, что они не были затронуты влиянием населения карасукской культуры.

Возможное влияние карасукского населения на абашевские популяции пока не очень понятно. Оно пока явно не наблюдается на существующем палеогенетическом материале. Но на самом рубеже эпохи бронзы и железного века в европейских степях появляются киммерийцы. Они не имеют популяционной преемственности от местного населения срубной и алакульской культур. Они несут в своём генофонде в равном соотношении западноевразийский и восточноевразийский компоненты, характерные соответственно для монголоидного и европеоидного населения. Выборки киммерийцев оказываются очень схожими с популяциями карасукской культуры, что указывает на миграции из её ареала [9]. Киммерийцы, скорее всего, являются потомками самой западной группы карасукцев, проникшей в Европу в самом финале эпохи бронзы.

Таким образом, в конце бронзового века потомки андроновского населения в Азии замещаются носителями карасукской культуры в центральной части степного пояса. Вместе с носителями межовской культуры расселение карасукских племён приводит к росту вклада восточноевразийского монголоидного компонента. На исходе эпохи бронзы популяционное влияние карасукского населения ограничено затрагивает и европейские степи, куда просачивается с киммерийцами.

Популяционные трансформации Великой Степи после карасукского времени

После карасукского времени в железном веке сложилась трёхчастная структура степи [7; 8] из 3 групп населения:

- **первая** объединяла западноевразийские группы европеоидного населения. Она представляла прямых потомков населения европейских культур бронзового века и андроновцев. Она заселяла не только европейские и приуральские степи, но также удалённые от них Хакасию и Тянь-Шань. Популяции европейских скифов входили в эту группу. В Азии в неё входило население саргатской и тагарской культур [7; 9];

- **вторая** группа заселяла восток Монголии, Забайкалье, и была представлена чисто монголоидным населением [8];

- **третья** группа включала метисированные группы с равным соотношением компонентов. Она заселяла запад Монголии и Туву, Алтай и Центральный Казахстан. В эту группу населения входило население пазырыкской, тасмолинской, уюкской культур. Интересно, что генофонд европейских киммерийцев также входил в эту группу [7; 9; 16].

Важно, что с начала I тыс. до н. э. в степную зону проникают выходцы земледельческого мира Среднеазиатского Междуречья. Это влияние с юга достигает на севере тагарской культуры, на востоке – уюкской, на западе – саргатской [7; 8].

Заключение

Миграции карасукской эпохи – важный популяционный процесс эпохи бронзы, который переформировал популяционно-генетический ландшафт степного пояса Евразии.

Экспансия карасукского населения была одной из трёх крупнейших миграционных волн бронзового века наряду с переселениями андроновского и афанасьевского населения. Но, в отличие от миграционных потоков андроновских и афанасьевских переселенцев, носители

карасукских традиций распространялись не с запада, а с востока. С традициями карасукской культуры распространялось метисированное население. Его генофонд включал 2 компонента: восточноевразийский, характерный для монголоидного населения, и западноевразийский компонент, характерный для европеоидного населения.

Именно в карасукский период впервые популяционно-генетические компоненты монголоидного населения распространились по всему региону. До карасукской эпохи перемещения степного населения с востока на запад также происходили, например, в период чемурчекской культуры, но они были локальны и никогда не охватывали всю евразийскую степь целиком. В карасукскую эпоху экспансия носителей монголоидного компонента охватила значительные территории с востока Казахстана до Приаралья, а с отделившимися от основного круга карасукских популяций группами переселенцев, ставшими предками киммерийцев, затронула и европейские степи Причерноморья. Возможность популяционного влияния карасукского

населения на абашевское пока не выявляется, но не может быть ни опровергнута, ни доказана в силу нехватки данных по абашевской культуре.

Карасукская эпоха после своего завершения сформировала популяционный облик евразийской степи железного века, особенно в ареале культур скифо-сибирского мира. Некоторые территории Великой Степи были слабо затронуты карасукским популяционным влиянием – зона Тянь-Шаня и Хакасия, – поэтому здесь сохранились прямые потомки андроновских популяций. Восточные степи Монголии не были вообще подвергнуты этому влиянию, тут продолжало обитать монголоидное население.

Общая картина расселения разных групп степного населения до начала карасукской экспансии указывает на её направление – со стороны западной Монголии и Тувы, о чём говорят популяционные связи и близость карасукского населения и носителей традиции погребальных оленных камней херексуров.

Дата поступления в редакцию 14.08.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Коньков А. С. Популяционные связи носителей культуры шаровидных амфор, воронковидных кубков и шнуровой керамики согласно данным палеогенетики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып II. С. 78–89.
2. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Издательство МГОУ, 2011. 556 с.
3. Древняя ДНК носителей фатьяновской и абашевской культур (к вопросу о миграциях населения эпохи бронзы в лесной полосе на Русской равнине) / А. В. Энговатова, И. Э. Альборова, Х. Х. Мустафин, В. Ю. Луньков, Ю. В. Лунькова, А. А. Канапин, А. А. Самсонова и др. // Stratum plus. 2023. № 2. С. 207–228.
4. Allentoft M. E., Sikora M., Refoyo-Martínez A., et al. Population Genomics of Stone Age Eurasia [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/360414781_Population_Genomics_of_Stone_Age_Eurasia (дата обращения: 06.09.2023).
5. Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K.-G., et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522. № 7555. P. 167–172.
6. Damgaard de Barros P., Martiniano R., Kamm J., et al. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia // Science. 2018. Vol. 360. Iss. 6396. DOI:10.1126/science.aar7711
7. Ancient genomic time transect from the Central Asian Steppe unravels the history of the Scythians / G. A. Gnechchi-Ruscone, E. Khussainova, N. Kahbatkyzy, L. Musralina. // Science Advances. 2021. Vol. 7. № 13.

8. Jeong C., Wang K., Wilkin S., et al. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe // *Cell*. 2020. Vol. 183. № 4. P. 890–904.
9. Krzewinska M., Kılınç G. M., Juras A. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads // *Science Advances*. 2018. Vol. 4. № 10. P. 1–12.
10. Librado P., Khan N., Fages A., et al. The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasian steppes // *Nature*. 2021. Vol. 598. № 7882. P. 634–640.
11. Maroti Z., Neparaczki E., Schütz O., et al. The genetic origin of Huns, Avars, and conquering Hungarians // *Current Biology*. 2022. Vol. 32. Iss. 13. P. 2858–2870.
12. Mehrjoo Z., Fattahi Z., Beheshtian M., et al. Distinct genetic variation and heterogeneity of the Iranian population // *PLoS Genetics*. 2019. Vol. 15. № 9. DOI: 10.1371/journal.pgen.1008385
13. Narasimhan V. M., Patterson N., Moorjani P., et al. The formation of human populations in South and Central Asia // *Science*. 2019. Vol. 365. № 457. DOI: 10.1126/science.aat7487
14. Ochir-Goryaeva M. A., Kornienko I. V., Faleeva T. G. Ancestry and identity in Bronze Age Catacomb culture burials: A meta-tale of graves, skeletons, and DNA // *Journal of Archaeological Science: Reports*. Vol. 37. DOI: 10.1016/j.jasrep.2021.102894
15. Saag L., Vasilyev S. V., Varul L., et al. Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain // *Science Advances*. 2021. Vol. 7. № 4. DOI: 10.1126/sciadv.abd6535
16. Unterländer M., Palstra F., Lazaridis I., et al. Ancestry and demography of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe // *Nature Communications*. 2017. Vol. 8. DOI: 10.1038/ncomms14615
17. Wang Chuan-Chao, Reinhold S., Kalmykov A., et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // *Nature Communications*. 2019. Vol. 10. № 1. DOI: 10.1038/s41467-018-08220-8
18. Wilkin S., Miller A. V., Taylor W. T., et al. Dairy pastoralism sustained eastern Eurasian steppe populations for 5,000 years // *Nature Ecology & Evolution*. 2020. Vol. 4. № 3. P. 346–355.
19. Yu H., Spyrou M. A., Karapetian M., et al. Paleolithic to Bronze Age Siberians Reveal Connections with First Americans and Across Eurasia // *Cell*. 2020. Vol. 181. № 6. P. 1232–1245.
20. Zhang Fan, Chao Ning, Scott A., et al. The genomic origins of the Bronze Age Tarim Basin mummies // *Nature*. 2021. Vol. 599. P. 256–261.

REFERENCES

1. Konkov A. S. [Population relationship between the globular amphora, funnelbeaker and corded ware cultures according to paleogenetics data]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and political sciences], 2020, no. 5. Circumpontics, iss. II, pp. 78–89.
2. Nikolaeva N. A. *Etnokulturnyye protsessy na Severnom Kavkaze v III–II tys. do n. e. v kontekste drevney istorii Yevropy i Blizhnego Vostoka* [Ethnocultural processes in the North Caucasus in the 3rd–2nd millennium BCE in the context of the ancient history of Europe and the Middle East]. Moscow, MRSU, 2011. 556 p.
3. Engovatova A. V., Alborova I. E., Mustafin Kh. Kh., Lunkov V. Yu., Lunkova Yu. V., Kanapin A. A., Samsonova A. A., et al. *Drevnyaya DNK nositeley fatyanovskoy i abashevskoy kul'tur (k voprosu o migratsiyakh naseleniya epokhi bronzы v lesnoy poloze na Russkoy ravnine)* [Ancient DNA of the Bearers of the Fatyanovo and Abashevo Cultures (Concerning Migrations of the Bronze Age people in the Forest Belt on the Russian Plain)]. In: *Stratum plus*, 2023, no. 2, pp. 207–228.
4. Allentoft M. E., Sikora M., Refoyo-Martinez A., et al. Population Genomics of Stone Age Eurasia. Abstract at: https://www.researchgate.net/publication/360414781_Population_Genomics_of_Stone_Age_Eurasia (accessed: 06.09.2023).
5. Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K.-G., et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia. In: *Nature*, 2015, vol. 522, no. 7555, pp. 167–172.
6. Damgaard de Barros P., Martiniano R., Kamm J., et al. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia. In: *Science*, 2018, vol. 360, iss. 6396. DOI: 10.1126/science.aar7711
7. Gnechchi-Ruscone G. A., Khussainova E., Kahbatkzy N., Musralina L. Ancient genomic time transect from the Central Asian Steppe unravels the history of the Scythians. In: *Science Advances*, 2021, vol. 7, no. 13. DOI: 10.1126/sciadv.abe4414

8. Jeong C., Wang K., Wilkin S., et al. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe. In: *Cell*, 2020, vol. 183, no. 4, pp. 890–904.
9. Krzewinska M., Kılınç G. M., Juras A. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads. In: *Science Advances*, 2018, vol. 4, no. 10, pp. 1–12.
10. Librado P., Khan N., Fages A., et al. The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasian steppes. In: *Nature*, 2021, vol. 598, no. 7882, pp. 634–640.
11. Maroti Z., Neparaczki E., Schütz O., et al. The genetic origin of Huns, Avars, and conquering Hungarians. In: *Current Biology*, 2022, vol. 32, iss. 13, pp. 2858–2870.
12. Mehrjoo Z., Fattahi Z., Beheshtian M., et al. Distinct genetic variation and heterogeneity of the Iranian population. In: *PLoS Genetics*, 2019, vol. 15, no. 9. DOI: 10.1371/journal.pgen.1008385
13. Narasimhan V. M., Patterson N., Moorjani P., et al. The formation of human populations in South and Central Asia. In: *Science*, 2019, vol. 365, no. 457. DOI: 10.1126/science.aat7487
14. Ochir-Goryaeva M. A., Kornienko I. V., Faleeva T. G. Ancestry and identity in Bronze Age Catacomb culture burials: A meta-tale of graves, skeletons, and DNA. In: *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2021, vol. 37. DOI: 10.1016/j.jasrep.2021.102894
15. Saag L., Vasilyev S. V., Varul L., et al. Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain. In: *Science Advances*, 2021, vol. 7, no. 4. DOI: 10.1126/sciadv.abd6535
16. Unterländer M., Palstra F., Lazaridis I., et al. Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe. In: *Nature Communications*, 2017, vol. 8. DOI: 10.1038/ncomms14615
17. Wang Chuan-Chao, Reinhold S., Kalmykov A., et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions. In: *Nature Communications*, 2019, vol. 10, no. 1. DOI: 10.1038/s41467-018-08220-8
18. Wilkin S., Miller A. V., Taylor W. T., et al. Dairy pastoralism sustained eastern Eurasian steppe populations for 5,000 years. In: *Nature Ecology & Evolution*, 2020, vol. 4, no. 3, pp. 346–355.
19. Yu H., Spyrou M. A., Karapetian M., et al. Paleolithic to Bronze Age Siberians Reveal Connections with First Americans and Across Eurasia. In: *Cell*, 2020, vol. 181, no. 6, pp. 1232–1245.
20. Zhang Fan, Chao Ning, Scott A., et al. The genomic origins of the Bronze Age Tarim Basin mummies. In: *Nature*, 2021, vol. 599, pp. 256–261.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коньков Андрей Сергеевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра палеоэтнологических исследований;
e-mail: andrey.s.konkov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey S. Konkov – Cand. Sci. (Biology), Senior Researcher, Paleoethnology Research Center;
e-mail: andrey.s.konkov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коньков А. С. Популяционно-генетические истоки носителей карасукской культуры // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 129–138.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-129-138

FOR CITATION

Konkov A. S. Population-genetic history of the Karasuk culture origin. In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 129–138.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-129-138

УДК 902.3

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-139-150

ФИГУРКИ ОЛЕНЯ В МЕЛКОЙ БРОНЗОВОЙ ПЛАСТИКЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Керцева (Вольная) Г. Н.*Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания
362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ бронзовых фигурок оленя из памятников раннего железного века Центрального и Северного Кавказа.

Процедура и методы. В статье анализируется мелкая бронзовая пластика Центрального и Северного Кавказа, представленная фигурками оленей, с помощью историко-типологического, стилистического, семиотического методов. Через стилистические особенности фигурок изучаются их происхождение и датировка.

Результаты. Выделены 6 типов бронзовых фигурок оленей, отличающихся позы, пропорциями, стилистикой изображения, ведущими своё происхождение от разных культурных традиций, которые оказали влияние на формирование прикладного искусства Северного Кавказа. Выявлены особенности изображения оленей из памятников различных областей Северного Кавказа.

Теоретическая и/или практическая значимость. Фигурки оленя составляют большой процент в мелкой бронзовой пластике раннего железного века Центрального и Северного Кавказа, но комплексно они не изучались. В ходе новых археологических охранно-спасательных раскопок стали известны новые находки фигурок оленей в мелкой бронзовой пластике, а работа с кавказскими коллекциями в российских и зарубежных музеях позволила выявить новые экземпляры. Бронзовые фигурки оленей обнаружены в памятниках различных культур, однако они имеют черты сходства, что позволяет типологизировать их на уровне всех памятников Центрального и Северного Кавказа. Также был изучен генезис этих предметов, проблема которого не решена до сих пор и сохраняет свою актуальность.

Ключевые слова: Центральный и Северный Кавказ, ранний железный век, кобанская культура, центральнокавказская археологическая культура, скифы, Древний Восток, мелкая бронзовая пластика, зооморфное искусство, фигурки оленей

DEER FIGURINES IN SMALL BRONZE SCULPTURES OF THE EARLY IRON AGE OF THE CENTRAL AND NORTHERN CAUCASUS

G. Kertseva (Volnaya)*Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania
ul. Vatutina 46, Vladikavkaz 362025, Russian Federation*

Abstract

Aim. To conduct an analysis of bronze figurines of a deer from the sites of the early Iron Age of the Central and North Caucasus.

Methodology. The article analyzes small bronze sculptures of the Central and Northern Caucasus, represented by deer figurines, using historical, typological, stylistic, and semiotic methods. Through the stylistic features of the figurines, their origin and dating are studied.

Results. There are six types of bronze deer figurines, differing in pose, proportions, style of depiction, originating from different cultural traditions that influenced the formation of the applied arts of the North Caucasus. The features of deer depiction from sites in various regions of the North Caucasus are revealed.

Research implications. The article is relevant from theoretical and practical points of view, since deer figurines make up a large percentage of small bronze sculptures of the Early Iron Age of the Central and Northern Caucasus, but they have not been studied comprehensively. During new archaeological rescue excavations, new finds of deer figurines in small bronze sculpture became known; work with Caucasian collections in Russian and foreign museums made it possible to identify the new specimens. Bronze figurines of deer were discovered in sites of various cultures, but they have similarities, which makes it possible to typologize them at the level of all the sites of the Central and Northern Caucasus. The genesis of these objects was also studied, the problem of which has not yet been solved and remains relevant.

Keywords: Central and Northern Caucasus, early Iron Age, Koban culture, Central Transcaucasian archaeological culture, Scythians, Ancient East, small bronze sculpture, zoomorphic art, deer figurines

Введение

Мелкая бронзовая пластика, изображающая животных, встречается в памятниках Северного и Центрального Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железа: кобанской, центральнокавказской, зандакской, каякентско-хорочаевской археологических культур. На основе культур эпохи бронзы развивается искусство раннего железного века. Аналогии зооморфным предметам кавказского типа встречаются в памятниках Урарту, Иберийского и Колхидского царств, ходжалы-кедабекской, хеттской и луристанской культур. Территория Северного и Центрального Кавказа длительное время являлась мостом между степной зоной – миром кочевников, Закавказьем и Передней Азией. В силу этого в зооморфном искусстве встречаются самые разные художественные направления, которые свидетельствуют о различных культурных контактах.

Главными объектами охоты на территории Северного и Центрального Кавказа в энеолите, эпоху бронзы, были олени. Число изображений оленя увеличивается в скифский период, несмотря на то, что остеологический материал в памятниках Кавказа рисует картину уменьшения значения охоты, которая в эпоху железного века играла подсобную роль. Со скифами связывают

изображения оленей на скалах с. Верхнее Лабкомахи, в западной части хребта Наратубе у с. Ленинкент в Дагестане.

Бронзовые фигурки оленей, выполненные в мелкой бронзовой пластике, на территории Северного и Центрального Кавказа появляются лишь в скифский период (VII–IV вв. до н. э.). Среди них можно выделить несколько типов фигурок оленя. В основу типологии положено расположение ног животного, моделировка фигуры и форма рогов, размеры фигурок, дополнительные элементы на туловище (обмотка лентой или проволокой или их имитация), степень детализации элементов фигурок. Важную роль играют функциональные особенности фигурок (навершие, подвески, статуэтки).

Типология фигурок оленей, выполненных в мелкой бронзовой пластике

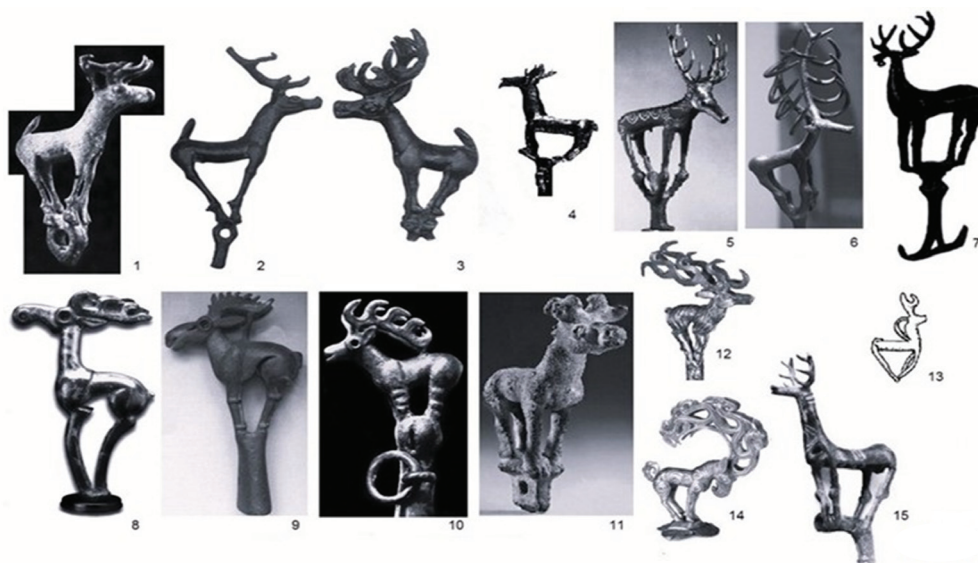
Тип 1 (рис. 1) – скульптурные изображения оленей высотой 90–150 мм с длинными ногами, собранными в одной точке. Ноги расположены под острым углом к туловищу. На ногах изображены плюсны и копыта. Моделировка туловища цилиндрическая, вытянуто-цилиндрическая морда сужена к концу. Выделяется нос. Углублениями показаны ноздри. Глаза

крупные, круглые или миндалевидные. Уши средних размеров, торчат вверх, соединены с рогами. Ствол рогов и отростки – дугообразные. Шея длинная, в виде дуги. Хвост короткий, торчащий вверх с небольшим наклоном к спине. Фигурки

переданы достаточно натуралистично.

В большинстве случаев это – навершенная булавок.

Этот тип происходит из памятников Дагестана, Южной Осетии, Краснодарского края и Грузии (рис. 1.1–1.4, 1.13,

1. Кавказ

2–3. Хевсуретия. Грузия

4. Могильник у с. Рвели, погребение 9. Шида Картли. Долина Боржом, Грузия

5. Аладжа-гуюк. II пол. III тыс. до н. э. Турция

6. Аладжа-гуюк

7. Курган Бериклдеви

8. Красноярский край

9. Ордос, V–VI вв. до н.э.

10. Красноярский край.

11. Скифы. VII в. до н. э.

12. Могильник Аржан-2

13. Краснодарский край

14. Шанхай III в. до н. э., Исторический музей

15. с. Прис, Цхинвальский р-н, Южная Осетия, VII–VI вв. до н. э.

Рис. 1 / Fig. 1 Фигурки оленей типа 1 / Type 1 of Deer figurines

Источник: 1 – Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984. Илл. 65; 2–3 – Национальный музей Грузии. Собрание Ермакова. Конец 2 тыс. до н. э. *Unterwegs zum Goldenen Vlies: archäologische Funde aus Georgien.*

Saarbrücken: Theiss, 1995. Abb. 199–200. Фотоархив ИИМК. Q506,62; 4 – Georgien. *Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies.* Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum 2001. Abb. 174. P. 274; 5 – Музей анатолийских цивилизаций. Temizsoy I. *The Anatolian Civilizations Museum. The Guide book.* № 1–2. P. 48, fig. 4; 6 – Vedat Idil. Ankara. Istanbul. 1993. P. 39; 7 – Национальный музей Грузии. XIV–XII вв. до н. э. *Unterwegs zum Goldenen Vlies: archäologische Funde aus Georgien.* Saarbrücken: Theiss, 1995. Abb. 97; 8 – Артамонов Сокровища саков. М., 1973. Фото 130; 9 – 6th–5th century BC *The British Museum // Википедия [сайт]. URL: [https://ca.wikipedia.org/wiki/Ordos_\(cultura\)#/media/Fitxer:BronzePoleTopOrdos6th-5thCenturyBCE.JPG](https://ca.wikipedia.org/wiki/Ordos_(cultura)#/media/Fitxer:BronzePoleTopOrdos6th-5thCenturyBCE.JPG)* (дата обращения: 06.10.2023); 10 – Артамонов М. И. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство, 1973. Фото 163; 11 – Скифы. VII в. до н. э. [Электронный ресурс] URL: <http://www.e-tiquities.com/a-scythian-bronze-deer-Scythian> (дата обращения: 06.10.2023); 12 – Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Золотые звери из долины царей. Открытия российско-германской археологической экспедиции в Туве. СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. С. 10; 13 – Краснодарский краеведческий музей. № 8462.69; 14 – Китай. Исторический музей [сайт] gutx.com.tr;

15 – Древности Южной Осетии (эпоха античности). 15 открыток. Цхинвал: Республика, 2008.

1.15) с соединёнными в одной точке четырьмя длинными тонкими ногами, на шее имеется петля, туловище цилиндрическое, шея уплощённо-цилиндрическая, небольшой хвост лежит на спине, один рог состоит из двух веточек, другой фрагментирован.

Скульптурная фигурка в виде стоящего оленя с длинными тонкими ногами, расположенными под острым углом к туловищу, происходит из культового места близ высокогорного с. Чадаколоб (Дагестан) и является верхней частью булавки.

В такой же позе – с четырьмя соединёнными в одной точке ногами – изображались фигурки козлов в скифо-сибирском зверином стиле из памятников Центрального Казахстана: Тасмола [6, табл. 12, рис. 4] и Южной Сибири: Ордос, Минусинская степь, Хакасия, мог. Толстый мыс [1, табл. 127–130, 161, 163], Южного Приуралья: с. Сара, кург. 7 [6, табл. 12, рис. 3]. Стилистически близки северокавказским и центральнокавказским изображениям бронзовые фигурки из памятников азиатской Скифии – могильник Аржан-2 (II пол. VII в. до н. э.), 2-й Пазырыкский курган V–IV вв. до н. э., из Минусинской степи, Ордоса, а также из Китая (III в. до н. э.) (рис. 1.8–1.14).

Изображения копытных в такой позе чаще всего являются навершиями штандартов, либо привесками. Они, скорее всего, восходят к анатолийским образцам (рис. 1.5–1.6). Фигурка оленя, найденная в Краснодарском крае (КГИАМЗ), стилистически близка фигуркам из Юго-Восточной Чечни и Северо-Западного Дагестана.

Фигурки стоящих оленей с ногами, расположенными под острым углом к туловищу (в ряде случаев ноги сходятся в одной точке), известные на навершиях булавок и жезлов, видимо, имеют общие истоки. Наиболее древние аналогии фигурке оленя найдены в Аладжа-Гуюке (Анатолия) и датируются II половиной III тыс. до н. э. (рис. 1.5–6). Позже они появляются в Центральном Закавказье (Бериклдеви XIV–XIII вв. до н. э.) (рис. 1.7),

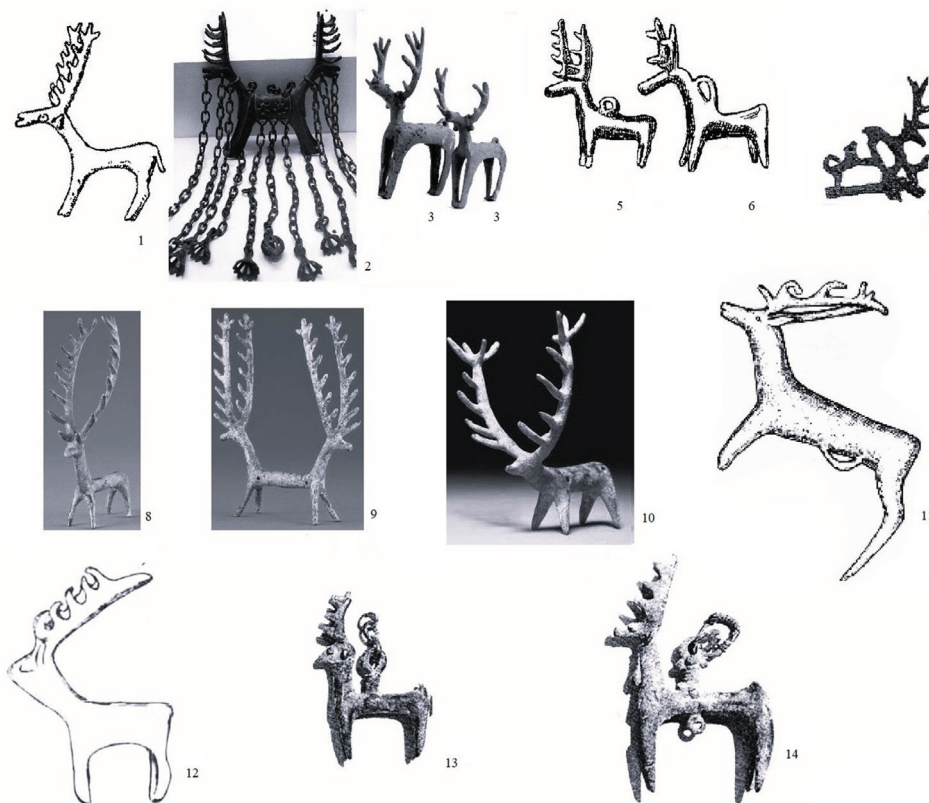
на Южном Кавказе в эпоху поздней бронзы в Лчашене и в эпоху раннего железа – в Айруме, Паравакаре, Верхнем Талине, Нижнем Баязете [5, рис. 1, 2, 27, 27а, 28, 30, 61, 62] (рис. 1.7–1.13), в Центральном Закавказье (Бериклдеви) (рис. 1.7). 1 тип оленя с ногами в одной точке встречается также и в скифской зооморфной пластике (рис. 1.8–1.12) и даже в Китае (рис. 1.14). Скорее всего, этот тип изображения появился на Северном Кавказе из Закавказья. Одновременно он распространился и в скифской культуре. По аналогиям из Хевсуретии (рис. 1.2–1.3) [11, р. 272, Taf. 199, 200] этот тип северокавказской мелкой пластики может датироваться II половиной – концом V в. до н. э.

Этот тип фигурок, как правило, является навершием булавок, штандартов, жезлов и посохов.

Тип 2 (рис. 2) – фигурки-статуэтки стоящего оленя с характерными крупными рогами с параллельными 3–5 отростками, направленными вверх, высота 30–90 мм. Происходит из Северной, Южной Осетии и Дагестана.

Представителем такого типа является фигурка оленя из Хосрехского святилища VIII – I половины VII в. до н. э. (рис. 2.1) [3, с. 52–53, рис. 7.27]. Этот тип имеет аналоги на памятниках северо-восточного Ирана (Дайламан) X–VI вв. до н. э. (рис. 2.8–2.10) [7, с. 241, фото 13], Азербайджана (рис. 2.13–2.14). Также изображения встречаются на территории Грузии: Боржоми, Самтавро XIV–XIII вв. до н. э., Чабарухисхеви VIII–VII вв. до н. э. [11, фото 227]. Схожие изображения оленей характерны для Центрального Кавказа – могильники Тлийский (рис. 1.20–1.21), Кобанский, Верхняя Рутха (рис. 1.17–1.20) [9, рис. 55–56; 10, taf. 31.6], ст. Казбек, из Джейрахского ущелья (рис. 2.5–2.6, 2.14).

Ноги, сужающиеся книзу, расположены параллельно, направлены вперёд, левая и правая – сдвоенны. Моделировка туловища цилиндрическая, морда вы-

1. с. Хосрех. Зандакская культура

2. Доланлар

3-4. Самтавро, VIII-VII вв. до н. э.

5-6. Тлийский могильник

7. Кобанский могильник, 2 четверть I тыс. до н. э.

8. Иран

9. Бронза. Марлик, 1400-1100 гг. до н. э.

10. Алмаш, Северный Иран

11. Джейраховское ущелье

12. с. Химой, Чечня

13-14. Клад в с. Молла Исаклы, Азербайджан, I в. до н. э. - I в. н. э.

Рис. 2 / Fig. 2. Фигурки оленей типа 2 / Type 2 of Deer figurines

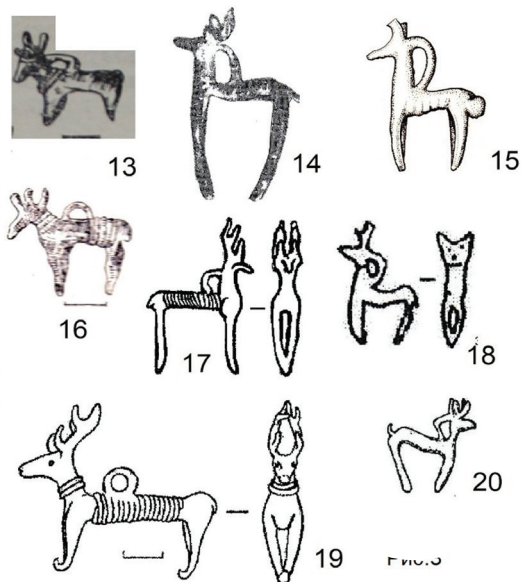
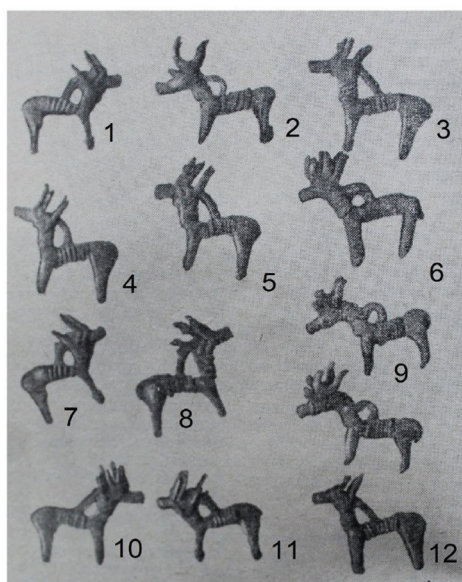
Источник: 1 – Абакаров А. И., Давудов О. М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, рис.19.16; 2 – Азербайджанский национальный музей [Электронный ресурс]. URL: [https://руни.рф/Файл:Deer-shaped_breath_ornament_made_of_bronze_from_Dolanlar_\(Khojavand\).jpg](https://руни.рф/Файл:Deer-shaped_breath_ornament_made_of_bronze_from_Dolanlar_(Khojavand).jpg) (дата обращения: 23.02.2023); 3-4 – Национальный музей Грузии; 5-6 – Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 240 с. Рис. 115.1-2; 7 – Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984. Илл. XIV. ГЭ. №1731/71; 8 – Иранский национальный музей: [сайт]. URL: www.flickr.com (дата обращения: 23.02.2023); 9 – Музей Лувр: [сайт]. https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/ec/Figure_de_cervidé_%28Louvre%2C_AO_25192%29.jpg; 10 – [Электронный ресурс] <http://am-lashculture.blogfa.com/post-9.aspx> (дата обращения: 23.02.2023); 11 – Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. 1982. № 3. Табл. XXV,14; 12 – Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (материалы к археологической карте. Т. X. Грозный, 1966. Рис. 3.3; 13-14 – Агаев Г., Квачиздзе В. О «бронзовом кладе» из кувшина, найденном в селе Исмаиллинского района [Электронный ресурс]. URL: <https://azerhistory.com/?p=20830> (дата обращения: 23.02.2023)

тянуто-цилиндрическая, «обрубленная». Для этого изображения характерна примитивизация. Глаза и уши в редких случаях слегка намечены окружностями, в большинстве случаев отсутствуют. Хвост очень короткий, иногда только намечен, направлен кверху, вниз или отсутствует.

Фигурки оленя из Северного и Центрального Кавказа 2 типа представляют собой статуэтки, т. к. ноги широко расставлены и фигурки могут стоять на горизонтальной поверхности, однако в

ряде случаев они снабжены петлями для подвешивания. Скорее всего, ведут свои истоки с территории Северо-Восточного Ирана. По аналогиям могут датироваться VI–IV вв. до н. э.

Тип 3 (рис. 3) – подвески в виде оленя высотой 2–3 см. У фигурки цилиндрическое, преувеличенно удлинённое туловище. Ближе к шее – петля для подвешивания. В ряде случаев петля находится на туловище. Левые и правые ноги соедине-

1-13. Новогрозненский могильник

14. с. Элистанжи, Чечня

15. Бельтинский могильник

16. Ялхой-Мохкский могильник 3 погребение 2

17. Ножай-Юртовский могильник I погребение 7

18. с. Галайты, Чечня

19. с. Хунзах

20. с. Курен-Беной

Рис. 3 / Fig. 3. Фигурки оленей типа 3 / Type 3 of Deer figurines

Источник: 1-13 – Виноградов В.Б. Новогрозненский кобанский могильник VI–V вв. до н. э. // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. Рис. 1.5; 14 – Дударев С. Л., Мамаев Х. М., Хасбулатова З. И. Новые материалы по археологии и этнографии Ч.И. Новые находки скифского времени из сел. Элистанжи и Майртуп // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987. Рис. 1; 15 – Виноградов В. Б. Клад Второго Бельтинского мог. // КСИА, 186. 1986. Рис. 1.25; 16 – Махортых С. В., Петренко В. А. Новый могильник скифского часу в Чечено-Ингушетии // Археология. 1987. № 59. Рис. 2.39; 17 – Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.) (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный, 1972. Табл. 114; 18 – Багаев М. Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н. э. – XII в. н. э. М.: Наука, 2008. 445 с.; 19 – Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа» Махачкала, 1974. Табл. XIV. Рис. 26.11; 20 – Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ Вып. В2-5. М.: Наука, 1982. Табл. XXV.11

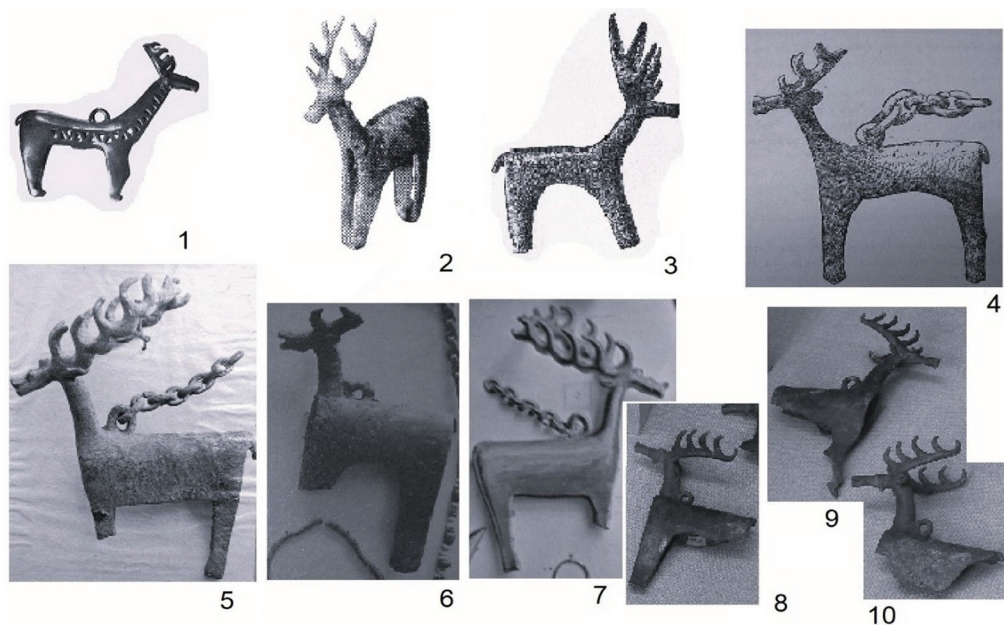
ны попарно. Ноги размером с туловище или немного короче. На туловище и шее – имитация навитой ленты или проволоки. Этим подчеркнута функция фигурок как подвесок. Рога показаны стволом с двумя ветвями, соединены вверху.

Такие подвески характерны для восточных областей Северного Кавказа. В Дагестане известна аналогичная фигурка-подвеска оленя из окрестностей с. Хунзах [2, с. 94, табл. XIV.2]. Этот тип изображений имеет аналогии из могильников VII–VI вв. до н. э. Восточной Чечни: Ножай-Юртовского I, погр. 7 (V–IV вв. до н. э.), Галайты, Элистанжи, Новогрозненского.

По мнению исследователей, предметы из Элистанжи, в т. ч. и фигурка оленя,

имеют позднекобанский облик [4, с. 12]. Более ранние аналогии происходят из Луристана (Иран) X–VI вв. до н. э. Цилиндрическая моделировка и навитые ленты на туловище и шее характерны для восточного варианта кобанской культуры, а также передневогосточной бронзовой пластики. По аналогии с погребениями из Восточной Чечни этот тип может датироваться VI–IV вв. до н. э.

Тип 4 (рис. 4) – довольно крупные фигурки-подвески стоящего животного, высотой 9–15 см, с петлёй, крепящейся к цепочке. Фигурки полые внутри. Моделировка туловища уплощённая. Ноги соответствуют пропорциям реального живот-

1. Кавказ

2. Тлийский могильник, погребение 349

3. Кобан

4. Чабаручис хеви

5. ст. Казбек

6. Казбекский клад

7–10. Казбекский клад.

Рис. 4 / Fig. 4. Фигурки оленей типа 4 / Type 4 of Deer figurines

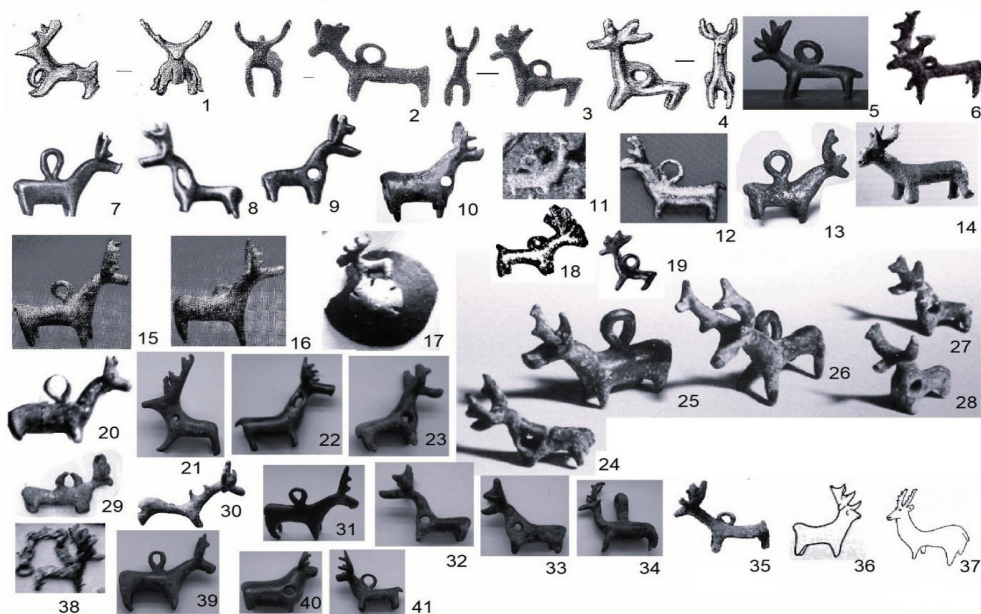
Источник: 1 – Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа. М.: Искусство, 1984. Илл. XXII; 2 – Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-пресс, 2002. Т. 18.6; 3 – Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. МАК VIII. М., 1900. Табл. XXXVIII.3; 4 – Unterwegs zum Goldenen Vlies : archäologische Funde aus Georgien. Saarbrücken: Theiss, 1995. Abb. 227; 5 – Фотоархив ИИМК. Q 39666. Коллекция Ольшевского; 6 – Уварова П. С. Коллекции Кавказского музея. Т. V. Тифлис, 1902. Taf. III; 7–10 – Собрание ГИМ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pinterest.com/pin/558446422516977043/> (дата обращения: 23.02.2023).

ного, параллельны, либо левая и правая соединены вместе, в ряде случаев сужаются к низу. Концы ног часто отогнуты. Иногда намечены плюсны и копыта. Морда длинная, цилиндрическая, обрублена на конце. Нос изображён в виде 2 углублений-точек в торцевой части морды, глаза в виде 2 круглых налепов, либо отсутствуют. Рот изображён приоткрытым. Уши длинные листовидные, направлены горизонтально, либо отсутствуют. Рога достаточно крупные, идущие параллельно, на них 2–4 дуговидные веточки. Шея длинная цилиндрическая. Форма ног – вытянуто-прямоугольная, в ряде случаев отогнута стопа. Иногда по туловищу и шее проходит линия из треугольников, направленных вершинами в разные стороны. На большинстве фигурок изо-

бражён небольшой, направленный вниз хвостик. На спине близко к шее фигурок имеются петли для крепления цепочек.

Фигурки вырезаны из воскового листа, а затем согнуты (своеобразная «развёртка»). Этот тип оленей был найден на ст. Казбек, в Тлийском и Кобанском могильниках, в Джейрахском ущелье Ингушетии, недокументированные – на территории Северной Осетии. Они характерны для Южной Осетии (ст. Казбек) и Грузии (Пасанаурский клад). Эти фигурки Б. В. Техов датирует киммерийско-скифским периодом VI–V вв. до н. э. [9, с. 230]. Аналогии этому типу известны в Центральном Закавказье.

Тип 5 (рис. 5) – небольшие фигурки-подвески оленя с отверстием на шее или

1–4. Кумбулта, Северная Осетия

5. Луристан. X–VI вв. до н. э.

6. Дайламан. Северо-Западный Иран. IX в. до н. э.

7–9. Кобан

10. Могильник Заюково-3, погребение 148

11. Кобанский могильник

12. Могильник Терезе, гроб. 1. к. XII–VIII вв. до н. э.

13 – Шилда. Кахетия. XIV–XII вв. до н.э.

14–15. Тлийский могильник

16. Казбекский клад.

17. Заюковский могильник

18. Кавказ

19. Кобан

20–23. Кобанский могильник

24–28. Кобанский могильник, погребение 12

29. с. Чми

30–32. Кобанский могильник.

33. Кобанский могильник, погребение 6

34. Верхняя Рутха

Рис. 5 / Fig. 5. Фигурки оленей типа 5 / Type 5 of Deer figurines

- Источник:* 1–4 – Motzenbäker Ingo Sammlung Kossnierska : der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1996. Taf. 31.6, 35.9, 90.6–7; 5 – Иранский национальный музей: [сайт]. URL: flickr.com (дата обращения: 23.02.2023); 6 – Куликан У. Персы и мидяне. Подданные империи Ахеменидов. М.: Центрополиграф, 2010. Фото 13; 7–9 – Cantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Paris, 1882. Pl. XXV.2, XXV.5, XXV.7; 10 – Кадиева А. А., Демиденко С. В., Емкужев А. А. Погребение предскифского времени с бронзовым нагрудным убором из могильника Заюково-3 // Кавказология. 2020. № 2. Рис. 6.3; 11 – Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа. М.: Искусство, 1984. Илл. XIX; 12 – Козенкова В. И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII вв. до н. э. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 220 с. Фото 3; 13 – Unterwegs zum Goldenen Vlies : archäologische Funde aus Georgien. Saarbrücken: Theiss, 1995. Abb.148; 14–15 – Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ: Пронет-пресс, 2002. Фронтиспис; 16 – Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып. 8. М., 1900. Табл. XX.2; 17 – Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.) (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный, 1972. Рис. 30.23; 18 – Curtis J., Kruszyński M. Ancient Caucasian and Related Material in The British Museum. British Museum Occasional Paper no. 121. London, 2002. Pl.5e, 107; 19 – Коллекция Ольшевского. Фотоархив ИИМК. Q396.66; 20–22 – Венский музей естественной истории. Инв. № 41169; 41528; 41581; 23 – Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып. 8. М., 1900. Табл. CV.8; 24–28 – Archeologie comparee. Caucase et nord de l'Iran. Paris, 1989. № 27117. Р. 79. 29 – Фотоархив ИИМК. Q593.67; 30–32 – Венский музей естественной истории. Инв. № 41.657; 42.182; 42.206; 33 – Венский музей естественной истории. Инв. № 11692.242; 34 – Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып. 8. М., 1900. Табл. CV.9; 35–36 – Ulrike L. Iran. Archeologische Mitteilungen aus Iran Band 28 1995–1996. Рис. 20.1.

петлём на спине у шеи. У оленей широко расставленные короткие, сужающиеся книзу ноги (составляют S длины туловища), что наводит на мысль, что фигурки были не только подвесками, но одновременно и статуэтками. В ряде случаев сохранились остатки цепочки, длиной 2–3 см.

Морда короткая, цилиндрическая, в форме конуса или усечённого конуса с небольшими уплощёнными широкими рогами, расположенными параллельно. Туловище цилиндрическое, сплошное, литое. Шея длинная цилиндрической формы, направлена вперёд или строго вертикальна. Фигурки слегка уплощены. Ствол рогов прямой или слегка изогнутый, с 2–3 короткими, немного изогнутыми, широкими в основании и тупыми на концах веточками, направленными в разные стороны. Уши, рот, ноздри и глаза не изображались (аналогии этому типу известны в Центральном Закавказье).

У оленей маленький, едва намеченный, свисающий вниз хвостик. Такие изображения встречаются в кобанской культуре ещё с доскифского периода, но продолжают существовать и в скифский период.

Для этого типа фигурок характерна примитивизация образа оленя. Этот тип напоминает скульптурные керамические фигурки эпохи бронзы и, видимо, ведёт от них свои традиции. Представляет один из древнейших изображений оленя в мелкой бронзовой пластике.

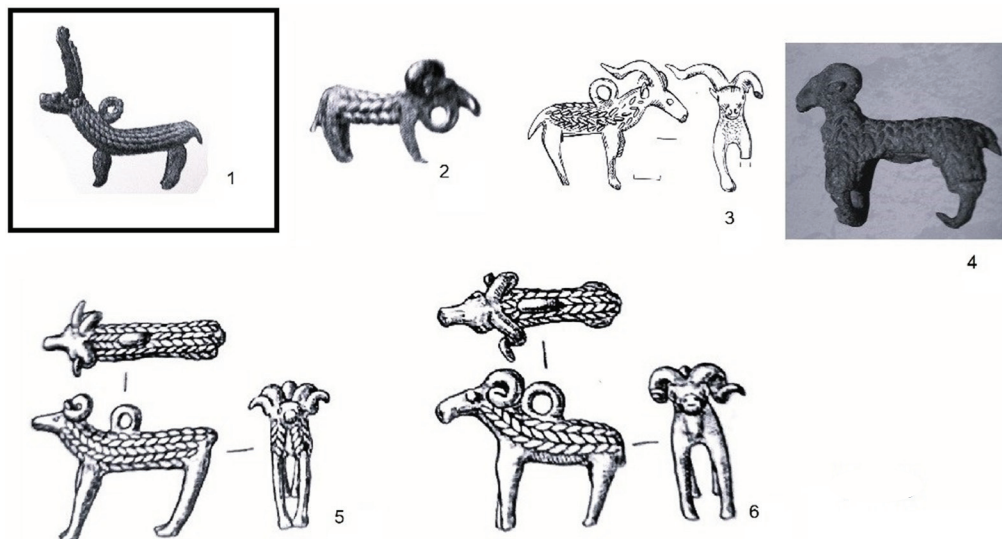
Такой тип фигурок встречается в Южной Осетии (Тлийский могильник), Северной Осетии (Кобанский могильник, могильник Верхняя Рутха, сс. Кумбулта, Камунта, Чми, Куртатинском ущелье), Кабардино-Балкарии (Чегем, Заюковский могильник, могильник Терезе), Южной Осетии (сс. Велура, Жриа), Дагестане (Большой Буйнакский курган III–V вв.), Грузии (ст. Казбек). Чаще распространён в центральном и западном варианте ко-

банской культуры. Судя по аналогиям, это одни из ранних типов фигурок оленей. Наиболее ранние датируются XII–VIII вв. до н. э. Вне Кавказа аналогии этому типу встречены в Луристане.

Это наиболее многочисленные изображения оленей, имеющие своё происхождение от техники лепки из глины и имеющие многочисленные аналогии в глиняных статуэтках. Однако в керамической пластике изображений именно оленей нами не встречено.

Тип 6 (рис. 6) – достаточно редкий тип оленя, который в единственном экземпляре был найден в Кобанском могильнике. Возможно, является импортом.

Фигурка и шея оленя цилиндрические и покрыты плетением из рядов косичек, имитирующих шерсть, 4 широко расставленные уплощённые ноги со слегка отогнутыми наружу копытами, рога прямые параллельны друг другу, с 3 веточками на концах. Морда цилиндрическая, обрубленная, выпуклым налепом изображён достаточно большой круглый глаз. На шее имеется петля для подвешивания. Также фигурка могла являться и статуэткой. Аналогичное изображение козла известно из Северной Осетии – с. Лисри, Кобанский могильник; Южной Осетии – с. Зарцем (Дзарцёмский могильник) (VII–IV вв. до н. э.) [8, с. 69, табл. XV, рис. 1.10], и Аджарии – г. Кобулет.

1. Фигурка оленя, с. Кобан
2. Фигурка барана, Кобанский могильник
3. Фигурка козла, с. Лисри, случайная находка
4. Фигурка барана, с. Кобулет, VII в. до н. э.
- 5–6. Фигурка козла, с. Зарцем, Дзеарцёмский могильник

Рис. 6 / Fig. 6. Фигурки оленей типа 6 / Type 6 of Deer figurines

Источник: 1 – Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып. 8. М., 1900. Табл. XXXVII.8; 2 – Cantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Paris, 1882. Pl. XXVI.8; 3 – Марковин В. И. Некоторые итоги археологических разведок в Северной Осетии // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969. Рис. 8.2; 4 – Unterwegs zum Goldenen Vlies: archäologische Funde aus Georgien. Saarbrücken: Theiss, 1995. Abb. 122; 5–6 – Сланов А. Х. Железный век на территории Южной Осетии. Цхинвали: Ирыстон. Табл. XV. Рис. 1.10-11

Заключение

Таким образом, в эпоху поздней бронзы – раннего железа на территории Северного Кавказа в рамках археологических культур Северного и Центрального Кавказа выделяется 6 типов изображений фигурок оленей.

Тип 1 (II половина – конец V в. до н. э.) представлен навершенными булавок. На Северном и Центральном Кавказе характерен для горных районов Грузии и Дагестана. Имеет аналогии и прототипы в искусстве хеттов, Урарту и восточных районах скифского мира.

Тип 2 (VIII – I половина VII в. до н. э.) в большинстве случаев представлен статуэтками. В ряде случаев имеются петли для подвешивания. Характерен для Северной и Южной Осетии, а также Дагестана. Имеет достаточно много аналогий среди находок Северного Ирана и Восточного Кавказа. Возможно, истоки этого типа именно оттуда.

Тип 3 (VII–VI вв. до н. э.) представлен подвесками. Характерен для восточного варианта кобанской культуры (Чечня, Дагестан). Имеет аналогии с переднево-

сточной бронзовой пластикой (навитые ленты на туловище).

Тип 4 (VI–V вв. до н. э.) – фигурки-подвески из памятников Центрального Кавказа. Характерен для позднекобанской культуры.

Тип 5 (XII–IV вв. до н. э.) наиболее ранний и многочисленный (около 40 экз.). Распространён в центральном и западном варианте кобанской культуры, связан с керамическими технологиями. Представлен статуэтками-подвесками. Имеет аналогии в луристанском искусстве.

Тип 6 (VII–IV вв. до н. э.) – статуэтки-подвески. Известен только в Кобанском могильнике. Аналогии в виде других копытных известны в Южной Осетии и Аджарии.

Различные по типу бронзовые фигурки, изображающие оленей, обнаруженные на территории Северного и Центрального Кавказа, свидетельствуют о различных направлениях контактов населения этой территории как с кочевниками-скифами, так и с населением Северо-Восточного и Центрального Кавказа и Северного Ирана.

Дата поступления в редакцию 02.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М. И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 280 с.
2. Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала: ИИЯЛ, 1974. 190 с.
3. Давудов О. М. Святылище у высокогорного селения Хосрех // Древние и средневековые поселения Дагестана / отв. ред. М.-З. О. Османов. Махачкала: ИИЯЛ, 1983. С. 43–56.
4. Дударев С. Л., Мамаев Х. М., Хасбулатова З. И. Новые находки скифского времени из с. Элистанжи и Майртуп // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1987. С. 6–23.
5. Есаян С. А. Скульптура древней Армении. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980. 75 с.
6. Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
7. Куликан У. Персы и мидяне. Подданные империи Ахеменидов / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2002. 223 с.
8. Сланов А. Х. Железный век на территории Южной Осетии. Цхинвал: Ирыстон, 1989. 111 с.
9. Техов Б. В. Археологические памятники Южной Осетии. Цхинвал-Владикавказ: Ир, 2006. 546 с.
10. Motzenbäker Ingo Sammlung Kossnierska: der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Berlin: Museum für Vor-und Frühgeschichte, 1996. 294 p.
11. Unterwegs zum Goldenen Vlies: archäologische Funde aus Georgien. Saarbrücken: Theiss, 1995. 343 p.

REFERENCES

1. Artamonov M. I. *Sokrovishcha sakov* [Treasures of the Saks]. Moscow, Iskustvo Publ., 1973. 280 p.
2. Davudov O. M. *Kultury Dagestana epokhi rannego zheleza* [Cultures of Dagestan of the Early Iron Age]. Makhachkala, IYAL Publ., 1974. 190 p.
3. Davudov O. M. [Sanctuary near the high-mountain village of Khosrekhi]. In: Osmanov M.-Z. O. Османов *Drevniye i srednevekovyye poseleniya Dagestana* [Ancient and medieval settlements of Dagestan]. Makhachkala, IYAL Publ., 1983, pp. 43–56.
4. Dudarev S. L., Mamaev Kh. M., Khasbulatova Z. I. [New finds of the Scythian time from the village. Elistanzhi and Mayrtup]. In: *Novyye materialy po arkheologii i etnografii Checheno-Ingushetii* [New materials on the archeology and ethnography of Checheno-Ingushetia]. Grozny, Checheno-Ingushetian knizhnoye izd-vo Publ., 1987, pp. 6–23.
5. Yesayan S. A. *Skulptura drevney Armenii* [Sculpture of ancient Armenia]. Yerevan, Izd-vo AN ArmSSR Publ., 1980. 75 p.
6. Korolkova E. F. *Zverinyy stil Yevrazii* [Animal style of Eurasia]. St. Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 2006. 272 p.
7. Kulikan U. *Persians and Medes. Subjects of the Achaemenid Empire* (Rus. ed.: Igorevsky L. A., trans. *Persy i midyane. Poddannyye imperii Akhemenidov*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2002. 223 p.)
8. Slanov A. Kh. *Zheleznyy vek na territorii Yuzhnoy Osetii* [The Iron Age on the Territory of South Ossetia]. Tskhinval, Iryston Publ., 1989. 111 p.
9. Tekhov B. V. *Arkheologicheskiye pamyatniki Yuzhnoy Osetii* [Archaeological monuments of South Ossetia]. Tskhinvali-Vladikavkaz, Ir Publ., 2006. 546 p.
10. *Motzenbäker Ingo Sammlung Kossnierska: der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit*. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1996. 294 p.
11. *Unterwegs zum Goldenen Vlies: archäologische Funde aus Georgien*. Saarbrücken, Theiss, 1995. 343 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Керцева (Вольная) Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела археологии Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания;
e-mail: gal.volnaya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina N. Kertseva (Volnaya) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Senior Researcher, Department of Archeology, Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania;
e-mail: gal.volnaya@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Керцева (Вольная) Г. Н. Фигурки оленя в мелкой бронзовой пластике раннего железного века Центрального и Северного Кавказа // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 139–150.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-139-150

FOR CITATION

Kertseva (Volnaya) G. N. Deer figurines in small bronze sculptures of the early Iron Age of the Central and Northern Caucasus. In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 139–150.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-139-150

УДК 938(082)

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-151-167

ЖЕЛЕЗНЫЙ КИНЖАЛ С ЗООМОРФНЫМ НАВЕРШИЕМ, НАЙДЕННЫЙ У С. ИЛЬИНСКОЕ В ОРЕНБУРЖЬЕ

Зуев В. Ю.*Независимый исследователь, член редколлегии международного журнала**«Stratum+. Археология и культурная антропология»**г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотрена история изучения кинжала скифского времени с зооморфным декором рукояти, найденного в 1912 г. у с. Ильинское в Оренбуржье, и определён его реальный археологический контекст. Находка издавалась до этого с ошибочной трактовкой изображений.

Процедура и методы. Методами иконографического анализа установлено, что на кинжале изображены не головы грифонов, а фигуры кошачьих хищников, соприкасающиеся головами. Сравнительным методом подобрана серия подобных клинков скифской эпохи, позволяющих говорить об определённом культурно-историческом контексте и датировать кинжал V–IV вв. до н. э.

Результаты. На основе стилистического анализа кинжал отнесён к кругу древностей, характерных для Филипповского курганного некрополя в Оренбуржье.

Теоретическая или практическая значимость. Перемещение кинжала по разным музеям дало основание автору затронуть историю раздела культурных ценностей между Российской Федерацией и Казахстаном в момент формирования казахской государственности в конце 20-х гг. XX в. Статья демонстрирует плодотворность сотрудничества российских и казахских специалистов в деле изучения общего культурного наследия современных соседних государств.

Ключевые слова: кинжалы скифского периода, ранние кочевники Евразии, звериный стиль

Благодарности. Выражаю благодарность за помощь в работе с кинжалом из Бишкүля старшему преподавателю кафедры археологии, этнологии и музеологии исторического факультета Казахского национального университета им. аль-Фараби в г. Алматы – Бауыржану Бесетаеву.

AN IRON DAGGER WITH A ZOOMORPHIC TIP FOUND NEAR ILINSKOE VILLAGE IN ORENBURG REGION

V. Zuev*Independent researcher, Member of the Editorial Board,**International Journal «Stratum+. Archeology and Cultural Anthropology»**St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

Aim. To review the history of the dagger of the Scythian period with a zoomorphic decoration of the handle, found in 1912 near Ilyinskoe village in Orenburg region, and to determine its real archaeological context. This find was published before with an erroneous interpretation of the images.

Methodology. Using the methods of iconographic analysis, it was established that the dagger depicts not the heads of griffins, but the figures of feline predators, their heads touching. Using a comparative method, a series of similar blades from the Scythian era was selected, allowing us to talk about a certain cultural and historical context and date the dagger to the 5th–4th centuries B.C.

Results. Based on the stylistic analysis, the dagger is classified as one of the antiquities characteristic of the Filippovsky burial mound necropolis in Orenburg region.

Research implications. Moving the dagger to different museums gave the author a reason to touch upon the history of the division of cultural property between the Russian Federation and Kazakhstan at the time of the formation of Kazakh statehood in the late 20s of the 20th century. The article demonstrates the fruitfulness of the cooperation between Russian and Kazakh specialists in studying the common cultural heritage of modern neighboring states.

Keywords: daggers of the Scythian period, early nomads of Eurasia, animalistic style

Acknowledgments. I express my gratitude for the help in working with the dagger from Bishkul to the senior lecturer of the Department of Archaeology, Ethnology and Museology of the Faculty of History of the Kazakh National University al-Farabi in Almaty – to Bauyrzhan Besetaev.

Введение

Сведениями о находке железного кинжала с зооморфным навершием к северо-востоку от Оренбурга в 1912 г. археология Южного Урала обязана неутомимому исследователю древностей Урала Владимиру Яковлевичу Толмачёву (1876–1942). Он родился в Шадринске. Гимназию закончил в Екатеринбурге в 1896 г., где подружился с мужем сестры, преподавателем французского языка, основателем Уральского общества любителей естествознания Онисимом Егоровичем Клером (1845–1920). Переехав в Санкт-Петербург, В. Я. Толмачёв стал студентом физико-математического факультета столичного университета и параллельно учился в Высшем художественном училище при Императорской Академии Художеств. В 1900–1902 гг. он прослушал полный цикл лекций в Археологическом институте, освоив методику раскопок древних памятников под руководством А. А. Спицына (1858–1931).

В. Я. Толмачёв проявлял особый интерес к древностям Урала, сведения о которых он систематически собирал, изучая коллекции провинциальных музеев и частных собраний, в основном в Зауралье. Русско-японская война прервала на несколько лет его занятия уральской археологией, но открыла для него удивительный мир Дальнего Востока и Китая.

В 1907 г. Владимир Яковлевич вернулся на Урал с Дальнего Востока, став действительным членом Уральского

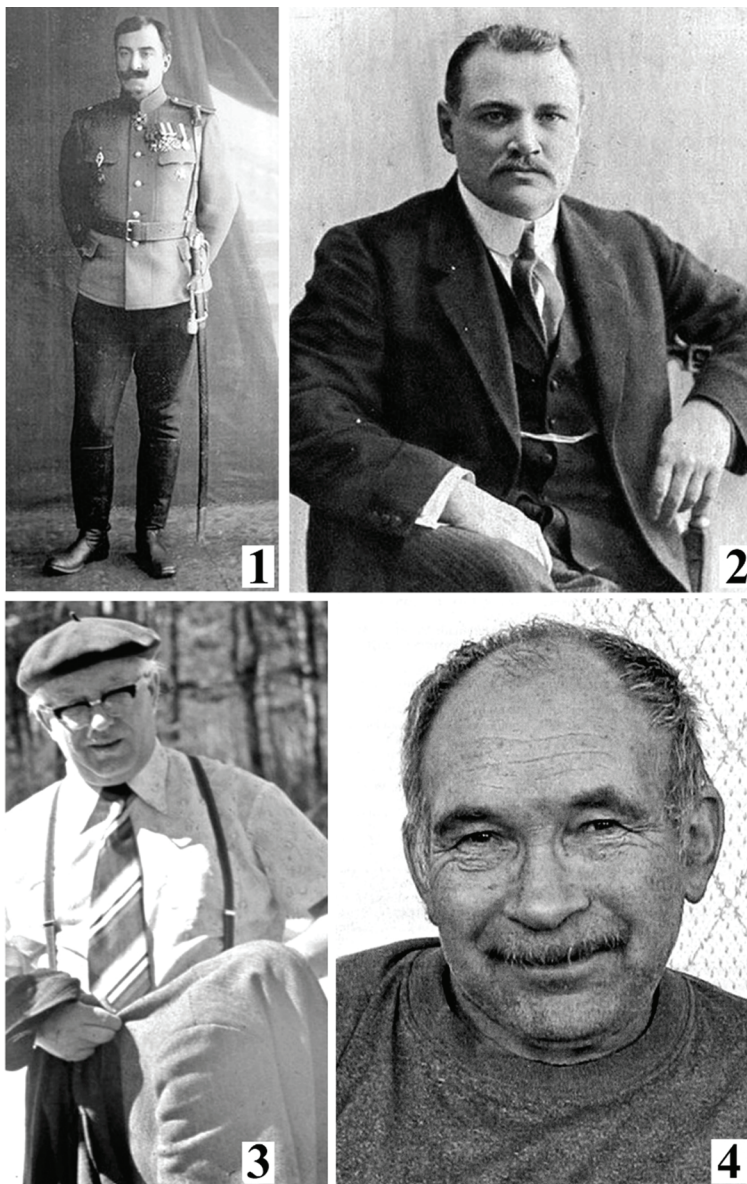
общества естествоиспытателей. В 1908 г. он провёл археологические разведки в Оренбуржье и каждый год до Первой мировой войны посещал города южного и восточного Урала, составляя подробную археологическую карту древностей и описывая подробно коллекции музеев, зарисовывая и фотографируя различные находки.

Благодаря этой деятельности достижением археологической науки стали такие уникальные памятники, как Сапоговский клад и полная фиксация знаменитого шигирского идола. В 1908–1914 гг. В. Я. Толмачёв в сотрудничестве с председателем Оренбургской учёной архивной комиссии А. В. Поповым (1867–1937) и хранителем музея И. А. Кастанье (1875–1958) составили «Опись музея Оренбургской учёной архивной комиссии» (594 археологические находки), к которой В. Я. Толмачёв собрал альбом фотоснимков древностей, изготовленных и сведённых оренбургским фотографом Антоном Александровичем Норвилло в фототаблицы¹. Работа велась им с намерением создать большой труд «Древности Восточного Урала» с археологической картой и атласом древностей, описанных по музейным и частным коллекциям восточного и южного Урала. Этой работе, которой он занимался всю

¹ Антон Александрович Норвилло жил в Оренбурге и имел своё фотоателье на ул. Николаевской «в доме Фокеродт, справа от булочной, напротив церкви Петра и Павла». А. А. Евгеньев ошибочно принял сокращение А. Н. за инициалы фотографа [3, с. 230; 8, с. 22–24].

свою жизнь, даже в эмиграции в Маньчжурии, куда его семью занесло лихолетье революции и Гражданской войны, помешала Первая мировая война. Будучи

мобилизованным офицером Семёновского гвардейского полка, В. Я. Толмачёв (рис. 1.1) передал рукописные каталоги и фотоколлекции уральских древностей

1. Владимир Яковлевич Толмачёв (1876–1942)
2. Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952)
3. Константин Фёдорович Смирнов (1917–1980)
4. Рамиль Бакирович Исмагилов (1949–2014)

Рис. 1 / Fig. 1. Русские археологи и историки античности / Russian archaeologists and historians of antiquity

Источник: фото из архива автора

на хранение своему другу и учителю А. А. Спицыну в Императорскую Археологическую комиссию. Позже, в конце 20-х гг. бурного XX в., часть архивных материалов В. Я. Толмачёв смог получить из Свердловска и Ленинграда в Харбин. С ними он намеревался вернуться в СССР, приняв советское подданство в годы Великой Отечественной войны, но, к сожалению, смерть настигла его при сборах для возвращения на родину в 1942 г.

О работах В. Я. Толмачёва сейчас написан ряд подробных исследований [3; 4; 13].

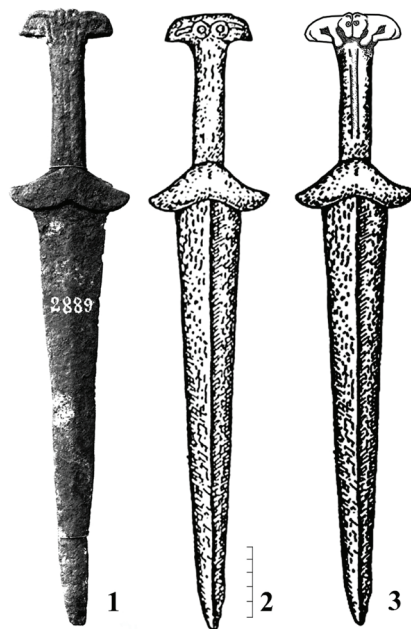
В рукописном каталоге «Опись Оренбургского музея», переданном В. Я. Толмачёвым в 1914 г. на хранение А. А. Спицыну, имелась запись и фотография находки железного кинжала, который нашёл на берегу р. Салмыш у с. Ильинское Белозёрской волости Оренбургского уезда и губернии в 1912 г.¹ крестьянин Г. М. Литвиненко (рис. 2.1). Он лично привёз свою находку в Оренбург и передал её безвозмездно на хранение лично хранителю музея комиссии И. А. Кастанье².

Мнение академика М. И. Ростовцева

Рукописью В. Я. Толмачёва и фотографией кинжала воспользовался в 1917–1918 гг. академик М. И. Ростовцев (рис. 1.2) при работе над книгой «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма» с разрешения А. А. Спицына, что особо оговорено в тексте исследования [14, с. 29]. В своё время была подробно охарактеризована работа М. И. Ростовцева над текстом этой книги в условиях, когда коллекции Эрмитажа и Архив Российской Археологической комиссии в Зимнем дворце упаковывались и все материалы готовились к эвакуации [6, с. 580–582]. Следует отметить, что работу с корректурой кни-

ги М. И. Ростовцев весной 1918 г. успел закончить лишь до 56 с. текста. Согласно штемпелям на корректурных листах³ набор книги, начиная с 57 с., поступил на вычитку 5 июля 1918 г., а М. И. Ростовцев с супругой уехали из Петрограда в Швецию 30 июня 1918 г., и книгу к выпуску, подготовил академик В. В. Латышев (1855–1921), включая изготовление клише таблиц всех иллюстраций [5, с. 29, рис. 8.8].

Эти подробности необходимо иметь в виду, оценивая то заключение по памяти, какое М. И. Ростовцев составил в описа-

1. Фото А. А. Норвилло для Атласа к работе В. Я. Толмачёва «Древности Восточного Урала».
2. Графическая трактовка кинжала, выполненная К. Ф. Смирновым.
3. Графическая трактовка кинжала.

Рис. 2 / Fig. 2. Кинжал, найденный в 1912 г. у с. Ильинское в Оренбуржье / Dagger found in 1912 near Ilyinskoe village in Orenburg region

Источник: 1 – ФО Архива ИИМК РАН. Ф. 34. № 2889; Табл. XV; 2 – [16, рис. 1.11]; 3 – рисунок автора

¹ В советское время эти земли входили в Кувандыкский р-н Оренбургской обл. на момент составления сводов археологических памятников савроматской и прохоровской культур (1963 г.). Ныне это Октябрьский район той же области.

² ФО Архива ИИМК РАН. Ф. 34. № 2889; Табл. XV.

³ РО А ИИМК РАН. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 375. Л. 76.

нии кинжала, найденного у с. Ильинского в Оренбуржье. В этой книге М. И. Ростовцев впервые сопоставил и постарался выделить разные типы клинков скифской и сарматской эпох. И если для сарматской эпохи, по его наблюдению, характерны клинки с серповидным навершием и прямым перекрестьем, то для более раннего времени, относящегося ещё к эпохе доминирования скифской культуры, он, с трудом подбирая термины, приводит ряд образцов клинкового оружия принципиально иных форм, чем сарматский тип. Ростовцев пишет: «Очень распространённые в киевской группе мечи с набалдашником, напоминающим набалдашники оренбургских мечей и кинжалов и, вместе с тем, довольно близко стоящим к типичному набалдашнику гальштатских мечей, так называемому набалдашнику а антеннес. Полного совпадения, однако, ни с теми, ни с другими не наблюдается. При этом крестовина остаётся иранской, т. е. сердцевидной. Мечи с такими набалдашниками далеко не все однородны. Среди них мне известны 3 разновидности:

1. набалдашник в форме двух волют, модификацией которого являются;
2. набалдашники, где волюты трактованы как птичьи головы;
3. набалдашники без волют, но серповидной формы.

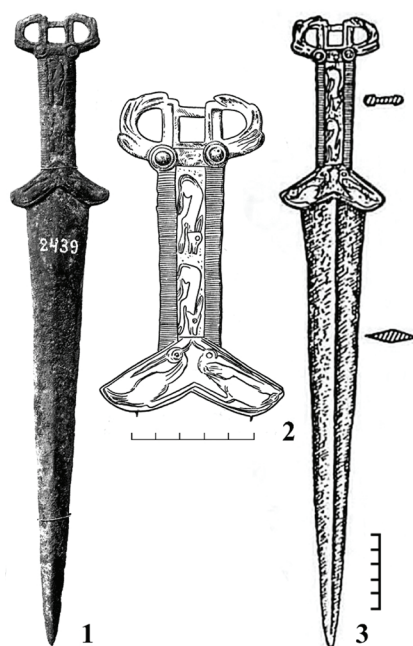
...Среди мечей второй разновидности особенно интересны мечи как архаического, так и более позднего времени с навершием в виде деформированной волюты, трактованной как 2 сходящиеся птичьи головы, и с рукоятью, разделённой на 3 параллельные полосы, из которых две крайние приподняты и обрамляют среднюю вдавленную, иногда заполненную звериным или геометрическим орнаментом.

...Из указанных выше 3 разновидностей скифских мечей, представляющих, по всей вероятности, сочетание иранских акинаков с западно-европейскими, специально гальштатскими формами мечей, в степях юго-восточной России, а также

в приуральской области очень обычны мечи и кинжалы второй разновидности» [14, с. 57–58].

М. И. Ростовцев привёл в пример 2 меча из «Описи» В. Я. Толмачёва, хранившихся в коллекции Оренбургского музея: клинок из Новой Богдановки (рис. 3)¹ и клинок из с. Воскресенского (рис. 4)².

В этот же ряд М. И. Ростовцев тут же ставит и находку 1912 г.: «Почти тот же тип представляет кинжал Оренбургского музея, найденный на пашне око-

1. Фото А. А. Норвилло для Атласа к работе В. Я. Толмачёва «Древности Восточного Урала».

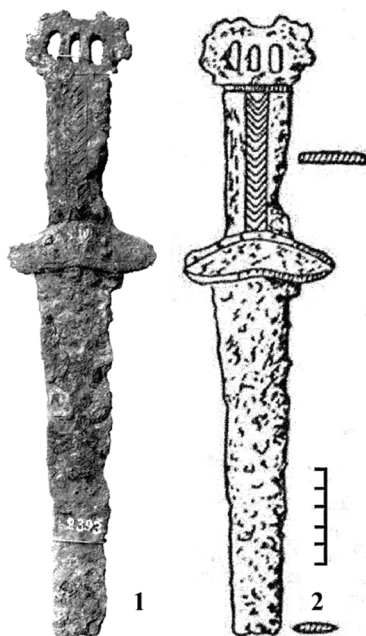
2–3. Графическая прорисовка кинжала К. Ф. Смирнова.

Рис. 3 / Fig. 1. Кинжал, найденный у с. Новая Богдановка в Оренбуржье / Dagger found near New Bogdanovka village in Orenburg region

Источник: 1 – ФО Архива ИИМК РАН. Ф. 34. № 2439; Табл. XVI; 2–3 – [17, рис. 77.33]

¹ Толмачёв В. Я. Описание музея Оренбургской архивной комиссии. Рукопись // РО НА ИИМК Ф. 1. Д. 741. Л. 1–36. табл. 16, № 2439 = 14. Табл. VII.14.

² Там же. Табл. 17 № 2393.

1. Фотография А. А. Норвилло для Атласа к работе В. Я. Толмачёва «Древности Восточного Урала».

2. Графическая прорисовка кинжала К. Ф. Смирнова.

Рис. 4 / Fig. 4. Кинжал, найденный у с. Воскресенское в Оренбуржье / Dagger found near Voskresenskoe village in Orenburg region

Источник: 1 – ФО Архива ИИМК РАН. Ф. 34.

№ 2393; Табл. XVII (Ныне хранится в Центральном государственном музее Республики Казахстан Инв. № КП – 2276/5); 2 – [16, рис. 4.6]

ло с. Ильинского, Белозёрской волости (№ 2889; Толмачёв. Описание. Табл. XV; наша табл. VII, 15). Разница только та, что набалдашник имеет форму двух сопоставленных затылками голов грифонов» [14, с. 58–59].

Рассмотрение этого ряда якобы однотипных клинков объясняет то, как увидел клинок из Ильинского М. И. Ростовцев. Эти 3 клинка объединяет трёхчленное вертикальное деление ствола рукояти. Но если в оформлении навершия рукояти из Новой Богдановки можно увидеть глаз и сильно стилизованный клюв хищной птицы (чаще в литературе принято говорить о мотиве когтя хищной птицы) и вслед за М. И. Ростовцевым называть

этот тип наверший для обоих клинков – антенным, то в случае с навершием клинка из Ильинского назвать явно имеющиеся в навершии зооморфные изображения головами двух птиц, смотрящими в разные стороны, очень трудно. М. И. Ростовцев явно принял за глаза птиц 2 углубления вверху посередине навершия, от которых изгибы абриса навершия он трактовал как 2 массивных клюва грифонов, смотрящих в разные стороны.

Надо отметить, что, говоря о птичьих головах в навершии рукояти кинжала из Ильинского, М. И. Ростовцев явно следовал впечатлению, полученному от книги молодого финского археолога А. М. Тальгрена (1885–1945), материалы которой он активно использовал в своём анализе клинкового оружия из Приуралья, сравнивая его с образцами оружия скифского времени из Минусинского края [23, рл. III–XII]. Он писал: «Родство этого типа с мечами и кинжалами Минусинского округа бросается в глаза... Из всего разнообразия форм минусинских кинжалов, ...особенно интересна та разновидность, где набалдашник трактован в зверином стиле. Эти кинжалы являются и наиболее сходными с мечами и кинжалами южно- и восточно-русских погребений» [14, с. 59]. И здесь М. И. Ростовцев был очень близок к разгадке головоломки изображения на навершии Ильинского клинка, когда написал: «Особняком стоят кинжалы с навершьями в виде целых зверей – медведей (м.б. лошадей) или козлов; вся структура ручки этих кинжалов чрезвычайно оригинальна, хотя самый способ ornamentации вполне обычен для западно-сибирских могильников» [14, с. 59]. Но то, что М. И. Ростовцев не держал в руках оренбургскую находку и не всмотрелся детальнее в фотографию В. Я. Толмачёва, сыграло с академиком злую шутку: в литературе с его лёгкой руки закрепилась неверная трактовка изображений на навершии кинжала из Ильинского.

В остальном М. И. Ростовцев очень концептуально оценивал материал, рас-

ставляя правильные типологические акценты. Он писал: «Господствующим типом являются волютообразные сопоставления 2 голов, чаще всего голов ушастых грифонов, реже львов или лошадей. ...Сопоставления Радлова доказывают, что вся эта категория кинжалов принадлежит позднейшей эпохе западно-сибирских древностей, времени перехода от бронзового к железному веку и эпохе железного оружия. Характер украшений показывает, что мы имеем дело не с местным самостоятельным развитием, а с влиянием, шедшим с юга, где фигуры грифонов и львов были излюбленными и обычными.

К сожалению, даже после подробного вполне научного разбора минусинского материала, сделанного Тальгреном в указанной работе, хронологически, а особенно сравнительная хронология минусинских вещей, по большей части случайных находок, неясна. Ясно одно – и в этом Тальгрэн несомненно прав, – что минусинские вещи позднего бронзового и железного периода отнюдь не были прототипом скифских, с которыми у них так много общего, как думает Миннз. Не могу, однако, согласиться с его утверждением, что южно-русские вещи были тем оригиналом, который влиял на западную Сибирь: и там, и здесь мы имеем дело с совершенно готовым запасом форм и мотивов, создававшихся, очевидно, и не там, и не здесь. ...Решение этого вопроса не предreshает, однако, вопроса о том, развивается ли меч с волютным набалдашником, не трактованном в зверином стиле из меча с набалдашником из двух сопоставленных голов, или наоборот. Я не вижу необходимости принимать либо то, либо другое решение. Волютные набалдашники могли появиться и с запада, сочетавшись с восточными звериными и дать гибридные формы» [14, с. 60].

Этими интуитивными типологическими эскизами, исполненными очень решительно и категорично, М. И. Ростовцев, безусловно, заложил фундамент по-

следующих оружейведческих представлений о путях развития основных форм скифского клинкового оружия, которые разработали в скифологии В. Гинтерс (1899–1929), А. И. Мелюкова (1921–2004) и К. Ф. Смирнов (1917–1980) [11; 16; 22]. Но вместе с позитивным влиянием на работы последующих поколений исследователей вооружения ранних кочевников оказывали влияние и незамеченные ошибки М. И. Ростовцева как основоположника скифо-сарматской археологии. И история изучения железного кинжала, найденного у с. Ильинское в 1912 г., – тому подтверждение.

Кинжал из с. Ильинское и судьба коллекций Оренбургского музея Учёной Архивной Комиссии

Негативную роль в изучении этой находки сыграла драматичная судьба коллекций бывшего музея Учёной архивной комиссии в Оренбурге. После перипетий Гражданской войны музейное собрание продолжало храниться в здании, построенном для коллекций на крутом левом берегу р. Урал в Оренбурге рядом с бывшим губернаторским домом в центре города. В августе 1920 г. Оренбургская губерния вошла в состав провозглашённой Киргизской (Казахской) автономной советской социалистической республики, а её столицей стал г. Оренбург.

Созданное в ноябре того же года столичное «Общество изучения Киргизского края» получило, согласно своему уставу, все библиотеки и музеи города, которыми оно могло пользоваться впредь до возобновления деятельности закрытых научных обществ¹.

После проведения в 1924 г. национального размежевания в Средней Азии к Кирреспублике были присоединены

¹ Госархив Оренбургской области. Р. 1. Оп. 1. № 730. Л. 1. В пользование нового Общества были переданы библиотеки Оренбургского отдела Русского географического общества и Учёной архивной комиссии, а также музеи Учёной архивной комиссии, Губернского земства и Казацкого войска.

обширные южные степные земли, и столицу республики было решено перенести в бывший г. Перовск, получивший в советское время новое имя – Кзыл-Орда. Переезд столицы и перевод в Кзыл-Орду всех государственных и общественных учреждений означал превращение Оренбурга в захолустный город на краю нового государства. Городские и губернские органы власти приложили немало усилий к тому, чтобы в 1925 г. Оренбуржье было выведено из состава Кирреспублики и вошло в состав Российской Федерации. Но если для административных структур это разделение прошло безболезненно, то национально-государственное размежевание оказалось фатальным для культурных учреждений города и области.

Переезжавшие в Кзыл-Орду органы управления Кирреспублики стремились вывезти с собой максимальное количество культурных ценностей Оренбурга. В обход созданных комиссий по разделу культурного наследия Оренбургского края из города тайно и варварски были вывезены в Кзыл-Орду 20 000 книг из библиотеки Оренбургского отдела Русского географического общества (уже восстановленного к 1925 г.), 15 000 книг библиотеки бывшей Учёной архивной комиссии и 5 000 книг просуществовавшего в Оренбурге 2 года Оренбургского отделения Московского археологического института. Книги при вывозе из-за спешки просто сваливались в рогожи и кули; и мешками грузились на машины, которые сразу уходили в степь¹. Все попытки оренбуржцев и ВЦИК СССР вернуть библиотеки были проигнорированы властями Кирреспублики, а в дальнейшем при переезде столицы республики из Кзыл-Орды в Алма-Ату эти книжные собрания были окончательно раздроблены и большей частью уничтожены при идеологических чистках.

В начале 1927 г. власти Кирреспублики отдали приказ о переброске музейных собраний Оренбурга, складированных и закрытых для доступа в здании бывшей Учёной архивной комиссии². Но вывезти музейные собрания тайно от властей Оренбурга деятелям «Общества изучения Киргизского края» на этот раз не удалось. В результате конфликта в городе была создана в июле 1927 г. специальная комиссия по разделу коллекций музея. По требованию казахской стороны в ведении Оренбургского музея должны были остаться только те вещи, которые были найдены и приобретены на территории губернии в её новых границах 1927 г. При этом вещи, найденные до революции на территории современных на тот момент Троицкой и Челябинской областей и автономной Башкирской республики, должны были тоже отойти в пользу музея Кзыл-Орды для демонстрации исторических связей угнетённых народов Азии, находившихся под гнётом русского колониализма. Кроме того, в Оренбурге могли остаться только те коллекции, которые имели документальное подтверждение, что они найдены в Оренбуржье. Вводя последнее условие, представители казахской стороны организовали похищение всех музейных описей, которые пропали в первые же дни работы спорной комиссии.

Но даже в таких условиях комиссия по разделу музейного имущества пришла к выводу, что Оренбург имеет право претендовать на 80–90% всех коллекций³. Начавшийся в январе 1928 г. процесс передачи коллекций в Кзыл-Орду сопровождался постоянным обсуждением спорных вещей, от которых претендующая сторона «не могла отказаться в силу того,

¹ Трагические подробности разрушения культурного наследия Оренбуржья в 1925–1928 гг. обстоятельно изложены в работе [15, с. 18–24].

² Об этом с глубоким сожалением сообщает в своих отчётах за 20-е гг. Б. Н. Граков (1899–1970), которому так и не удалось осуществить своего желания познакомиться с археологическими коллекциями Оренбургского музея, в частности, с коллекциями находок в Прохоровке (См.: РО А ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1927. № 167. Л.3).

³ Госархив Оренбургской области. Ф. 2554. Оп. 1. № 4. Л. 58.

что некоторые из них имеют громадное научное значение, что особенно важно для только что открывшегося Казакского университета в Алма-Ате». Число этих спорных экспонатов постепенно сокращалось. Большая часть уходила в Кызыл-Орду, что-то оставалось в Оренбурге. По архивным данным, собранным и проанализированным оренбургским историком Д. А. Сафоновым, из Оренбурга в 1928 г. всё же были вывезены 9/10 музейных собраний.

Из числа оставшихся в Оренбурге 2 594 экспонатов местные власти и руководство музея тут же уничтожили по идеологическим соображениям ещё 1 149 вещей, в т. ч. 640 икон и 239 фотографий офицерства казачьих войск [15, с. 27]. Кинжал, некогда подаренный его находчиком крестьянином Г. М. Литвиненко музею в Оренбурге, был вывезен в Кызыл-Орду в 1928 г., а в 1935 г. стал одним из археологических экспонатов Центрального музея Казахской ССР в г. Алма-Ате [16, с. 14]. Он до сих пор находится в фондах музея.

Кинжал из с. Ильинское в исследованиях советских сарматологов

В 1961 г. К. Ф. Смирнов (рис. 1.3) при подготовке книги по вооружению савроматов дал своё описание этого кинжала. Сам исследователь с дореволюционной находкой не работал. Не знал он и оригинала фотографий кинжала В. Я. Толмачёва из архива А. А. Спицына. Сведения о кинжале из фондов Центрального музея Казахской ССР (с указанием приблизительных размеров) К. Ф. Смирнову передала археолог из Алма-Аты Е. И. Агеева (1916–1965)¹. Но для графического изображения кинжала К. Ф. Смирнов воспользовался иллюстрациями из книги М. И. Ростовцева, на которых в уменьшенном виде воспроизведена фотография из рукописного

каталога Оренбургского музея В. Я. Толмачёва [14, табл. VII, 15].

В своём видении этого клинка (рис. 2.2) К. Ф. Смирнов строго следовал мнению М. И. Ростовцева, хотя его размышления и чутьё хорошего рисовальщика и знатока звериного стиля кочевников Приуралья явно порождали в нём большие сомнения в правильности трактовки академиком изображений на рукояти кинжала. Он писал: «Железный короткий акинак (длина около 42 см), найденный на пашне около с. Ильинское Белозерской волости Оренбургского уезда, имеет плоскую сплошную рукоятку с продольными бороздками, бабочковидное перекрестье и треугольный клинок с продольным ребром (Центральный музей Казахской ССР). На его плоском навершии с заострёнными концами выбито не совсем ясное изображение с кружками в центре, которое в целом напоминает головы грифонов, обращённых друг к другу затылками.

Среди сибирских кинжалов имеется много экземпляров, тождественных ильинскому акинаку по всем деталям формы, кроме навершия, часто сделанного в виде грифоновых голов, образующих фигурные волути. Мне известен лишь один минусинский кинжал из коллекции Товостина (Tallgren. 1917. Pl. III, 12 b), форма клинка и перекрестья которого такая же, как и у ильинского акинака, а сплошное навершие изображает 2 головы животного (изображение неясно), обращённые затылками друг к другу. Среди скифских акинаков таких наверший не имеется. В целом ильинский акинак можно отнести к группе восточных, сибирских форм V–IV вв. до н. э» [16, с. 14–15, с. 101, рис. 1.11].

На иллюстрации к книге К. Ф. Смирнов изобразил схематично то, о чём писал М. И. Ростовцев (рис. 2.2). Его изображение невозможно принять. Можно только согласиться с исследователем в том, что аналогов такому декору рукояти, как на графическом рисунке, нет среди клинков

¹ К сожалению, ко времени написания этой статьи найти кинжал из Ильинского в фондах Национального музея республики Казахстан в г. Алматы пока не удалось.

ни скифского, ни более позднего сарматского времени. Хотя по всем остальным пропорциям перед нами клинковое оружие, безусловно, скифской эпохи. Таким образом, ошибочное мнение М. И. Ростовцева сыграло с К. Ф. Смирновым, что называется, злую шутку.

Ростовцевская трактовка клинка, найденного у с. Ильинское в Оренбуржье (как и датировка его скифским временем), была повторена К. Ф. Смирновым и в совместно написанном с В. Г. Петренко своде археологических источников по памятникам савроматской культуры Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [18, с. 16, № 179].

Против датировки скифским временем кинжала, найденного у с. Ильинского, выступила М. Г. Мошкова. Она определила этот клинок принадлежащим к раннесарматскому (прохоровскому) типу и датировала эту находку IV–II вв. до н. э., внеся его в свод памятников раннесарматской (прохоровской) культуры [12, с. 16, № 63]. Никаких аргументов в пользу своего мнения М. Г. Мошкова не привела, что выглядит странно, т. к. ещё в 1918 г. М. И. Ростовцев указал на формальное различие ильинского кинжала и клинков прохоровского типа с прямым перекрестьем и серповидным навершием [14, с. 56–61]. Но К. Ф. Смирнов, являвшийся научным редактором свода памятников прохоровской культуры М. Г. Мошковой, оставил её мнение о типологии и хронологии ильинского клинка без комментария.

В этой двойственности культурной атрибуции случайной находки кинжала у с. Ильинского проявляется суть природы особого термина, предложенного К. Ф. Смирновым для мечей и кинжалов V–IV вв. до н. э., в основном Южного Приуралья, которые этот исследователь неудачно, на наш взгляд, предложил называть клинками переходного типа, т. е. термином, который даже по названию работает на идею плавной трансформации савроматской культуры скифской эпо-

хи в раннесарматскую (прохоровскую) культуру¹.

Иконография кинжала, найденного у с. Ильинское

В 1988 г. автором был осмотрен и описан кинжал, найденный у с. Ильинское, в фондах Центрального музея Казахстана. При визуальном осмотре этой находки замечено, что навершие кинжала на самом деле декорировано совсем другими изображениями, на которые никто не обращал должного внимания.

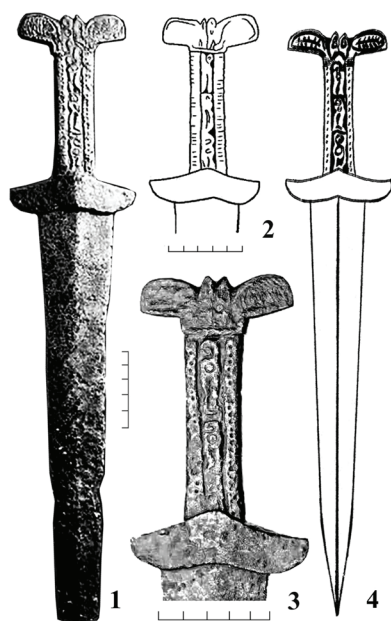
Кинжал откован из единой полосы железа (рис. 2.3). Бабочковидное перекрестье отковано отдельно, надето на плечики клинка слева направо и тщательно закреплено расковкой правого плечика перекрестья. Шов развилки перекрестья уничтожен проковкой. Рукоять кинжала имеет зооморфное оформление навершия. Но это не головы грифонов, а противостоящие в геральдической оппозиции 2 фигуры кошачьих хищников (пантер), соприкасающихся в середине навершия лбами друг с другом (рис. 6.1). Абрис фигур, хвосты, лапы (задние поджаты под туловище, передние чуть свисающие), оскалы пасти и круглые уши с точечными углублениями (которые М. И. Ростовцев принял за глаза хищных птиц) проработаны резцом по фигурам. Изображения фигур пантер нанесены с обеих сторон навершия. Рукоять кинжала также с двух сторон кинжала разделена с помощью зубила на 3 вертикальные колонки без проковки центральной в качестве желобка. Форма сечения рукояти – скруглённый плавно по углам прямоугольник. Бабоч-

¹ О причинах этого расхождения в датировках между К. Ф. Смирновым и М. Г. Мошковой и концептуальном кризисе гипотезы савромато-сарматского единства (см. подробнее [7, с. 403–426]). Следует отметить и тот факт, что, посвятив в книге «Савроматы» целую главу рассмотрению памятников звериного стиля и образом хищных птиц в декоративном искусстве кочевников Поволжья и Приуралья скифского времени, К. Ф. Смирнов не упомянул зарисованную им композицию декора навершия рукояти кинжала из Ильинского [17, с. 216–223].

ковидное перекрестье не имеет острого угла в вершине перелома под основанием рукояти. Плечики чуть вогнутые. Края крыльев образуют острый угол и переходят в овальные свисающие крылья, сходящиеся внизу середины перекрестья в хорошо выраженный угол. Ромбический в сечении клинок с продольным ребром вдоль всего лезвия у основания перекрестья на 2/3 шире рукояти. Лезвия клинка прямые, ровно сходились к острию, которое чуть закруглено в процессе многообразной заточки кинжала в древности. Размеры кинжала: общая длина – 435 мм; длина клинка от перекрестья – 305 мм; ширина клинка у перекрестья – 52 мм; высота наверхия – 30 мм; ширина на-

верхия – 68 мм (по 34 мм каждая фигурка пантер); высота рукояти с наверхием до перекрестья – 105 мм; ширина рукояти – 22 мм (2 крайние колонки – по 8 мм, колонка между ними – 6 мм); высота перекрестья посередине – 25 мм; ширина бабочковидного перекрестья – 84 мм (рис. 2.3).

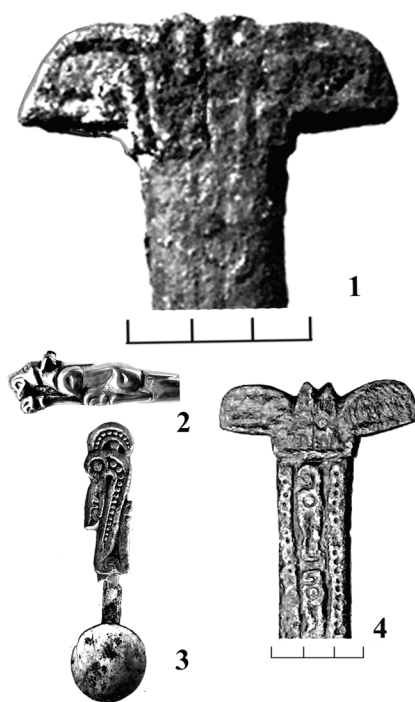
Фигурки пантер в наверхии кинжала по своей пластике более всего напоминают художественные образы кошачьих хищников, известных по золотой гривне (рис. 6.2) из кургана 4 погребение 2

1. Фото Г. Б. Здановича 1979 г.
2. Прорисовка изображений на кинжале Р. Б. Исмагилова.
3. Фото рукояти кинжала А. Чотбаева.
4. Графическая реконструкция кинжала Л. И. Евполовой.

Рис. 5 / Fig. 5. Кинжал, найденный в 1971 г. у с. Бишкуль на берегу р. Ишим / Dagger found in 1971 near Bishkul village on the banks of the river Ishim

Источник: 1 – коллекция автора; 2 – [9, с. 224, рис. 2.3]; 3 – [20, с. 181, рис. 98]; 4 – [10, с. 174]

1. Наверхие кинжала.
2. Золотая фигурка хищника с гривны из кургана 4, погребения 2 Филипповского курганного могильника.
3. Костяная ложечка с фигурой горного козла из кургана 1, погребения 2 Филипповского курганного могильника.
4. Фрагмент наверхия и рукояти кинжала, найденного у с. Бишкуль в 1971 г.

Рис. 6.1 / Fig. 6. Наверхие кинжала, найденного в 1912 г. у с. Ильинское / The tip of a dagger found in 1912 near Ilyinskoe village

Источник: 1 – фото А. А. Норвилло, 2–3 – фото автора; 4 – фото А. Чотбаева

Филипповского курганного могильника в Оренбуржье [1, с. 144–145, кат. № 8.12]. Это, безусловно, образы животных, характерных для скифского звериного стиля V в. до н. э. Для художественного стиля этого времени очень характерна нарочитая трактовка массивных лап хищников и непропорциональная стилизация фигур животных, их большая зависимость от форм декорируемых предметов.

Аналогии кинжалу у с. Ильинское

Очень важным подтверждением правильности предлагаемой трактовки декорирования навершия кинжала фигурами пантер является существование точной аналогии подобного оформления рукояти клинка, что делает находку у с. Ильинское в Оренбуржье частью определённого контекста материальной культуры кочевников центральной части Евразийского пояса степей скифской эпохи. Речь идёт о железном кинжале, найденном юго-восточнее оренбургских степей – в Приишимье, у с. Бишкуль (Башкуль, Бесколь) Северо-Казахстанской области (в 10 км южнее г. Петропавловск)¹.

В 1971 г. группа школьников нашла этот клинок торчащим из обрыва берега р. Ишим. В 1974 г. студентка Карагандинского педагогического института А. Е. Бекишева (впоследствии руководитель кружка «Юный археолог») сделала доклад об этом кинжале на региональной археологической студенческой конференции в г. Ижевск, справедливо отнеся эту находку к кругу древностей, выполненных в скифо-сарматском зверином стиле. Следует отметить, что А. Е. Бекишевой было присуще очень богатое воображение, т. к. она сочла, что на рукояти кинжала из Бесколя изображена «летающая сова с ушами и распростёртыми крыльями или

пара грифонов, затылками друг к другу, с раскрытыми клювами и обозначенными в пасти зубами» [2, с. 40–41].

Челябинский археолог Г. Б. Зданович (1938–2020), курировавший работу карагандинского археологического кружка юных археологов, сделал в 1979 г. фотографию (рис. 5.1) найденного у с. Бишкуль кинжала и передал её археологу из Стерлитамака Р. Б. Исмагилову (1949–2014), который многие годы вёл археологические исследования клинков эпохи ранних кочевников Приуралья. В 1980 г. Р. Б. Исмагилов (рис. 1.4) проанализировал рукоять кинжала с берегов р. Ишим, дав более адекватное описание сделанной им прорисовки (рис. 5.2): «В 1971 г. у с. Бишкуль (Северный Казахстан) в обнажении берега р. Ишим школьниками был найден акинак с обломанным на конце клинком [2, с. 40–41]. Перекрестье узкое, бабочковидной формы. Треугольный в прошлом клинок имеет ромбическое сечение. Уплощённая рукоять и навершие покрыты зооморфными изображениями. На навершии изображены в профиль 2 волка с опущенными вниз соприкасающимися головами, и, вероятно, они же представлены на средней полосе расчленённой натрое рукояти, однако уже не в виде целых фигур, а отдельных головок» [9, с. 224].

Сохранность кинжалов из Ильинского и с. Бишкуль не настолько безупречна, чтобы имело смысл сейчас настаивать на однозначности трактовок видового определения изображённых на навершии животных. Поэтому не так уж и важно сейчас утверждать – изображены там пантеры, волки или даже медведи.

Для выделения специфики кинжалов с зооморфным декором рукоятей более всего важна композиционная схема их рукоятей: соприкасающиеся лбами хищники, изображённые на навершии по принципу зеркальной симметрии. Р. Б. Исмагилову более 40 лет назад удалось наметить группу подобных кинжалов на Южном Урале, в которую с пол-

¹ Прим. автора: Кинжал найден у с. Бишкуль в Кызылжарском районе Северо-Казахстанской области Республики Казахстан. Он хранится в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. Инвентарный номер – СКОМ. ОФ. № 2408. Большая благодарность за информацию заведующей Отделом археологии Р. А. Попович.

ным правом теперь мы можем включить и кинжал, найденный у с. Ильинское в Оренбуржье. Эта группа включает:

1. железный меч с зооморфным навершием в виде противостоящих хищников и бабочковидным перекрестьем, найденный в 1976 г. у г. Белебей в Башкирии [9, с. 244, рис. 2.1];

2. кинжал с зооморфным симметричным навершием и дуговидным перекрестьем, найденный у Висимской дачи в Прикамье [9, с. 243, рис. 2.2];

3. кинжал с зооморфным симметричным навершием и бабочковидным перекрестьем, найденный в 1971 г. у с. Бишкуль на р. Ишим [9, с. 244, рис. 2.3];

4. кинжал с зооморфным симметричным навершием и бабочковидным перекрестьем, найденный в 1912 г. у с. Ильинское в Оренбуржье;

5. железный кинжал с зооморфным (?) симметричным навершием и бабочковидным перекрестьем, найденный на землях совхоза «Дёма» Миякинского р-на в юго-западной Башкирии [9, с. 244, рис. 2.4].

Кинжал, найденный у с. Бишкуль, по своим пропорциям имел длинную орнаментированную рукоять, бабочковидное перекрестье и треугольный в плане клинок. Кинжал выкован из единой стальной полосы с накладом бабочковидного перекрестья по той же технологии, что и у кинжала у с. Ильинское. Рукоять кинжала прямоугольная в сечении со скруглёнными углами. Сечение клинка ромбовидное. Лезвия прямые, ровно сходящиеся к острию (рис. 5.1).

Благодаря помощи казахских коллег стало возможно метрически описать эту находку. Кинжал сохранился на длину 397 мм; высота навершия – 28 мм; ширина навершия – 67 мм (фигурки хищников – 33 и 34 мм); высота рукояти с навершием (до перекрестья) – 100 мм; ширина рукояти – 25 мм (колонки – 7 мм, 10 мм, 8 мм); высота перекрестья – 28 мм; ширина перекрестья – 80 мм; длина клинка (сохранившаяся от перекрестья) – 272 мм;

ширина клинка у перекрестья – 48 мм¹.

Интересен декор рукояти кинжала (рис. 5.3). Навершие состоит из 2 фигурок хищных животных, изображённых припавшими к земле с поджатыми под себя ногами. Большая часть туловища передана крупом животного, лежащего на горизонтально изображённой задней лапе. Правая фигурка на фото лучше сохранилась и хорошо видны косые расчёсы прядей шерсти на теле. Передние лапы обоих хищников спускаются вниз и смыкаются под мордами животных встык. Причём на них нанесены также косые насечки. Абрис передних лап образует кант, отделяющий горизонтально навершие от ствола рукояти. Крупные подквадратные головы имеют круглые глаза со зрачком в центре кружка. Сверху над головой выступают треугольные по форме уши, резко выходящие за абрис фигурок. Середина уха выбрана двумя глубокими вдавлениями в ухе каждого хищника (рис. 6.4). Рукоять разделена на 3 вертикальные колонки. Боковые чуть выступают в рельефе. Каждая из них имеет пуансонный декор в один ряд, состоящий из более чем 2 десятков точек, нанесённых вертикально одна над другой. Средняя колонка имеет прочеканенный фон, на котором в высоком рельефе выбиты мордой вниз 3 стилизованные головки горных козлов. Каждая голова имеет небольшой завиток рогов, расположенных вверху голов. Далее следует круглый глаз и удлинённая морда с вытянутым приоткрытым ртом (рис. 6.4). Головки расположены в средней части рукояти в профиль мордами вниз по направлению к клинку. При насаде бабочковидного перекрестья нижняя головка была разбита при зажиме и проковке перекрестья на плечиках клинка.

¹ Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность за помощь в работе с кинжалом из Бишкуля моему коллеге и другу – старшему преподавателю кафедры археологии, этнологии и музеологии исторического факультета Казахского национального университета им. аль-Фараби в г. Алматы – Бауыржану Бесетаеву.

Наиболее точные аналогии художественным образам голов горных козлов с Бишкульской рукояти даёт звериный стиль декора рукоятей ложечек, вырезанных из кости, найденных опять же в Филипповском курганном могильнике (рис. 6.3), что помогает определить стилистический и культурный контекст декора наверший кинжалов всей серии, похожей на клинок, найденный у с. Ильинское [21, с. 102, рис. 13.1].

В 1994 г., описывая памятники степного Приишимья, кинжал из с. Бишкуль подробно рассмотрела М. К. Хабдулина [19, с. 54–55, табл. 54.2]. Её точка зрения весьма оригинальна и требует комментария. Рассматривая декор рукояти кинжала, найденного у с. Бишкуль (в тексте и подписях к таблицам она называет место находки по-разному: Бесколь, Бишкуль)¹, М. К. Хабдулина предложила идею возможности разной полисемантической трактовки изображений. Она пишет: «Содержание художественных образов, запечатлённых на поверхности навершия, при осмыслении развёртывается в своеобразную сюжетную панораму представлений древних о воинской доблести, храбрости, силе. Изображения центральной части рукоятки, в зависимости от ракурса рассмотрения, имеют множественное прочтение» [19, с. 54]. Первое из них она формулирует сама, называя его чисто орнаментальным: «Изображения на навершии выполнены в традиции зеркальной симметрии. В центре расположены 2 треугольника, острые углы которых выступают над верхним углом навершия. Контуры треугольников подчёркнуты гравировкой. В центре их – по резному кружочку. От треугольников отходят 2 лопасти подпрямоугольной формы, поверхность их заполнена вертикальными и наклонными бороздками. По силуэту навершия идёт рельефный кантик, укра-

шенный насечками по нижнему краю» [19, с. 54].

Затем она принимает точку зрения А. Е. Бекишевой о том, что в навершии кинжала могут читаться и образы летящей совы, и смотрящие в разные стороны головы грифонов с зубастыми пастьми (косые насечки прядей шерсти на теле правого хищника). Не возражает она и против версии Р. Б. Исмагилова, что это могут быть противостоящие фигурки волков, добавляя к этому, что упёршиеся головами друг в друга звери могут быть зайцами – популярным в скифской мифологии образом. Также поливариантно, рассматривая головки горных козлов с рукояти кинжала под разными углами зрения, М. К. Хабдулина трактует их то как головки хищной птицы (принимая завитки рогов за клювы), то как «стилизованные фигуры стоящих на двух ногах животных, с повернутой назад головой» [19, с. 55]. Идеи М. К. Хабдулиной нашли отзыв в художественной трактовке графического воспроизведения данного кинжала и в книге Хабдулиной, и при оформлении изданий материалов Маргулановских чтений, где художник Л. И. Евопова (рис. 5.4) трактовала изображение на рукояти кинжала в абстрактном варианте декора [10, с. 174]. При всём интересе подобного варианта семантического анализа, нельзя согласиться с таким принципом поливариантной трактовки художественных образов анималистического искусства скифской эпохи.

Заключение

Завершая разбор истории изучения кинжала, найденного в 1912 г. у с. Ильинское в Оренбуржье, подчеркнём, что хронологические позиции этого типа клинкового оружия все исследователи, за исключением М. Г. Мошковой, определяют достаточно конкретно – это V–IV вв. до н. э., и в культурном отношении относят его к кругу древностей скифской эпохи. На Южном Урале это время во многом определяется кругом древностей,

¹ В статье Р. Б. Исмагилова в подписях к иллюстрациям встречается даже вариант названия села – Башколь, но это, вероятнее всего, опечатка [9, с. 244].

ставших известными благодаря раскопкам некрополя у с. Филипповки в Оренбуржье. Название этого памятника можно использовать для обозначения как данного исторического периода в истории ранних кочевников Приуралья, так и в обозначении культурного феномена

скифоидного типа социума, для которого яркой особенностью именно в этот период становятся характерными церемониальные мечи и кинжалы с их богатым зооморфным декором.

Дата поступления в редакцию 06.08.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникеева О. В. Ювелирные украшения // Сокровища сарматских вождей. Древности середины I тысячелетия до н. э. из Филипповских курганов на Южном Урале / ред. Л. Никитина. М.: ГМИИ, 2023. 230 с.
2. Бекишева А. Е. Новая находка скифо-сарматского звериного стиля в Северном Казахстане // VI Уральская научная студенческая археологическая конференция: тезисы докладов. Ижевск: ИГУ, 1974. С. 40–41.
3. Евгеньев А. А. История Оренбургской археологии. XVIII – начало XX века. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2018. 364 с.
4. Зуев В. Ю. «Пляшущие человечки» Сапоговского клада // Ad Polus: сб. статей / отв. ред. Г. Н. Грачёва. СПб.: Фарн, 1993. С. 95–102.
5. Зуев В. Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 32 с.
6. Зуев В. Ю. Сарматская концепция М. И. Ростовцева и Прохоровские курганы // Парфянский выстрел / под ред. Г. М. Бонгард-Левина, Ю. Н. Литвиненко. М.: РОССПЭН, 2003. С. 580–604.
7. Зуев В. Ю. Hiatus III в. до н. э. и incident 1963 г. // Уфимский археологический вестник. 2023. Вып. 23. № 2. С. 403–426..
8. Исковский А. Е. «Светописцы Оренбурга» // Гостиный Двор. Альманах. 2010. № 30. С. 15–28.
9. Исмагилов Р. Б. Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // Советская археология. 1980. № 1. С. 219–228.
10. Маргулановские чтения: сб. мат-ов конф. Петропавловск, 1992. 169 с.
11. Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 91 с.
12. Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 56 с.
13. Овчинникова Б. Б., Сумин В. В. Владимир Яковлевич Толмачёв: Судьба археолога // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сб. науч. статей / отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 163–177.
14. Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. С приложениями академика П. К. Коковцова и С. И. Руденко. Петроград: Девятая Гос. Тип., 1918. 81 с.
15. Сафонов Д. А. Возвращение в Россию: судьба научных и культурных ценностей края // Оренбургский край. 1994. № 1. С. 18–36.
16. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 163 с.
17. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 381 с.
18. Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 40 с.
19. Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.
20. Чотбаев А. Вооружение древних кочевников Казахских степей. Астана: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. 197 с.
21. Яблонский Л. Т. Новые необыкновенные находки из кургана 1 могильника Филипповка-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 2. С. 97–108.
22. Ginters W. Das Schwert der Skythen und Sarmaten im Südrussland. Vorgeschichtliche Forschungen. Berlin, 1928. 94 s.
23. Tallgren A. M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr. Karl Hedman à Vasa: chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors, 1917. 99 p. XII Pl.

REFERENCES

1. Anikeeva O. V. [Jewelry]. In: Nikitina L., ed. *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdov. Drevnosti potrebovalos I tsysacheletiya do n. e. iz Filippovskikh kurganov na Yuzhnom Urale* [Treasures of the Sarmatian leaders. Antiquities of the mid-1st millennium BC from the Filippovsky Kurgans in the Southern Urals]. Moscow, GMI Publ., 2023. 230 p.
2. Bekisheva A. E. [New find of the Scythian-Sarmatian animal style in Northern Kazakhstan]. In: *VI Uralskaya nauchnaya studencheskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [VI Ural Scientific Student Archaeological Conference]. Izhevsk, ISU Publ., 1974, pp. 40–41.
3. Evgeniev A. A. *Istoriya Orenburgskoy arkheologii. XVIII – nachalo XX veka* [History of Orenburg archaeology. 18th – early 20th centuries]. Orenburg, Izd. tsentr OGAU Publ., 2018. 364 p.
4. Zuev V. Yu. [“Dancing men” of the Sapogovsky treasure]. In: Gracheva G. N., ed. *Ad Polus*. St. Petersburg, Farn Publ., 1993, pp. 95–102.
5. Zuev V. Yu. *Prokhorovskiy kurgany v Yuzhnom Priural'ye i problemy khronologii rannesarmatskoy kul'tury: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Prokhorovsky mounds in the Southern Urals and the problem of the chronology of the early Sarmatian culture: Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. St. Petersburg, 1998. 32 p.
6. Zuev V. Yu. [Sarmatian concept of M. I. Rostovtsev and Prokhorovsky mounds]. In: Bongard-Levin G. M., Litvinenko Yu. N., eds. *Parfyanskiy vystrel* [Parthian Shot] M.: ROSSPEN Publ., 2003, pp. 580–604.
7. Zuev V. Yu. [Hiatus III century. BC e. and incident of 1963]. In: *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Herald], 2023, iss. 23, no. 2, pp. 403–426.
8. Iskovsky A. E. [“Light writers of Orenburg”]. In: *Gostinyy Dvor. Almanakh* [Gostiny Dvor. Almanac], 2010, no. 30, pp. 15–28.
9. Ismagilov R. B. [Sub-Ural akinaki with a pommel in the form of an eared griffin and a predatory animal]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1980, no. 1, pp. 219–228.
10. *Margulanovskiy chteniya* [Margulanov readings]. Petropavlovsk, 1992. 169 p.
11. Melyukova A. I. *Vooruzheniye skifov* [Armament of the Scythians]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 91 p.
12. Moshkova M. G. *Pamyatniki prokhorovskoy kultury* [Monuments of Prokhorovskaya culture]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. 56 p.
13. Ovchinnikova B. B., Sumin V. V. [Vladimir Yakovlevich Tolmachyov: The fate of an archaeologist]. In: Smirnov N. Yu., ed. *Tvorets kultury. Materialnaya kultura i dukhovnoye prostranstvo cheloveka v svet-skoy arkheologii, istorii i etnografii* [Creator of Culture. Material culture and spiritual space of man in the light of archeology, history and ethnography]. St. Petersburg, IIMK RAN Publ., 2021, pp. 163–177.
14. Rostovtsev M. I. *Kurgannyye nakhodki Orenburgskoy oblasti epokhi rannego i pozdnego ellinizma. S prilozheniyami akademika P. K. Kokovtsova i S. I. Rudenko* [Kurgan finds of the Orenburg region from the era of early and late Hellenism. With applications by academician P. K. Kokovtsov and S. I. Rudenko]. Petrograd, Devyataya Gos. Tip. Publ., 1918. 81 p.
15. Safonov D. A. [Return to Russia: the fate of scientific and cultural values of the region]. In: *Orenburgskiy kray* [Orenburg region], 1994, no. 1, pp. 18–36.
16. Smirnov K. F. *Vooruzheniye savromatov* [Armament of the Sauromats]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Pub., 1961. 163 p.
17. Smirnov K. F. *Savromaty. Rannyya istoriya i kultura sarmatov* [Savromata. Early history and culture of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 381 p.
18. Smirnov K. F., Petrenko V. G. *Savromaty Povolzhya i Yuzhnogo Priuralya* [Savromata of the Volga and Southern Urals]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. 40 p.
19. Khabdulina M. K. *Stepnoye Priishimye v epokhu rannego zheleza* [Steppe Priishimye in the Early Iron Age]. Almaty, Racurs Publ., 1994. 170 p.
20. Chotbaev A. *Vooruzheniye drevnikh kochevnikov Kazakhskikh stepoy* [Armament of the ancient nomads of the Kazakh steppes]. Astana, In-t arkheologii im. A. Kh. Margulana, 2013. 197 p.
21. Yablonsky L. T. [New unusual findings at Filippovka-1 burial mound 1, Southern Urals]. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2015, no. 2, pp. 97–108.
22. Ginters W. *Das Schwert der Skythen und Sarmaten im Südrussland. Vorgeschichtliche Forschungen*. Berlin, 1928. 94 s.

23. Tallgren A. M. *Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr. Karl Hedman à Vasa: chapitres d'archéologie sibérienne*. Helsingfors, 1917. 99 p. XII Pl.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зуев Вадим Юрьевич – кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки, член редколлегии международного журнала «Stratum+. Археология и Культурная антропология»;

e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim Yu. Zuev – Cand. Sci. (History), Laureate of the State Prize of the Russian Federation in the Field of Science, Member of the Editorial Board, International Journal «Stratum+. Archeology and Cultural Anthropology»;

e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зуев В. Ю. Железный кинжал с зооморфным навершием, найденный у с. Ильинское в Оренбуржье // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 151–167.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-151-167

FOR CITATION

Zuev V. Yu. An iron dagger with a zoomorphic tip found near Ilinskoe village in Orenburg region. In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 151–167.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-151-167

УДК 902.3

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-168-181

ДИСКУССИЯ О «ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ФРИГИЙЦАХ» И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Сверчков Л. М.*Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан
100029, г. Ташкент, пр-кт Мустакиллик, д. 2, Республика Узбекистан*

Аннотация

Цель. В последние годы развернулась широкая дискуссия относительно реликтового языка бурушаски, поводом для которой стала гипотеза И. Чашуле. Автор гипотезы определяет бурушаски как индоевропейский, древний балканский язык, очень вероятно, фригийский или родственный ему, хотя не отрицаются его контакты с северокавказскими и енисейскими языками. Оставляя предмет обсуждения на рассмотрение лингвистов, хотелось бы в этой связи привлечь внимание к проблеме происхождения неоднократно упомянутого анонимного центральноазиатского языка-донора и, помимо этого, привести данные генетического исследования киммерийцев, а также носителей карасукской и окуневской культур.

Процедура и методы. Представление о сложнейших исторических передвижениях народов и их культурных контактах могут дать археологические материалы из Центральной Азии. В частности, речь идёт о своеобразной культурно-исторической общности, распространившейся от южно-монгольского степного пояса до провинции Ганьсу, Таримского бассейна и далее на юго-запад до Среднеазиатского междуречья включительно.

Результаты. Археологические и лингвистические исследования показывают, что бурушаски может нести признаки контактов с анонимным языком, возможно, выявленным Г. Хольцером гипотетическим тематическим языком или, точнее, одним из представителей родственных языков, составлявших в глубокой древности некую праязыковую группу и когда-то распространённых на огромной территории от Южной Сибири до Гималаев, от Енисея до Дуная.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования имеют значение для рассмотрения круга вопросов, связанных с процессами этногенеза в Центральной Азии.

Ключевые слова: бурушаски, туры, тохары, юечжи, Кангюй, Самарканд, Фергана, общность лепной расписной керамики, окуневская и карасукская культуры

DISCUSSION ABOUT THE “CENTRAL ASIAN PHRYGIANS” AND ARCHAEOLOGICAL DATA

L. Sverchkov*Institute of Art Studies of Uzbekistan Academy of Sciences
prospect Mustakillik 2, Tashkent 100029, Republic of Uzbekistan*

Abstract

Aim. In recent years there has been a wide discussion about the relict language of Burushaski, the reason for which was the hypothesis of I. Čašule. The author of the hypothesis defines Burushaski as an Indo-European, ancient Balkan language, highly probably Phrygian or related to it, although its contacts with the North Caucasian and Yenisei languages are not denied. Leaving the subject

under discussion to the linguists, this paper draws attention must be drawn to the problem of the origin of the repeatedly mentioned anonymous Central Asian donor language and, in addition, cites the data of the genetic study of the Cimmerians, as well as the carriers of the Karasuk and Okunevo cultures.

Methodology. Archaeological materials from Central Asia can give an idea of the most complex historical movements of peoples and their cultural contacts. In particular, attention is paid to a peculiar cultural-historical community that spread from the southern Mongolian steppe belt to the province of Gansu, the Tarim basin and further southwest to the Central Asian interfluves inclusively.

Results. Archaeological and linguistic studies show that Burushaski may bear signs of contact with an anonymous language, possibly the hypothetical Temematic language identified by G. Holzer or, more precisely, one of the representatives of related languages that constituted in ancient times a certain primordial language group and once spread over a vast territory from South Siberia to the Himalayas, from the Yenisei to the Danube.

Research implications. The results of the study are relevant to the consideration of a range of issues related to the processes of ethnogenesis in Central Asia.

Keywords: Burushaski, Turan, Tocharians, Yuezhi, Kangju, Samarkand, Ferghana, Handmade Painted Pottery unity, Okunevo and Karasuk cultures

Введение

В последние годы всё чаще звучат определения «фригийцы», «фригийский язык» в отношении некоторых древних и современных народов Центральной Азии, их языков или отдельных языковых соответствий. Кажется, первым, кто заметил фригийский вклад в культуру и этногенез Средней Азии, был С. П. Толстов, обративший внимание, что на территории валиковой амирабадской культуры долго, до раннего средневековья, сохраняются элементы, присущие фрако-фригийскому кругу [14, с. 202–203]. Трудно сказать, чем была навеяна эта идея: именем основателя афригидской династии Африг или «фригийскими колпаками» на монетных изображениях правителей Хорезма, но рациональное зерно в этом утверждении, несомненно, присутствует.

Другое упоминание фригийского вклада принадлежит не археологу, а целому сонму лингвистов, определявших позицию тохарских языков в системе индоевропейских связей. Практически все сошлись во мнении о существовании долгого периода особо тесных контактов между носителями тохарского и фригийского или фрако-фригийского языка, отмечается также целый ряд соответствий

с германскими и балто-славянскими языками¹.

Странным образом «фригийцы» оказались на крайнем западе (Хорезм) и крайнем востоке (Тарим) Туркестана, насколько уместным является употребление этого географического термина в отношении столь древних времён. Ещё более странной показалась прозвучавшая недавно идея Л. С. Клейна о фригийцах в Пакистане; по мнению исследователя фригийцы (бхриги) около XII в. до н. э. проникли со Среднего Подунавья в долину Инда². Каким бы экстравагантным ни выглядело предположение Л. С. Клейна, оно получило неожиданное подтверждение в исследованиях известного лингвиста И. Чашуле, хотя, похоже, именно выводы последнего послужили основой для гипотезы Л. С. Клейна.

Предыстория: язык и гены

На протяжении более 20 лет И. Чашуле изучал происхождение и особенности

¹ См. подробнее: Hackstein O. Linguistic and Archaeological Insights on the Migration of the Proto-Tocharians. Masterarbeit zur Erlangung des akademischen Grades Master of Arts (M.A.) München: Ludwig-Maximilians-Universität, 2016.

² Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007. С. 112–113.

загадочного языка бурушаски. Всего носителей этого языка насчитывается около 90 000 чел.; проживают они в глубине горного массива Каракорум в Северо-Западном Пакистане. Выделяются 3 диалекта: в Хунзе, Ясине и Нагаре. Исследователи определяют бурушаски как один из реликтовых языков Евразии гипотетической дене-кавказской (сино-кавказской) макросемьи, поскольку в нём находили вполне отчётливые признаки родства с енисейскими и северокавказскими языками¹. Вопреки общему мнению, И. Чашуле в целом ряде работ пытается доказать индоевропейскую основу бурушаски. Более того, определяет его как «индоевропейский древний балканский язык, очень вероятно, фригийский или родственный ему язык, который очень хорошо сохранил основную лексику и большую часть своей грамматики и который развивался путём креолизации с языком, который ещё предстоит раскрыть»². Помимо этого, отмечены изоглоссы бурушаски с 32 славянскими словами, что, по мнению автора, указывает на заимствования из бурушаски в праславянский язык, и что в далёком прошлом их носители находились в тесном контакте³.

В упорной полемике с приверженцами дене-кавказской (сино-кавказской) теории происхождения бурушаски Дж. Бенгстоном и В. Блажеком⁴ И. Чашуле продолжает отстаивать свою позицию, хотя не отрицает наличие контактов бурушаски с северокавказскими и енисейскими языками⁵. Тем более что гене-

тические исследования по Y-хромосоме 20 образцов в целом свидетельствуют в пользу версии И. Чашуле. Народ бурушаски по генам совершенно отличается от всех 4 групп населения Пакистана, только, в отличие от Л. С. Клейна, авторы связывают происхождение языка и генов бурушаски с завоевательным походом греко-македонских войск Александра в конце IV в. до н. э.⁶.

О чрезвычайном обострении дискуссии по поводу происхождения языка бурушаски свидетельствует появление целого ряда публикаций, в одних он считается вымершим северо-западным индоевропейским языком, подвергшимся креолизации⁷, в других – классическим лингвистическим изолятом, вобравшим в себя несколько слоёв каких-то неизвестных индоевропейских языков⁸. Должным образом все мнения и доводы в пользу той или иной версии были учтены и суммированы в недавней статье Л. Алфиери. Её автор сомневается в индоевропейском происхождении бурушаски, но не исключает воздействия на него в древности какого-то неизвестного индоевропейского языка и признаёт тот факт, «*that in Burushaski there seems to be some ancient IE elements, which however are not compatible with any known IE language, thus they may suggest the existence of an extinct branch of the IE family that preserved the velar stops and the difference between PIE *e, *a, *o in the prehistory of the Karakoram area*» [2, p. 15–16].

Для историков-археологов, особенно тех, кто работает в Средней Азии, дискуссия по поводу бурушаски важна тем, что вновь привлекла внимание к некоему «инородному» компоненту, существо-

¹ См. подробнее: Напольских В. В. Названия соли в уральских языках. СПб.: Маматов, 2022. С. 74–77.

² Čašule I. Evidence for a Burushaski-Phrygian connection // Acta Orientalia. 2014. № 75. P. 3–30.

³ Čašule I. Evidence for the Indo-European and Balkan origin of Burushaski. Munich: Lincom Europa, 2016; Čašule I. Burushaski and unique Slavic isoglosses // Himalayan Linguistics. 2017. № 16-2. P. 1–25.

⁴ Bengston J. D., Blažek V. On the Burushaski Indo-European hypothesis by I. Čašule // Journal of Language relationship. 2011. № 6. P. 25–63.

⁵ Čašule I. The Indo-European origin of the Burushaski language and the Dene-Caucasian hypothesis // Journal of Asian Civilizations. 2022. № 45 (2). P. 75–138.

⁶ Oefner P. J., et al. Genetics and the History of the Samaritans: Y-Chromosomal Microsatellites and Genetic Affinity between Samaritans and Cohanim // Human Biology Open Access PrePrints. 2013. Paper 40. P. 839.

⁷ Hamp E. Comments on Čašule 'Correlation of the of the Burushaski pronominal system with Indo-European // Journal of Indo-European Studies. 2012. № 40.1–2. P. 154–156.

⁸ Там же. P. 162–164.

вавшему в Центральной Азии в древнейшие времена. В данном случае даже не столь важно, насколько бурушаски соответствует критериям индоевропейской семьи. Намного важнее, что благодаря исследованиям И. Чашуле в бурушаски выявляется набор изоглосс, объединяющих его с фригийским и балто-славянскими языками. Когда-то подобное уже прозвучало в отношении тохарских языков, что заставляет видеть в этом факте не случайность, а закономерность. Похоже, выводы лингвистов показывают нам очередное проявление загадочного неизвестного индоевропейского языка, близкого к фригийскому, оставившему свои следы во многих языках и культурах Центральной Азии. И бурушаски здесь не исключение.

Каким образом эти так называемые «фригийцы» оказались в глубинах Азии, были эти группы изначально разрозненными, разновременными или все они осколки некогда единой общности, покажет будущее, а пока хотелось бы привлечь внимание к монументальному и крайне интересному исследованию Г. Хольцера.

В 1989 г. австрийский учёный Г. Хольцер обнаружил в славянских и балтских языках древний индоевропейский субстрат, состоящий из 45 слов и не относящийся ни к одному из ныне известных языков. Автор исследования дал ему название «темематический», датировал время контактов его носителей с балто-славянами приблизительно IX в. до н. э. и, соответственно, связал темематический язык с историческими киммерийцами¹. Ссылаясь на базовые работы известных археологов, Г. Хольцер рассматривает возможный источник темематического языка: срубную культуру (А. И. Тереножкин) или катакомбную и её производные (М. Гимбутас)².

Ф. Кортландт попытался реконструировать темематический язык и пришёл к выводу, что он близок греко-фригийскому праязыку, хотя доказать существование такого трудно. По некоторым особенностям темематический язык похож на тохарский, италийский и анатолийский, в чём-то – на германский. Некоторые черты, вероятно, позднейшего происхождения, объединяют его с дако-албанским языком. Соответственно, автор резонно предположил раннее его отделение от общеиндоевропейского ядра, сразу вслед за итало-кельтскими и германскими. Относительно позиции темематического в кругу родственных языков автор определил его близость к фригийскому³.

В соответствии с традициями классического образования при упоминании фракийцев и киммерийцев поневоле возникают ассоциации со степями Северного Причерноморья, придунайскими и северо-балканскими равнинами. Но, как показывает краткий блестящий обзор Н. А. Николаевой [5], наверное, нет ничего более неблагоприятного в археологии Восточной Европы, чем проблема происхождения киммерийцев. Ситуацию усугубило или, наоборот, прояснило недавнее генетическое исследование образцов эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Киммерийцы, в отличие от представителей срубной и алакульской культур, содержат сибирский генетический компонент, в частности, палеоазиатский и коренных американцев, указывающий на их восточное происхождение. В этом отношении киммерийцы сближаются с представителями карасукской культуры, тем самым подтверждая высказанное ещё в 1972 г. Н. Л. Членовой мнение о существовании карасукско-киммерийской культурно-исторической общности [16]. Та же генетическая линия с характерным компонентом азиатских народов и корен-

¹ Holzer G. Entlehnungen aus einer bisher unbekannten indogermanischen Sprache im Urslavischen und Urbaltischen. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1989. P. 9–12, 177–179, 212–214.

² Там же. P. 215–216.

³ Kortlandt F. An Indo-European substratum in Slavic? // Languages in Prehistoric Europe / ed. by A. Bammesberger, T. Vennemann. Heidelberg, 2003. P. 253, 258–260.

ных американцев восходит к окуневской культуре эпохи бронзы [18, р. 169; 24, р. 4, 8].

Данные генетического анализа по киммерийцам, карасукской и окуневской культурам удивительным образом совпадают с лингвистическими данными по языку бурушаски. Уникальный язык бурушаски несёт признаки контактов с самыми разными языками самых разных языковых семей, соответственно, в смежных группах древнего и древнейшего населения Среднего Востока и Центральной Азии должны сохраниться признаки обратного влияния. Это заставляет нас вновь обратиться к настойчиво повторяющимся свидетельствам присутствия в Центральной Азии некоего загадочного индоевропейского языка, выявленного новейшими исследованиями в области сравнительного языкознания.

Г. Карлинг, отмечая установленный факт отсутствия связей тохарского и общеиндоиранского, рассматривает вопросы контактов тохарского с индоарийским, происходивших, вероятно, не позднее II тыс. до н. э. В результате обнаруживается ряд ранних заимствований и в прототохарский, и в индоиранский/ранний индоарийский (вероятно, и в китайский) из одного и того же неизвестного языка-донора, существовавшего некогда в Центральной Азии [21, р. 52–54, 66].

В известной дискуссии И. М. Дьяконова с Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым приводится китайское слово **lac* «молоко (творог, сыр, масло)», восходящее не к тохарскому, а к древнему общеиндоевропейскому **Grag* «молочный продукт» [2, с. 120; 4, с. 22–23;]. Вероятно, происхождение китайского слова для обозначения молочного продукта также следует объяснить влиянием этого неизвестного языка.

Много раньше Т. Барроу на основании изучения документов III в. из г. Ния – столицы государства Крорайна (Лоулань) – пришёл к выводу о возможности существования в южных областях бассейна

р. Тарим какого-то индоевропейского языка, который настолько близок тохарским, что он условно назвал его третьим «тохарским языком» [20, р. 675].

В раннем (до отделения прабулгарского) пратюркском языке выявлены заимствования из тохарских диалектов, относящиеся, по-видимому, уже к I тыс. до н. э. [3, с. 125–134]. Особо отмечается, что «некоторые же из предполагаемых заимствований в пратюркском языке восходят либо к неизвестному нам диалекту пратохарского, либо к близкородственному индоевропейскому языку» [3, с. 14].

В. В. Напольских также выявляет наличие какого-то неизвестного языка, названного автором «паратохарским». Он обосновывает это тем, что в уральских языках уже после распада прауральского и прафинно-угорского языков наблюдаются заимствования (примерно в первой половине II тыс. до н. э.), «не из прямого предка известных тохарских языков (пратохарского), а из языка, который не оставил живых прямых потомков, но был, по-видимому, близок пратохарскому на ранних стадиях его развития (паратохарского)»¹.

Вполне возможно, что этот же неизвестный язык оставил свой след и в истории Средней Азии. Так, до сих пор невыясненной остаётся этимология имён кушанских правителей Бактрии с характерным суффиксом *-šk-*: Канишка, Хувишка и Васишка². В собственно бактрийском языке его нет, в тохарском – есть, однако иранские этимологии подходят для перечисленных имён лучше³. Изучая китайские письменные источники о родине кушан-юечжи г. Чжао'у, Ю. Йошида тоже говорит о каком-то неизвест-

¹ Напольских В. В. Названия соли в уральских языках. СПб: МАМАТОВ, 2022. С. 38.

² См.: Захаров А. О. К проблеме происхождения юечжей // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М.–Магнитогорск: МаГУ, 2002. С. 447–455.

³ Иванов В. В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религия. М.: Наука, 1992. С. 19.

ном языке, как он предполагает, эфталитском [25, р. 51–52, 61].

До сих пор необъяснённым остаётся происхождение многих географических названий Средней Азии, даже таких известных, как Самарканд, Бухара, Чач (Ташкент). Предпринимаемые попытки были связаны исключительно с иранскими или тюркскими языками, оттого успеха не имели. Происхождение названия «Фергана» не выяснено, хотя В. А. Лившицем предложена его реконструкция: «Написание $\beta ry'n(')k$ в мугских текстах показывает, что древней формой названия области была $*Far(a)gāna$ или $*Fragāna$ »¹. Может быть, специалистам стоит обратить внимание на самоназвание фригийцев – бхриги ($bhryges$) с начальным придыхательным bh ². Насколько оно соответствует согдийскому $\beta ry'n'k$ или $\beta ry'nk$ – Фергана, ферганский?³

Пример Ферганы вообще очень показательен не только с точки зрения лингвистики, но и с позиций археологии. Долгое время историю долины рассматривали как некий обособленный остров со своеобразной культурой, в отрыве от юго-западных соседей и, в силу тех или иных причин, восточных. В археологии Ферганской долины, как в зеркале, отразилась главная историческая закономерность исторического развития Средней Азии, заключающаяся в симбиозе двух народов, двух культур и, соответственно, биполярности двух хозяйственных укладов – земледельческого и скотоводческого. В эпоху поздней бронзы и раннего железа в Фергане взаимодействовали земледельческая чустская культура и скотоводческая кайракумская, около середины I тыс. до н. э. – эйлатанская и

актамская, затем вплоть до раннего средневековья – шурабашатская и кугай-карабулакская.

История и археология

В эпоху поздней бронзы и раннего железа на огромном пространстве от Таримского бассейна в Синьцзяне до Южного Афганистана и Северо-Восточного Ирана распространяется общность культур лепной расписной керамики, наступает так называемый *период варварской оккупации*. Название общепринятое, но крайне неудачное, поскольку процент посуды с росписью обычно крайне низок (2–3%), в среднем около 10%, в Таримском бассейне процент её обычно выше. В Ферганской долине – это, как сказано выше, чустская культура; в Ташкентской области – бургулюкская; в Южном Узбекистане, Южном Туркменистане и Северо-Восточном Иране – культура Яз-I; в Центральном Узбекистане, в долинах рек Зарафшан, Кашкадарья – без названия, просто «памятники типа Яз-I».

В период между 1500 и 1000 гг. до н. э. ареал распространения общности лепной расписной керамики достигал максимума, занимая на юге земли, опустевшие после ухода носителей Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК). До 1500 г. до н. э. БМАК занимал относительно узкую широтную полосу от Северо-Восточного Ирана до Северного Афганистана, северным краем лишь незначительно захватывая самые южные районы Средней Азии. После 1500 г. до н. э. областями, не занятыми культурами расписной керамики, остались безлюдные просторы знаменитых среднеазиатских пустынь, Большой Хорезм и степи Казахстана, где в то время распространились восточноиранские постандроновские культуры. Особо следует подчеркнуть, что общность лепной расписной керамики по всем признакам кардинально отличается как от северных, степных культур, так и южных, бактрийских, возникших на основе Бактрийско-

¹ Лившиц В. А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб: Филол. ф-т СПбГУ, 2008. С. 93–94.

² Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007. С. 110.

³ Согдийские документы с горы Муг. Вып. III. Хозяйственные документы / пер. М. Н. Боголюбова, О. И. Смирновой. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 103.

Маргианского археологического комплекса.

Около 1000 г. до н. э. культура Яз-I откатывается на север, оставляя свои поселения, территорию Афганистана и юг Средней Азии занимает центрально-иранская авестийская культура Яз-II. В Узбекистане последняя зафиксирована только в самой южной, Сурхандарьинской, области [12]. Условная граница двух культур – Яз-II и расписной керамики – пролегла по отрогам Гиссарского хребта, т. е. там же, где много лет спустя Греко-Бактрия, а затем Кушанская империя граничили с Согдианой. Примерно на этом рубеже долгое время происходило историческое соперничество двух политических титанов Среднего Востока – Ирана и Турана. Память об общем культурно-историческом пространстве под названием Туран, существовавшем в то время, сохранилась в дошедших до нас ранних частях священной книги «Авеста» и позднем поэтическом собрании древних сказаний «Шахнаме» Фирдоуси.

В «Авесте»¹ отражён захват царём Турана Франграсьяном (Афрасиабом) всей страны ариев – «Арьянэм-Вайчах». Афрасиаб даже проводил строительные работы в Сеистане, в т. ч. возле легендарного оз. Хамун². Это полностью подтверждается данными археологии: и географией культуры расписной керамики, и материалами Яз-I из нижних слоёв городища Нади-Али в Сеистане. Стоит сказать, что Сеистан в зороастрийской традиции имеет особое значение, а руины Нади-Али близ впадения р. Хильменд в оз. Хамун считаются столичным центром «Арийского простора»³. Возможно,

с тех времён в Афганском Белуджистане на юго-востоке Иранского нагорья сохранилось название Туран, упоминавшееся в раннесасанидское время. Во всяком случае, в известном поселении Мундигак в Афганском Белуджистане материалы Яз-I представлены неплохо.

Центральной областью Турана под названием Кангха или Канг видится долина Заравшана, где издревле располагался главный коммуникационный узел Центральной Азии. Здесь находятся 2 крупных памятника культуры лепной расписной керамики – городище древнего Самарканда Афрасиаб (нижний слой) и городище Коктепа (нижние слои) в 25 км к северу от Самарканда⁴. Из них Коктепа площадью только в пределах оборонительных стен 17 га уверенно может претендовать на столицу Турана – г. Канг.

Во избежание недоразумений следует ещё раз напомнить, что в Среднеазиатском междуречье, в отличие от казахстанских степей, никогда не было чего-либо наподобие курганов Аржан и Пазырык. Можно говорить о скифской культуре на удалённых окраинах Средней Азии – в низовьях Сырдарьи (Большой Хорезм) или о скифо-сакских материалах Памира, близких хотано-сакским, но классической скифской триады, как в Казахстане, мы нигде в Средней Азии не видим.

Где-то в V в. до н. э. Иран, точнее, Ахеменидская империя существенно потеснила Туран, захватив все северные территории вплоть до Сырдарьи. Культуры лепной расписной керамики остались в Ташкентской области, Ферганской долине и, разумеется, Синьцзяне. Столичные центры Коктепа и Афрасиаб были захвачены и подвергнуты реконструкции. Скорее всего, новый центр Турана вынужденно переносится на правобережье Сырдарьи, на территорию Большого Ташкента. Однако уже в 329–328 гг. до н. э.

¹ Результаты скрупулёзного анализа такой крайне неблагодарной темы, как география «Авесты», детально изложены в замечательной работе: Ходжаева Н. Д. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. Душанбе: Дониш, 2017. С. 198–263.

² История таджикского народа. Т. I. Древнейшая и древняя история. Душанбе: Суруш, 1998. С. 243.

³ Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland. Naples: Istituto universitario orientale in Naples. 1980. P. 129–136;

Gnoli G. Avestan Geography // Encyclopædia Iranica. Vol. III. London, New York, 1989, pp. 46.

⁴ Исамиддинов М. Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент: Фан, 2002. 42 с.

все известные памятники ахеменидского времени Средней Азии были жесточайшим образом разрушены греко-македонскими войсками. На стороне Александра выступили союзники из числа жителей приаксартских областей. Об этом свидетельствуют не только сумбурные данные классических источников, но и находки лепных и расписных сосудов ферганского эйлатано-актамского типа в одном слое с раннеэллинистической керамикой [10; 11; 13].

С окончанием Селевкидского периода около середины III в. до н. э., задолго до «юечжийского штурма» Греко-Бактрии в центральные области Средней Азии проникают восточноиранские племена. На юге они остановились на линии отрогов Гиссарского хребта, в Ташкентской области древняя бургулюкская культура поглощается сарматоидной Каунчи. Приблизительно с этого времени восстанавливается древнее название политического центра Турана области Кангха, прозвучавшее в китайской транскрипции II в. до н. э. (около 128 г. до н. э.) как Кангюй или Канцзюй¹. С тех пор и вплоть до наших дней название Кан (*Kang*) в китайской традиции связано исключительно с Самаркандом и собственными именами выходцев из него.

Прямая генетическая линия Турана сохранилась только в Ферганской долине с её биполярной системой культур шурабашат-кутай-карабулак, в Южном Синьцзяне, Западном Ганьсу и Северном Цинхае, где, несомненно, существовал аналогичный земледельческо-скотоводческий и этнический симбиоз. Если в бассейне Тарима издревле господствовала тохарская культура лепной расписной керамики, то предгорья Восточного Тянь-Шаня в X–II вв. до н. э. занимали

носители баркольской культуры (*Barkol Culture*), уверенно отождествляемые китайскими исследователями с этническими юечжами².

Во II в. до н. э. из Ганьсу, вовлекая в общий процесс восточноиранские племена, выплеснулась особо мощная миграционная волна, приведшая на престол Кушанской Бактрии юечжийскую династию с её не тохарскими и не бактрийскими непереводаемыми именами Канишка, Хувишка и Васишка.

Как последних прямых потомков древних туров можно перечислить загадочных кидаритов (сяо юечжи), хионитов и эфталитов, очередных врагов Ирана, только уже Сасанидского, но это тема отдельного исследования. В дальнейшем эстафету войн с Ираном после недолгого союза переняли тюрки, заимствовав в несколько искажённом виде название страны Туран и народа, её населявшего, но не язык.

Язык туров не был и иранским: ни само название туры, ни имя Франграсьян (Афрасиаб) не имеют иранской этимологии [6, с. 232–233]. Судя по «Гимну Хварно» «Авесты», когда царь Турана Франграсьян, ругаясь, переходил на родной язык, арии совершенно ничего не понимали и воспринимали его речь как абракадабру³. В то же время никак не получается признать туранский язык тохарским, можно лишь предполагать их относительно близкую взаимосвязь. Так, в эпическом сказании «Шахнаме» на стороне туров выступает персонаж по имени Тохар. В одной части «Книге царей» он – хитроумный советник сына Сиавуша Форуда, возглавлявшего туранское войско

¹ В этой связи самого пристального внимания заслуживает перевод с тохарского В слова *'kaciye'* – 'country, land' [Adams D. Q. A Dictionary of Tocharian B. Revised and Greatly Enlarged Edition. 2 vols. Leiden: Brill, 2013. P. 144, 203] как возможное свидетельство туро-тохарского единства.

² Wei Lanhai Li Hui & Xu Wenkan. The separate origins of the Tocharians and the Yuezhi: Results from recent advances in archaeology and genetics // Tocharian texts in context. International conference on Tocharian manuscripts and Silk Road culture held June 26–28, 2013 in Vienna / ed. by M. Malzahn, et al. Vienna, 2013, pp. 282–285. Fig. 1.

³ Авеста. Избранные гимны. Яшт 19, VIII: 1 / пер. с авестийского И. М. Стеблин-Каменского. Душанбе: Адиб, 1990. С. 138.

против Кей-Хосрова, в другой Тохар – владетель Дехистана¹.

Таким образом, нет необходимости связывать появление признаков фригийского языка в Центральной Азии с потомками воинов Александра, поскольку признаки эти имеются там, где даже греческого влияния никогда не было. Возможно, более благодарной смотрится теория близкого к фригийскому «темематического» языка, который и мог послужить тем самым анонимным донором для всех своих многочисленных соседей. С учётом обширной территории, где имеются проявления контактов с неизвестным языком, вероятно, речь идёт даже не о каком-то отдельном языке, а, скорее, об одной из древнейших языковых групп индоевропейской семьи. Можно ли считать эту группу отдельной ветвью общей семьи, предстоит решать специалистам. Для археологов более важным является ответ на вопрос, каким образом эти так называемые центральноазиатские фригийцы сумели приобрести такой весьма специфичный набор контактов – от северокавказских народов до палеоазиатских, и не только.

С точки зрения среднеазиатской археологии мнение автора уже высказано: юго-западный импульс, достигший около 2 400 г. до н. э. Южной Сибири, отражён и в археологическом материале, и в антропологическом, и в замечательных наскальных изображениях окуневской культуры [8, с. 178–180; 9].

Начало начал усматривается в материалах раскопок первого в мире катакомбного могильника халафской культуры, в недрах которой зародилась и около середины IV тыс. до н. э. сформировалась культура чёрно-серой керамики Северо-Восточного Ирана и Юго-Западного Туркменистана. По имени знаменитого клада она называется астрабадской и всегда существовала в тесном союзе с анауской культурой расписной керамики Намаз-

га III–IV. Присущий этому альянсу биполярный земледельческо-скотоводческий симбиоз нагляднее всего представлен на памятниках Шахри-Сохте [15; 19] и Акдепе [7, с. 91–92]. Особенно примечательно в Шахри-Сохте сочетание типичных для анауской культуры сырцовых склепов-цист и ям с астрабадскими катакомбами в одном и том же могильнике [23]. В начале III тыс. до н. э. на поселении процветала металлургия мышьяковистых бронз тигельным способом, причём переработка меди осуществлялась более прогрессивным методом, чем где бы то ни было на Среднем Востоке [22].

О теснейших контактах астрабадской культуры и соседней северокавказской куро-аракской сказано немало, как и о признаках сначала постепенного проникновения, а в начале III тыс. до н. э. взрывного переселения в северо-восточном направлении. Ярким отражением миграции стали появление в Китае яркой культуры Луншань, внезапный расцвет металлургии бронзы, появление зачатков письменности, традиционной гадательной практики и, самое главное, уже культивированных пшеницы и ячменя, а также коров, коз и овец. На этом фоне ареал окуневской культуры, как и её преемницы карасукской, представляет собой не более чем дальнюю северную периферию общего культурного пространства, центр которого, судя по всему, находился в уже упомянутых в связи с юечжами провинциях Ганьсу и Цинхай². Однако принцип сочетания в погребальной практике цист, правда, не из сырцовых кирпичей, а из камня, а также катакомбных захоронений в окуневской культуре неуклонно соблюдался, причём катакомбные погребения на ранних этапах преобладают.

² При всём скепсисе в отношении китайских письменных источников в них можно почерпнуть информацию о турах в привязке к северу провинции Ганьсу и происхождении названия Дуньхуан (см. лингвистический анализ: Voikov T.h. Some ancient Chinese names in East Turkestan, Central Asia, and Tocharian question [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/> (дата обращения: 06.11.2023).

¹ Фирдоуси / пер. Ц. Б. Бану-Лахути. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. II: 26. С. 388–407; Т. III: 26. С. 356, 461.

Вместе с более лёгкими на подъём скотоводами – носителями «неизвестного языка» (или в массе своей немногим позднее) пришли земледельцы-протохары, облюбовавшие по соседству бассейн Тарима. Конечно, в анналы индоевропейстики уже вошло решение о признании протохарами афанасьевской культуры, и было бы очень радостно найти этому хоть одно археологическое подтверждение¹. Но, к превеликому сожалению, пока можно видеть предтечу культур лепной расписной керамики Синьцзяна только в анауской культуре юго-запада. Причём от эпохи позднего энеолита до раннего средневековья отличительной чертой альянса тохаров и «центрально-азиатских фригийцев» было настолько тесное переплетение, что по письменным источникам практически невозможно отличить одних от других. Так было в случае с тохарами и юечжи, так было и в случае с их предшественниками турами, где материальная культура относится, по сути, к пратохарской общности лепной расписной керамики, а имена и язык – к «фригийским» или, может быть, гипотетическим тематическим.

Вполне вероятно, что благодаря этому якобы «фригийскому» языку станет возможен перевод надписей «неизвестным письмом», во множестве обнаруженных в Бактрии как раз после «юечжийского штурма», хотя древнейший образец этого письма зафиксирован на серебряном блюде в знаменитом кургане Иссык конца IV в. до н. э. [1, с. 33–36]. Невнятные сведения о находках неизвестного письма поступали также из Ферганской долины, но потом они были отнесены то к арамейским, то к кхароштни, то к тюркским руническим. Возможно также, что получится, наконец, выяснить этимологию имён кушанских царей и суффикса *-лк-*,

а также имён собственных, принадлежащих кидаритам, хионитам и эфталитам.

Заключение

Как представляется, бурушаски может нести признаки контактов с анонимным языком, возможно, с тем самым выявленным Г. Хольцером гипотетическим тематическим языком или, точнее, одним из представителей родственных языков, составлявших в глубокой древности некую праязыковую группу и когда-то распространённых на огромной территории от Южной Сибири до Гималаев, от Енисея до Дуная. Набор контактов этого «неизвестного языка» намного обширнее, чем у тохарских, однако предки их всегда и во все времена жили в очень тесном союзе. По данным археологии Средней Азии, истоки их союза усматриваются в Северо-Восточном Иране и Юго-Западном Туркменистане, где произошло своего рода слияние анауской земледельческой и астрабадской скотоводческой культур.

В эпоху бронзы они продолжили своё сосуществование уже в Центральной Азии, по соседству и в прямом контакте с лесными охотниками-собирающими – носителями палеоазиатских языков. Своеобразный набор генов последовательно отразился в представителях окуневской культуры и карасукско-киммерийской общности, на те же признаки указывают лингвистические особенности бурушаски. Вероятно, ядро якобы «фригийского» анонимного языка располагалось традиционно вместе с тохарскими – на юге Синьцзяна, западе Ганьсу и севере Цинхая, включая южномонгольский степной пояс на севере, т.е. в исконных землях «больших юечжи».

Здесь вследствие юго-западного импульса, задолго до сложения андроновской культуры, впервые в истории Центральной Азии появляется сам принцип скотоводческого типа хозяйства с присущим ему укладом жизни, высокой мобильностью и воинственной психологией. Это во многом предопределило

¹ Последние генетические исследования полностью опровергли афанасьевское присутствие в Таримском бассейне (См: Fan Zhang, et al. The genomic origins of the Bronze Age Tarim Basin mummies // Nature. 2021. P. 256–272).

ход исторических процессов в Евразии, сопровождавшийся периодическими всплесками из нестабильной зоны разноязычных племенных групп в западном и юго-западном направлениях. Со временем сменялись этносы, но сам образ жизни и суровые условия окружающей среды толкали их на запад, для примера достаточно вспомнить киммерийцев, скифов, сарматов, гуннов, тюрков, монголов.

На юго-западном направлении, в Средней Азии, общность лепной расписной керамики и её распространение относится ко времени существования политического образования Туран, где вновь проявился тохаро-туранский симбиоз при явном, судя по именам и топонимам, языковом доминировании последнего. Конечно, неверно называть туранский язык «фригийским», но отнести его к неоднократно замеченному «анонимному языку-донору» (не исключено, из группы темематических) вполне возможно. Показательно, что аналогичная ситуация сложилась и в юечжийско-кушанский период, когда страна с ираноязычным населением стала называться Тохаристан, а владельцы – кушанами с именами «неизвестного» происхождения. Как представляется, этнические юечжи II в. до н. э. являлись далёкими потомками создателей окуневской и карасукской культуры, как, возможно, и кидарито-эфталитские племена – потомками самих юечжи.

Где-то со II в. до н. э. по VI–VII вв. н. э. горные селения Каракорума, в отличие от жителей афганского Нуристана (Кафиристана), отнюдь не были изолированы от внешнего мира. На рубеже нашей эры вдоль р. Инд, в т. ч. через селения бурушаски, пролегал торговый маршрут, по которому из Сериндии поступали чрезвычайно высоко ценившиеся в Римской империи товары – шёлк и лучшая в известном мире сталь. Многочисленные паломники и отдельные посольства, в конце концов, само распространение буддизма на территорию Китая оставили самые невероятные по количеству следы в виде наскальных изображений в Северном Пакистане¹ и не менее невероятное этническое и генетическое разнообразие древнего населения Ладака в Северо-Западной Индии².

Всё вышесказанное не в меньшей, а то и большей степени относится к территории Среднеазиатского междуречья, где с древнейших времён осуществлялись многочисленные контакты между представителями самых разных языковых семей, рас, культур и религий. В каком-то смысле этот процесс продолжается и поныне, отражая главную закономерность исторического развития Средней Азии, как бы она не называлась – Туран, Мавераннахр или Туркестан.

Дата поступления в редакцию 30.09.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Вертоградова В. В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе (проблемы дешифровки и интерпретации). М.: Восточная литература, 1995. 159 с.
2. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. К проблеме прапродины носителей родственных диалектов и методам её установления (по поводу статей И. М. Дьяконова в ВДИ, 1982, № 3 и 4) // Вестник древней истории. 1984. № 2. С. 107–122.
3. Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М.: Восточная литература РАН, 2007. 226 с.
4. Дьяконов И. М. О прапродине носителей индоевропейских диалектов. II // Вестник древней истории. 1982. № 4. С. 11–25.

¹ См.: Antiquities of Northern Pakistan. Reports and studies. Vol. 1–5 / K. Jettmar, ed. Verlag Philipp von Zabern. Mainz, 1989–2004.

² Rowold D. J., et al. Ladakh, India: the land of high passes and genetic heterogeneity reveals a confluence of migrations // European Journal of Human Genetics. 2016. № 24. P. 442–449.

5. Николаева Н.А. К начальной истории киммерийцев // Этнокультурное развитие Ближнего Востока в IV–I тысячелетиях до н.э.: мат-лы науч. конф. М.: ИВ РАН, 2017. С. 80–88.
6. Пьянков И. В. Жуны и ди, аримаспы и амазонки (к вопросу о дальневосточном импульсе в истории евразийских степей конца II – I тыс. до н. э.) // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. 2006. Т. II. С. 215–238.
7. Сарияниди В. И. Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы // Первообытный Туркменистан. Ашхабад: Ылым, 1976. С. 82–111.
8. Сверчков Л. М. Тохары: древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент: SMI-ASIA, 2011. 240 с.
9. Сверчков Л. М. К вопросу о происхождении и распространении катакомбного способа захоронения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: мат-лы междунауч. конф. Кн. 2 / ред. В. А. Алёшкин и др. СПб.: Периферия, 2012. С. 287–293.
10. Сверчков Л. М. Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана. Ташкент: SMI-ASIA, 2013. 188 с.
11. Сверчков Л. М., У Син, Бороффка Н. Городище Кизылтепа (VI–IV вв. до н. э.): новые данные // Scripta antiqua: вопросы древней истории, филологии и материальной культуры. Альманах. Т. 3 / гл. ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2013. С. 31–74.
12. Сверчков Л. М., Бороффка Н. Период Яз II: этапы и хронология // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. 2015. Т. III. С. 567–582.
13. Сверчков Л. М., У Син. Храм огня V–IV вв. до н. э. Кизылтепа // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии и материальной культуры. Альманах. Т. 8. / гл. ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2019. С. 96–128.
14. Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948. 352 с.
15. Тоси М. Сеистан в бронзовом веке – раскопки в Шахри-Сохте // Советская археология. 1971. № 3. С. 15–30.
16. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.
17. Alfieri L. Is Burushaski an Indo-European Language? On a Series of Recent Publications by Professor Ilija Čašule // Journal of Indo-European Studies. 2020. № 48.1–2. P. 1–22.
18. Allentoft M. E., et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522. P. 167–183.
19. Biscione R. Dynamics of an early South Asian urbanization: First Period of Shahr-i Sokhta and its connections with Southern Turkmenia // South Asian Archaeology. Papers from the First International Conference of South Asian Archaeologists held in the University of Cambridge. London, 1973. P. 105–118.
20. Burrow T. Tokharian Elements in the Kharosthi Documents from Chinese Turkestan // Journal of the Royal Asiatic Society. 1935. Vol. 67. Iss. 4. P. 667–675.
21. Carling G. Appendix to Mair. Proto-Tocharian, Common Tocharian, and Tocharian – on the value of linguistic connections in a reconstructed language // Journal of Indo-European. 2005. № 50. P. 47–70.
22. Hauptmann A., Rehren T., Schmitt-Strecker S. Early Bronze Age copper metallurgy at Shahr-I Sokhta (Iran), reconsidered // Der Anschnitt. Beiheft 16. Man and Mining – Mensch und Bergbau. Studies in honour of Gerd Weisgerber on occasion of his 65th birthday. Bochum, 2003, pp. 197–213.
23. Tosi M., Piperno M. The Graveyard of Šahr-e Sūxteh (A presentation of the 1972 and 1973 campaigns) // Proceedings of the IIIrd Annual Symposium on Archaeological Research in Iran. Tehran: Iranian Centre for Archaeological Research, 1975. P. 121–141.
24. Unterländer M., et al. Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe // Nature Communications. DOI: 10.1038/ncomms14615.
25. Yoshida Y. On the Origin of the Sogdian Surname Zhaowu and Related Problems // Journal Asiatique. 2003. № 1–2. P. 35–67.

REFERENCES

1. Vertogradova V. V. *Indiyskaya epigrafika iz Kara-tepe v Starom Termeze (problemy deshifrovki i interpretatsii)* [Indian epigraphy from Kara-Tepe in Old Termez (problems of decipherment and interpretation)]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1995. 159 p.

2. Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. [On the problem of the ancestral homeland of speakers of related dialects and methods of establishing it (regarding the articles of I. M. Dyakonov in VDI, 1982, no. 3–4)]. In: *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of ancient history], 1984, no. 2, pp. 107–122.
3. Dybo A. V. *Lingvisticheskiye kontakty rannikh tyurkov: leksicheskiy fond: pratyurkskiy period* [Linguistic contacts of the early Turks: lexical fund: the Proto-Turkic period]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2007. 226 p.
4. Dyakonov I. M. [About the ancestral home of speakers of Indo-European dialects. II]. In: *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of ancient history], 1982, no. 4, pp. 11–25.
5. Nikolaeva N. A. [On the initial history of the Cimmerians]. In: *Etnokulturnoye razvitiye Blizhnego Vostoka v IV–I tysyacheletiyakh do n. e.* [Ethnocultural development of the Middle East in the 4th–1st millennia BC]. Moscow, IV RAS Publ., 2017, pp. 80–88.
6. P'iankov I. V. [The Jung and the Di, the Arimaspoi and the Amazons (on the Far Eastern impulse in the history of the Euro-asian steppes within the late 2nd–1st millennia B.C.)]. In: *Zapiski Vostochnogo ot-deleniya Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva. Novaya seriya. T. II* [Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society. New episode. T. II]. St. Petersburg, Petersburg Oriental Studies, 2006, pp. 215–238.
7. Sarianidi V. I. [Material culture of Southern Turkmenistan during the Early Bronze Age]. In: *Pervobytnyy Turkmenistan* [Primitive Turkmenistan]. Ashgabat, Ylym Publ., 1976, pp. 82–111.
8. Sverchkov L. M. *Tokhary: drevniye indoyevropeytsy v Tsentralnoy Azii* [Tocharians: ancient Indo-Europeans in Central Asia]. Tashkent, SMI-ASIA Publ., 2011. 240 p.
9. Sverchkov L. M. [On the issue of the origin and spread of the catacomb burial method]. In: Alyokshin V. A., ed. *Kul'tury stepnoy Yevrazii i ikh vzaimodeystviye s drevnimi tsivilizatsiyami*. Kn. 2 [Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations. Book 2]. St. Petersburg, Periferiya Publ., 2012, pp. 287–293.
10. Sverchkov L. M. *Kurganzol – krepost Aleksandra na yuge Uzbekistana* [Kurganzol – Alexander's fortress in the south of Uzbekistan]. Tashkent, SMI-ASIA Publ., 2013. 188 p.
11. Sverchkov L. M., Wu Sin, Boroffka N. [The ancient settlement of Kizyltepa (VI–IV centuries BC): new data]. In: Bukharin M. D., ed. *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii i materialnoy kul'tury. Almanakh. T. 3* [Scripta antiqua. Questions of ancient history, philology and material culture. Almanac. Vol. 3]. Moscow, Sobranie Publ., 2013, pp. 31–74.
12. Sverchkov L. M., Boroffka N. [Period of Yaz-II: stages and chronology]. In: *Zapiski Vostochnogo ot-deleniya Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva. Novaya seriya. T. III* [Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society. New episode. Vol. III]. St. Petersburg, Contrast Publ., 2015, pp. 567–582.
13. Sverchkov L. M., Wu Sin [The Temple of Fire V–IV B.C. Kyzyltepa]. In: Bukharin M. D., ed. *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii i materialnoy kul'tury. Almanakh. T. 8* [Scripta antique: Questions of ancient history, philology and material culture. Almanac. Vol. 8]. Moscow, Sobranie Publ., 2019, pp. 96–128.
14. Tolstov S. P. [Ancient Khorezm. Experience in historical and archaeological research]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1948. 352 p.
15. Tosi M. [Seistan in the Bronze Age – excavations in Shahri-Sokhta]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1971, no. 3, pp. 15–30.
16. Chlenova N. L. *Khronologiya pamyatnikov karasukskoy epokhi* [Chronology of monuments of the Karasuk era]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 248 p.
17. Alfieri L. Is Burushaski an Indo-European Language? On a Series of Recent Publications by Professor Ilija Čašule. In: *Journal of Indo-European Studies*, 2020, no. 48.1–2, pp. 1–22.
18. Allentoft M. E., et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia. In: *Nature*, 2015, vol. 522, pp. 167–183.
19. Biscione R. Dynamics of an early South Asian urbanization: First Period of Shahr-i Sokhta and its connections with Southern Turkmenia. In: *South Asian Archaeology. Papers from the First International Conference of South Asian Archaeologists held in the University of Cambridge*. London, 1973. P. 105–118.
20. Burrow T. Tokharian Elements in the Kharosthi Documents from Chinese Turkestan. In: *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1935, vol. 67, iss. 4, pp. 667–675.

21. Carling G. Appendix to Mair. Proto-Tocharian, Common Tocharian, and Tocharian – on the value of linguistic connections in a reconstructed language. In: *Journal of Indo-European*, 2005, no. 50, pp. 47–70.
22. Hauptmann A., Rehren T., Schmitt-Strecker S. Early Bronze Age copper metallurgy at Shahr-I Sokhta (Iran), reconsidered. In: *Der Anschnitt. Beiheft 16. Man and Mining – Mensch und Bergbau. Studies in honour of Gerd Weisgerber on occasion of his 65th birthday*. Bochum, 2003, pp. 197–213.
23. Tosi M., Piperno M. The Graveyard of Šahr-e Sūxteh (A presentation of the 1972 and 1973 campaigns). In: *Proceedings of the IIIrd Annual Symposium on Archaeological Research in Iran*. Tehran: Iranian Centre for Archaeological Research, 1975, pp. 121–141.
24. Unterländer M., et al. Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe. In: *Nature Communications*. DOI: 10.1038/ncomms14615
25. Yoshida Y. On the Origin of the Sogdian Surname Zhaowu and Related Problems. In: *Journal Asiatique* 291, 2003, no. 1–2, pp. 35–67.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сверчков Леонид Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан;
e-mail: lsverchkov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonid M. Sverchkov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Art Studies, Uzbekistan Academy of Sciences;
e-mail: lsverchkov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сверчков Л. М. Дискуссия о «центральноазиатских фригийцах» и археологические данные // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 168–181.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-168-181

FOR CITATION

Sverchkov L. M. Discussion about the “Central Asian Phrygians” and archaeological data. In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 168–181.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-168-181

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

УДК 902.2

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-182-196

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ПОЛУОСТРОВА АБРАУ

Малышев А. А.¹, Клемешов А. С.²

¹ Институт археологии Российской академии наук
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация

² Государственный университет просвещения
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть развитие экспедиционной научно-исследовательской деятельности на полуострове Абрау (Краснодарский край).

Процедура и методы. Характеристика деятельности археологических экспедиций, изучавших древности полуострова Абрау, дана на основе анализа публикаций и архивных материалов, в т. ч. научных отчётов экспедиций.

Результаты. Прослежены основные этапы и результаты изучения древностей полуострова Абрау силами археологических экспедиций второй половины XIX – начала XXI вв. Дана характеристика деятельности Синдской, Новороссийской археологических экспедиций, экспедиции МОПИ им. Н. К. Крупской, археологических исследований сотрудников Анапского и Новороссийского музеев.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты проведённого исследования имеют значение для разработки курсов истории отечественной археологии, характеристики истории изучения древностей полуострова Абрау и Краснодарского края в целом.

Ключевые слова: полуостров Абрау, Синдская археологическая экспедиция, Новороссийская археологическая экспедиция, Горгиппия, Анапско-Натухаевская долина

Благодарности. Работа выполнена в рамках плановой темы Института археологии РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

TO THE HISTORY OF THE STUDY OF ARCHAEOLOGICAL ANTIQUITIES OF THE ABRAU PENINSULA

A. Malyshev¹, A. Klemeshov²

¹ *Institute of Archaeology of Russian Academy of Science
ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow 117292, Russian Federation*

² *State University of Education
ul. Very Voloshinoy 24, Mytishci 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the development of expeditionary research activities on the Abrau Peninsula (Krasnodar Krai, Russian Federation).

Methodology. Characteristics of the activities of archaeological expeditions that studied the antiquities of the Abrau Peninsula are given on the basis of analysis of publications and archival materials, including scientific reports of the expeditions.

Results. The article traces the main stages and results of the study of the Abrau Peninsula antiquities by archaeological expeditions of the second half of the 19th – early 21st centuries. The article describes the activities of the Sinda and Novorossiysk archaeological expeditions, the MRPI named after N. K. Krupskaya expedition, and archaeological research by the staff of the Anapa and Novorossiysk museums.

Research implications. The results of the generalised study are relevant for the development of courses on the history of national archaeology, the characterisation of the history of the study of the Abrau Peninsula antiquities and the Krasnodar Territory as a whole.

Keywords: Abrau Peninsula, Syndic Archaeological Expedition, Novorossiysk Archaeological Expedition, Gorgippia, Anapsko-Natukhaevskaya Valley

Acknowledgments. The work was carried out within the framework of the planned theme of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences "The Black Sea and Central Asian periphery of the ancient world and nomadic communities of Eurasia: at the crossroads of cultures and civilisations" (No. NIOCTR 122011200269-4).

Введение

Полуостров Абрау в силу своего географического положения находится, с одной стороны, на черноморском побережье Кавказа, с другой, – в предгорной зоне Северо-Западного Кавказа. На северо-западных отрогах Большого Кавказского хребта с севера он ограничен долиной р. Котламы, с востока – Маркотхским хребтом, с юга и запада – Чёрным морем.

Географически выделяется 2 региона – северный и южный. Доступ в регион из северных степных пространств осложняют не только горные массивы, но и обширные (ок. 12 км²) Анапские плавни. Если верить материалам палеоботанических исследований [20, с. 19–50], в Анапско-Натухаевской долине на протяжении

тысячелетий господствовал лесостепной ландшафт. Вариация высот в пределах 10–200 м позволяла использовать данные пространства для зимовки или как убежище в случае военной опасности.

Формирование антропогенного ландшафта долины издавна происходило за счёт многочисленных курганных насыпей, которые связаны в большей мере с погребальной традицией степного кочечевого населения. Судя по изученным захоронениям под курганными насыпями, проникновение в регион носителей степных культур началось ещё в эпоху энеолита [13, с. 134–138]. Помимо кочевников-мигрантов, в регионе постоянно присутствовало аборигенное население предгорий, для погребальных традиций

которого характерно широкое использование камня (ямы с каменными обкладками, каменные ящики, дольменные сооружения). Складывавшиеся столетиями маршруты сезонных перемещений мобильного скотоводческого населения сформировали и торговые пути древности, по которым шёл процесс обмена сырьём, изделиями, идеями. В прибрежной части региона формируются контактные зоны с центрами цивилизации Средиземноморья, которые стали катализатором исторического развития региона. Наиболее значительный экономический и политический центр – Горгиппия – расположен в северной части п-ва¹.

Взаимоотношения между аборигенным и пришлым населением определяли этнополитическую ситуацию в регионе на протяжении тысячелетий. Таким образом, п-ов Абрау находился, с одной стороны, на стыке культурных традиций и на перепутье этнических передвижений, с другой – был надёжно укрыт природой от внезапных вторжений.

Осознавая продолжительность бесписьменного периода в истории региона, исследователи I половины XIX в. вынужденно обратились к археологическим древностям. Задача по их воплощению в историческое знание решается не одним поколением исследователей. Достоверность полученных данных может быть обеспечена систематичностью работ, которые проводятся специалистами научных учреждений или сообществ.

В данной статье мы осветим развитие экспедиционной научно-исследовательской деятельности на п-ве Абрау.

¹ Предположение о том, что Горгиппия находилась на месте современного г. Анапа, было высказано ещё в 70-х годах XIX в., когда в Анапе стали находить монеты, статуи, плиты с греческими надписями и другие античные вещи. В 1920-х – 1930-х гг. разведки на территории античного города проводились в т. ч. и с целью локализации Синдской гавани – Горгиппии. Окончательно местоположение города на территории Анапы помогли установить найденные там надписи с названием города. В настоящее время локализация Горгиппии на месте Анапы признаётся всеми учёными.

Археологические исследования на п-ве Абрау

Первые археологические исследования на п-ве Абрау разворачиваются в период, который получил название «курганная лихорадка» (вторая половина XIX – начало XX вв.). Внимание археологов привлекли многочисленные курганы, расположенные как на территории г. Анапы, так и вне его. Группы курганов тянулись на многие километры вдоль древних дорог, веерообразно расходящихся от Горгиппии на северо-восток, восток, юг и юго-запад. Среди курганов были очень большие, высотой до 18–20 м. Они сооружались над погребениями элитарной части населения и могли содержать богатые находки.

Хищнические раскопки боспорских курганов, проводившиеся в XIX в. многочисленными кладоискателями, способствовали уничтожению большого числа курганов, разрушению склепов. На долю археологов оставались, в лучшем случае, уже ограбленные и нарушенные погребения. На изданной при поддержке Императорской археологической комиссии карте Е. Д. Фелицына отмечено обилие курганных насыпей к юго-востоку и востоку от Горгиппии (Анапы), укрепление на р. Анапке, дольмены, по-видимому, на Гудзевой горе и поселение Баты в глубине Цемесской бухты (рис. 1).

Под эгидой Императорской археологической комиссии в северной части региона велись исследования курганного некрополя крупнейшего центра Боспора. В 1852 г. известный коллекционер боспорских монет, один из основателей Петербургского археолого-нумизматического общества князь А. А. Сибирский (рис. 1.2) раскопал группу курганов, в одном из которых, расположенном возле Анапы, у дороги в сторону Витязевки, был обнаружен каменный склеп [7, с. 67].

С 1881 по 1884 гг. раскопки курганов вблизи Анапы и на её территории по поручению археологической комиссии про-

1. П. С. Уварова;
2. А. А. Сибирский;
3. Ф. С. Байер;
4. Ю. А. Кулаковский;
5. Н. И. Веселовский;

6. В. И. Сизов;
7. В. Г. Тизенгаузен;
8. древности п-ова Абрау на
Археологической карте Кубанской области,
составленной Е. Д. Фелицыным (1882);

9. Е. Д. Фелицын;
10. строительные остатки на
Раевском городище
(раскопки В. И. Сизова, 1886–1887)

Рис. 1 / Fig. 1. Исследователи археологических древностей полуострова Абрау в XIX – начале XX вв. /
The researchers of archaeological antiquities of the Abrau Peninsula in the XIX – early XX century

Источник: [19]

водил В. Г. Тизенгаузен (рис. 1.7). При раскопках группы маленьких курганов, которые тянулись к западу и к юго-западу от Горгиппии, в 1881 г. открыты гробницы из каменных плит и черепиц. Несколько курганов с более скромными погребениями раскопаны в 1882 г. к востоку от Анапы. В этом же году В. Г. Тизенгаузен рас-

копал курган 22, расположенный вблизи хут. Алексеевского, в 3 верстах от Анапы. В его земляной гробнице среди погребального инвентаря было несколько терракотовых статуэток и чернолаковых сосудов с краснофигурной росписью конца IV – начала III вв. до н. э. Особенностью Витязевского кургана стало обнаруже-

ние в нём женского захоронения в деревянном саркофаге, украшенном резными изображениями нерейд.

В 1883 г. на земле ст. Николаевской (ныне ст. Анапская) раскапывались так называемые Тарасовские курганы III в. до н. э.¹ Курганы содержали целый ряд прекрасных каменных склепов. Все склепы, тщательнейшим образом сложенные, к этому моменту были уже ограблены.

Эпизодические археологические исследования были проведены Ю. А. Кулаковским на курганном могильнике эпохи средневековья в окрестностях ст. Раевская. Причём в межкурганном пространстве обнаружен грубо сложенный каменный ящик с 4 захоронениями, по видимому, эпохи раннего железа (1894).

В 1894–1895, 1903 и 1908 гг. серию курганов на территории Анапы и в её окрестностях исследовал Н. И. Веселовский (рис. 1.5). В 1894 г. он раскопал курган вблизи Анапы за кирпичным заводом с гробницей из каменных плит, а в 1897 г. в 2,5 версты к югу от Анапы открыл ограбленную гробницу из дромоса и камеры, сложенной из мелких плитняковых камней. В 1903 г. археологами на Лысой горе был найден и обследован разрытый и разграбленный курган с центральной гробницей из известняка. В центре гробницы стоял каменный ящик квадратной формы, в нём находилась разбитая урна с прахом. В 1904 г. в Анапе найден каменный саркофаг с золотыми украшениями.

В 1908 г. в 8,5 км от Анапы был открыт ограбленный склеп III в. до н. э. Он был сложен из больших белых плит местного камня, имел полуцилиндрический свод и стены, оштукатуренные и покрытые росписями в технике фрески. Склеп был перевезён в Анапу для экспонирования в городском парке.

По поручению Кавказского общества любителей археологии в 1876 г. Ф. С. Байерн (рис. 1.3) исследовал каменные скле-

пы у подножия предгорий, окаймлявших равнину, в 7 верстах к югу от Анапы. Эти склепы находились в 3 самых высоких курганах («Три сестры») и были сложены из тщательно отёсанных плит.

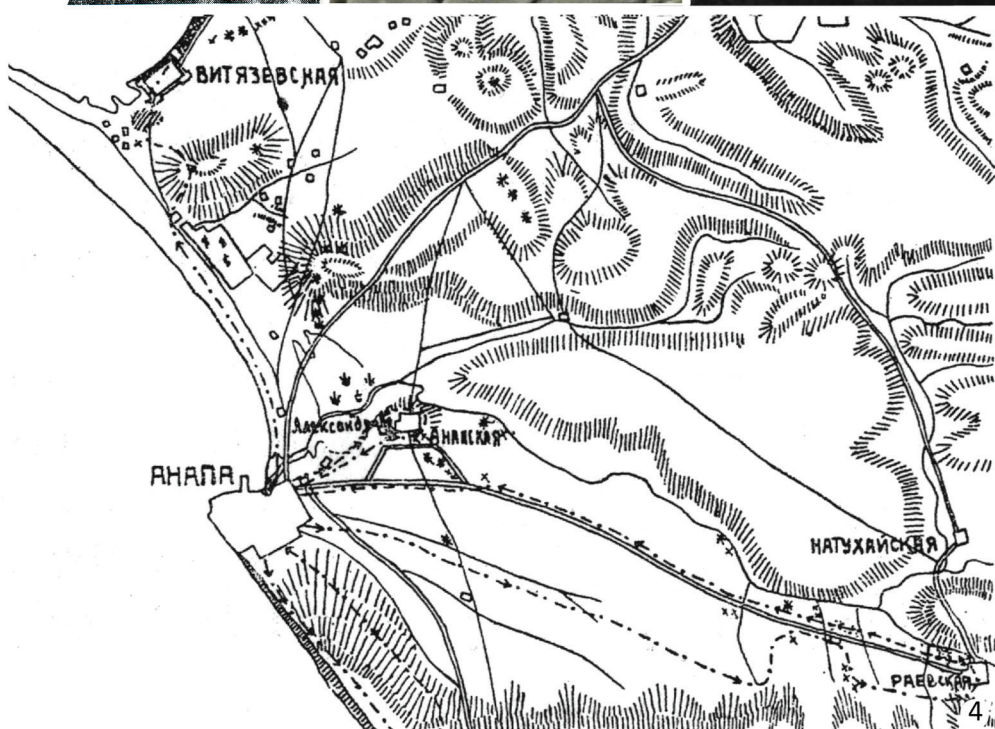
Исследования были начаты в рамках экспедиций (археологических экскурсий) Императорского Московского Археологического Общества (далее – МАО). Осмотр археологических достопримечательностей южной части п-ва Абрау был совершён председателем МАО П. С. Уваровой (рис. 1.1), которая после смерти мужа возглавила археологическое общество. Среди описанных Уваровой археологических достопримечательностей – античное каменное сооружение во Владимировке².

Масштабные археологические исследования учёного секретаря Исторического музея, члена МАО В. И. Сизова (рис. 1.6) коснулись археологических памятников в разных частях п-ва Абрау [19, с. 111–132]. В. И. Сизов выявил и изучил ключевые археологические древности региона, среди которых – Раевское городище (рис. 1.10), укрепленная усадьба рубежа эр близ ст. Натухаевская и др.

К сожалению, археологические исследования 1920–1930-х гг. гораздо хуже обеспечены архивными данными и плохо опубликованы. В частности, известно об археологических разведках в 1927 г. экспедиции Института археологии и искусства РАНИОН А. С. Башкирова в Анапско-Натухаевской долине (рис. 2). Раскопки экспедиции ГМИИ им. Пушкина в Анапе, на месте обнаружения статуи Неокла в Греческом переулке, были свёрнуты в связи с началом Великой Отечественной войны [7, с. 39]. В 1927 и 1933 гг. Н. А. Захаров (рис. 2.2) вместе с заведующим Новороссийского музея Г. Ф. Чайковским (рис. 2.1) проводили обследование г. Новороссийска и его окрестностей, в частности, благодаря им были обнаружены и введены в научный оборот остат-

¹ Своё название они получили по имени Е. Н. Тарасовой, т. к. участок, на котором шли раскопки, принадлежал именно ей.

² Уварова П. С. Кавказ. Путевые заметки. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1891.

1. Г. Ф. Чайковский;
2. Н. А. Захаров;

3. А. С. Башкиров;
4. Маршрут экспедиции ИА РАНИОН (1927)

Рис. 2 / Fig. 2. Исследователи древностей п-ова Абрау I половины XX в. и маршрут обследования древностей Анапско-Натухаевской долины экспедицией ИА РАНИОН (1927) / The researchers of the Abrau Peninsula antiquities of the first half of the 20th century and the route of the survey of the Anapso-Natukhaevskaya Valley antiquities by the Archaeological Institute of RANION expedition (1927).

Источник: Ткачев А. Н. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа в 1917–1991 гг.: Библиографический словарь-справочник. Краснодар, 2016. 346 с.

ки крупного монетного клада, найденного местным жителем¹. В конце 1920-х гг. Г. Ф. Чайковским были проведены обследования открываемых при строительстве (гостиница «Пятилетка») культурных остатков античного времени.

Новый этап исследований древностей п-ва Абрау (конец 1940-х – 1950-е гг.) был начат с археологических экскурсий и небольших разведочных работ, предпринятых экспедициями Краснодарского музея под руководством Н. В. Анфимова², и Института археологии СССР (тогда – Института истории материальной культуры) под руководством В. Д. Блаватского на территории Анапы (рис. 3). В дальнейшем раскопки античного центра древней Синдики – Горгиппии стали проводиться постоянно. Масштабы работ, начатых экспедицией Анапского краеведческого музея на некрополе (кинотеатр «Родина») под руководством И. В. Поздеевой в 1954–1956 гг., были существенно расширены Анапской археологической экспедицией Института археологии АН СССР. В результате исследований, которые с 1960 г. велись в тесном контакте с музейными центрами края (Анапским археологическим музеем и КГИАМЗ), был исследован и музеефицирован целый квартал античного города [3, с. 11–26], установлены границы самой Горгиппии. Важными событиями в археологии Горгиппии стали открытие участка архаического некрополя [16, с. 53–55] и обнаружение раннеантичных культурных слоёв [1, с. 19–30].

Не менее важны исследования Анапской археологической экспедиции в окрестностях Анапы (хора Горгиппии). В частности, в рамках этих работ бывшим директором Анапского археологического музея-заповедника А. И. Саловым (рис. 3.9) и топографом В. Зариным составлена археологическая карта и собран подъёмный материал 35 поселений в районе пос. Су-Псех и между Анапой и пос. Алексеевка [17, с. 17–25]. Близ пос. Алексеевка А. И. Саловым обнаружено поселение, определённое им как греческая фактория архаического времени [18]. В 1973 г. под руководством Е. М. Алексеевой близ ст. Витязевская исследовалось античное поселение IV–III вв. до н. э. [2, с. 42–48].

На протяжении двух десятилетий древности Анапской долины изучались силами археологической экспедиции Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (МОПИ). Организатором экспедиции стала преподаватель кафедры древней истории МОПИ Ю. С. Крушкол, на основе изучения нумизматического материала из окрестностей пос. Джемете предположившая существование здесь поселения античного времени. Экспедиция МОПИ комплектовалась из студентов и преподавателей института и действовала в 1958–1977 гг. с перерывом в 1973–1974 гг. [9, с. 36–37]. Собранный в 1958 г. богатый подъёмный материал (в т. ч. 42 античные монеты, ручки синопских амфор с клеймами) позволил Ю. С. Крушкол датировать поселение III–I вв. до н. э. и связать с его существованием строительную надпись Тиберия Юлия Савромата I, найденную здесь в 1946 г. [8].

В сотрудничестве с Анапским музеем были обследованы окрестности пос. Витязево, хут. Благовещенского, ст. Благовещенской, хут. Рассвет. На территории последнего в 1958 г. были выявлены курганные погребения, каменный склеп и предположительно установлены границы крупного некрополя IV–V вв. до н. э.,

¹ Ткачёв А. Н. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа в 1917–1991 гг.: Биобиблиографический словарь-справочник. Краснодар, 2016. С. 115.

² При осмотре места строительства новой гостиницы в Анапе на территории античной Горгиппии экспедицией Н. В. Анфимова был обнаружен мраморный пьедестал статуи с надписью [Ткачёв А. Н. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа в 1917–1991 гг.: Биобиблиографический словарь-справочник. Краснодар, 2016. С. 17]. Годом ранее, в 1946 г., им же найдена мраморная плита с именем Савромата I. Авторы выражают искреннюю признательность А. Н. Ткачёву за помощь при уточнении важных аспектов истории археологических исследований п-ва Абрау.

который в 1959–1977 гг. исследовался силами экспедиции МОПИ сначала под руководством Ю. С. Крушкол, а затем в 1975–1977 гг. её ученика – В. Н. Карасёва¹.

В ходе археологических разведок, проводимых экспедицией МОПИ под руководством Ю. С. Крушкол, были обследованы долины рек Котлама и Сукко (1963), обнаружены остатки поселений разных эпох, близ пос. Сукко собран нумизматический материал. В 1964–1965 гг. на окраине хут. Рассвет экспедицией было обнаружено и исследовано раскопками большое двухкамерное здание I в. до н. э. Выявлен комплекс объектов сельскохозяйственной периферии – ямы, колодец, найдены клад земледельческих орудий, комплекс терракотовых статуэток. Ю. С. Крушкол датировала гибель сооружения I в. н. э., связав его с гражданской войной между Митридатом III и Котисом I [10].

В 1969 г. экспедиции МОПИ и АН СССР (под руководством И. Т. Кругликовой) объединили силы для исследования разрушенных прокладкой водопровода 14 погребений некрополя хут. Рассвет².

Археологические исследования на территории синдского некрополя VI–V вв. до н. э. на землях ОПХ «Анапа» (1981) были продолжены Анапской районной экспедицией ДМК «Новокосино» под руководством Ю. В. Зуйкова (1992 и 1993). Отрядом Анапской археологической экспедиции АН СССР были исследована «Батарейка» у ст. Анапской (М. В. Калашников), обнаружены руины укрепленной усадьбы I в. до н. э. – I в. н. э., возведенной на курганной насыпи эпохи бронзы,

а над ними – остатки турецкого укрепления начала XIX в. (1979–1981).

С 1991 г. в окрестностях предгорий хребта Семисам ведутся исследования археологических памятников разных эпох под руководством сотрудника Анапского археологического музея А. М. Новичихина (рис. 4.1). В частности, в 1994 г. велись раскопки могильника и поселения в Андреевской щели [12].

Работы Синдской экспедиции АН СССР под руководством В. Д. Блаватского в Анапе [4] и на Раевском городище [5, с. 42–50; 14] получили развитие в исследованиях Новороссийской археологической экспедиции АН СССР (НАЭ) под руководством Н. А. Онайко (рис. 3.3). Благодаря её исследованиям на Раевском городище был открыт монументальный комплекс эллинистической эпохи (1955), в культурных слоях выявлены материалы, позволяющие датировать бытование комплекса IV в. до н. э. – V в. н. э. [15]. Развитию дальнейших исследований предшествовали разведочные работы (1965). Маршруты экспедиции пролегли по крупным долинам п-ва Абрау, прибрежная зона была обследована до мыса Малый Утриш.

Благодаря разведочным раскопкам в устье р. Мысхако под культурными слоями римского времени были обнаружены культурные остатки эпохи ранней бронзы (1966, 1969). Работы Новороссийского музея под руководством А. В. Дмитриева (1971) выявили погребальные комплексы некрополя, связанного с античным поселением. Дальнейшие археологические исследования площади некрополя обнаружили горизонт могильника эпохи бронзы. Разведки А. В. Дмитриева открыли у подножия г. Мысхако в 1971 г. не менее интересный объект – остатки поселения эпохи Великой греческой колонизации. Силами НАЭ АН СССР в следующем полевом сезоне археологический шурф был расширен, в насыщенном позднеархаическими амфорами заполнении обнаружена каменная кладка стены 5 м длины.

¹ К изучению антропологического материала погребений Ю. С. Крушкол привлекла сотрудников Института антропологии АН СССР, в т.ч. М. М. Герасимова. Материалы некрополя, принадлежащего, по мнению исследовательницы, местному синдскому населению, подвергнутому эллинистическому влиянию и демонстрирующего связи синдов с племенами Кавказа [8, с. 83], были изданы уже в 2010 г. [11].

² Крушкол Ю. С. Отчёт об археологических исследованиях в Анапском районе (хут. Рассвет) в 1969 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. Отчёт № 4264.

1. В. Д. Блаватский;
2. Ю. С. Крушол с участниками экспедиции МОПИ им. Н. К. Крупской в Анапе;
3. Н. А. Онайко с участниками Новороссийской археологической экспедиции, слева в верхнем ряду А. В. Дмитриев (1956?);

4. Н. В. Анфимов (1953);
5. А. П. Кононенко и А. А. Масленников (1980);
6. И. Т. Кругликова;
7. А. С. Шавырин, Е. М. Алексеева и О. П. Куликова (1986);
8. А. В. Дмитриев (1993);
9. А. И. Салов

Рис. 3 / Fig. 3. Руководители археологических экспедиций на п-ове Абрау в 1940-х – 1980-х гг. / Heads of archaeological expeditions on the Abrau Peninsula in the 1940s – 1980s

Источник: [12]; архивные материалы Научно-отраслевого архива Института археологии РАН; архивы Новороссийской археологической экспедиции

В Широкой Балке (1967, 1969) обследования археологическими раскопками предполагаемого местонахождения бюста боспорской царицы Динами выявили под культурными слоями римского времени захоронения аборигенного (тореты) населения эпохи раннего железа. В 1980 г. были начаты масштабные работы (в них принимал участие А. А. Масленников) на обширном могильнике римского времени, расположенном на правом берегу р. Чухабль.

Цикл археологических исследований Н. А. Онайко был проведён в самой обширной после Анапско-Натухаевской – Цемесской долине. Начало было положено обследованиями распаханного под виноградник пространства, которое, благодаря многочисленным находкам скифского времени, называется археологами «Поле чудес». Значителен вклад экспедиции в изучение укрепленных башен-

усадб в Цемесской долине: полностью исследовано Цемдолинское здание (1978), частично – расположенное в верховьях долины Владимировское (1971, 1977).

Благотворное влияние НАЭ ИА АН СССР на развитие археологических исследований подтверждается результатами работ экспедиции Музея истории Новороссийска под руководством А. В. Дмитриева, который на протяжении десятилетия сотрудничал с Н. А. Онайко. В свою очередь, целый ряд объектов (на Мысхако, в Цемесской долине и в Широкой Балке), обнаруженных его разведками, был исследован экспедицией АН СССР.

1970–1990-е гг. на территории п-ва Абрау отмечены масштабными работами по хозяйственному освоению территорий (в верховьях р. Дюрсо (1973–1974), в окрестностях ст. Раевской (Раевская оросительная система), окрестности

пос. Мысхако и мыса Малый Утриш)). Это привело к утрате целого ряда археологических памятников¹, которые имели ключевое значение для воссоздания истории и археологии зачастую не только п-ва Абрау, северокавказского региона, но и Северного Причерноморья в целом [6]. Археологические исследования помогли сохранить для науки материалы могильников эпохи бронзы (устье Дюрсо (1981), дольменный комплекс в верховьях р. Озерейка (1986, 1987)²), эпохи РЖВ (Большие Хутора (1973), Лобанова Щель (1984)), античности (Мысхаковский некрополь, 1990–1992 гг.) и Великого переселения народов (м-к Дюрсо, 1974). Результаты фактически сплошного археологического обследования в 1970–1980-е гг. легли в основу «Списка объектов культурного наследия города Новороссийска».

В последующий период экспедиции Новороссийского исторического музея-заповедника удалось реализовать не менее значимые исследовательские проекты. В южной части п-ва Абрау исследованы значительные по размерам и объёму археологических коллекций могильники эпохи бронзы (раскопки А. В. Шишлова 2007–2014) (рис. 4), РЖВ (раскопки Н. В. Федоренко (рис. 4) в окрестностях пос. Владимировское, 1997–2000 гг., раскопки А. В. Колпаковой (2005–2007) (рис. 4) и А. В. Шишлова (2009) в устье Лобановой Щели) и римского времени (раскопки А. В. Шишлова в окрестностях пос. Южная Озерейка, 1995) [21].

За первыми обследованиями А. В. Шишловым (1993) археологических объектов на расположенной в междуречье рек Маскага и Котлама г. Маскага последовали раскопки могильника позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов (2004), раскопки

на территории грунтового могильника Натухаевский-1 и поселения «Натухаевское-3» (раскопки Н. В. Федоренко, 2008).

В 1990 г. при поддержке Новороссийского музея была воссоздана Новороссийская археологическая экспедиция ИА АН СССР. Первый сезон экспедиции был проведён в окрестностях мыса Малый Утриш. Там были продолжены исследования захоронения аборигенного (керкеты) населения (м-ки Лобанова Щель и Солёное Озеро) и участка сети каменных кладок (1990). В Цемесской долине в 1991 г. проводились раскопки некрополя аспургиан (римское время), а чуть позже были зафиксированы разрушенные плантажом остатки расположенных поблизости захоронений могильников скифской эпохи («Поле Чудес») и курганного могильника ордынского времени (1995). Кроме того, на черноморском побережье НАЭ ИА РАН изучала культурные остатки поселения римского времени и участок синхронного некрополя в устье р. Мысхако (1996).

В 1998 г. НАЭ ИА РАН возобновила археологические исследования на Раевском городище и в Анапско-Натухаевской долине в целом (рук. А. А. Малышев). За прошедшие с тех пор четверть века проведены разведочные работы в долинах рек Маскага, Куматырь и Котлама. Наиболее значительные результаты дали систематические работы на Раевском городище (1998, 2000–2018) и его некрополях (1998, 2015). Доследован монументальный комплекс эпохи эллинизма, изучен целый ряд башенных сооружений и застройка в северо-восточном углу крепости – фронтальный центр, расположенный в пограничье южной части Синдики.

Не менее значимым для воссоздания истории Синдики в эпоху Великого переселения народов стало открытие и исследование городища-убежища на перевале из Анапско-Натухаевской долины в долину р. Гостагайки (раскопки К. А. Демичева, 2013), А. А. Малышева (2014–2016,

¹ Дмитриев А. В. Отчёт об археологических исследованиях в зоне оросительных систем с/х «Раевский» и о разведках на территории Натухаевского и Раевского сельсоветов и Новороссийского мехлеспхоза в 1987 г. // НА ИА РАН. Р-1, № 12836, 12836а.

² Раскопки А. П. Кононенко.

1. А. М. Новичихин;

2. А. В. Иванов, ООО Южный региональный центр археологических исследований (Краснодар);

3. А. В. Колпакова, А. В. Шишлов, Н. В. Федоренко (2006);

4. участники Новороссийской археологической экспедиции на Раевском городище (2000);

5. участники НАЭ ИА РАН, северо-восточный мыс Раевского городища (2007);

6. А. А. Малышев, «Поле чудес» (1995);

7. Верхнегостагаевское городище, внутренний фас кладки проездного сооружения (2016);

8. каменный склеп кон. IV в. до н. э., урочище Самойленко (2018);

9. дольменное сооружение, Гудзева гора (2018)

Рис. 4 / Fig. 4. Экспедиции на полуострове Абрау в 1990-х – 2010-х гг. / Expeditions on the Abrau Peninsula in the 1990s–2010s

Источник: [12]; архивные материалы Научно-отраслевого архива Института археологии РАН; архивы Новороссийской археологической экспедиции

2018, 2022, 2023), А. С. Клемешова (2017, 2019, 2021).

В рамках совместного проекта (2000–2003) удалось продолжить исследования слоёв эпохи ранней бронзы и эпохи античности на Восточном холме Мысхакского поселения, начатые Северо-Кавказской экспедицией РАН под руководством Е. И. Савченко и А. Н. Гея (1990–1991). Получили новый импульс исследования по изучению башнеобразных сооружений на п-ве Абрау: в восточной части Анапско-Натухаевской долины раскопано сооружение на поселении Дубки (2005–2009), в настоящий момент ведутся работы на поселении Лиманчик (окрестности оз. Абрау).

Большое внимание уделяется изучению археологических древностей обитателей Анапско-Натухаевской долины в эпоху раннего железа – синдов. Изучается целый ряд аборигенных могильников, расположенных к северу и северо-западу от ст. Натухаевская. Наиболее значительный из них могильник Родники, на котором выявлено 3 разновременных группы погребальных сооружений (2013–2023).

В различных частях п-ва Абрау проводились охранно-спасательные экспедиционные исследования под эгидой Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. Это дольменные комплексы на отроге г. Серегай в верховьях р. Озерейки (2000), культурные слои и погребальные

сооружения в античной Горгиппии (2000, 2003), могильник римского времени в Широкой балке (2001), поселение и могильник в устье р. Мысхако (2002, 2003), курганы эпохи средневековья (Цемесская долина, 1998 и у с. Васильевка, 1999) и поселения (у с. Глебовское, 1999–2000).

Впоследствии проведение разведочных и полевых стационарных работ было доверено негосударственным организациям. С 2004 г. ведёт исследования НАО «Наследие Кубани» в Горгиппии (2004–2007, 2012) и на Мысхакском поселении (2004, 2005, 2007). Не менее значителен вклад в исследования памятников археологии п-ва Абрау экспедиций ООО «Южно-Российский центр археологических исследований».

Заключение

Научно-экспедиционная деятельность на территории п-ва Абрау, проводимая на протяжении около полутора веков, позволила обеспечить системное исследование древностей этого региона в условиях широты хронологического диапазона памятников археологии, в котором недостаточно обеспечена материалом лишь эпоха каменного века. Введение в научный оборот материалов, полученных в ходе работы экспедиций на территории полуострова, не завершено и имеет первостепенную научную значимость.

Дата поступления в редакцию 14.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е. М. Раннее поселение на месте Анапы (VI–V вв. до н. э.) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 197: Железный век Восточной Европы. 1990. Вып. 197. С. 19–30.
2. Алексеева Е. М. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия I (Материалы Анапской археологической экспедиции) / под ред. И. Т. Кругликовой. Краснодар, 1980. С. 18–50.
3. Античная Горгиппия: история, исследования и исследователи / А. А. Малышев, А. М. Новичихин, Д. И. Жеребятёв, С. В. Королева, В. В. Моор. М.: МАКС Пресс, 2018. 84 с.
4. Блаватский В. Д. Разведки в Анапе (1949 г.) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1951. Вып. 57. С. 245–248.
5. Блаватский В. Д. Исследование Раевского городища в 1954 году // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1959. Вып. 77. С. 42–50.

6. Дмитриев А. В. Отчёт об исследованиях археологических памятников в зоне сооружения оросительных систем совхоза «Раевский» близ г. Новороссийска в Краснодарском крае в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10757.
7. Кругликова И. Т. Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М.: Наука, 1977. 88 с.
8. Крушкол Ю. С. Археологические исследования древней Синдики экспедициями Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской // Учёные записки МОПИ. Т. СХV. Всеобщая история. Вып. 4. М.: МОПИ, 1963. С. 49–51.
9. Крушкол Ю. С. Древняя Синдика. М.: МОПИ, 1971. 251 с.
10. Крушкол Ю. С. Античное здание в районе Горгиппии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья / отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. Л.: Наука, 1968. С. 213–219.
11. Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет. Некрополи Черноморья, Т. III / отв. ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К, 2010. 268 с.
12. Новичихин А. М. Раскопки античного поселения в Андреевской щели близ Анапы // Боспорский сборник. 1994. Вып. 4. С. 172–174.
13. Новичихин А. М. Район Анапы – контактная зона древних культур (энеолит – бронзовый век) // Фелицынские чтения – XVI. Северный Кавказ – пространство диалога. Межконфессиональные и межнациональные отношения в прошлом и настоящем. Краснодар, 2014. С. 134–138.
14. Онайко Н. А. Раскопки Раевского городища в 1955–1956 гг. // КСИИМК. 1959. Вып. 77. С. 51–61.
15. Онайко Н. А. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // Советская археология. 1967. № 2. С. 155–168.
16. Салов А. И., Смирнова Т. М. Новые находки в Анапе // Краткие сообщения Института археологии. 1972. Вып. 130. С. 53–57.
17. Салов А. И. Разведка ближней хоры Горгиппии в 1978–1980 гг. // Горгиппийский сборник. Анапа: Анапский арх. музей, 2000. С. 17–25.
18. Салов А. И. Архаическое поселение на окраине Анапы // Проблемы античной культуры / отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1986. С. 188–195.
19. Сизов В. И. Восточное побережье Чёрного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества / под ред. гр. Уваровой. Вып. II. М., 1889. С. 1–41.
20. Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д. Изменения природной среды с эпохи энеолита по средневековье на полуострове Абрау (по данным палинологического анализа) // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау / под ред. А. А. Малышева. М.: Гриф и К, 2009. С. 19–50.
21. Шишлов А. В. Археологические памятники г. Новороссийска и история их исследования // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып. 2 / отв. ред. Р. М. Соколова. Новороссийск, 1996. С. 43–59.

REFERENCES

1. Alekseeva E. M. *Rannee poselenie na meste Anapy (VI–V vv. do n.e.)* [Early settlement on the site of Anapa (VI–V cc. BC)]. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief notes of the Institute of Archaeology], 1990, vol. 197, pp. 19–30.
2. Alekseeva E. M. *K izucheniyu sel'skikh poseleniy vokrug Gorgippii* [A study of rural settlements around Gorgippia]. In: I. T. Kругликова (ed.), *Gorgippiya I (Materialy Anapskoy ekspeditsii)* [Gorgippia I. Materials of the Anapa expedition], 1980, Krasnodar, pp. 18–50.
3. Malyshev A. A., Novichikhin A. M., Zheryatyev D. I., Koroleva S. V., Moor V. V. [Ancient Gorgippia: history, studies and researchers] / Ed. by A. A. Malyshev. M., MAKSS Press, 2018. 84 p.
4. Blavatskiy V. D. *Razvedki v Anape* [Exploration in Anapa]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief reports of the Institute of history of material culture], 1951, no. 57, pp. 245–248.
5. Blavatskiy V. D. *Issledovaniia Raevskogo gorodishcha v 1954 g.* [Explorations of the Raevskoye settlement in 1954]. In: *Kratkie soobshcheniia o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief reports and field studies of the Institute of the History of Material Culture], 1959, Vol. 77, pp. 42–50.

6. Dmitriev A. V. [Report on studies of archaeological sites in the construction zone of irrigation systems state farm "Rayevsky" near Novorossiysk in Krasnodar Krai]. In: *Arkhiv IA RAN* [Archive of the Institute of Archaeology of RAS], R-1, no. 10757.
7. Kruglikova I. T. [Sindskaia harbor. Gorgippia. Anapa]. Moscow, Nauka, 1977. 88 p.
8. Krushkol Yu. S. *Arkheologicheskie issledovaniia drevnei Sindiki (Anapskii raion) ekspeditsiiami MOPI im. N. K. Krupskoi* [Archaeological research of ancient Sindika (Anapa region) by expeditions of the Moscow Regional Pedagogical Institute named after N.K. Krupskaya]. In: *Uchenye zapiski MOPI im. N. K. Krupskoi* [Scientific notes of the Moscow Regional Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya], 1963, Vol. CXV, no. 4, pp. 47–109.
9. Krushkol Yu. S. *Drevniaia Sindika* [Ancient Sindika]. Moscow, MOPI, 1971. 251 p.
10. Krushkol Yu. S. [An ancient building on the outskirts of Gorgippia]. In: *Antichnaya istoriya i kultura Sredizemnomorya i Prichernomorya* [Ancient History and Culture of the Mediterranean and the Black Sea Region]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, pp. 213–219.
11. *Naselenie arkhaiskoi Sindiki. Po materialam nekropolia u khut. Rassvet* [Population of the Ancient Sindika. According to the Materials of the Necropolis near the Rassvet Hamlet]. In: Malyshev A. A., ed. *Nekropoli Chernomor'ia* [Necropolises of the Black Sea Region]. Moscow: Grif i K., vol. 3, 2010. 268 p.
12. Novichikhin A. M. [Excavations of an ancient settlement in the Andreevskaya gap near Anapa]. In: *Bosporskii sbornik* (Bosporan compilation), 1994, no. 4, pp. 172–174.
13. Novichikhin A. M. *Raion Anapy - kontaktnaia zona drevnikh kul'tur (eneolit - bronzovyi vek)* [Anapa Region – the Contact Zone of Ancient Cultures (Eneolithic – Bronze Age)]. In: *Felitsynskie chteniia – XVI. Severnyi Kavkaz – prostranstvo dialoga. Mezhekonsfessional'nye i mezhetnicheskie otnosheniia v proshlom i nastoiashchem* [Felitsyn Readings – XVI. The North Caucasus as a Space for Dialogue. Interfaith and Interethnic Relations in the Past and Present], 2014, Krasnodar: Traditsiia, pp. 134–138.
14. Onaiko N. A. *Raskopki Raevskogo gorodishcha v 1955–1956 gg.* [Excavations of Raevskoye Settlement in 1955–1956]. In: *KSIIMK* [Brief reports and field studies of the Institute of the History of Material Culture], 1959, Vol. 77, pp. 51–61.
15. Onaiko N. A. *Ellinisticheskoe zdanie Raevskogo gorodishcha i ego mesto v arkhitekture Bospora* [The Hellenistic Building of the Raevskoye Settlement and its Place in the Architecture of the Bosporus]. In: *Sovetskaia arkheologiya* [Soviet archaeology], 1967, no. 2, pp. 155–168.
16. Salov A. I., Smirnova T. M. *Novye nakhodki v Anape* [New Finds in Anapa]. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief notes of the Institute of Archaeology], 1972, Vol. 130, pp. 53–57.
17. Salov A. I. *Razvedka blizhnei khory Gorgippii v 1978–1980 gg.* [Exploration of the near Hora of Gorgippia in 1978–1980]. In: *Gorgippiiskii sbornik* [Gorgippian Anthology], 2000, pp. 17–25.
18. Salov A. I. *Arkhaicheskoe poselenie na okraine Anapy* [Archaic settlement in the outskirts of Anapa]. In: G. A. Koshelenko (ed.), *Problemy antichnoy kul'tury* [Problems of ancient culture], 1986, Moscow, pp. 188–195.
19. Sizov V. I. *Vostochnoe poberezh'e Chernogo moria. Arkheologicheskie ekskursii* [East Coast of the Black Sea. Archaeological Excursions]. In: Uvarova (ed.), *Materialy po arkheologii Kavkaza* [Studies on the Archeology of the Caucasus], 1889, Vol. II, pp. 1–41.
20. Spiridonova E. A., Aleshinskaia A. S., Kochanova M. D. [Changes in the Natural Environment from the Eneolithic to the Middle Ages on the Abrau Peninsula (Based on Palynological Analysis)]. In: A. A. Malyshev (ed.), *ABRAU ANTIQUA. Rezul'taty kompleksnykh issledovaniy drevnostei poluostrova Abrau* [ABRAU ANTIQUA. Results of Comprehensive Research of Antiquities of the Abrau Peninsula], 2009, pp. 19–50.
21. Shishlov A. V. [Archaeological sites of Novorossiysk and the history of their research]. In: R. M. Sokolova (ed.), *Istoricheskie Zapiski. Issledovaniya i materialy* [Historical notes. Research and materials], 1996, no. 2, pp. 43–59.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Малышев Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии Российской академии наук;
e-mail: maa64@mail.ru

Клемешов Алексей Станиславович – кандидат исторических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой всеобщей истории Государственного университета просвещения;
e-mail: klemeshovas@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey A. Malyshev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department Head, Department of Scythian-Sarmatian archaeology, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences;
e-mail: maa64@mail.ru

Alexey S. Klemeshov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department Head, Department of World History, State University of Education;
e-mail: klemeshovas@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Малышев А. А., Клемешов А. С. К истории изучения археологических древностей полуострова Абрау // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 182–196.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-182-196

FOR CITATION

Malyshev A. A., Klemeshov A. S. To the history of the study of archaeological antiquities of the Abrau peninsula. In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 182–196.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-182-196

УДК 902.2

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-197-204

НА НОВОСТРОЙКАХ КРАСНОДАРА (НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ДОВОЕННЫХ РАБОТ Н. В. АНФИМОВА)

Ткачёв А. Н.*Кубанский государственный университет**350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть и проанализировать начальный период научной деятельности кубанского археолога Никиты Владимировича Анфимова в 1930-е гг. на новостройках Краснодара.

Процедура и методы. Проведён анализ архивных материалов и документов Института истории материальной культуры РАН, Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына, Государственного архива Краснодарского края. При проведении исследования использовались сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы исследования процессов становления региональной археологии.

Результаты. В статье собраны материалы и документы по исследованиям новостроечных экспедиций Краснодарского краеведческого музея в 1930-е гг.: Краснодарского могильника за кожзаводами близ Афонского переката, кургана на территории спиртоводочного завода «Первенец Кубанский», «городища на Дубинке» и площадки под строительство Краснодарской ТЭЦ. В научный оборот впервые вводятся неопубликованные ранее архивные документы, а также собраны немногочисленные малоизвестные опубликованные материалы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в историю археологии Северного Кавказа. Данная работа представляет несомненный интерес для исследователей древних культур Северного Кавказа, поскольку в ней впервые публикуются материалы довоенных полевых исследований памятников археологии Кубани. Представленные в статье материалы могут быть использованы в курсах истории российской археологии, а также при изучении отдельных аспектов археологии раннего железного века Кавказа.

Ключевые слова: Н. В. Анфимов, Краснодарский историко-краеведческий музей, городища, охранная археология, новостройки, меотская культура

ON NEW BUILDINGS IN KRASNODAR (UNPUBLISHED MATERIALS FROM THE PRE-WAR WORKS OF N. V. ANFIMOV)

A. Tkachev*Kuban State University**Stavropolskaya ul. 149, Krasnodar 350040, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider and analyze the initial period of the Kuban archaeologist Nikita Vladimirovich Anfimov's scientific activity in the 1930s at the new buildings in Krasnodar.

Methodology. The analysis of archival materials and documents of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, the Krasnodar Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E. D. Felitsyn, the State Archive of the Krasnodar Territory was car-

ried out. Comparative-historical and problem-chronological methods of studying the processes of regional archeology formation were used in the study.

Results. The article contains materials and documents on the research of new-construction expeditions of the Krasnodar Museum of Local Lore in the 1930s: Krasnodar burial ground behind the leather factories near the Athos ridge, the mound on the territory of the distillery “Pervenets Kubansky”, “the settlement on the Dubinka” and the site for the construction of Krasnodar Thermal power plant. Previously unpublished archival documents are introduced into scientific circulation for the first time, as well as a few little-known published materials are collected.

Research implications. The results of the study contribute to the history of the archeology of the North Caucasus. This work is of undoubted interest to researchers of ancient cultures of the North Caucasus, since for the first time the materials of pre-war field studies of the archaeological sites of Kuban are published. The materials presented in the article can be used in courses on the history of Russian archaeology, as well as in the study of certain aspects of the archaeology of the Early Iron Age of the Caucasus.

Keywords: N. V. Anfimov, Krasnodar Museum of local history, settlements, protected archaeology, new buildings, Meotian culture

Введение

Довоенный период научной деятельности сотрудника Краснодарского историко-краеведческого музея Никиты Владимировича Анфимова (рис. 1) очень слабо освещён в научной литературе.

Рис. 1 / Fig. 1. Н. В. Анфимов. Фото 1930 г. / N. V. Anfimov. Photo of 1930

Источник: личный архив Н. В. Анфимова, КГИАМЗ.

Период 30-х гг. XX в. в истории кубанской археологии и памятники, исследованные Н. В. Анфимовым в предвоенные годы, интересны не только с научной точки зрения. Это было время становления Анфимова как учёного-археолога, время формирования его научных интересов и взглядов. 1930-е гг. были также периодом становления в стране охранной археологии на новостройках первых пятилеток. В это время археологические исследования приобретают охранный характер. Если в предыдущее десятилетие работы на памятниках сводились, в основном, к простой фиксации отдельных находок и сбору материалов (как, например, на городище КРЭС, городище «Сад Тротнера»), то в 1930-е гг. организуются стационарные исследования.

Из довоенных работ Н. В. Анфимова наиболее известны его раскопки Семибратнего городища и Усть-Лабинского могильника № 2. Эти работы опубликованы и хорошо известны. Что же касается памятников на территории г. Краснодара, то они упоминаются лишь в нескольких публикациях Н. В. Анфимова¹. Однако

¹ Анфимов Н. В. Меотский могильник на западной окраине Краснодара // Наш край: мат-лы по изучению Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 1960. С. 159; Анфимов И. Н., Анфимов Н. В. Археологические памятники города Краснодара // Кубанский краевед: ежегодник. Вып. 3. Краснодар, 1992. С. 20.

некоторые памятники и результаты их исследований либо никогда не публиковались, либо о них сказано очень кратко. В данном сообщении не ставится цель осветить все памятники археологии г. Краснодара, которые исследовал Н. В. Анфимов до войны. Этот список довольно обширный. Остановимся на некоторых из них, на которых учёный стал проводить самостоятельные работы по Открытым листам уже в качестве штатного сотрудника Краснодарского историко-краеведческого музея.

Большая часть памятников археологии на территории г. Краснодара была открыта и исследована во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. усилиями краснодарских археологов Н. А. Захарова и М. В. Покровского (городище КРЭС, могильник на Почтовой улице, городище «Сад Тротнера», Пашковский могильник №1 и др.). Многие здесь было сделано учащимися школьного историко-археологического кружка краснодарской школы №8 [4, с. 133]. Никита Владимирович играл в кружке ключевую роль, был его председателем и принимал участие во всех раскопках и обследованиях на территории Краснодара. Руководил этим кружком учитель истории М. В. Покровский, под влиянием которого Н. Анфимов увлёкся археологией. Михаил Владимирович также оставался наставником Н. Анфимова в археологии и в период его учёбы в Краснодарском пединституте [2, с. 4–5; 6, с. 72].

Работа в музее и начало самостоятельных исследований

В 1934 г., когда постановлением правительства было восстановлено преподавание истории в школах и вузах СССР, Н. В. Анфимов, уже имевший к тому времени высшее медицинское образование, поступил на исторический факультет Краснодарского пединститута, который окончил в 1936 г. [5, с. 224].

В том же 1934 г. Н. В. Анфимова принимают в штат Краснодарского истори-

ко-краеведческого музея на должность научного сотрудника Отдела докапиталистических формаций. С этого времени начинаются его самостоятельные исследования по Открытым листам.

Исследования Н. В. Анфимова в это время необходимо рассматривать в т. ч. в контексте изменения подходов к вопросам охраны памятников археологии. Важно отметить, что в этот период происходят коренные изменения в вопросах охраны памятников археологии. Как известно, на рубеж 1920-х – 1930-х гг. пришёлся разгром краеведения в стране, были закрыты многие краеведческие общества. Культурное наследие практически полностью исключается из приоритетов государства. Это время наступления марксизма в археологии, время великих строек социализма. Начинают действовать пятилетние планы развития народного хозяйства. Соответственно, ставится задача планирования и в области археологии, поскольку полевые работы проводились исключительно на бюджетные деньги. Краснодарский историко-краеведческий музей в эти годы тоже вёл научную работу в соответствии с утверждённым планом работ.

В середине 1930-х гг. происходит некоторое смягчение политики в отношении культурного наследия. Восстанавливается преподавание истории в школе и вузах, в вузовских программах вводится археология как отдельный предмет. Для развития полевой археологии огромное значение имеет Постановление ВЦИК «Об охране археологических памятников» 1934 г. Это первый государственный документ, напрямую касающийся археологического наследия, а не просто упоминающий его в числе прочих памятников культуры. В частности, он запрещал уничтожать и повреждать без разрешения Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК древние городища, селища, курганы, могильники, каменные сооружения. Ужесточается не только контроль за сохранением памятников, но

и выделяются средства на спасательные исследования. Постановление знаменует собой начало охранной археологии в СССР. Это был прорыв и в научном отношении – новостроечные исследования стали источником накопления материалов в огромных масштабах.

Во второй половине 1930-х гг. сотрудники Краснодарского историко-краеведческого музея (прежде всего, научный сотрудник Н. В. Анфимов, директор музея Ф. В. Навозова, студент Краснодарского педагогического института П. А. Дитлер) проводили предварительное обследование всех крупных строительных площадей в городе.

Первый самостоятельный научный отчет, сданный Н. В. Анфимовым в ИИМК – отчет 1935 г. о полевой работе Краснодарского музея в 1934–1935 гг.¹ На территории Краснодара тогда был

исследован «Краснодарский могильник за кожзаводами» близ Афонского переката (второе название – могильник на Загородной улице²). Этот памятник был открыт М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым ещё в 1930 г. и постоянно осматривался Н. В. Анфимовым и учащимися из школьного археологического кружка в связи с расположением рядом с могильником кустарного кирпичного завода (рис. 2).

В основном раскопки носили характер доследования обнажившихся погребений в стенках котлована по добыче глины. В 1934 г. Н. В. Анфимов исследовал 3 погребения, в 1936 г. – ещё 2³. Могильник за кожзаводами исследовался и после войны. Всего за период с 1930 по 1952 гг., когда краснодарским горсоветом было вынесено постановление о запрещении добычи глины на территории мо-

Рис. 2 / Fig. 2. Схема могильника за кожзаводами / Diagram of the burial ground behind the leather factories

Источник: Анфимов Н. В. Полевая археологическая работа Историко-краеведческого музея в 1934–1935 гг. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 122. Л. 3

¹ Анфимов Н. В. Полевая археологическая работа Историко-краеведческого музея в 1934–1935 гг. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 122.

² В настоящее время ул. Загородная носит название ул. Минская.

³ Материалы археологических работ на могильнике за кожзаводом в 1937 г. // НА КГИАМЗ. Д. 127. Л. 1.

гильника, было открыто 21 погребение. В хронологическом отношении погребения делятся на 2 группы – раннюю (V в. до н. э) и позднюю (I–II вв.). И только в 1960 г., когда от памятника уже ничего не осталось, вышла публикация Н. В. Анфимова¹. Но именно до войны, в 1930-е гг., этот могильник был открыт и начаты его систематические исследования.

В январе 1936 г. Н. В. Анфимов провёл обследование местности под намечаемое строительство Краснодарской ТЭЦ. Это место тогда называлось «Сады Курорта» и было ограничено ул. Зелёной (нынешняя ул. Селезнёва), трамвайной линией в пос. Пашковский и старым руслом р. Карасун. При обследовании правого берега старого русла Карасуна были обнаружены следы средневекового селища и собраны фрагменты сосудов с линейным и волнистым орнаментом².

В марте 1936 г. на территории винокуренного спиртоводочного завода «Первенец Кубанский» Н. В. Анфимовым был исследован трехметровый курган³. Курган был зарегистрирован в Краевом комитете по сохранению памятников истории революции и искусств.

В ходе раскопок курганный насыпи были найдены пушечные ядра, глиняные курительные трубки, фрагменты домашней утвари, а также вскрыто 8 впускных погребений XVIII в. (рис. 3). Остаётся непонятным, было ли обнаружено древнее погребение. Вероятно, погребение было безинвентарное (как это имело место в кургане на месте кинотеатра «Аврора» в 1965 г.) и, возможно, погребение не было прослежено, т. к. опыта раскопок курганов у Н. В. Анфимова тогда ещё не было. Да и методика раскопок в те годы всё ещё

оставляла желать лучшего. Например, курганы у аула Тлюстенхабль, исследованные в 1931 г. М. В. Покровским, раскапывались вручную сквозной траншеей⁴.

Городище на Дубинке

Один из самых известных краснодарских археологических памятников – Городище на Дубинке. О нём было известно ещё с конца XIX в., когда В. Л. Беренштам впервые провёл на городище раскопки в 1879 г. С 1926 г. М. В. Покровским и членами историко-археологического кружка школы №8 проводились ежегодные сборы подъёмного материала. В 1936 г. раскопки городища были включены в план работ Краснодарского историко-краеведческого музея по охране памятников, в связи с разрушением городища р. Кубань. Руководил работами Н. В. Анфимов, при участии директора музея Ф. В. Навозовой, сотрудника Г. С. Лабай, а также членов музейного краеведческого кружка – учащихся старших классов и студентов Краснодарского пединститута. Раскопки, намеченные на сентябрь, были отложены до ноября ввиду отсутствия средств. Работы начались 6 ноября и продолжались до 12 декабря. Столь значительное время, потраченное на вскрытие сравнительно небольшой площади городища, объясняется крайне неустойчивой погодой и задержкой в получении средств (Азово-Черноморским бюро охраны памятников революции, искусства и культуры было выделено 400 руб.).

В 1930-е гг. размеры городища, расположенного на берегу Кубани между тюрьмой и мясокомбинатом, составляли примерно 84×34 м. Ещё прослеживался ров. В 1936 г. раскопки были проведены в юго-восточной части городища на краю отвесного обрыва (рис. 4). Было заложено 3 квадрата 3×3 м (I, Ia, III) и обнаружены, в частности, меотские стоячие глиняные плитки⁵.

¹ Анфимов Н. В. Меотский могильник на западной окраине Краснодара // Наш край: мат-лы по изучению Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 1960. С. 158–166.

² Обследование площадки строительства ТЭЦ // НА КГИАМЗ. Д. 123. Л. 1.

³ Материалы археологических работ на территории Винокуренного завода «Первенец», 1936 г. // НА КГИАМЗ. Д. 126. Л. 1.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1548. Оп. 1. Д. 8. Л. VIII.

⁵ Отчёт о раскопках Краснодарского городища на Дубинке в 1936 г. // НА КГИАМЗ. Д. 130. Л. 2.

Рис. 3 / Fig. 3. Газета «Красное знамя» № 54, 1936; № 63, 1936 / Newspaper "Red Banner" № 54, 1936; № 63, 1936

Источник: материалы археологических работ на территории Винокуренного завода «Первенец», 1936 г. // НА КГИАМЗ. Д. 126. Л. 2

Рис. 4 / Fig. 4. Раскопки городища на Дубинке в 1936 г. / Excavations of the settlement on Dubinka in 1936

Источник: Отчёт о раскопках Краснодарского городища на Дубинке в 1936 г. // НА КГИАМЗ. Д. 130. Фото 1

Заключение

Анализ довоенных работ Н. В. Анфимова, проведённых не только на территории Краснодара, тесно переплетается с проблемой истории изучения меотской культуры и таким важнейшим её аспектом, как отождествление исследуемых памятников с меотами. Попытка проследить эволюцию взглядов Н. В. Анфимова на интерпретацию городищ и могильников Прикубанья по отчётам и публикациям показывает, что в довоен-

ный период, т. е. с момента первых обследований городищ в конце 1920-х гг., они интерпретировались как принадлежащие «кубанской» культуре либо как скифо-сарматские. Попытки увязать городища Прикубанья с меотами, впервые сделанные в работах Н. А. Захарова [1, с. 55–72] и М. В. Покровского [3, с. 37–38], появляются у Н. В. Анфимова уже после войны в связи с накоплением к тому времени значительных материалов.

Дата поступления в редакцию 18.08.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Захаров Н. А. Древнее наименование реки Кубани // Известия Государственного русского географического общества. 1930. Т. LXII. Вып. 1. С. 55–72.
2. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачёв А. Н. Археология в Кубанском университете (1920–2020 гг.). // Кубанский Государственный университет: 100 лет в истории России: мат-лы конф. Т. 2 / под ред. М. Б. Астапова. Краснодар: КубГУ, 2020. С. 3–21.

¹ Анфимов Н. В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху // Советская археология. 1949. Т. 11. С. 260; Анфимов Н. В. Меотские поселения Восточного Приазовья (сообщения о новых материалах) // КСИ-ИМК. Вып. 34. 1950. С. 95–96; Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской // МИА. № 23. 1951. С. 204–207; Анфимов Н. В. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИ-ИМК. Вып. 46. 1952. С. 83–85; Анфимов Н. В. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья (по материалам грунтовых могильников). Автореф. дис ... канд. ист. наук. М., 1954. 26 с.

3. Покровский М. В. Городища и могильники Среднего Прикубанья // Труды Краснодарского педагогического института. 1937. Т. VI. Вып. 1. С. 3–38.
4. Каменецкий И. С. История изучения меотов. М.: ТАУС, 2011. 384 с.
5. Ткачёв А. Н. Археология Кубани в 1930–1940-е годы // Очерки истории отечественной археологии. 2022. Вып. VI. С. 223–235.
6. Ткачёв А. Н. Михаил Владимирович Покровский и его вклад в становление кубанской археологии // У истоков советских археологических школ (1918–1950): мат-лы конф. / отв. ред. И. А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2023. С. 72–74.

REFERENCES

1. Zakharov N. A. [Ancient name of the Kuban River]. In: *Izvestiya Gosudarstvennogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the State Russian Geographical Society], 1930, vol. LXII, iss. 1, pp. 55–72.
2. Limberis N. Yu., Marchenko I. I., Tkachev A. N. [Archeology at Kuban University (1920–2020)]. In: Astapova M. B., ed. *Kubanskiy Gosudarstvennyy universitet: 100 let v istorii Rossii* [Kuban State University: 100 years in the history of Russia. Vol. 2]. Krasnodar, KubSU, 2020, pp. 3–21.
3. Pokrovsky M. V. [Fortifications and burial grounds of the Middle Kuban region]. In: *Trudy Krasnodarskogo pedagogicheskogo instituta* [Proceedings of the Krasnodar Pedagogical Institute], 1937, vol. VI, iss. 1, pp. 3–38.
4. Kamenetsky I. S. *Istoriya izucheniya meotov* [History of the study of the Meotians]. Moscow, TAUS Publ., 2011. 384 p.
5. Tkachev A. N. [Archeology of the Kuban in the 1930s–1940s]. In: *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii* [Essays on the history of Russian archeology], 2022, iss. VI, pp. 223–235.
6. Tkachev A. N. [Mikhail Vladimirovich Pokrovsky and his contribution to the formation of Kuban archeology]. In: Sorokina I. A., ed. *U istokov sovetskikh arkheologicheskikh shkol (1918–1950)* [At the origins of the Soviet archaeological schools (1918–1950)]. Moscow, IA RAN Publ., 2023, pp. 72–74.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ткачёв Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета;
e-mail: alexey_tk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey N. Tkachev – Cand. Sci (History), Assoc. Prof., Department of General History and International Relations, Kuban State University;
e-mail: alexey_tk@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ткачёв А. Н. На новостройках Краснодара (неопубликованные материалы из довоенных работ Н. В. Анфимова) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 197–204.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-197-204

FOR CITATION

Tkachev A. N. On new buildings in Krasnodar (unpublished materials from the pre-war works of N. V. Anfimov). In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 197–204.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-197-204

УДК 902.2

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-205-219

ВКЛАД РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ИСТОРИЮ БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Йотов В.*Археологический музей**9000, г. Варна, б-р Мария Луиза, д. 41, Республика Болгария*

Аннотация

Цель. Рассмотреть вклад русских исследователей Сергея Ивановича Покровского и Вадима Константиновича Лазаркевича в изучение церквей Болгарии и, в частности, в Месемврии.

Процедура и методы. Проведена оценка заслуг С. И. Покровского и В. К. Лазаркевича в сфере изучения болгарских древностей на основе их эпистолярного наследия и других архивных материалов.

Результаты. Анализ архивных документов показал, что С. Покровский и В. Лазаркевич, будучи представителями белой русской эмиграции, внесли большой вклад в изучение болгарских древностей. С. Покровским выполнены все планы и рисунки церквей Месемврии; В. Лазаркевичем – фотографии храмов для знаменитого исследования древней болгарской архитектуры, книги доктора архитектуры А. Рашенова «Месемврийские церкви».

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные данные позволяют судить о роли представителей русской эмиграции в Болгарии в изучении её историко-культурного наследия.

Ключевые слова: церкви, архитектура, археология, реставрация, Месемврия, русская Белая эмиграция

THE CONTRIBUTION OF RUSSIAN RESEARCHERS TO THE HISTORY OF BULGARIAN CULTURE

V. Yotov*Museum of Archaeology**bulvar Mariya Luiza 41, Varna 9000, Republic of Bulgaria*

Abstract

Aim. To consider the contribution of Russian researchers Sergei Ivanovich Pokrovsky and Vadim Konstantinovich Lazarkevich to the study of churches in Bulgaria and, in particular, in Mesembria.

Methodology. The merits of S. I. Pokrovsky and V. K. Lazarkevich in the study of Bulgarian antiquities based on their epistolary heritage and other archival materials were assessed.

Results. The analysis of archival documents revealed that S. Pokrovsky and V. Lazarkevich, being representatives of the White emigration, made a great contribution to the study of Bulgarian antiquities. S. Pokrovsky completed all the plans and drawings of the churches of Mesembria; V. Lazarkevich took the photographs of temples for the famous study of ancient Bulgarian architecture, the book of Doctor of Architecture A. Rashenov “Mesembrian Churches”.

Research implications. The data obtained allow us to judge about the role of the representatives of the Russian emigration in Bulgaria in the study of its historical and cultural heritage.

Keywords: churches, architecture, archeology, restoration, Mesembria, the White emigration

Введение

Весной 2019 г. автор этой статьи отвечал за охранные археологические раскопки на одной из улиц Варны. Она начинается с современного центра города и круто спускается к железнодорожному вокзалу. Ремонтные работы велись на небольшой глубине и не давали существенных результатов. Одновременно был проверен архив музея на предмет описания раскопок, которые проводились в 1982 г. в непосредственной близости от этой улицы и во время которых был вскрыт участок крепостной стены античного города Одессос. Не составило труда предположить, что в небольшом садике, к западу от улицы, должно существовать продолжение этой стены. Инвесторы не проявили энтузиазма в проведении раскопок на этом месте, но в итоге согласились сделать траншею экскаватором. В результате проведённых работ был раскрыт сектор юго-западной части оборонительной системы Одессоса римского и византийского периодов (II – начало VII вв.).

При обработке архивных документов в личном архиве известного варненского археолога М. Мирчева был найден блокнот с зарисовками 1937 г. этих же самых структур. Блокнот принадлежал С. Покровскому, о котором я до сих пор знал лишь то, что он работал в Варненском музее в 1940-х гг. Другими словами, рассматриваемый сектор крепостной стены, о котором я думал, что это моё открытие..., был открыт и зачерчен более 80 лет назад С. Покровским! (к сожалению, зарисовки не сопровождались описанием).

Сергей Иванович Покровский

О Сергее Ивановиче Покровском (1888–1950) известно немного. Основные сведения о его личности находим в некрологе, который был опубликован в Известиях Варненского археологического дружества за 1951 г.¹

¹ Мирчев М. С. Покровски // Известия Варненского археологического дружества. Варна, 1951. С. 113.

С. И. Покровский² (фото 1, 3, 6) родился 14 апреля 1888 г. в Твери. Высшее историческое образование получил в Петербургском университете (1907–1911(?) гг.). После окончания университета С. И. Покровский 2 или 3 года работал учителем в гимназии в Тифлисе (Тбилиси) и принимал участие в археологических раскопках на юге России³.

Фото 1 / Photo 1. Сергей Иванович Покровский (1920-е гг.) / Sergey Ivanovich Pokrovsky (1920s)

Источник: архив С. И. Покровского в Варненском музее

Вероятно, с 1913 г. он преподавал в реальном училище в слободе Нальчик Терской области. В 1914 г. получил Открытый лист (с 15 июня) – разрешение на проведение раскопок – в Болгарах в с. Успенское Спасского уезда. В 1914–1915 гг. был руководителем раскопок Большого мина-

² Нет никаких данных о семье С. Покровского, но известно, что в те времена священнослужителям было принято давать фамилии церковного происхождения, как Рождественский, Покровский и т. д. [7, с. 85].

³ Мирчев М. С. Покровски // Известия Варненского археологического дружества. Варна, 1951. С. 113.

рета и Ханской усыпальницы¹. С 1915 г. являлся действительным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете².

О его участии в Первой мировой и в Гражданской войнах каких-либо данных нет, но в справочнике о Белом движении³ в вооружённых силах Юга России С. И. Покровский значится коллежским ассессором. Неизвестно, с какой волной эмиграции, но, как и тысячи других, он попадает в Болгарию в 1920 г.

Во вступительной статье к изданию Национального музея в Софии (1921 г.) написано, что с 9 июля того же года С. И. Покровский был «прикомандирован [принят на непостоянную работу?] в средневековый отдел» этого музея⁴. Подобные сведения находим и в дневнике проф. Н. П. Кондакова⁵, который сооб-

щает, что 15 марта 1922 г. в Народном музее находятся на работе А. Н. Грабар⁶ и С. И. Покровский.

Полагаю, что это событие отражено на фотографии, сделанной перед входом в музей археологии в Софии (фото 2). Это фото довольно известно, но лишь несколько лиц являются идентифицированными. Фотография сделана в начале весны (возможно, в марте) 1922 г. после встречи между болгарскими руководителями и сотрудниками музея с новыми учёными, которые были приняты на работу. После нескольких консультаций удалось определить основных лиц на этой фотографии, в том числе, без всяких сомнений, молодой мужчина в папаше и с бекешей – это С. Покровский.

Сергей Покровский работал в Археологическом музее Софии до 1933 г. (в качестве командированного?), но вместе с тем в 1927 г. в соответствии с Указом №14 царя Бориса III (от 15 февраля 1927 г.), был назначен преподавателем латыни в Первую мужскую гимназию в Софии⁷.

Мало известно, чем конкретно занимался С. Покровский в первые годы, когда устроился в послевоенной Болгарии. Страна переживала последствия военных поражений в Балканских войнах (1912–1913 гг.) и в Первой мировой войне (октябрь 1915 – сентябрь 1918 гг.).

1924 г. место Э. Д. Гримма занял П. М. Бицилли, а в 1928 г. был назначен профессор восточноевропейской истории В. А. Мякотин. С 1920 по 1939 гг. в университете работало 37 русских профессоров, которые участвовали в укреплении юридического и медицинского факультетов и создании богословского факультета. Некоторые из них впоследствии уехали, но многие остались в Софии, создали научные школы и заведовали кафедрами. В 1921–1922 гг. проф. Н. П. Кондаков участвовал с докладами в двух заседаниях Болгарской академии наук, а в июне 1922 г. был избран её почётным членом. После 1 апреля 1922 г. после истечения срока его контракта по личному приглашению президента Чехии, Т. Г. Масарика, переехал в Прагу.

⁶ Наверное, это ошибка, поскольку мы знаем, что А. Грабар был назначен в средневековый отдел годом ранее – 30 апреля 1920 г.

⁷ Спасибо И. Гезенко, куратору в ДА «Архиви», София, за предоставление факсимиле этого документа.

¹ Покровский С. И., Худяков М. Г., Крелленберг Б. Е. Отчёт о раскопках в Болгарах в июле 1914 г. // ИОА-ИЭ. Казань, 1915. Т. XXIX. Вып. 5/6. С. 197–230; Покровский С. В дириже на тюрко-българското минало // Българска историческа библиотека (БИБ). Година 5. Том 1. София, 1932/33. С. 24; Покровский С. Памяти Александра Андреевича Спицына // Seminarium Kondakovianum, V. Praha, 1932. С. 205.

² Сидорова И. Б. Учёное братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931 годы). Часть 1. Казань, 2014. С. 229.

³ Волков С. В. Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение. СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс, 2002. 672 с.

⁴ Материалы, относящиеся к средневековому искусству в Болгарии // Годишник на Народния музей за 1920 год. Т. 1. София, 1921. С. 1.

⁵ Проф. Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) – историк искусства, археолог, музейвед. Уже в марте 1920 г. учёный совет университета в Софии избрал первых русских преподавателей: профессора гистологии А. Ф. Маньковского, профессора социологии В. Н. Рененкампа, академика (тогда проф.) Н. П. Кондакова, известного исследователя византийского, древнерусского и средневекового славянского искусства, профессора славистики М. Г. Попруженко, доцента кафедры романской филологии и мировой литературы К. В. Мочульского. Писатель И. А. Бунин (находившийся в это время в Париже) отказался от предложенной ему должности профессора русской словесности. В июне-июле 1920 г. лектором в университет был принят Э. Д. Гримм, о котором мы уже писали, и Н. С. Трубецкой, доцент кафедры славянской филологии и сравнительного языкознания. В

Сидят: 1 – Г. Фехер, венгерский учёный; 2 – Н. П. Кондаков, русский профессор-византинолог; 3 – Г. Кацаров, профессор. *Стоят:* 4 – Н. Мушмов, нумизмат; 5 – А. Грабар, византинолог, ученик Н. П. Кондакова; 6 – А. Протич, директор музея; 7 – С. И. Покровский, русский археолог; 8 – В. Миков, археолог; 9 – Р. Попов, заведующий отделом праистории музея; 10 и 11 – вероятно, М. Бръчкова и Р. Кацарова

Фото 2 / Photo 2. Встреча руководства Народного (Археологического) музея в Софии с сотрудниками музея и зарубежными учёными перед входом в Народный музей / Meeting of the leadership of the People's (Archaeological) Museum in Sofia with museum staff and foreign scientists out front the People's Museum

Источник: NAIM-1922_НА-БАН (ф.28к, оп.1, а.е.464)

Известно, что С. Покровский участвовал в археологических раскопках в храме Святой Софии в Софии¹; в охранных раскопках древней Сердики (о чём отмечено в публикации архитектора С. Бобчева); в так называемой Красной церкви в Перущице; в церкви в Белово; в Старой Загоре; Мадаре; в первой столице раннесредневековой Болгарии – Плиске; в Месемврии, в дунайской крепости *Candiana* (с. Малък Преславец). Огромная часть чертежей и зарисовок на этих раскопках выполнена С. И. Покровским.

В начале 1930-х гг. вышло несколько статей Покровского, посвящённых ис-

следовательской деятельности болгарской археологии, в сборнике «*Seminarium Kondakovianum*» в Праге². В этих статьях С. И. Покровский особо отмечает 50-летнюю работу болгарской археологии³. Им также написана и рецензия об одном из самых замечательных христианских памятников – Круглой церкви, – которая находится во второй болгарской столице Великий Преслав⁴.

² Сборник «*Seminarium Kondakovianum*» издаётся с осени 1927 г.

³ Покровский С. Пятьдесят лет болгарской археологии // *Seminarium Kondakovianum*. Т. IV. Praha, 1931. Р. 278–289.

⁴ Покровский С., Миятев К. Кръглата църква в Преслав. Вр. VI. Praha, *Seminarium Kondakovianum*, 1933. Р. 154–156.

¹ С. Покровский. Новооткрытая мозаика в базилике Св. София города Софии. – *Seminarium Kondakovianum*, V. Praha, 1932, 243–250.

В период 1933-1936 г. Покровский преподаватель и в „русской школе“ в Софии, но в конце 1936 – начало 1937 г. снова назначен ассистентом в Археологическом музее в Софии и в начале 1937 г. отправлен в командировку в Археологический музей в Варне, куда и постепенно останавливается.

В музее в Варне С. И. Покровский, без сомнения, был под большим впечатлением от обилия сведений по археологии древнего города Одессоса и накопленного археологического материала. В личном архиве С. Покровского сохранилось много страниц, где он аккуратно отмечал всякие сведения, которые попадали в фонды археологического музея Варны. Хотя он уже очень хорошо владел болгарским языком, в т. ч. и правописанием, но время от времени всё же делал пометки о соответствии некоторых болгарских слов в переводе на русский.

В непростые годы Второй мировой войны С. Покровский жил и работал в Варне. Конечно, тогда было не до того, чтобы проводить какие-либо раскопки, но он интересовался и находил информацию по многим вопросам, в основном по палеографии. Например, С. И. Покровский вёл переписку с К. В. Флоровской¹,

которая в ответ на его просьбы «...наводила справки в университетской и музейной библиотеках...»².

В каждом письме К. Флоровской к С. Покровскому есть и страницы с личными впечатлениями, поскольку время было сложное. Приведём несколько её высказываний:

«Мировые события, конечно, не могут не волновать... трудно надеяться на духовное воскресение и возрождение, как это бывает после таких катастроф. А если оно будет, то, конечно, начнётся в России, которая предварительно уже отстрадала своё и более или менее готова к подъёму. Дай Бог только поскорее!»³.

«Вы посмотрите, какие шавки лают вокруг Вас, без совести и всякого права – Вы между ними не барбос, а настоящий Сен Бернар. Кроме шуток, Вашу статью я прочла, без Вашего позволения исправила две ошибки в болгарском языке и позавидовала, что не могу сама заняться написанием хотя бы таких небольших, но дающих пищу для ума и сердца статей. А у Вас и школа, и опыт, и материал, и чудесное Ваше умение чертить!»⁴.

Следует сказать, что Клавдия Флоровская была не только специалистом в области Средневековья, но через неё осуществлялись также связи со многими русскими учёными, бывшими в это время в Болгарии.

Так, уже в 1920 г. совместными усилиями русской и болгарской профессуры, по инициативе профессоров П. М. Богаевского (1866–1929) и С. С. Бобчева (1853–1940), специально для русской эмигрантской молодёжи был создан Балканский ближневосточный институт, в 1924 г. пре-

¹ Клавдия Васильевна Флоровская родилась 23 февраля 1883 г. в Одессе. Детство провела в Елисаветграде. Образование получила во 2-ой Одесской женской гимназии (1894–1901), по окончании которой ей было присвоено звание домашней наставницы с правом преподавать русский, французский и немецкий языки. В 1908–1909 гг. окончила С. Петербургские Высшие женские курсы (Бестужевские) по историко-филологическому отделению (группа Всеобщей истории). К. В. Флоровская принадлежит к научной школе профессора И. М. Гревса, семинар которого по Данте она посещала вместе с Л. Карсавиным и Г. Федотовым. Затем прошла научную стажировку в Италии по истории средневековой Европы. Осенью 1912 – весной 1913 гг. успешно выдержала экзамены за полный курс по историческому отделению Императорского Петроградского университета. В 1919 г. назначена приват-доцентом кафедры Всеобщей истории Новороссийского университета. В 1920 г. вместе с семьёй эмигрировала в Болгарию. В Софии работала преподавателем латыни в русских и болгарских гимназиях (1924–1934), затем – до-

центом в Софийском университете (преподавала русский язык). В 1955 г. вернулась на Родину, жила в Москве и работала переводчиком в Московской Патриархии. Умерла в январе 1965 г. под Москвой (отпевание проходило 24 января 1965 г. в храме Преображения Господня в Переделкино).

² В личном архиве Покровского имеются 3 письма за август и сентябрь 1943 г.

³ Письмо от 25 августа 1943 г.

⁴ Письмо от 23 сентября 1943 г.

образованный в Свободный университет политических и хозяйственных наук. Задуманный как высшее учебное заведение, он стал российско-болгарским гуманитарным университетом, в котором одновременно учились и преподавали русские и болгарские студенты и профессора.

Благодаря К. В. Флоровской и с помощью Н. П. Кондакова, который дал рекомендацию, удалось в 1924 г. привлечь в Болгарию из Королевства сербов, хорватов и словенцев известного профессора П. М. Бицилли, где он стал заочным преподавателем М. А. Драгоманова и П. Н. Милюкова по кафедре всеобщей истории Софийского университета. Выдающийся знаток медиевистики, ученик И. М. Гревса, Бицилли в Болгарии несколько переориентировал свои научные интересы и больше занимался историко-литературными и культурологическими исследованиями. Тем не менее он возглавлял кафедру всеобщей истории в Софии почти четверть века (до 1948 г.) и оставил столь обширное научное наследие, что и по сей день оно продолжает интенсивно публиковаться. Тогда же организуется и кружок молодых интеллектуалов, в ядро которого входил и брат К. В. Флоровской филолог Г. В. Флоровский.

Можно предположить, что одним из направлений работы С. И. Покровского во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. было его сотрудничество с архитектором А. Рашеновым, который в период 1915–1919 гг. помогал директору Варненского археологического музея К. Шкорпилю при открытии ранней христианской церкви в Джанавара (Варна). После обучения в Праге в 1922 г. А. Рашенов получил докторскую степень по архитектуре и в начале 1924 г. был назначен в Археологический музей в Софии, где к этому времени был создан архитектурный отдел¹, в котором доктор архитектуры А. Рашенов стал единственным сотрудником. В 1928 г. С. Покров-

ский вместе с А. Рашеновым помогают в исследовании Круглой церкви, которым руководил доцент К. Миятев². В созданном отделе А. Рашенов проработал до самой своей смерти в 1938 г. Он строит планы восстановления ряда знаменитых болгарских церквей и крепостей, а также других памятников; исследует болгарское архитектурное наследие и является основателем архитектурной консервации и реставрации в Болгарии.

Вместе с братьями Германом и Карелом Шкорпилами А. Рашенов работал над базиликой в местности «Джанавара», недалеко от Варны. Им раскопаны римские термы в Кюстендилье, проведена работа над реставрацией Круглой церкви в Преславе, крепости Асеновграда, церкви Св. Софии в Софии, он исследовал крепостные ворота в Царевец. В период 1927–1929 гг. А. Рашенов был соредактором известного журнала «Зодчий».

Знакомство А. Рашенова с С. И. Покровским, видимо, способствовало установлению между ними творческих дружеских отношений и в последующий период, когда он занялся изучением церквей Месемврии, то для этой работы он пригласил С. И. Покровского и в качестве фотографа генерала В. К. Лазаркевича.

Привлечение к работе генерала имело и другой важный аспект. В 1921 г. в Месемврии из русских казаков, эмигрировавших в город, была создана Месемврийско-Красновская казачья станица. Станичными атаманами являлись: с 1921 г. – полковник П. Д. Родионов, с 1922 г. – хорунжий Ф. А. Захаров, а вот с конца марта 1924 г. станичным атаманом стал генерал-майор В. К. Лазаркевич.

А. Рашенов требовал от С. Покровского работать по методу П. Покрышкина³. «Предварительное изучение памят-

¹ До этого в институте архитектором работал русский эмигрант Владимир Сергеевич Белоусов (84).

² Миятев К. Кръглата църква в Преслав. София: Державна печатница, 1932. 290 с.

³ В 1900 г. П. П. Покрышкин прибыл в Болгарию в Месембрию/Несебр. Внимание русского архитектора к Месемврии объясняется тем, что в ней находится большое количество сооружений византийского времени и раннего средневековья. Там он

Фото 3 / Photo 3. Сергей Покровский – преподаватель «Русской школы» в Софии (первая пол. 1930-х гг.) / Sergey Pokrovsky – teacher of the “Russian School” in Sofia (the first half of the 1930s)

Источник: архив С. И. Покровского в Варненском музее

ника, – говорил П. Покрышкин, – должно заключаться в точных обмерах его, составлении чертежей, фотографировании, зарисовывании и в подробном описании того состояния, в котором он находился до начала ремонта¹. Собственно, этим и занимались С. И. Покровский и В. К. Лазаркевич.

В архиве Краеведческого музея в Варне хранятся 2 папки с личными документами, планами, фотографиями, перепиской и другими материалами С. И. Покровского, работавшего археологом в Нацио-

исследовал архитектуру церквей «Пантократор» и «Св. Иоан Алитургитос». О своих исследованиях П. П. Покрышкин написал в издании «О церквях в городе Месемврии (Болгария)», опубликованном им в 1902 г. в Архитектурном музее Императорской Академии Художеств (См. подробнее: Покрышкин П. П. О церквях в г. Месемврия (Болгария) // Архитектурный музей имп. Академии художеств. 1902. Вып. 1. 39 с.).

¹ Покрышкин П. П. Краткие советы для производства точных обмеров в древних зданиях. Петроград, 1915. С. 1.

нальном археологическом музее в Софии (в командировке и с перерывами с 1921 по 1945 гг.) и в Национальном музее в Варне (с 1937 г. в качестве прикомандированного и с конца 1945 и до середины 1950 гг.). Среди документов личного архива С. И. Покровского немало рабочих эскизов, готовых к публикации планов и фотографий церквей Несебра. Сохранились и письма В. К. Лазаркевича, которые также имеют отношение к древностям в Несебре.

Покровский писал: «Без лишней скромности ... вижу главные плюсы этой работы – кропотливая работа по обмеру церквей и систематическая и тщательная работа по изготовлению чертежей». Кроме планов, реконструкций и чертежей (некоторые датированы 1923 г., что указывает на то, что чертежи церквей Месемврии делались в основном в полевых условиях и завершались уже в кабинетных условиях). В архиве С. И. Покровского сохранились десятки других подобных работ с прикладными размерами и заметками, в т. ч. и рисунки древнейшей церкви Старая Метрополия в Месемврии (фото 5).

В 1932 г. вышла книга А. Рашенова «Месемврийски църкви» (Месемврийские церкви) (фото 4), в предисловии к которой автор пишет: «...благодарности моему другу господину Покровскому, который оказался превосходным в измерениях и исполнении чертежей церквей»².

Это первая монография о Несебре и наиболее полное исследование величайших средневековых церквей – достопримечательностей города. Издание было двуязычным – на болгарском и французском языках – и вызвало огромный интерес у виднейших византистов.

Среди документов личного архива С. Покровского немало рабочих эскизов, готовых к публикации планов и фотографий церквей Месемврии, которая для

² Покровски С. Археологически проучвания на църковните старини в Несебър в миналото и предстоящите задачи // РП. Вип. IV. 1949. С. IX.

Фото 4 / Photo 4. Архитектор Александр Рашенов и его книга «Месемврийские церкви» / Architect Alexander Rashenov and his book “Mesembrian Churches”

Источник: фото автора

С. И. Покровского оставалась одним из основных его научных интересов (фото 5).

В статье¹, опубликованной в издании института «Раскопки и исследования», кроме перечня открытий в Месемврии, автор намечает основные задачи по сохранению этого памятника мирового значения².

Долгое время имя С. И. Покровского оставалось забытым, и только в 2006 г. в связи со столетием Варненского музея в рубрике «История музея» и в библиографическом разделе он вновь был упомянут³. Из некролога известно, что С. И. Покровский утонул во время обычного для него заплыва в Чёрном море 18 июля 1950 г. Именем Сергея Покровского в 2011 г. была названа одна из улиц Варны. В книге о русских в Варне есть страница, посвящённая С. И. Покровскому⁴.

И вот спустя более чем 90 лет после

выхода в свет книги «Месемврийские церкви», наряду с признанием неоспоримого вклада в болгарскую археологию и искусство её автора архитектора А. Рашенова, уместно не забывать заслуги его самоотверженных сотрудников С. И. Покровского и В. К. Лазаркевича.

Выше мы уже говорили, что С. И. Покровский обучался у известного российского и советского археолога А. А. Спицына. По некоторым отрывкам в статье⁵, посвящённой памяти российского археолога, Покровский вспоминает, что в студенческие годы он участвовал в семинарских занятиях под руководством А. А. Спицына в Петербургском университете (1909–1911) (фото 7).

Эти мероприятия завершились поездкой летом 1911 г. на раскопки в Псков и в Петербургскую губернию. Участие в раскопках было экзаменом, на котором А. А. Спицын оценивал первый выпуск своей «школы»⁶.

Если о Сергее Ивановиче Покровском мы всё же располагаем некоторыми ар-

¹ Покровски С. Археологически проучвания на църковните старини в Несебър в миналото и предстоящите задачи // РП. Вип. IV. 1949. С. 245–255.

² С 1983 г. район старого г. Старый Несебър целиком находится под защитой ЮНЕСКО и считается городом-музеем.

³ Варненският музей. Справочник. Варна, 2006. С. 20–21, 41, 199–200.

⁴ Букасова-Богослорова С. Н. Русский след в Варне. Варна, 2009. С. 96.

⁵ Покровский С. Памяти Александра Андреевича Спицына // Seminarium Kondakovianum. Вип. V. Praha, 1932. С. 315–329.

⁶ Там же. С. 316–317.

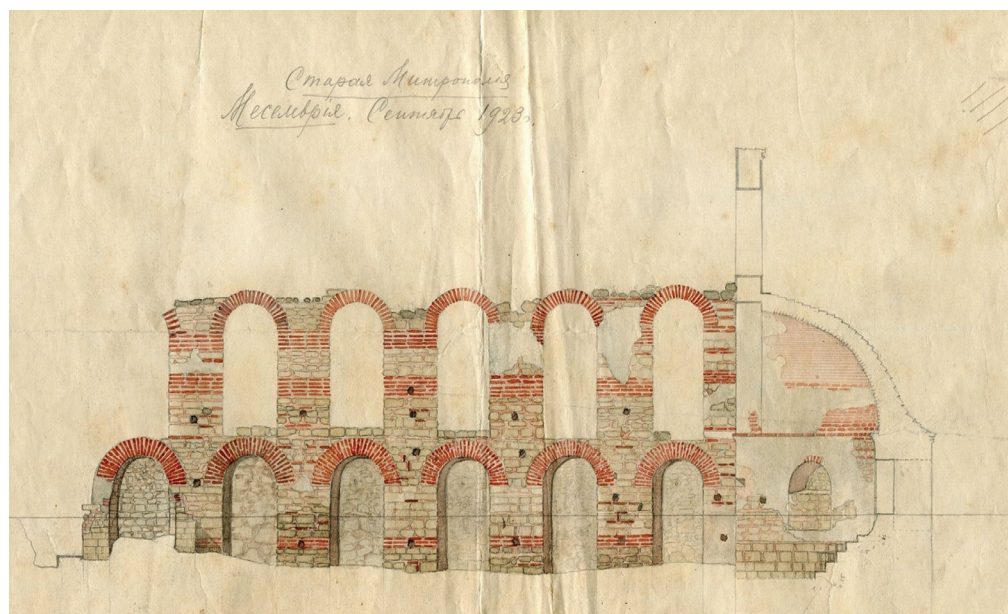
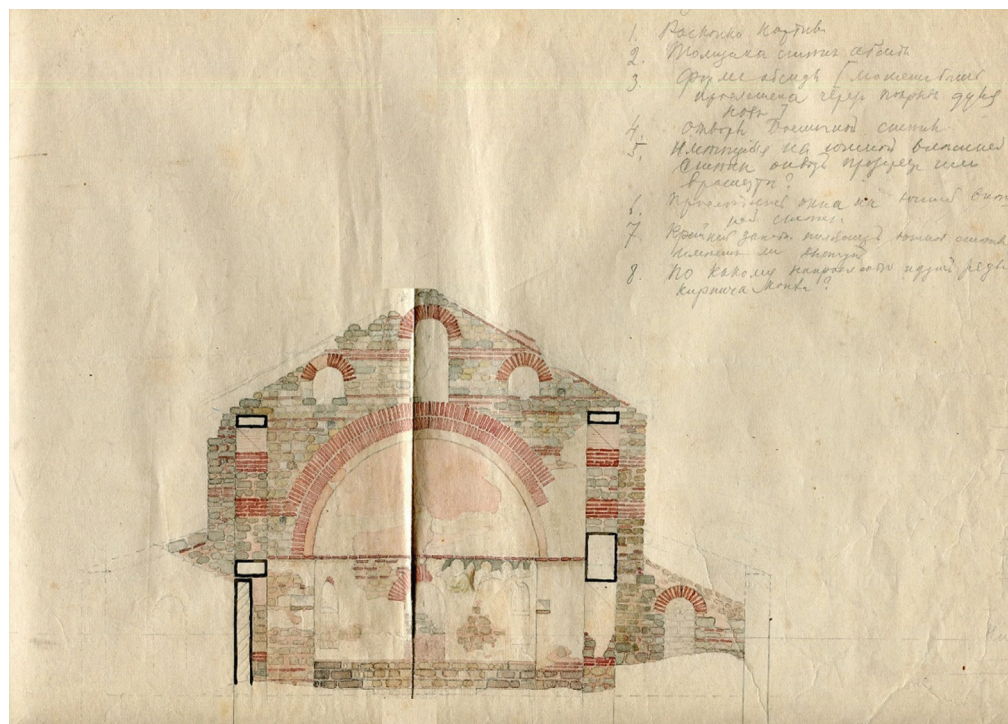

Фото 5 / Photo 5. Не вошедшие в книгу «Церкви Месемврии» цветные рисунки деталей церкви «Святая София» (Старая Метрополис – 1923 г.). Рисунок С. И. Покровского / Not included in the book “Mesembrian Churches” color drawings of details of the church “St. Sophia” (Old Metropolis - 1923). A drawing of S. I. Pokrovsky

Источник: архив С. И. Покровского в Варненском музее

Фото 6 / Photo 6. Сергей Иванович Покровский в археологическом выставочном зале здания Варненской женской гимназии (середина 1940-х гг.) / Sergey Ivanovich Pokrovsky in the archaeological exhibition hall of the building of the Varna Gymnasium (mid-1940s)

Источник: архив С. И. Покровского в Варненском музее

живными и документальными материалами, то о генерале В. К. Лазаркевиче информацию мы черпали из информационных ресурсов сети Интернет.

Вадим Константинович Лазаркевич

Вадим Константинович Лазаркевич (1870–1948) родился в г. Гродно Российской империи (ныне Республика Беларусь). Общее образование он получил в классической средней школе. Окончив в начале последнего десятилетия XIX в. Московское пехотное юнкерское училище, служил в самом начале подпоручиком во 2-й Минометной батарее, командиром 1-го артиллерийского миномётного полка Виленского военного округа (фото 8). В середине 1910 г. получил звание подполковника. В 1910–1912 гг. командовал 1-й батареей 9-го мортирного арт. Дивизиона. С августа 1912 г. назначен младшим руководителем Офицерской артшколы.

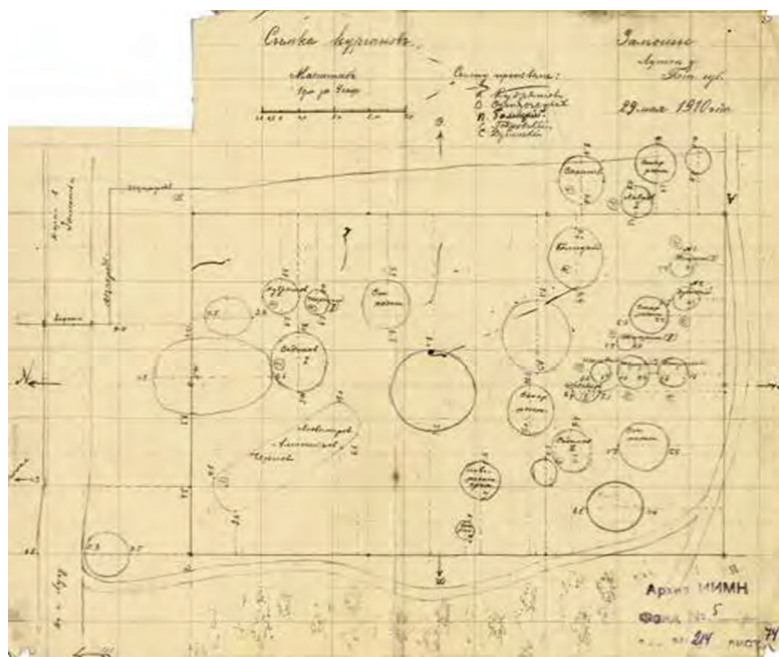

Фото 7 / Photo 7. Топографический план курганной группы. Деревня Замосье, Лужский уезд, Петербургская губерния. План снят К. В. Кудряшовым, В. А. Острогским, П. А. Балицким, С. И. Покровским и С. А. Дубинским, 1910 г. / Topographic plan of the mound group. Zamoshye village, Luga Uyezd, St. Petersburg province. The plan was shot by K. V. Kudryashov, V. A. Ostrogsky, P. A. Balitsky, S. I. Pokrovsky and S. A. Dubinsky, 1910

Источник: РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214. Л. 74

Фото 8 / Photo 8. Подпоручик В. К. Лазаркевич. 2-я миномётная батарея 1-го артиллерийского миномётного полка в Виленском военном округе (1892 г.) / Second Lieutenant V.K. Lazarkovich. 2nd mortar battery of the 1st artillery mortar regiment in the Vilnius Military District (1892)

Источник: из архива доктора по микробиологии БАН И. В. Лазаркевич

Участник Первой мировой войны в должности командира (полковника) 1-го дивизиона 6-й полевой тяжёлой артиллерийской бригады (1916) и Белого движения на Юге России (1918–1920), дослужился до звания генерал-майора артиллерии (фото 9).

Фото 9 / Photo 9. Генерал-майор запаса В. К. Лазаркевич / Reserve Major General V. K. Lazarkovich

Источник: из архива доктора по микробиологии БАН И. В. Лазаркевич

В. К. Лазаркевич является кавалером таких высоких наград, как орден Св. Станислава II степени (1906 г.), орден Св. Анны II степени (1910), орден Св. Владимира IV степени (1915), орден Св. Владимира III степени (1917), Георгиевский кавалер (1916).

Будучи начальником артиллерийской миссии в армии Румынии, был награждён орденом «Корона Румынии» и пожизненной пенсией, от которой отказался.

Эмигрировал в Болгарию вместе с двумя сыновьями Алексеем и Вадимом. С начала 1920-х до начала 1940-х гг. жил в Несебре, где открыл фотоателье (фото 10) и имел в городе очень хорошую репутацию и авторитет.

Как уже говорилось выше, когда в 1922 и в период с 1927 по 1928 гг. архитектор А. Рашенов и С. Покровский работали над первыми обмерами церквей для будущей книги с названием «Месемврийские церкви», В. К. Лазаркевич был нанят для фотографирования древностей (фото 11). Квалифицированная военная подготовка Лазаркевича и его, несомненно, тесная связь с С. И. Покровским и уважение к А. Рашенову (выраженное в письмах) позволили ему помогать не только фотографиями церквей, но и рисунками и другими сведениями, особенно о состоянии церквей. Например, в письме от 26 февраля 1930 г. (видимо, по просьбе С. Покровского) он отвечает с присылкой подробного плана восточной/апсидной части базилики Святой Софии / Старой Метрополии в Несебре, исследования которой велись в 1920 г. археологом И. Вельковым на средства фонда американского археолога Т. Уиттемора¹.

В одном из писем В. К. Лазаркевич сообщал: «...В силу определённых обстоятельств исполняю обязанности город-

¹ Thomas Whittemore (1871–1950) – американский археолог, энтузиаст православной культуры. В 1930 г. он основал международный Византийский институт с тремя отделениями – в Бостоне, Париже и Стамбуле, и сам стал первым директором Стамбульского института.

*Несебрия.**Фото Лазаркевича.*

1. Несебр. II половина 1920-х гг.

*Несебрия.**Фото Лазаркевича.*

2. Несебр. Вид с запада, до 1929 г.

Фото 10 / Photo 10. Рекламные открытки Несебра, работа «Фото Лазаркевича» / Advertising postcards of Nesebar, work "Photo of Lazarkevich"

Источник: фото предоставлены С. Димовой (Археологический музей Несебра)

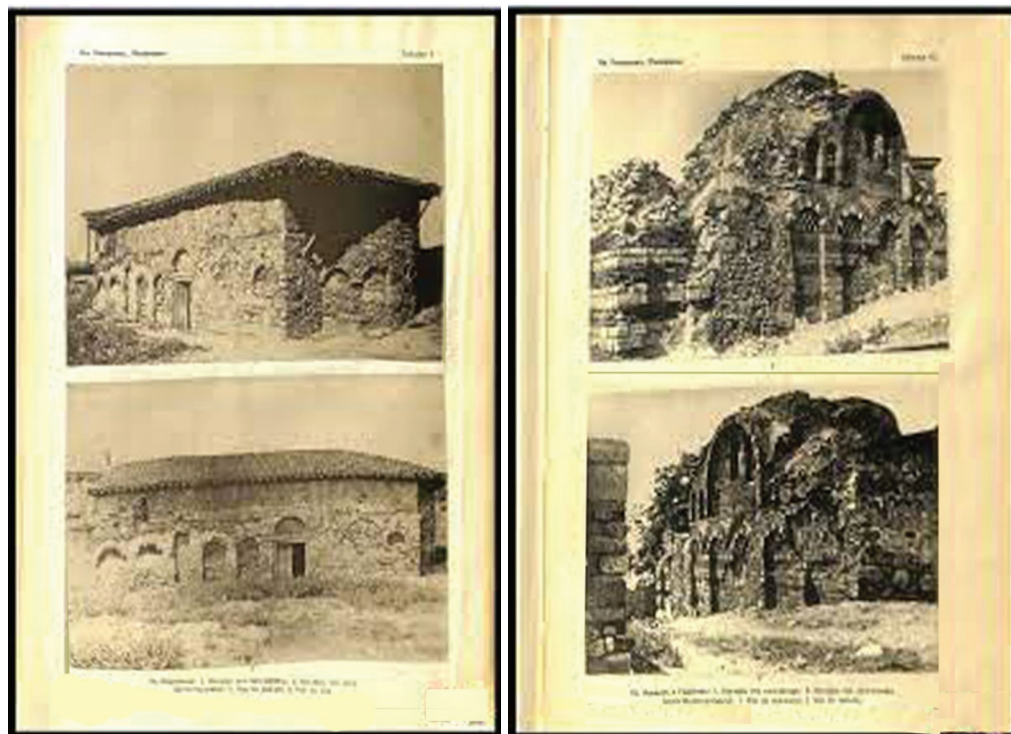

Фото 11 / Photo 11. Фотографии В. К. Лазаркевича из книги «Месемврийские церкви» / Photographs of V. K. Lazarkevich from the book “Mesembrian Churches”

Источник: фото автора

ского инженера в Месемврии». Работа Лазаркевича как инженера по кадастру Несебра столкнулась с некоторыми несоответствиями, которые описал в письме С. Покровскому от 25 июня 1930 г.:

1) сведения о кадастровых квадратах, на которых находятся церкви Иоана Алитургетоса, Святого Стефана (Новая Метрополия), Святого Иоанна (у моря), Старая Метрополия, Святого Георгия (Великого);

2) сведения о частных церковных подворьях и свободных площадках вокруг

них и возле церквей: Вознесения (Святых Спасов), руины Святых Михаила и Гавриила, Святой Параскевы, Святой Понолотрины (Святой Богородицы Понолотрийской), Святого Тодора, Новой базилики (раскопки у Пресвятой Богородицы Элевсинской).

Получив от С. И. Покровского книгу А. Рашенова «Месемврийские церкви», В. К. Лазаркевич пишет благодарственное письмо, сопроводив его и своими замечаниями об опечатках в книге на болгарском и французском языках:

16-1-1933 г.

Месемврия

Дорогой Сергей Иванович!

Я получил книгу «Месемврийские церкви» и от всей души поздравляю вас с успешным и ярким завершением вашей многолетней работы.

Действительно, сама книга представляет собой великолепное исследование и ценный вклад в историю искусства. Не сомневаюсь, она будет принята в научных кругах и обществе с чувством глубокого удовлетворения и благодарности авторам.

В предисловии к книге я прочитал и несколько строк благодарности в свой адрес. Эта благодарность смутила меня, ибо моё участие в таком капитальном труде было весьма и весьма второстепенным. И все же я горжусь, что моя работа оценена и что, следовательно, не бесполезно для болгарского искусства живу я здесь. Благодарю Рашенова и Вас за ценный подарок и за хорошее отношение ко мне.

...

В заключение прилагаю для вас таблицу опечаток в подписях к изображениям и панно – те же печатные ошибки в тексте на французском языке.

Я также пишу благодарственное письмо господину Рашенову, но за печатные ошибки не упоминаю.

Сильно жму Вашу руку.

*Уважающий Вас и преданный Вам
В. Лазаревич*

Источник: Покровский – архив: f-3.ае-117

В заключение следует сказать слова признательности малоизвестным русским исследователям С. И. Покровскому и В. К. Лазаревичу, которые восприняли Болгарию как свою вторую Родину и от-

дали свои силы, талант и умение на благо изучения и сохранения памятников археологии, архитектуры и искусства Болгарии.

Дата поступления в редакцию 23.09.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Йотов Валери – доцент, Археологический музей Варны;
e-mail: valeri.yotov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valeri Yotov – Assoc. Prof., Varna Archaeological Museum;
e-mail: valeri.yotov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Йотов В. Вклад российских исследователей в историю болгарской культуры // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 205–219.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-205-219

FOR CITATION

Yotov V. The contribution of Russian researchers to the history of Bulgarian culture. In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 205–219.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-205-219

РЕЦЕНЗИИ

УДК 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-220-243

МЫШЬ ВМЕСТО ГОРЫ (ПО ПОВОДУ ВЫХОДА МОНОГРАФИИ В. А. ДЕРГАЧЁВА «ЯМНАЯ КУЛЬТУРА КАРПАТО-ПОДУНАВЬЯ. ТОМ I. КАТАЛОГ ПАМЯТНИКОВ»)

Яровой Е. В.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

A MOUSE INSTEAD OF A MOUNTAIN (REGARDING THE RELEASE OF THE MONOGRAPH BY V. A. DERGACHEV “YAMNAYA CULTURE OF CARPATHO-PODUNAVIE. VOLUME I. CATALOGUE OF MONUMENTS”)

E. Yarovoy

State University of Education

ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Рожала гора с неслыханными столами,
И вся земля томилась в ожидании,
А родилась мышь!
Для тех написано,
Кто обещает много, а выходит вздор.
Эзоп, «Гора рожающая», VII–VI вв. до н.э.

Введение

Вторая половина XX в. ознаменовалась невиданным размахом полевых археологических исследований на территории Северного Причерноморья и, в частности, в Днестро-Пруто-Дунайском междуречье. 70–80-е гг. прошлого века по праву можно назвать «золотым периодом» новостроечных экспедиций в СССР. За несколько десятилетий здесь было исследовано огромное количество разнообразных археологических памятников, давших масштабный научный материал.

Особенно активно исследовались курганы, попадавшие в зоны строительства крупных оросительных систем. Поэтому источниковедческая база различных скотоводческих культур за эти годы была увеличена в несколько раз. Но хозяйственные раскопки диктовали и свои условия: с одной стороны, зачастую крайне сжатыми сроками исследований, с другой – длительным полевым сезоном, нередко продолжающимся по полгода. Поэтому закономерно, что не все полученные за эти десятилетия материалы были оперативно опубликованы, и значительная их часть до сих пор не введена в научный

оборот. Да и чего скрывать: немало раскопанных в тот период памятников было опубликовано на крайне низком уровне.

В последние годы этот вопрос решается изданием обобщающих сводов и каталогов источников по отдельным культурам, и этот процесс можно только приветствовать. Ведь археологический памятник полностью уничтожается при раскопках, в отличие, например, от архитектурного, который можно восстановить. Поэтому он нуждается в особом трепетном и уважительном к себе отношении, т. к. копается на снос и уже не может быть возрождён.

Памятники археологии всегда индивидуальны, всегда связаны с определённой эпохой и с определённым народом или народами. Их утраты невосполнимы. По словам академика Д. С. Лихачёва, «каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно. И он совершенно незащищён, он не восстановит самого себя»¹. Единственное, что остаётся от него, – это наши публикации. И поэтому работа над ними требует особой ответственности и тщательности. Но, как показывает жизнь, не всегда подобная работа является успешной.

Актуальность, достоверность и значимость монографии

В мае 2023 г. мне на электронную почту пришло письмо с презентацией «**новейшей**»² монографии Валентина Анисимовича Дергачёва». Рукопись только готовилась к печати в одном из молдавских издательств, тем не менее её электронный вариант поспешили широко разослать по России. Нет сомнений, что это произошло с согласия автора. Несколько позже, в этом же году, каталог был издан в бумажном варианте.

Эта монография вызвала у меня особый интерес, т. к. непосредственно

связана с научной темой, над которой я работал несколько десятилетий и которой посвятил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, а также ряд публикационных монографий и аналитических статей³. В них особое внимание было уделено характеристике и классификации погребального обряда, который и рассматривается в обобщающей работе В. А. Дергачёва.

В. А. Дергачёв действительно проделал огромную работу, собрав в одном издании информацию о 886 курганах и почти 4 000 погребений. Он кратко описал каждый памятник, обнаруженные в нём захоронения и погребальный инвентарь. При этом каждый погребальный комплекс снабдил соответствующими графическими таблицами, которые должны давать о нём наглядное визуальное представление.

Объём издания – 774 страниц. Почти 500 страниц сборника – это текст с пояснениями, описанием конкретных памятников и справочным аппаратом. Его дополняют 272 таблицы, каждая из которых содержит до 20–30, а иногда и до 40 (например, табл. 33) чертежей и рисунков.

Структура каталога общепринятая и включает необходимые указания на местонахождение памятников, авторов раскопок и годы исследований, ссылки на литературу и архивные данные, а также место хранения материалов. Безусловно, важной является публикация радиоуглеродных дат для конкретных памятников. Представленная информация достаточно

³ Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. 126 с.; Яровой Е. В. Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинёв: Штиинца, 1990. 270 с.; Яровой Е. В. О первичных признаках погребального обряда ямной культуры // ПИАИП. Ч. II. Белгород-Днестровский, 1990. С. 119–121; Яровой Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2000. 47 с.; Яровой Е. В. Курганный стратиграфия и относительная хронология ямной культуры (по материалам Северо-Западного Причерноморья) // II Городцовские чтения: мат-лы конф. М., 2005 С. 44–50; и др.

¹ Лихачёв Д. С. Культура и мы // Огонёк. 1985. № 36. С. 24.

² Прим.: все выделения в тексте сделаны автором статьи.

полно характеризует высокий уровень изученности памятников ямной культуры в регионе. Об этом свидетельствует хотя бы общее число приведённых в каталоге захоронений.

В этой связи нельзя не согласиться с автором, что «многие специалисты ещё далеки от понимания истинных объёмов источниковедческой базы, накопленной по ямной культуре интересующего нас региона... Значительная часть материалов, раскопанных... в Украине и Молдове, до настоящего времени остаётся неосвещённой в литературе, что волей-неволей неминуемо приводит к множеству мало аргументированных идей и интерпретаций» (с. 5)¹.

Ну что ж, поставленные задачи вызывают уважение к решимости автора в одной обобщающей работе не только поставить, но и решить вопросы типологии погребальной обрядности, категорий инвентаря, их пространственного и хронологического проявления и т. д. Как следует из приведённой цитаты, именно эти «пробелы» и решил заполнить в своей работе В. А. Дергачёв.

Но когда конкретный учёный работает с большим количеством материалов, полученных на протяжении полутора столетий авторами с различным уровнем профессиональной подготовки, он должен выработать и представить собственную методику анализа источников и чёткую унификацию как публикуемого текста, так и иллюстративного материала. По заявлению В. А. Дергачёва, это было им сделано (с. 8).

Поверим автору на слово, но заодно и проверим, насколько заявленные принципы были реализованы на практике.

Начнём с текста и применённой автором методики и классификации. И здесь вопросы начинаются буквально с первых же страниц. Так, упоминая о 302 местонахождениях памятников, В. А. Дергачёв

включает в них не только одиночные курганы и курганные группы, но и отдельные находки, в т. ч. и не связанные с курганами, например, фрагмент случайно найденной в поле антропоморфной стелы из Александровки (с. 118, табл. 61J). Но отдельной находкой может быть не только крупная каменная скульптура, но и сосуд или изделие из металла или камня. И не всегда можно чётко установить их связь с курганами. Учитывать местонахождения отдельных находок, безусловно, необходимо, но ставить их в один ряд с курганами методически не совсем оправдано (с. 6). Более логично отметить их отдельно и при необходимости дать соответствующую карту случайных находок, что, кстати, и было сделано автором на заре его научной деятельности². Непонятно, почему он отказался от этого спустя 50 лет. Но это скорее пожелание, чем серьёзное замечание. Гораздо важнее проведённое автором географическое разделение региона.

В разделе «Пояснения к каталогу» В. А. Дергачёв утверждает, что «**для удобства работы и восприятия**, материалы даны по 5 условным географическим зонам (с востока на запад)» и разделяет регион, а соответственно, и весь каталог на 5 частей или географических зон (табл. 1, с. 7):

- Левобережье и Правобережье Днестра;
- Левобережье и Правобережье Прута;
- Причерноморская зона (с. 6–7, 500–501, карта 1).

При этом к правобережью Прута пристёгнута зона Подунавья, в которую включено лишь левобережье.

Несуразность подобного механического деления очевидна и ничего не даёт для анализа и «удобства работы». В этом случае «зоны» представляют собой определённые участки, которые можно было бы просто пронумеровать, ибо никаких особых географических критериев для их выделения автором не приведено (рис. 1).

¹ Прим.: здесь и далее все ссылки на каталог отмечены лишь указанием на страницу или таблицу монографии В. А. Дергачёва.

² Дергачев В. А. Памятники эпохи бронзы. Кишинёв: Штиинца, 1973. С. 53–56.

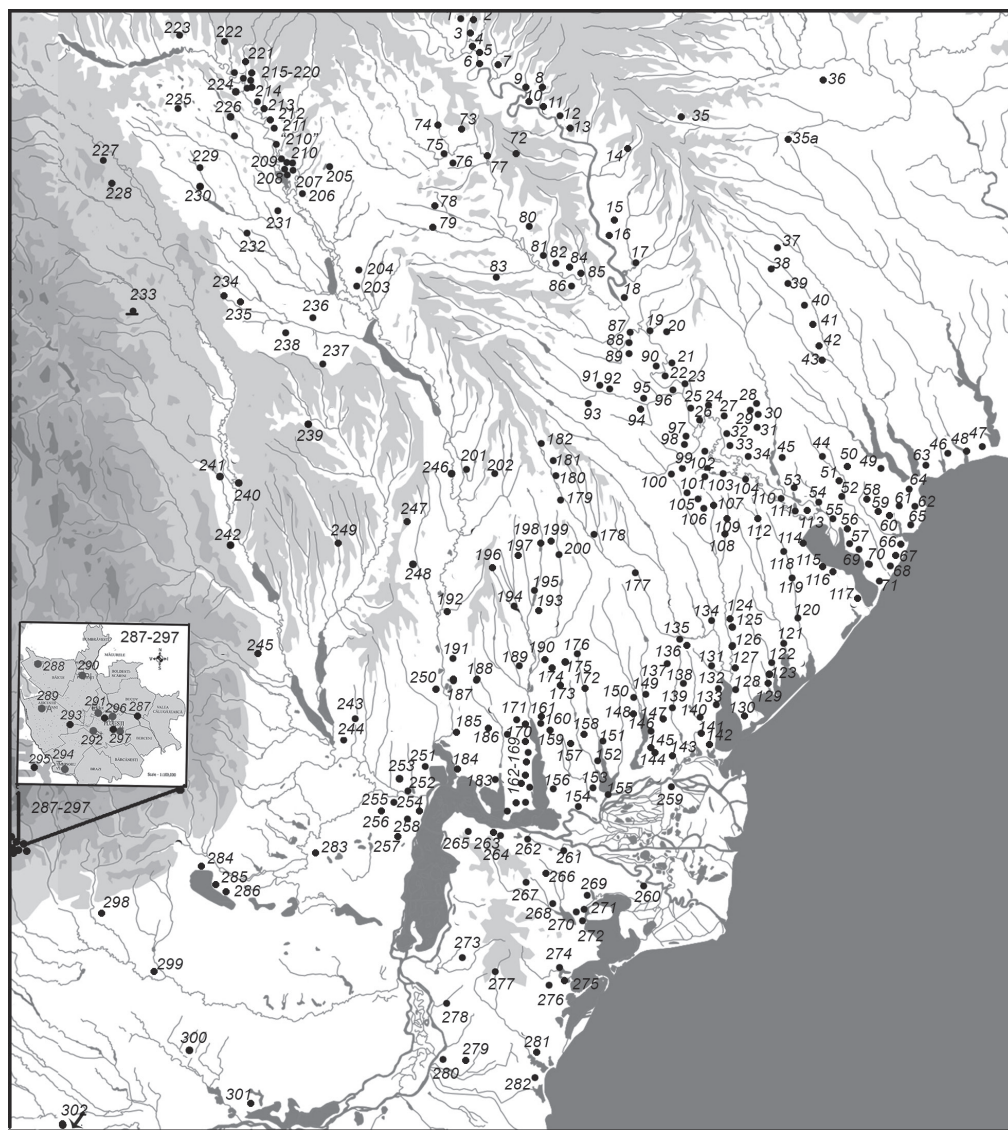

Рис. 1 / Fig. 1. Исследованные памятники ямной культуры региона (В. А. Дергачёв, 2023, Карт. 1, с. 500) / The studied sites of the Yamnaya culture of the region (V. A. Dergachev, 2023, Plan 1, p. 500)

Называя же их «географическими», автор только вносит путаницу, поскольку если рассматривать отдельно левый и правый берег основных рек междуречья, то вряд ли мы найдём какие-либо различия в материалах, т. к. даже в древности они вряд ли могли представлять для скотоводов серьёзную водную преграду.

Наконец, совсем искусственно выглядит выделение так называемой Причер-

номорской зоны, включающей 68 объектов (№ 114–182). Если посмотреть на Карту 1, то непонятно, какими критериями для её выделения руководствовался составитель? Почему, например, в эту зону включены такие памятники, как № 178–182, от которых до побережья по прямой более 100 км? Также на карте отсутствует масштаб, из-за чего она превращается в схему.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: с какой целью автор составлял таблицу 1 (с. 7) и тратил время на процентный подсчёт курганов и погребений с различных речных берегов и аморфной Причерноморской зоны? Какую объективную информацию она несёт, кроме показателя раскопанных и включённых в работу курганов и погребений? Неужели автор не понимает, что этот показатель будет постоянно меняться с проведением очередных раскопок и соответствующим расширением историко-этнографической базы?

Помещённая на с. 500 Карта 1 имеет подпись «Комплексы ямной культуры Карпато-Днестровского региона». Хотелось бы уточнить, что на ней отмечены **исследованные** памятники ямной культуры. И это крайне важно, т. к. она отражает лишь степень изученности ямной культуры региона в первой четверти XXI в. Но и здесь наблюдается определённая путаница в географических определениях.

Если каталог включает памятники Карпато-Подунавья, то что из себя представляет Карпато-Днестровский регион? Где его западные границы? Куда пропали такие знаковые водные преграды, как Дунай и Прут? Мало того, если на карте обозначены «Комплексы Правобережья Прута и Нижнего Подунавья (№224–302)», то в таблице 1 этот же блок имеет название «Восточное Прикарпатье и левобережье Нижнего Дуная» (с. 7). Как такие ляпы можно допускать и чем занимались уважаемые рецензенты, которых так долго уговаривал автор (с. 5)? Да и сам автор обязан был согласовать хотя бы подпись к карте с названием работы, но, видимо, не обратил на это внимание.

Но самым важным во вступительной части каталога представляется раздел, посвящённый типологии и терминологическому описанию погребений. Здесь нельзя не согласиться с констатацией автора о том, что «вопрос о типологии ямных погребений неизменно присутствует чуть ли не в каждой из изданных книг,

и в каждой из них предлагается своя авторская типология». Но, несмотря на это, «единой, принятой специалистами, типологии нет и по сей день» (с. 8).

Не буду останавливаться на путаных рассуждениях В. А. Дергачёва о погребальном обряде, но отмечу его вывод о существовании 2 разновидностей признаков: «типобразующих и побочных, второстепенных», по терминологии автора (с. 9). К первой группе он отнёс такие показатели, как положение скелета (при этом отметил лишь 2 варианта: на спине или на боку), положение рук и «в расчленённом состоянии – пакетом» (по терминологии автора), а во вторую группу включил разворот «черепа **на одной из сторон**», «согнутость одной из рук или ноги в случаях, когда первые обычно вытянуты, а вторые реконструируются как с поднятыми в коленях ногами» (стиль автора каталога) (с. 9). Понять, что хотел сказать автор, сложно, и приведённая цитата свидетельствует, что он или не совсем чётко представляет, о чём пишет, или с трудом формулирует свои мысли. В данном случае речь идёт о первичных (объективных) и вторичных (случайных) признаках погребального обряда. Но, во-первых, этот вопрос достаточно давно был поднят и рассмотрен в литературе¹, а во-вторых, предложенное здесь деление признаков слишком поверхностно и неверно. Достаточно лишь указать, что для одной группы положение черепа и рук строго регламентировано, а для другой возможны случайные отклонения; для основных погребений ориентировка первична, а для впускных – вторична, т. к. несёт совершенно иную информацию; что положение скорченных ног коленями вверх первично, а их распад или завал в одну из сторон – вторичен и т. д. Ничего здесь не сказано и о таком объективном для ямных погребений признаке, как скорченность ног и т. д.

¹ Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 119–121.

Затрагивая же такой важный определяющий признак, как положение костяка в захоронении, В. А. Дергачёв ссылается на типологию ямного обряда, «изложенную в **синтезирующей работе** С. В. Ивановой» (с. 8).

В этой связи хочу заметить, что в целом типология С. И. Ивановой повторяет мою классификацию и включает 5 типов положений костяка в захоронении. При этом она отмечает, что в группах 2 и 3 костяк «уложен **на спину с наклоном**» или просто «**с наклоном**» вправо или влево¹. Поскольку этот признак неоднократно рассматривался в литературе, но до сих пор вызывает дискуссии, то позволю себе сделать необходимое отступление.

По рекомендации своего университетского наставника В. С. Титова, а затем и научного руководителя Н. Я. Мерперта, в основу своей классификации я поставил именно позу погребённого. При этом до начала её анализа было неясно, какую информацию она содержит. Чтобы проверить объективность этого признака, была разработана отдельная таблица, в которой фиксировались буквально все, даже заведомо случайные или вторичные отклонения в положении костяка. В результате получилось 60 различных вариантов. Но сухая статистика показала, что из них наиболее устойчивыми являются лишь 4 группы². И если скорченное положение костяка на спине и на боку являлись общепризнанными позициями, то в результате суммарного анализа появилась **промежуточная группа**, которую я определил как **скорченное положение на спине с наклоном на бок**. Впервые такую позу описала О. А. Кривцова-Гракова³, но

мне удалось выделить её из общего массива погребальных комплексов, и это я считаю объективным результатом обработки тысячи ямных захоронений.

Год спустя точно к такому же выводу пришёл и В. А. Дергачёв. При этом он не посчитал нужным сослаться на более раннюю работу, которую получил на рецензию и имел возможность ознакомиться с полученными результатами ещё до её публикации. Я нисколько не сомневаюсь, что он мог прийти к аналогичному выводу самостоятельно, но нигде не увидел научную базу, на основе которой была выделена данная группа. Её «почему-то» в его монографии не оказалось, как не оказалось и описания применённой для анализа методики. Просто констатирован вывод, и дана его интерпретация с выделением буджакской культуры⁴.

Обсуждение этой монографии вызвало у коллег массу вопросов не только научного, но и этического характера. В ходе дискуссии было сделано множество замечаний по описанию и анализу материалов, которые в итоге были полностью проигнорированы автором. В результате работа получилась, на мой взгляд, крайне слабой, с массой грубых ошибок. Их легко можно было бы избежать, если бы В. А. Дергачёв прислушался к конструктивной критике и внёс соответствующие исправления. Упоминаю об этой истории не случайно, т. к. спустя несколько десятилетий те же ошибки и просчёты перекочевали в данный каталог, анонсированный как серьёзная база источников.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к типологии ямного обряда, которую предлагает автор. Он однозначно заявляет, что «все известные ямные погребения отчётливо распадаются **на пять типов, пять обрядовых групп**» и иллюстрирует этот тезис рисунком 1 (с. 9, рис. 1). Но на нём чётко указано

¹ Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 35; Иванова С. В. Ямная (Буджакская) культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: СМИЛ, 2013. С. 234.

² Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 38–49, рис. 2.

³ Кривцова-Гракова О. А. Погребения бронзового

века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // МИА. 1962. Вып. 115. С. 8–10.

⁴ Дергачёв В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинёв: Штиинца, 1986. С. 82–87.

почему-то 4 типа, плюс нижняя колонка без номера включает постмариупольские захоронения. Их появление вызывает закономерный вопрос: зачем они здесь? Вот что по этому поводу пишет автор: «Накопление данных по ямной культуре побудило нас включить в данный каталог и информацию о комплексах постмариупольского типа, что позволит в ближайшем будущем **окончательно разобратся** в их хронологическом соотношении»

(с. 13). Странно. Мне кажется, что этот вопрос уже давно решён и лишний раз подтверждён в представленной работе: эти памятники предшествуют ямным захоронениям (рис. 2).

Об этом достаточно ясно писала ещё И. Ф. Ковалёва, которая особо подчёркивала, что в рамках относительной хронологии постмариупольский горизонт предшествует погребениям ямной культуры, «от которых чётко от-

Рис. 2 /Fig. 2. Типология погребальной обрядности ямной культуры по В. А. Дергачёву / Typology of the funeral rites of Yamnaya culture according to V. A. Dergachev

делён стратиграфически»¹. Спустя десятилетия аналогичное «открытие» делает и В. А. Дергачёв: «погребения с вытянутыми костяками не характерны для ямной культуры, по крайней мере, нашего региона» (с. 12).

Зачем же тогда включать их в каталог по ямной культуре и от своего имени повторять выводы своих предшественников? И почему, в таком случае, это решение не нашло своего отражения в названии? Наконец, почему вместо 5 заявленных типов ямной культуры в сухом остатке представлено лишь 4? Ответа нет.

Да и с методологической точки зрения неверно объединять погребения, содержащие костяки, с кенотафами и расчлнёнными комплексами. В первом случае классификация основывается на положении погребённого, его позе, а в 3 и 4 группах, по В. А. Дергачёву, этот показатель отсутствует.

Кстати, выделение и характеристика этих групп, наряду с парными и коллективными захоронениями, были сделаны в своё время отдельно от одиночных комплексов², но ссылки на эту работу в каталоге нет. У В. А. Дергачёва же все эти комплексы механически смешаны.

Отдельно остановлюсь на промежуточной позе «скорченное положение на спине с наклоном». Многие археологи описывают её как «скорченное положение на боку с наклоном на спину». Сегодня эту точку зрения разделяет и автор. Казалось бы, в этих трактовках нет принципиальной разницы. Но это не так. Подробное рассмотрение данной позы показывает, что в этом случае погребённого специаль-

но укладывали на спину, наклоня голову и разворачивая согнутые ноги в ту или иную сторону³. Забыв о своей обобщающей работе, в которой эта группа характеризуется как «скорченное положение на спине с разворотом на бок» и «составляет чёткий самостоятельный тип»⁴, В. А. Дергачёв уже однозначно утверждает, что это всё же «положение на боку» (с. 11). При этом приводит собственную оригинальную аргументацию, которую невозможно читать без улыбки: «Попробуйте смоделировать одну из описанные (так у автора!) поз. Лягте, скажем, на левый бок, рукой, протянутой к коленям, а полусогнутой правой – поперек поясницы. Уверен, вскоре вы неизбежно почувствуете, что верхняя часть падает на спину. Вот вам и положение «скорченно на спине с поворотом на левый бок», хотя на деле вы лежали строго на боку» (с. 10).

Оставляю этот пассаж без комментариев, но хотелось бы уточнить: автор хоть иногда перечитывает собственные работы, поскольку высказывает и никак не комментирует свои же противоположные выводы?

В итоге можно констатировать, что он отказывается от существования промежуточной группы и тем самым ещё более запутывает типологию данного признака.

Теперь перейдём непосредственно к каталогу. Начнём с текста. Только описание курганных комплексов занимает 486 с., поэтому анализ сделаем выборочно, поскольку буквально к каждой странице возникают вопросы, и все замечания могут занять неоправданно много страниц.

Во вступительной части В. А. Дергачёв отмечает, что «за отдельными исключениями **описание комплексов даётся** по строго определённой схеме: курган, погребальное сооружение, позиции погребённых, их инвентарь и другие возможные наблюдения» (с. 8). В целом эта схема выдерживается, но она далека от

¹ Ковалёва И. Ф. Днепровский ареал Волго-Днепровской этнокультурной общности // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: тезис докл. Оренбург, 1980. С. 24; Ковалёва И. Ф. Север степного Поднепровья в энеолите-бронзовом веке (по данным погребального обряда): учеб. пос. Днепропетровск: ДГУ, 1984. С. 43 и др.

² Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 69–76.

³ Там же. С. 46–48.

⁴ Дергачёв В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинёв: Штиинца, 1986. С. 37, 83.

комплексного и универсального содержания.

Каталог опубликован на русском языке, но при этом унификация географических наименований почему-то не продумана. А это крайне важно, т. к. за последние годы по Молдове и Украине прокатилась волна переименований, и легко может возникнуть (и часто возникает) путаница, т. к. памятник был опубликован под одним названием, а сегодня этот населённый пункт уже переименован.

Логично за основу взять название из публикации с переводом его на английский язык и уточнением современного наименования населённого пункта. Казалось бы, автор это сделал, но в тексте можно легко запутаться от подобных географических определений: Великозименово / Velikozimenove, village (Ukrainian: Великозименове, Russian: Великозименово), Velyka Mykhailivka district, Odesa region, Ukraine, 47°04'21,8" N, 30°16' 09,7" E» (с. 77–78, Карт. 1, № 41). Как говорится, смесь французского с нижегородским – тут и русская транскрипция, и украинская, и английская без перевода, и географические координаты. Зачем-то в скобках дублируется русское название. А в приведённой библиографии статья у авторов называется «Велико-Зиминовский курган бронзового века» (с. 479). Так как же правильно? Даже русское название приведено неточно!

Открываю выборочно каталог, и вновь открытие: Николаевка / Mikolayvka, city (Ukrainian: Миколаївка, Russian: Николаевка) (с. 100–101, Карт. 1, № 57). Название русское, но английский перевод дан с украинского, затем идёт собственно украинское название, и затем вновь русское. Но в данном случае ещё отмечено, что это **city**, хотя дальше автор указывает, что это всё же **село**! Для кого в данном случае предназначен английский перевод или латинская транскрипция?

Несколько лучше ситуация с молдавской топонимикой, в которой в большинстве случаев русские названия совпадают

с переводом. Но и здесь есть проблемы. Например: Чобручи – Чобурчиу, Тудоро-во – Тудора и т. д.

Есть и вообще загадки. Так, местонахождение Дервент переводится без каких-либо пояснений следующим образом: «143. Дервент / Dervent, village (Ukrainian: Новосільське, Russian: Новосельское (Карт. 1, № 163)» (с. 287).

Что же касается иллюстраций, то на них памятники указаны в латинской транскрипции, в то время как в подписях – русскоязычные названия с очередным дублированием латинским шрифтом. Увидеть в этом какую-то логику сложно, но надо признать, что каталог вносит свою лепту в запутывание единого и универсального списка памятников.

Очень важным представляется «Алфавитный указатель памятников, включённых в каталог», поскольку он является своеобразным путеводителем по тексту и иллюстративному материалу (с. 494–498). Указание на номер конкретного памятника, страницу в тексте и номер иллюстрации позволяет легко найти интересующий специалистов объект. И это безусловный плюс. Но и в данном случае перевод географических названий на английский сделан почему-то не с русского, а украинского языка, что вызывает определённые сложности в идентификации. Например: Подгородное / Pidgirne (если верен латинский текст, то это Подгорное), Подлесовка / Pidlisivka, Огородное / Gorodne (с. 498) и т. д.

Здесь же необходимо было указать авторов раскопок и годы исследований, поскольку эта важная информация распылена в тексте. А ведь она объективно отражает вклад конкретных археологов в изучение региона, а также масштабы проведённых работ в различные исторические периоды. Сложно сказать, почему В. А. Дергачёв этого не сделал, в отличие от других своих коллег¹.

¹ Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 198–207; Яровой Е. В.

Указывая каждый памятник, автор даёт его географические координаты. Но они, на мой взгляд, не несут какой-либо принципиальной информации, т. к. конкретные объекты хорошо видны на карте. Это же касается и ориентировки погребений, т. к. статистическая обработка координат не имеет смысла. Зачем же заниматься наукообразием, если очевидно, что древние скотоводы, совершая погребальный обряд, вряд ли высчитывали градусы и минуты?

При описании курганов не упоминается, какие насыпи не распахивались. А это достаточно важно, т. к. данные показатели относительно объективно отражают истинные размеры кургана, в отличие от насыпей, которые постоянно нивелировались при распашке. Но и в последнем случае необходимо уточнить высоту: она приводится от древней погребенной почвы (пп) или современной дневной поверхности (дп)? Этого почему-то не сделано, и поэтому любые в перспективе мерные подсчёты затраченного на строительства кургана труда не дадут объективной информации.

Кроме того, практически везде погребальная камера (яма) и уступ (входная яма) определяются как прямоугольные. На самом деле подавляющее большинство из них (67,2%) имеет округлённые углы, а погребальные камеры с прямыми углами встречаются в 15 раз реже (4,5%)¹. Чаще прямоугольные ямы фиксируются в позднеямных или буджакских комплексах, но все равно доминирует прямоугольная форма с округлёнными углами². Однако закруглённость углов нигде в каталоге не отмечается. Как в основном не отмечается и глубина погребальных

камер (указываются лишь 2 показателя: длина и ширина). А в тех редких случаях, когда она всё же даётся, не указывается, с какого уровня проведена фиксация. Но если она дана с уровня перекрытия, то это объективный показатель, в противном случае – нет. Да и не понятен принцип, по которому автор иногда считает нужным указывать глубину.

О путанице в определении позы погребённого уже говорилось, и она находит своё отражение в каталоге. Например, погребения 7 и 9 из кургана 1 у с. Окница описаны следующим образом: «Погребённый (взрослый) лежал **на спине с разворотом на правый бок**, головой на З (276°)» и «Погребённый (взрослый) лежал скорченно **на левом боку с разворотом на спину**, головой на ЮЗ (256°)» (с. 25). Смотрим таблицу и видим, что в обоих случаях костяки уложены на спине с наклоном вправо и влево (табл. 7В, 10 и 14), т. е. налицо нечёткое представление автора даже о собственной классификации.

Перейдем к характеристике погребального инвентаря. Он немногочислен, и в основном представлен керамикой. Её систематизация неоднократно разрабатывалась различными специалистами, в т. ч. и самим автором³. Казалось бы, надо её использовать и тем самым облегчить другим археологам работу с опубликованными источниками. Но и здесь Валентин Анисимович пошёл своим оригинальным путём и принялся описывать различные формы сосудов, игнорируя не только других авторов, но и свои давние и, надо признать, не совсем чёткие работы.

Так, в своё время он выделил «около 10 достаточно устойчивых типов форм» и подробно их описал, отметив для днестровской группы 3 типа форм керамики: сосуды кубковидных форм, шаровидные амфоры и сосуды баночных форм с коротким отогнутым наружу венчиком⁴.

Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 34–36.

¹ Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 62–64.

² Сурду В. В. Особенности погребальных сооружений ямной культуры Карпато-Поднестровья // Стародавнє Причорномор'я. Вип. XII. Одеса: ОНУ, 2018. С. 515–516.

³ Дергачёв В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинёв: Штиинца, 1986. С. 42–54.

⁴ Там же. С. 77, рис. 18А.

В свою очередь, в керамику буджакской группы, наряду с «баночными сосудами», были ещё включены чашевидные сосуды, чашевидные сосуды с ручками-налепами с вертикальными отверстиями и амфоровидные сосуды с ручками-налепами¹.

Сразу же отмечу, что, судя по рисункам на приведённых таблицах, так называемые «баночные сосуды с отогнутым венчиком» являются типичными горшками. А на рис. 11/1-19 в группе 5 так называемых «сосудов чашевидных форм» оказались миска, молочник и банки². Таким образом, представленную В. А. Дергачёвым разработку нельзя признать совершенной и следует отметить другие более чёткие классификации³, где наряду с описанием указана и ведущая форма сосуда: горшок, чаша, банка без поддона, банка на поддоне, кубок, миска и т. д.⁴ Поэтому в каталоге достаточно было указать форму того или иного сосуда и дать его размеры, чтобы получилась полная картина керамического изделия.

Соглашусь, что автор имеет право самостоятельно решать, каким образом публиковать керамику, но даже выборочная проверка соответствия текста и формы показывает неоднозначность в характеристике самой показательной части погребального инвентаря.

Не будем голословными. Откроем наугад каталог и на с. 99 найдём следующую характеристику керамики:

– **Маяки III, 2/7, Маяки IV, 1/1:** «чашевидный сосуд с кольцевым поддоном и двумя ручками-налепами с вертикальными отверстиями» (с. 554, табл. 53А.4, 53В.3 – у автора в тексте ошибочно указано 53А.3!) – на рисунках типичные банки на поддоне (рис. 3);

– **Маяки III, погр. 2/8:** «у левого плеча находился **раздавленный** сосуд с округлым туловом и коротким отогнутым наружу венчиком» (табл. 53А.8) – из описания надо гадать о форме, но на рисунке горшок (рис. 3);

– **Маяки IV, погр. 2/9:** «справа от черепа находилась мисочка с закругляющимся кверху туловом» (табл. 53С.4) – на самом деле, это чаша (рис. 3).

Такая же неопределённость характерна и для других форм. В частности:

– **Холодная Балка, погр. 1/7:** «амфоровидный сосуд с округлым туловом с двумя ручками-налепами на нём, с вертикальными отверстиями» (с. 85) – судя по рисунку и размерам, это амфорка (с. 546, табл. 45В.6);

– **Островное погр. 2/12:** «большая амфора с шаровидным туловом, короткой горловиной и двумя ручками на тулове» (с. 273) – а это уже типичная (овоидная) амфора (с. 657, табл. 156А.12).

Различия между этой керамикой, безусловно, есть, но из представленных описаний непонятно, чем отличается амфоровидный сосуд от амфоры, «банковидный сосуд с отогнутым венчиком» от горшка, миска от чаши, чашевидный сосуд от банки и т. д.? И так везде, поэтому приводить новые примеры нет смысла.

Ещё 20 лет назад отмечалось, что «в монографических исследованиях и отдельных работах... выделены основные типы сосудов, как общие для всей территории ямной КИО, так и специфичные для Северо-Западного Причерноморья»⁵. Поэтому автор только вносит путаницу в достаточно чётко разработанную классификацию ямной керамики данного региона⁶.

¹ Там же. С. 86, рис. 19А.

² Там же. С. 50–51.

³ Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 82–89.

⁴ Иванова С. В. Ямная (Буджакская) культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: СМИЛ, 2013. С. 237–239.

⁵ Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 39.

⁶ Алексеева И. Л. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1992. Рис. 15–19, 23–24; Иванова С. В. Об истоках формирования буджакской культуры // ССПК. 2012. Т. XVI. С. 18–47; Иванова С. В. Ямная (Буджакская) культура // Древние культуры Се-

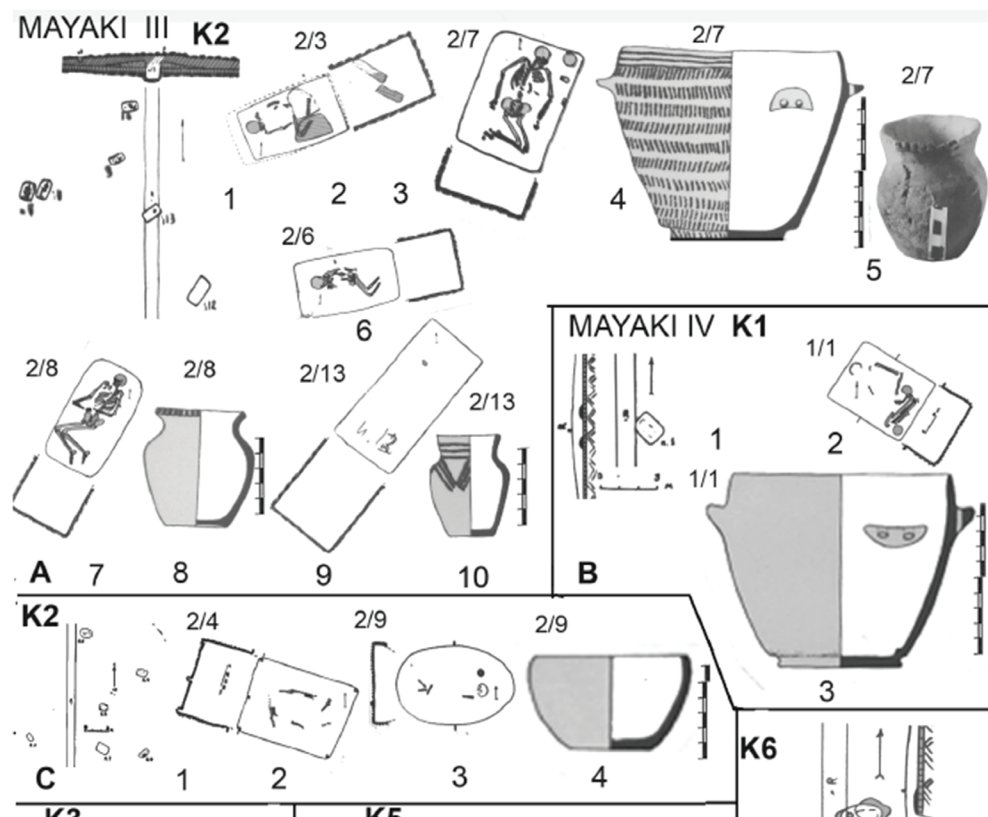

Рис. 3 / Fig. 3. Керамика из курганного могильника у с. Маяки из книги В. А. Дергачёва / Ceramics from a burial mound near Mayaki village from the book by V. A. Dergachev

И несколько слов о привлечённых источниках. От качества источниковедческой базы зависит объективность различных классификаций и, как результат, научный уровень реконструкции исторического процесса. Выше уже отмечалось отсутствие внятной аргументации по включению в каталог постмариупольских комплексов. Но в свод ямных памятников попало немало и других инокультурных захоронений.

По моему глубокому убеждению, к ямной культуре не относятся внесённые в каталог захоронения в каменных ящиках, вытянутые на спине и резко скорченные погребения на боку в позе адо-

рации. Здесь надо особо отметить, что некоторые коллеги также включают эти комплексы в источниковедческую базу¹ и в итоге приходят к спорным или крайне сомнительным выводам.

Это можно показать на примере находок каменных топоров. Так, вслед за другими исследователями В. А. Дергачёв необоснованно, на мой взгляд, относит к ямной культуре такие яркие захороне-

веро-Западного Причерноморья. Одесса: СМЛ, 2013. С. 237–239, рис. 50–51; Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 82–89, рис. 19–22 и др.

¹ Иванова С. В. Ямная (Буджакская) культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: СМЛ, 2013. С. 211–254; Субботин Л. В. О культурно-хронологическом месте древнейших вытянутых погребений Буджакской степи. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья, Киев: ЦНАИ АН ССРМ, 1991. С. 71–72; Субботин Л. В. Орудия труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Полис, 2003. 234 с. и др.

ния с каменными топорами, как Широкое (Алкалия), 33/3 – в каменном ящике (табл. 113В.2-4 – 114А.1-17) и Пуркары, 1/38 – в яме с навесом (табл. 96В.21-30) с типично катакомбным инвентарём, включающим, в частности, кремнёвые стрелы с выемкой в основании и каменную булаву. А такие погребения, как Глиное-Сад, 1/13 (табл. 38А-5-6), Градиште, 2/2 с заготовкой каменного топора (табл. 185Е.1-2), также, скорее всего, относятся к катакомбной культуре. Об этом свидетельствует как погребальный инвентарь, так и отсутствие зафиксированной в насыпи погребальной камеры (катакомбы). При этом все эти комплексы характеризуются скорченным положением костяка с наклоном влево, который нередко встречается в катакомбном обряде. В каталоге можно найти и вытянутые на спине катакомбные захоронения с топорами, такие, как Траповка, 6/13 (табл. 132/4-5) или Гура-Быкулуй, 1/7 (табл. 80D.4-5).

Если же исключить из списка сомнительные захоронения с оружием, то можно сделать вывод, что целые каменные топоры в чётко документированных ямных памятниках являются, скорее, исключением, чем правилом. В этой связи необходимо особо подчеркнуть, что и в других выборках количество целых топоров, относимых к ямной культуре, также преувеличено. Анализ опубликованных материалов убеждает, что в подавляющем большинстве случаев это погребения катакомбной или иных культур, а иногда даже случайные находки¹.

¹ Алексеева И. Л. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1992. С. 88–89; Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 72; Иванова С. В., Цимиданов В. В. Погребения с топорами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного Університету. 1998. Вип. 4. С. 141–162; Субботин Л. В. Орудия труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Полис, 2003. С. 194–198.

Конечно, эти комплексы можно трактовать как позднейшие, но тогда зачем в свод источников включать явно катакомбные погребения с позднейшей керамикой? Например, такие, как Траповка 1/18 (табл. 130В.16-18) и Вишнёвое, 17/31 (табл. 136.7), которые в своё время были однозначно отнесены самим автором к катакомбной культуре². Подобные комплексы наглядно свидетельствуют о сосуществовании и взаимовлиянии этих культур, но отнюдь не о принадлежности их к ямной КИО. Безусловно, не относится к ямной культуре и основное погребение 2 с топором (рис. 4), в котором костяк резко скорчен на боку и ориентирован головой на В (курган 2 (пятно) у с. Владычень II) (с. 675, табл. 174D.1-2). Хотя автор раскопок М. М. Фокеев справедливо отнёс его к эпохе бронзы, В. А. Дергачёв включил его в каталог наряду с серией разрушенных или плохой сохранности погребений, принадлежность которых к ямной культуре очень сомнительна (с. 306–307; с. 675, табл. 174А-В).

Здесь надо отметить, что составитель каталога неоднократно вступает в полемику с авторами раскопок и без какой-либо аргументации относит к ямной культуре памятники, определённые в публикациях как катакомбные, КМК, сабашиновские, эпохи бронзы и т. д. И в подавляющем большинстве случаев его определения не подтверждаются источниками. Например, такие комплексы, как Старые Дубоссары, 1/31 (табл. 73А.4-5), Гура-Быкулуй, 3/11-12 (табл. 81С.10-11), Крихана Веке, 1/23 (табл. 195В.16-17) и многие другие, со скорченным на боку обрядом, восточной ориентировкой, овальными ямами и каменными забутовками явно не входят в круг ямных захоронений, и относятся к более позднему времени.

Есть в каталоге и более ранние захоронения. В частности, основное погребение 78/22 со скорченным на боку

² Дергачёв В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинёв: Штиинца, 1986. С. 86.

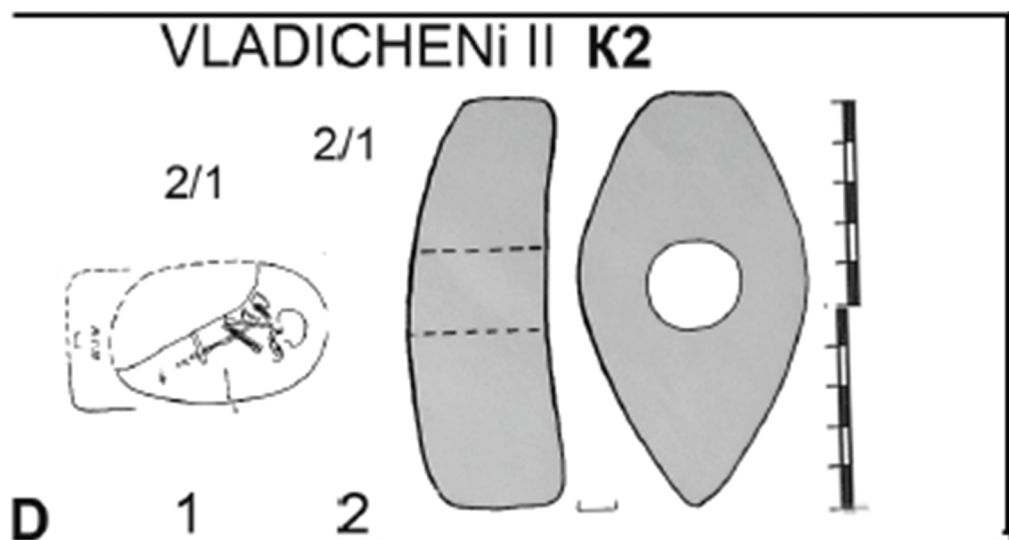

Рис. 4 / Fig. 4. Основное погребение 2/2 с топором у с. Владычень II / The main burial 2/2 with an ax near Vladychen II village

костяком у с. Лиешть-Арбэнашу в Румынии содержит 2 гордиештских сосуда (табл. 251С.24-26). Несмотря на это, В. А. Дергачёв допускает его принадлежность к ямной культуре. Но на этой же странице, анализируя стратиграфию, приходит к заключению, что «основным было погребение 22 с расписным познетрипольским сосудом, а все ямные – относительно более поздние» (с. 438). Следовательно, он всё же отделяет центральный комплекс от ямной культуры. И это настолько очевидно, что не требует обсуждения. Но тогда возникает вопрос: зачем включать в каталог познетрипольский комплекс? Было бы достаточно указать его положение в относительной стратиграфии кургана. Да и само выборочное описание стратиграфии мало что даёт читателю. В этом легко убедиться, открыв первый том.

Нельзя не обратить внимание и на то, что ч. 5 каталога разительно отличается от предыдущих низким качеством опубликованных источников. В первую очередь, это объясняется уровнем полевой методики в румынской археологии тех лет, который наглядно отразился в

представленных иллюстрациях. Таблицы 246–272 однозначно указывают, что в каталог включено неоправданно много захоронений, не имеющих отношения к ямной культуре. Например, в грунтовом могильнике Брэилица, расположенном на территории гумельницкого телля, ведущей позой погребённых является резко скорченное положение на боку с преобладанием восточной ориентировки, характерное для познетрипольских погребений или эпохи бронзы (табл. 254Е, 255–257) (рис. 5). Но В. А. Дергачёв включает их в каталог, объясняя своё решение следующим образом: «многие из типов его инвентаря (в частности, типы керамики), в большей или меньшей степени встречаются в «классических» ямных захоронениях как Нижнего Подунавья, так и сопредельных областей» (с. 444). Так каковы же, в таком случае, были критерии отбора для включения тех или иных памятников в ямную культуру: консервативный погребальный обряд или инвентарь, имеющий зачастую импортное происхождение? В результате получается, что для ямной культуры характерны и грунтовые могильники. Но объектив-

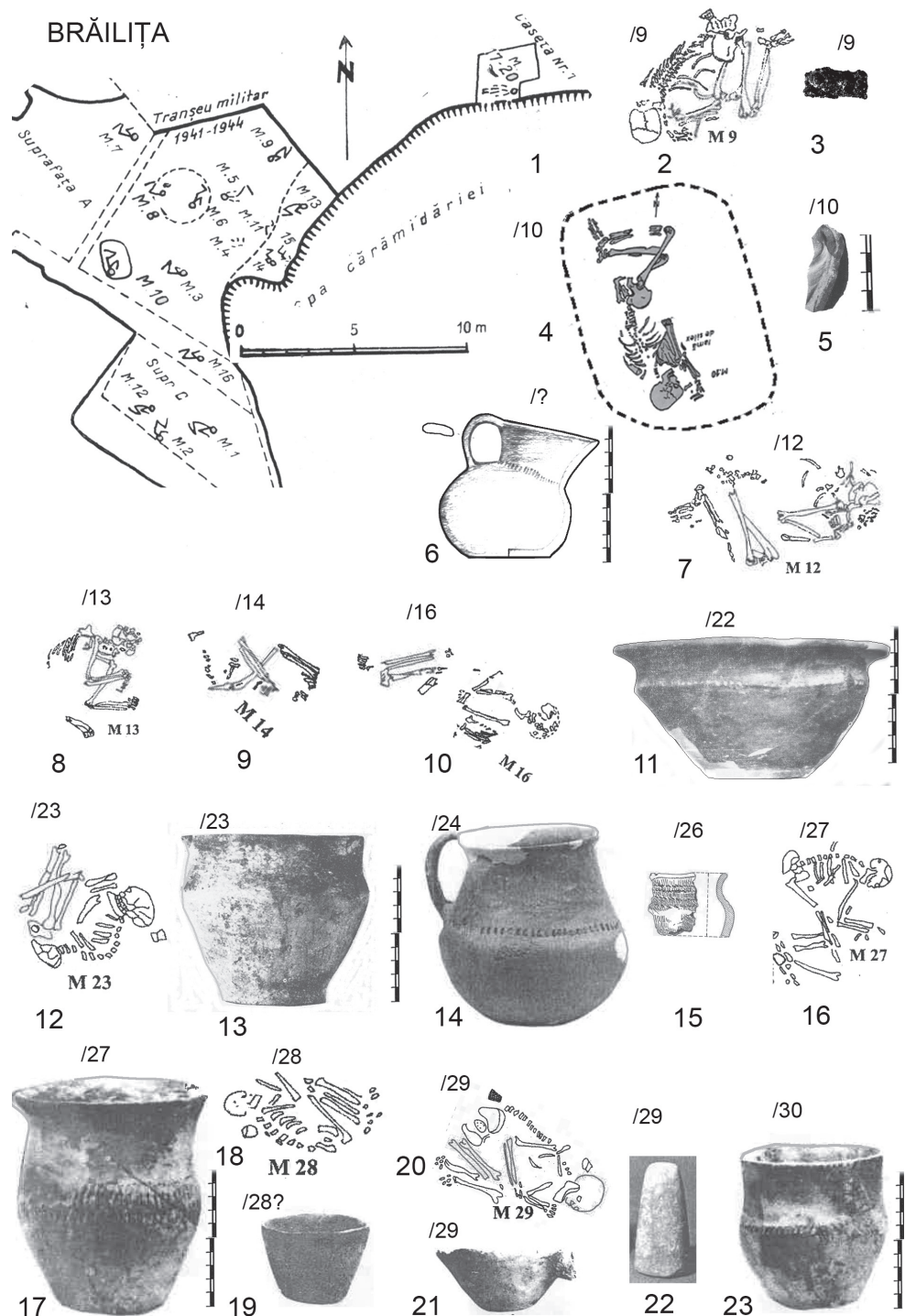

Рис. 5 / Fig. 5. Указанные инокультурные погребения из Брэилица механически включены в ямную культуру (В. А. Дергачев, 2023, табл. 255) / The mentioned burials from Breilica are mechanically included in the pit culture (V. A. Dergachev, 2023, table 255)

ность подобного вывода крайне сомнительна.

Пятая часть каталога отличается не только качеством публикации, но и содержанием источников. Достаточно посмотреть на представленные таблицы, чтобы убедиться, что это совершенно иной вариант ямной культуры со своей керамикой и особенностями погребального обряда. В этой связи автору следовало бы прислушаться к мнению С. И. Ивановой, которая, на мой взгляд, обоснованно выделяет Балкано-Карпатский вариант ямной КИО и включает в него памятники с территории Румынии¹. В любом случае, опубликованные в этой части источники показывают, что они имеют лишь косвенное отношение к так называемой буджакской культуре.

Хочу особо отметить, что это только выборочная проверка, поэтому представленный фонд источников нельзя назвать ни монолитным, ни однокультурным. И здесь вновь наблюдается противоречие, т. к. в «Пояснении к каталогу» В. А. Дергачёв однозначно декларирует, что он «включает **все данные** по курганным (в единичных случаях – и грунтовым) могильникам **ямной культуры**, известные автору (на конец 2022 г.)» (с. 6). Но культурное единство представленных источников нарушают сознательно включённые в общий список постмариупольские захоронения и случайно попавшие сюда же отдельные катакомбные погребения, КМК и эпохи бронзы из Северо-Западного Причерноморья, не говоря уже о многочисленных инокультурных комплексах из Запрудской Молдовы.

И это заставляет отнестись с недоверием к представленному списку памятников, который необходимо проверять и сокращать. В данном случае уместно сослаться на сотрудников Валентина Анисимовича, которые поют ему панегирик в поэтически-иносказательном стиле:

¹ Иванова С. В. Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области // Российская археология. 2014. № 2. С. 5–15.

«...Дергачёв пользуется исключительно методами, которые он полностью понимает. Иногда теми, которые, как считают оппоненты, понимает лишь он сам. Но это, похоже, Валентина Анисимовича несколько не смущает. Как и кита, который продолжает пропускать через себя тонны воды в поисках пищи, в случае Дергачёва – для размышлений»². От себя замечу, что допущенные сравнения о пропущенной через себя воде весьма рискованны. Кроме того, было бы очень продуктивно, если бы применённые автором методы, в частности, культурного определения конкретных памятников, понимали и другие его коллеги, не претендующие на роль одинокого кита-финвала.

О том, что В. А. Дергачёв до сих пор имеет о ямной культуре весьма размытое представление, свидетельствует и помещённое на обложке каталога фото стелы из с. Чобручи (рис. 6).

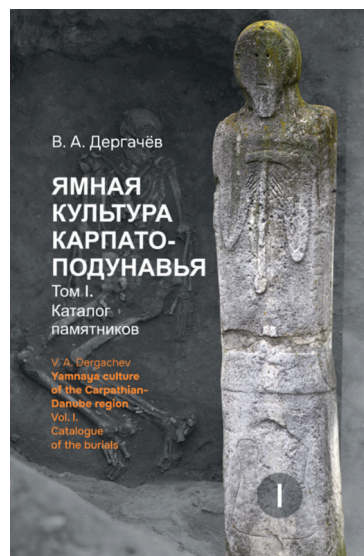

Рис. 6 / Fig. 6. Обложка каталога / Catalog Cover

Напомню, что это действительно уникальное изваяние было **случайно найдено** во время разведок на склоне кургана

² Топал Д. А. Кит-одиночка, или машина для получения научных результатов (К 80-летию В. А. Дергачёва) // Stratum plus. 2023. С. 16.

в 1966 или в 1967 гг. (В. А. Дергачёв сообщает разные даты находки¹). Поэтому нет никаких оснований связывать её с ямной культурой. Да и сам автор первоначально датировал эту стелу XVI–XIV вв. до н. э. и относил её к позднекатакомбному или раннесрубному времени². Однако спустя годы она появилась на обложке в качестве символа ямной культуры. Конечно, автор мог пересмотреть свою точку зрения, но достаточно сравнить стелу из Чобруч с аналогичными находками из ямных захоронений, чтобы убедиться в принципиальной разнице между ними. Не вступая в полемику о культурной принадлежности древнейших антропоморфных изваяний, отмечу, что их отнесение к ямной культуре совсем не очевидно, т. к. подавляющее большинство из них было вторично использовано в качестве перекрытий погребальных камер³. Показательно и то, что прямых аналогий «чобручскому идолу» в регионе до сих пор нет. В таком случае зачем выносить на обложку проблемную находку, когда имеется множество иных артефактов ямной культуры, которые не вызвали бы неудобные для автора вопросы?

Теперь об иллюстрациях или сводных таблицах. Во-первых, эту часть публикации должна предварять таблица с условными обозначениями. Но она отсутствует. И результат налицо: в каталоге различными знаками отмечены курганы на топопланах, материк, дерево, растительная подстилка, глиняный выброс,

скопления охры и прожоги на дне и даже ориентировка.

Во-вторых, таблицы могут составляться по различным правилам: в одних случаях, с одинаковым вертикальным расположением погребальных комплексов, имеющих различную ориентировку (что, на мой взгляд, предпочтительно), в других – с единой для всех вертикальной ориентировкой на север. В последнем случае чертежи будут располагаться в разных направлениях, что, по мнению некоторых авторов, наглядно отражает их положение в кургане. Вопрос этот не принципиальный, и право на жизнь имеют оба варианта. Но при одном условии. Желательно, чтобы все погребения были одного масштаба. Если это не всегда оправдано (например, яма с большим уступом), то конкретный чертёж может быть уменьшен, но с обязательным указанием масштаба. И самое главное: чертёж не должен быть слишком мелким, а изображение должно давать полноценное представление о памятнике.

В. А. Дергачёв в своих публикациях всегда придерживался второго варианта, предпочитая располагать погребения в таблицах, используя единую северную ориентировку, направленную вверх. Не изменил он своему принципу и в данной работе. Казалось бы, в таком случае достаточно поместить одну ориентировку в углу таблицы, оговорив этот приём во вводной части. Но этого не сделано, и в каждом погребении есть совпадающие ориентировки, а сами погребения «кувыркаются» на таблицах в разных направлениях.

К сожалению, этот принцип коснулся и планов курганов, которые также «вертятся» на сводных таблицах. При этом в результате механического копирования первоисточников, разрезы бровок опубликованы зачастую вертикально, под углом или даже вверх ногами (табл. 1–4, 6–12 и далее до конца). На некоторых иллюстрациях чертежи бровок или профилей вообще отсутствуют (например, табл. 40, 54, 64 и др.). Возможно, это

¹ Дергачёв В. А. Антропоморфная стела бронзового века из Молдавии // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии / отв. ред. В. С. Зеленчук. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1968. С. 169; Дергачёв В. А. Памятники эпохи бронзы. Кишинёв: Штиинца, 1973. С. 56.

² Дергачёв В. А. Антропоморфная стела бронзового века из Молдавии // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии / отв. ред. В. С. Зеленчук. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1968. С. 171–172.

³ Телегін Д. Я. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. 1971. № 4. С. 17; Яровой Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2000. С. 35–37 и др.

сделано из-за экономии места, но тогда автор должен был оговорить это во введении. Повторюсь, что каждая методика имеет право на существование, но, на мой взгляд, в данном случае она крайне неудобна для восприятия.

Резко различается и качество чертежей курганов, погребальных комплексов и рисунков находок, которое варьирует от очень хорошего до очень плохого. И этому есть объяснение, т. к. в некоторых таблицах хорошо заметно механическое и некачественное копирование из различных первоисточников. Это тем более удивительно, т. к. длительное время Валентин Анисимович возглавлял молдавскую археологию: в 1992–2005 гг. являлся директором Института археологии и этнографии АН РМ, затем 10 лет возглавлял Институт культурного наследия АН РМ (2006–2015 гг.). За более чем 20 лет руководства он мог использовать и, по свидетельству сотрудников, успешно использовал административные возможности. В частности, над иллюстрациями для его монографий работали профессиональные художники института, которые за эти годы могли бы без особого напряжения качественно перерисовать и унифицировать буквально все чертежи и находки для данного каталога по образцу, например, Г. Мюллера-Карпе. Работа художников в каталоге видна, но она не отличается ни качеством, ни общим и единым подходом при подаче иллюстративного материала. Почему так произошло, трудно сказать.

Как бы там ни было, но в каталоге отсутствует какая-либо унификация многочисленных таблиц. Общим для них можно считать размещение **на ограниченной площади** планов курганов, разрезов и погребений, а также рисунков находок.

Во многих случаях на одном развороте автор даёт по 2 и более курганных плана и около 20 погребений с материалами. Как результат – мелкомасштабность, разноразмерность в размерах и качестве самих рисунков. Хотя автор и утверждает,

что «в иллюстративных таблицах (не считая планов курганов и фотографий комплексов), **для правильного зрительного восприятия**, каждая из категорий материалов приведена к своему строго определённому масштабу» (с. 8), вряд ли можно считать правильным, когда рисунок какой-либо находки превышает план погребения и даже сопоставим с планом кургана. Этого можно было бы избежать, если бы автор не пытался вместить огромный материал в один том.

В каталоге присутствует немало фотографий, которые традиционно должны сопровождаться планами, а не заменять их, поскольку по фото невозможно определить конструкцию погребального сооружения (ямы и уступы), а также элементы погребального обряда (наличие подстилок, ямок, прожогов, скоплений охры и т. д.). Но немало памятников сопровождается исключительно фотографиями: Гольма, к. 1 (табл. 38С), Бурсучены, к. 1 (табл. 64–65А), Мындрешты, к. 1 (табл. 67Е), Тудора I, к. 1 (табл. 101В), Нерушай, к. 10, Десантное, к. 1 (табл. 147В-С) и др.

Показательна в этом отношении публикация курганный группы у с. Яски (с. 548–551, табл. 47–50), где некачественные фото перемешаны с некачественными чертежами погребений и рисунками находок (рис. 7). Вызывают недоумение поставленные на ребро и перевернутые вверх ногами профили двух курганов, залитые различными оттенками серого цвета. А как объяснить помещение фотографии плохого качества внутрь схематичного контура сосуда. Отсутствием места? Но можно же сделать ещё одну таблицу, продублировать фотографии чертежами (если они есть), и будет достойное представление о памятнике!

Подобное издание материалов можно рассматривать как отражение профессионального уровня составителя каталога и его отношения к самой публикации. Достаточно лишь указать, что, издавая по чужому отчёту материалы из с. Яски,

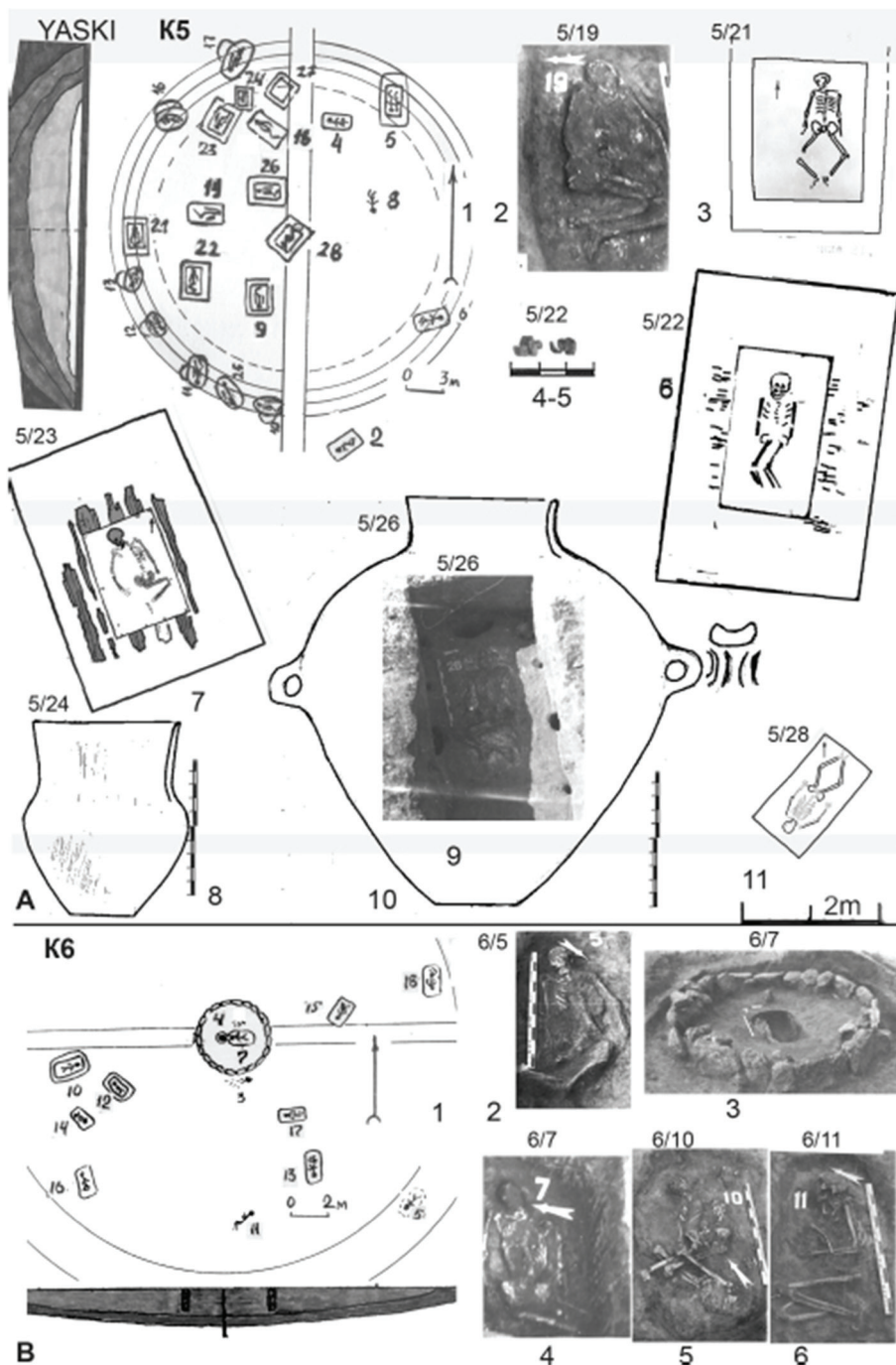

Табл. 49. А – Яски/Yaski (№53) K5: 1 – план кургана, 2 – погр. 19, 3 – погр. 21, 4-6 – погр. 22, 7 – погр. 23, 8 – погр. 24, 9-10 – погр. 26, 11 – погр. 28; В – K6: 1 – план кургана, 2 – погр. 5, 3-4 – погр. 7, 5 – погр. 10, 6 – погр. 11.

Рис. 7 / Fig. 7. Публикация курганный группы у с. Яски. Без комментариев / Publication of the mound group near Yasky village. No comments

В. А. Дергачёв пишет: «В 1976 г. экспедицией под руководством И. Л. Алексеевой раскопано **5 курганов**, четыре из которых содержали погребения ЯК» (с. 87). Но в каталоге почему-то оказались опубликованными ямные погребения из **6 курганов!** (с. 87–93). Я согласен, что данный «отчёт отличается множеством неточностей и противоречий, отсутствием графических изображений» и т. д. (с. 87), но имеет ли автор право на такую оценку, после того, как сам допускает неоправданные неточности?

В качестве другого примера рассмотрим ситуацию с курганом 2 у с. Градиште (с. 327–328, табл. 185Е.1–2–186А.1–12), который я раскопал в 1978 г. Отчёт писался в спешке летом того же года в связи с началом работ Суворовской новостроечной экспедиции. Поэтому почти все иллюстрации были представлены фотографиями. В связи с этим я не считал возможным публиковать эти материалы без соответствующей доработки. Но В. А. Дергачёва это не остановило, и он механически скопировал фотографии в каталог, попутно упрекнув меня в том, что «отчёт составлен с предельной небрежностью» (с. 327). Не буду спорить с данной оценкой, но она подразумевает особую тщательность и профессионализм составителя каталога.

Однако, описывая погребение 2/18, В. А. Дергачёв иллюстрирует его почему-то фотографией детского погребения 5/3 из Пуркар¹. Удивительно, как этот комплекс эпохи бронзы с кремнёвым наконечником и сосудом превратился в ямный и оказался в каталоге (с. 687, табл. 186А.8–9), совершив телепортацию из правобережья Днестра в пойму р. Когильник. Это сознательная подтасовка или элементарная небрежность? Ведь на помещённой фотографии ребёнка хорошо различим даже номер погребения – 5/4 (рис. 8). После этого иначе смотрятся

упрёки В. А. Дергачёва в адрес его коллег! Особенно, когда видишь, что он не потрудился даже перевернуть цифры на табл. 40А2 (Новогригорьевка 2/2). Они так и опубликованы вверх ногами!

О спешке и неряшливости автора и его помощников свидетельствует подавляющее большинство таблиц, для которых характерны:

1. неоправданная мелкомасштабность;
2. отсутствие унификации и, как результат, различное качество чертежей погребений, курганов и рисунков находок;
3. перегруженность каждой таблицы, включающей иногда до 40 рисунков;
4. механическое копирование статей и отчётов различного научного качества.

«Вклад» автора в данном случае виден лишь в компоновке таблиц путём сомнительного круговерчения и неоправданного масштабного разноречия.

Несмотря на двух редакторов (один из трёх, отмеченных в электронном варианте, редакторов после выявленных нарушений снял свою фамилию с печатного издания), текст не вычитан, полон опечаток и неграмотных оборотов. Например: «землеройная деятельность животных», «распад ног», который «легко объясняется действием гравитации» (с. 9), «фаланги ног уложены компактной кучкой» (с. 194), «в коленном изгибе ног» (с. 471), «сосуд находился **перед лицом**» (с. 150) и т. д., и т. п. Почти везде пишется, что «кости ног **распались влево**», «**развалились вправо**» и даже «распались **под ромб**» (с. 26), хотя развалиться они могут только в две стороны. В библиографии указана СОмойлова вместо САмойлова (с. 479), отсутствует ссылка на мою работу, которая к тому же неправильно указана в тексте (с. 8) и т. д. Иногда в тексте проскальзывают **данные отчётного характера** («охрана не прослежена») и встречаются досадные ошибки или опечатки: **Тираспльщина** (с. 528, табл. 27), «над ямным погребением ЯК 16, **окруженно** каменным кромлехом» (с. 156), «Погр. 4. ЯК – **впускное**. Погребённый, предпо-

¹ Яровой Е. В. Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинёв: Штиинца, 1990. С. 122–123, рис. 54/4.6–7.

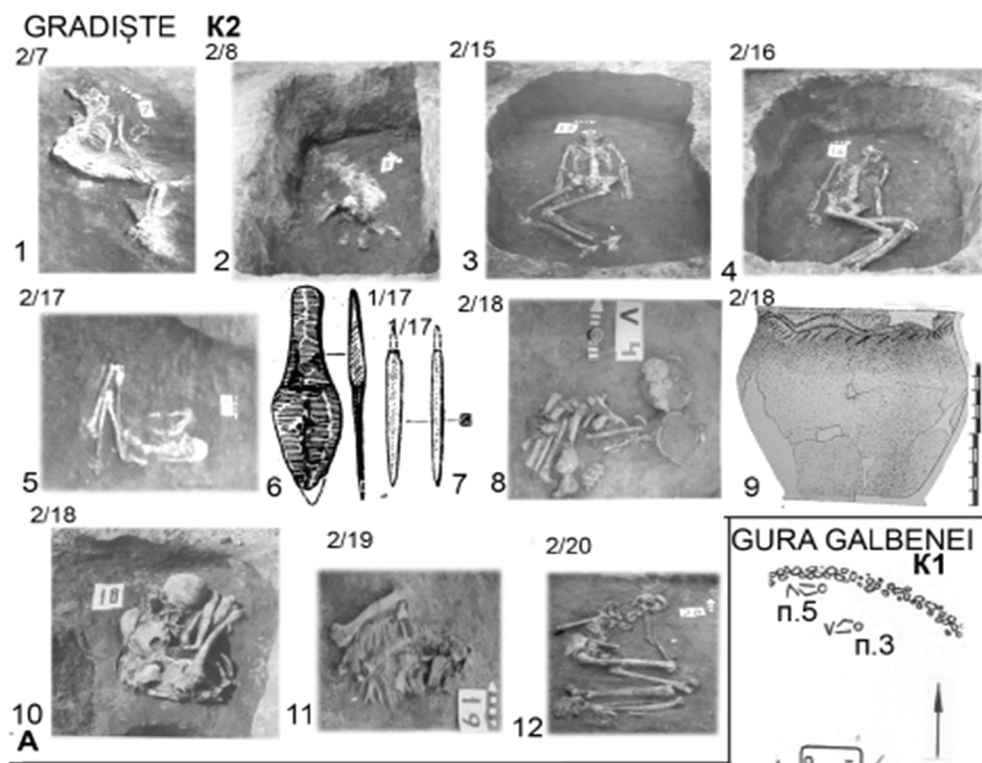

Рис. 8 / Fig. 8. «Комплексная» публикация материалов из Градиште и Пуркар / “Comprehensive” publication of materials from Gradište and Pulkar

ложительно» (с. 470) и др. И это только беглая и случайная выборка, а не тщательная проверка текста! Конечно, это мелочь, но когда с каждой страницей она накапливается, то в итоге переходит критическую массу и превращает научный труд в полуфабрикат. После чего говорить о достойном уровне публикации и уважении автора к потенциальным читателям уже не приходится.

И, наконец, последнее. Самым возмутительным является факт, что г-н Дергачёв посчитал возможным без какого-либо уведомления авторов не только изучать отчёты (что, в принципе, не возбраняется), но и опубликовать от своего имени интересующие его материалы. Если бы это ограничилось только привлечением их для сводных статистических таблиц, это не выглядело бы столь вызывающим. Но В. А. Дергачёв включил

в свой каталог **чужие тексты отчётов и чужие иллюстрации** (в т. ч. и украинских исследователей), не получив согласия на публикации первоисточников от их правообладателей.

Не буду говорить о коллегах, пострадавших от этого рейдерства (они имеют возможность сами высказаться по этому поводу), но остановлюсь на материалах своих исследований.

Впервые открыв каталог, я с изумлением увидел материалы Прутской археологической экспедиции АН МССР, которой я руководил в течение нескольких лет и подготовил отдельную монографию. Затем обнаружил опубликованными практически все раскопанные мною почти за 30 лет памятники ямной культуры (!), неизданные отчёты о которых хранятся в Кишинёве. Как подобное могло произойти в Молдове?

По информации из Кишинёва, рукопись В. А. Дергачёва официально нигде не обсуждалась. Вероятно, за последние годы В. А. Дергачёв почувствовал себя настолько непререкаемым авторитетом, что посчитал возможным переписать и издать все доступные ему полевые отчёты без уведомления своих коллег. К сожалению, подобная практика не впервые используется автором.

Вопрос авторского права или интеллектуальной собственности на территории СНГ до сих пор чётко не разработан, поэтому существует возможность его игнорирования. Здесь многое зависит от самого человека и его нравственных установок. Есть негласное правило, которого придерживается подавляющее большинство археологов моего поколения: *согласовывать публикацию чужих материалов с автором*. В противном случае это считается воровством. Однако сегодня это правило нередко нарушается, причём не только молодым поколением, но и, казалось бы, людьми с высокой научной репутацией. Это тем более странно, что существует масса способов достойно решить этот вопрос: в первую очередь, обсудить его с автором и, получив разрешение, выразить ему благодарность за «предоставленные материалы».

В последнее время я активно занимаюсь подготовкой к комплексной публикации всех полученных при раскопках источников и надеюсь закончить эту работу в ближайшей перспективе. Это легко можно было бы выяснить, если бы В. А. Дергачёв посчитал нужным связаться со мной и узнать о планах на хранящиеся в Молдове материалы. Мало того, если они его так интересовали, можно было бы предложить их издание в любом сборнике или ежегоднике, издающемся в Молдове. За прошедшие годы, будучи директором Института, он мог неоднократно выйти с таким предложением, а затем с полным основанием использовать эти источники в своих работах.

Показателен в этом отношении пример с изданием в Германии памятников культуры Ноа. В 2000 г. ко мне обратился Е. Сава с предложением опубликовать в своей сводной работе раскопанный мною могильник у с. Перерыта. Получив согласие, он включил мою фамилию в качестве одного из соавторов и даже вынес её на обложку. В результате вышла качественная научная монография с соблюдением авторских прав всех заинтересованных сторон и комплексным изданием материалов культуры Ноа¹. Что мешало В. А. Дергачёву поступить аналогичным образом? Поэтому приходится называть вещи своими именами: в данном каталоге с нарушением авторских прав изданы не только материалы моих раскопок почти за 30 лет исследований, но и ряда молдавских и украинских коллег. Этим поступком «авторитетный учёный» поставил под сомнение свою научную репутацию.

Заключение

Итак, подведём итог. Исходя только из выборочно представленных замечаний, данная, казалось бы, фундаментальная работа получилась сырой в плане методологии и некачественной в плане публикации источников. Использовать её можно лишь в качестве расширенного и наиболее полного на данный момент списка погребальных комплексов региона. Однако для статического анализа и построения на его основе каких-либо исторических заключений она крайне несовершенна. В данном случае можно говорить о комплексном издании памятников ямной культуры, накопленных к настоящему времени. Но предложенную автором источниковедческую базу необходимо серьёзно чистить, исключив из списка не только все инокультурные, но и спорные захоронения, а также публикации крайне низкого качества, комплексы плохой сохранности или пострадавшие от разру-

¹ Sava E. Die Bestattungen der Noua-Kultur. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 19. Kiel, 2002. P. 61–70, Taf. 32, 34–63, 160–162.

шений. И это уже будет качественно иной свод источников.

Если судить по обложке издания, то это первый том работы, и, вероятно, следует ожидать и второй том. Ведь автор однозначно заявляет, что представленный каталог «предполагает подготовку **специального аналитического исследования**, ориентированного на детальную характеристику ямной культуры... **во всех её возможных аспектах**» (с. 5). Подобное утверждение вызывает лёгкое изумление, поскольку такая характеристика неоднократно была дана в обобщающих работах других авторов, начиная с 70-х гг. прошлого века¹. Выходит, что до В. А. Дергачёва никто серьёзно этой проблемой не занимался, и всем надо ждать его «авторитетные» заключения с интерпретацией и историческими реконструкциями на базе представленных им же источников. Однако данная база настолько сырая, некачественная и противоречивая, что любые сделанные на её основе выводы будут, мягко говоря, крайне сомнительными.

Кроме того, рекомендую автору более внимательно изучить уже опубликованные работы коллег, посвящённые данной тематике. Может быть, после этого он не будет делать подобные заявления и по-

вторять чужие выводы от собственного имени, претендуя на звание единственного аналитика и перегружая при этом и без того запутанную историографию.

После первого просмотра каталога В. А. Дергачёва вспомнилась бессмертная басня Эзопа и общеизвестное выражение «Гора родила мышь»! Но в данном случае не совсем этично сравнивать автора-составителя с горой. Образно говоря, он собирался представить коллегам гору научных источников и наметить пути её покорения с изложением надёжного и простого маршрута. Но показанный автором путь к вершине оказался настолько запутанным и сложным, что достичь её в представленной работе нереально. В результате можно констатировать, что вместо горы родилась хотя и толстая по объёму, но бестолковая и вороватая мышь.

В данном случае нельзя не согласиться с известным публицистом и литературным критиком XIX в. Дмитрием Ивановичем Писаревым, который в статье «Реалисты» писал: «Какое торжественное начало и какой мизерный конец! Гора мышь родила, подумает читатель, и я никак не осмелюсь ему противоречить».

Дата поступления в редакцию 08.10.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яровой Евгений Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy V. Yarovoy – Dr. Sci. (History), Prof., Department of General History, State University of Education;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

¹ Алексеева И. Л. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1992. 131 с.; Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. 243 с.; Иванова С. В. Ямная (Буджакская) культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: СМІЛ, 2013. С. 211–254; Клейн Л. С. Ямная, не ямная (обзор современных работ о курганных погребениях Подунавья) // Stratum plus. 2017. № 2. С. 361–376; Субботин Л. В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Stratum plus. 2000. № 2. С. 350–387; Субботин Л. В. Орудия труда, оружие и украшения племён ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Полис, 2003. 234 с.; Шмаглий Н. М., Черняков И. Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964–1966 гг.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1970. Т. 6. С. 5–115; Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. 126 с.; Яровой Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2000. 47 с. и др.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яровой Е. В. Мышь вместо горы (по поводу выхода монографии В. А. Дергачёва «Ямная культура Карпато-Подунавья. Том I. Каталог памятников») // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 220–243. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-220-243

FOR CITATION

Yarovoy E. V. A mouse instead of a mountain (regarding the release of the monograph by V. A. Dergachev “Yamnaya culture of Carpatho-Podunavie. Volume I. Catalogue of Monuments”). In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 220–243. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-220-243

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**ПАМЯТИ ДРУГА, ТОВАРИЩА, КОЛЛЕГИ
АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА СМИРНОВА**

27.04.1947, Лиепая – 18.11.2022, Пушкин

**IN MEMORY OF A FRIEND, COMRADE, COLLEAGUE
ALEXANDER MIKHAILOVICH SMIRNOV**

27.04.1947, Liepāja – 18.11.2022, Pushkin

Ушёл из жизни Александр Михайлович Смирнов. Александр, Саша, Михайлыч, как любили его называть близкие друзья и знакомые, ушёл в мир иной...

А. М. Смирнов, выпускник истфака ЛГУ, один из лучших учеников проф. Л. С. Клейна, блестящий раскопщик с огромным опытом спасательных и научных археологических работ. Его знали и ценили коллеги как отличного полевика, великолепного знатока мегалитов, мастера раскопного ремесла, эрудированного и невероятно одарённого. При первом знакомстве он удивлял своим интеллектом, знаниями, отличными аналитическими способностями.

Наше «научное» знакомство быстро и незаметно переросло в дружбу, не всегда

близкую, т. к. Александр был весьма замкнутым человеком, говорил о себе всегда мало¹, сходил с людьми не сразу, открывался не моментально, но постепенно и всегда с самой лучшей стороны. Он щедро делился знаниями, литературой,

¹ Только из случайного разговора стало известно, что он ветеран боевых действий на Даманском. Александр мало рассказывал о себе, но всегда замечательно и много говорил о раскопках, с большим воодушевлением обсуждал волновавшие его научные проблемы, рассказывал о своих учителях, прежде всего, о Л. С. Клейне, которого очень почитал; любил экспедиционные истории и смешные байки, когда было настроение, прекрасно умел их рассказывать. Фотографироваться, специально позировать не любил, фотокарточек А. М. Смирнова почти нет. Хорошо, что уцелели его редкие, но замечательные по стилю и содержанию электронные письма за последние 7 лет.

идеями, а они у него часто были свежими и оригинальными, будившими сознание, никогда не отказывался помочь¹, прекрасно знал источники, новую литературу по археологии, религии и древнему искусству.

Работал во многих регионах бывшего СССР (Волго-Донское междуречье, Украина, Калмыкия, Ставрополье, Прикубанье, Приазовье, Адыгея, Кавказ, Молдавия) и за его пределами: в Болгарии, странах Средиземноморья – в Сирии, Египте. Кавказ, Крым и все прилегающие регионы привлекали его своими мегалитами. Будучи сотрудником ИА РАН в Москве, большую часть года А. М. Смирнов работал по хозяйственным на разведках, без отпусков. В 1985 г. после аспирантуры ИА РАН защитил замечательную по охвату и глубине кандидатскую диссертацию, посвящённую катакомбным погребальным памятникам. На её основе была подготовлена монография «Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце» (М., 1996), не потерявшая актуальности и в настоящее время.

Яркость, даровитость и талант Александра Михайловича отмечали многие учёные, но его оригинальные нестандартные исследовательские идеи, которые предлагались для научных работ и планов, далеко не всегда находили поддержку и понимание. Прямота его суждений, честность, доходившая до резкости, приводили иногда к настоящим карьерным неприятностям. Начальство его не очень жаловало.

¹ А. М. Смирнов охотно помогал студентам и аспирантам, с удовольствием читал их работы, советовал, рецензировал. Порой очень остроумно и не обидно делал замечания, правильные и по существу. Запомнилась его фраза из рецензии, что «Камасутра» по употреблению некоторых специфических терминов при описании интимных подробностей анатомии гораздо скромнее некоторых студенческих работ. После прочтения одного не очень удачного студенческого диплома, написал: «Silentium! «Поймет ли он, чем ты живешь?// Мысль изреченная есть ложь!» (Ф. И. Тютчев). Иногда плохие работы ценны тем, что шевелят запылившиеся извилины. Правильная археологическая цензура нам давно уже необходима».

Тем не менее часть из его предложений была реализована фундаментальными научными статьями с огромным списком источников и литературы на всех европейских языках. Полный список его работ ещё не составлен, авторское наследие сравнительно невелико – упомянутая монография и более 20 научных статей, но многие из них достойны докторских диссертационных тем.

А. М. Смирнов не ограничивался основной специализацией по изучению монументальных погребальных комплексов, круг его научных интересов был необычайно широк. Его статьи по тематике дольменов и атрибутике монументальной антропоморфной скульптуры выходили в малотиражных сериях².

Александр отличался физической крепостью, стройностью, какой-то спортивной подтянутостью (возможно, после армейской подготовки), порывистостью в движениях, быстротой реакции, чёткостью речи, ясностью мысли, логикой рассуждений и невероятной зажигательностью при обсуждении научных проблем и открытий. Был похож на светлого русского воина и внешне, и внутренне, выделялся прямотой и резкостью суждений, если чувствовал в чём-либо несправедливость и неправду. Но его нордическая суровость и внутренняя сосредоточенность порой отпугивали непосвящённых.

Александр Михайлович не терпел небрежность, расхлябанность и невнимательность на раскопе. Был требователен к себе, но и спрашивал с других. Археологические дневники его отличались чёткостью и ясностью, в лучших традициях советской археологической школы. Рядом с ним было очень интересно.

Во всём и всегда, даже в мелочах, он оставался глубоким мыслителем. Идеально и красиво раскапывал курганы,

² Только небольшая часть была выложена на сайте academia.edu, где профиль А. М. Смирнова по-прежнему доступен для всех желающих [Электронный ресурс]: URL: <https://independent.academia.edu/AleksandrSmirnov>.

мастерски расчищал костяки, гробницы, артефакты. Любое раскопанное им погребение выглядело как изысканное произведение искусства: все детали были раскрыты, ничего не сломано, не сдвинуто или потревожено. Человеческие кости знал прекрасно, прослушав полный курс антропологии на биофаке университета, при этом не уставал познавать всё новое, что помогало во время археологических разведок и раскопок.

Великое умение настоящего полевика – отлично читать и понимать стратиграфию, горизонтальную и вертикальную – у него было развито превосходно. Александр Михайлович прекрасно чертил и рисовал. Нередко ему доверяли работу художника, чертёжника и архитектора, которую он зачастую выполнял после тяжёлого раскопного дня.

После развала СССР, который он переживал очень тяжело, А. М. Смирнов разрывался между Латвией, где у него осталась мама, Москвой, а потом и Санкт-Петербургом (Пушкиным), куда он переехал после вынужденного ухода из ИА РАН¹. А. М. Смирнов был женат на итальянке, которая тоже занималась археологией. Сын остался с мамой в Италии, но Александр не мог жить нигде, кроме Родины, Россию не оставил, хотя возможностей, предложений и зарубежных связей у него хватало².

Долго и сильно болел в конце жизни. Перенёс несколько тяжёлых полостных

операций, не роптал. Мужественный был человек. Стоик по натуре. Православный. Вёл весьма аскетичную жизнь, отличался скромностью, крайней неприхотливостью, нестяжанием. «Мы все неприхотливы, я и сейчас в Пушкине, как когда-то в Москве, да как и в экспедиции, сплю на полу и мне это вполне по нраву. Такой образ жизни понравился мне ещё в 1991 г. в Сирии, там этот аскетизм обычен даже у местных шейхов» – сообщал он в одном из писем.

Когда позволяло здоровье и финансы, ездил летом в свой дом в Даугавпилсе, о котором говорил как о монашеской келии, где ему хорошо думается, пишется, читается. «Это теперь глубокое захолустье, пенсионерский рай, крестьянская полувывершая Латгалия, далёкая от прочей, фашистской Латвии. Мой дом, парк, хорошая русская литература, которую читать стало наслаждением, после того как наш язык превратили в англо-помойку (скоро одна кириллица останется!), пара ближайших магазинов, минимум общения (“Пребывай в своей келии и келия тебя научит всему”: авва Моисей) – мне хорошо».

Очень хотел в поле, – «раскопать пару ящичков», но много лет был невыездной, врачи ему запретили южное солнце и тяжёлые нагрузки.

Друга нет более рядом, но память о нём жива!

Царствие Небесное, р. Б. Александру!³

Н. И. Винокуров,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков МПГУ имени В. Ф. Семёнова, директор Центра археологических исследований МПГУ, ведущий научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН

¹ Впоследствии он писал, что вызывало «...раздражение отдела и дирекции, что я занимаюсь неправильной, несанкционированной археологией, что проявлялось в отказах отдела рецензировать мои плановые темы и в итоге – моё соответствие».

² Иностранные коллеги считали его одним из лучших специалистов по мегалитическим сооружениям Европы и Кавказа, ценили, неоднократно приглашали на работу и стажировки. А. М. Смирнов владел несколькими европейскими языками, во время многолетней работы ИА РАН в Сирии под руководством Р. М. Мунчаева изучал арабский, древние языки неплохо знал после университета. Любил пословицы на латыни, чем приводил в недоумение рабочих и студентов на раскопе.

³ Упокоен на Южном (Пулковском) кладбище Санкт-Петербурга.

ГЕРАСЬКОВА ЛЮБОВЬ СЕРГЕЕВНА**(02.06.1946 – 29.01.2023)****GERASKOVA LYUBOV SERGEEVNA – AN OBITUARY****(02.06.1946 – 29.01.2023)**

В январе 2023 г. ушла из жизни Любовь Сергеевна Гераськова – археолог, искусствовед, специалист IT, музыкант.

Она родилась 2 июня 1946 г. в семье мастеров ткацкого производства Сергея Кудрявцева и Ольги Гераськовой в г. Луганске. Здесь в 1961 г. Люба окончила среднюю и музыкальную школы, а в 1965 г. стала выпускницей Луганского музыкального училища по

классу фортепиано и начала свою трудовую деятельность преподавателем Детской музыкальной школы № 1.

Работая в училище, Любовь Сергеевна старалась привить своим воспитанникам любовь не только к музыке, но и к художественной культуре. По её инициативе дети стали делать рисунки к музыкальным произведениям. Её усердие в 1970 г. было отмечено правительственной наградой «За доблестный труд».

Начиная с 1972 г. она принимала активное участие в работе Северско-Донецкой экспедиции Института археологии АН Украины на территории Луганщины и одновременно исследовала монументальную скульптуру в степной части Северного Причерноморья. Среди своих коллег по экспедиции пользовалась уважением и заслуженным авторитетом.

Тяга к искусству привела Любовь Сергеевну к поступлению в Ленинград-

скую Академию художеств, по окончании которой в 1976 г. она, благодаря исследованиям в области монументальной средневековой скульптуры тюркоязычных кочевников, была рекомендована в аспирантуру.

О своих первых открытиях на этом поприще Л. С. Гераськова заявила уже в 1973 г., опубликовав в одном историческом журнале статью о находках

древнетюркских изваяний на территории Украины. А затем последовало открытие уникальной половецкой «мадонны» – статуи женщины с ребёнком на груди, найденной в с. Чернухино в Луганской области. Её исследования поддержали и признали известнейшие специалисты в области средневековой археологии и, в частности, древней скульптуры – А. Д. Грач, Я. А. Шер, С. Г. Кляшторный, Л. Р. Кызласов, Г. А. Фёдоров-Давыдов, а позже и С. А. Плетнёва.

Л. С. Гераськова, в 1976 г. став аспиранткой в Институте археологии АН Украины и под руководством профессора В. Ф. Генинга, подготовила и успешно защитила в 1983 г. диссертацию, получив звание кандидата исторических наук. При проведении своих научных исследований Любовь Сергеевна обращалась и с 1977 г. постоянно сотрудничала со специалистами из других наук – информатики

(Е. Нейманом), математики (д. ф.-м. н. В. Пожидаевым), геологии (Г. Багно, акад. М. П. Семененко) и петрографии (д. г.-м. н. М. А. Афанасьевой).

Любовь Сергеевна была среди первых археологов, начавших внедрять компьютерные и математические методы в археологию, и в 1989 г. стала едва ли не единственной представительницей от Союза на Международной конференции «Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology» в Кракове. Ей принадлежит ряд статей о классификации, математических и компьютерных методах анализа археологического материала.

В 1991 г. выходит в свет прекрасная монография по монументальной скульптуре средневековых кочевников, в которой с помощью методов математической статистики, на основе геологических и петрографических исследований, а также с использованием традиционных для археологии типологических методов исследовательница уверенно выделила скульптуру, которую создали половцы, отделив от неё каменные изваяния более ранних тюркоязычных народов.

Свою учёбу в аспирантуре Любовь Сергеевна сочетала с работой в Северско-Донецкой экспедиции, вначале в качестве лаборанта, а затем научного сотрудника. В отдел теории и методики археологических исследований Института археологии АН Украины она пришла, будучи хорошо знакома с компьютерными методами исследования, и потому позднее возглавила работы по компьютеризации археологических источников. Однако из-за финансовых трудностей развитие компьютерных исследований застопорилось, и с согласия руководства Института археологии она перешла в Киево-Печерский государственный историко-культурный заповедник. Здесь она возглавила отдел информатики, которым плодотворно руководила до 1997 г. За это время был создан сайт о Киево-Печерской Лавре, которому фирма McKinley Gr. Inc. присвоила рейтинг 3 звезды из четырёх.

Для программы ISIS – всемирно известной библиотечной системы – под руководством Любови Сергеевны была разработана графическая оболочка, одобренная затем на Международной конференции библиотечных работников. Кроме того, в отделе была создана программа реставрации памятников архитектуры с помощью 3D метода, а также впервые разработана мультимедийная система, на базе которой была создана трёхязычная (англо-украинско-русская) версия компакт-диска «Средневековая икона Украины»), которая впервые была представлена на Всемирной компьютерной выставке SEBIT'96 в Ганновере (Германия). Затем последовали компакт-диск «Прогулка по Лавре» и экспертная система по китайскому фарфору. В сотрудничестве с профессором Д. Я. Телегиным и канд. техн. наук В. А. Резниченко в 2000 г. ею была создана «Национальная программа электронного учёта, поиска и публикации недвижимых археологических памятников Украины» наряду с информационно-поисковой системой «Памятник».

В 1997 г. Любовь Сергеевна переезжает в Румынию, где в Академии искусств работает над докторской диссертацией по средневековой скульптуре под руководством крупнейшего специалиста, академика, министра культуры и вице-президента Академии наук Румынии Р. Теодореску. В 2001 г. она успешно защищает диссертацию и становится доктором искусствоведения. В том же году ею был написан ряд разделов о культуре средневековых кочевников и их взаимоотношениях с Киевской Русью в коллективной монографии «Історія української культури».

С целью создания базы данных по монументальной средневековой скульптуре тюркоязычных кочевников Л. С. Гераськова поступила на курсы повышения квалификации в Бухарестский политехнический институт. После двухгодичного обучения на кафедре инженерии информации она под руководством профессора В. Бузулоу создала электронную базу

данных по монументальной средневековой скульптуре и приступила к подготовке англоязычной версии своей переработанной монографии. Это должна была быть фундаментально переработанная работа, в которой исследовательница пришла к выводам, что в половецкой и вообще всей скульптуре средневековых тюркоязычных кочевников достаточно явно прослеживаются черты влияния как эллинистического, так и буддийского искусств. Именно этой теме в последние годы и были посвящены её публикации в «Маргулановских чтениях», а также в румынских изданиях.

Любовь Сергеевна оставила добрый след в сердцах тех, с кем ей пришлось работать, будь то в музыкальной школе в Луганске, в Северско-Донецкой экспедиции, в Институте археологии НАН Украины, в Киево-Печерском историко-культурном заповеднике, в Политехническом универ-

ситете и Академии искусств в Бухаресте, в Музее Великой Отечественной войны в Киеве, в Музее археологии «Каллатис» в г. Мангалия и музее г. Тимишоары.

Она полностью отдавала себя науке, охотно делилась своими знаниями с коллегами и молодыми специалистами. Это был разносторонний, высокообразованный, интеллигентный и высоко порядочный человек. Свои музыкальные и математические способности она использовала при создании мультимедийных произведений.

К сожалению, многие из задуманных планов остались нереализованными, но ей очень хотелось завершить начатую работу по скульптуре. Внезапная болезнь прервала жизнь Любовь Сергеевны 29 января 2023 г. Но светлая память об этом прекрасном человеке и многостороннем учёном навсегда останется в сердцах тех, кто её знал.

И. Чернега,

IT-специалист, бывший сотрудник отдела информатики Киево-Печерского историко-культурного заповедника (Торонто, Канада)

ПРОЩАЙ, АНДРЕЙ!

**(памяти Андрея Юрьевича Чиркова)
(6.12.1960 – 21.11.2023)**

FAREWELL, ANDREY!

**(In memory of Andrey Yurievich Chirkov)
(6.12.1960 – 21.11.2023)**

В конце 2023 г. внезапно ушёл из жизни наш близкий друг и коллега Андрей Юрьевич Чирков. 19 ноября он вернулся домой после прогулки и внезапно рухнул, сражённый обширным инсультом. Три дня в больнице, потом ухудшение состояния и реанимация, из которой он уже не вышел. Близкие и друзья были потрясены этим известием: активный и жизнерадостный человек ушёл, едва разменяв седьмой десяток!

Андрей родился 6 декабря 1960 г. в Мурманске в семье военнослужащего. В 1967 г. вместе с родителями переехал в Кишинёв, где пошёл в первый класс средней школы. Но уже через 2 года, в 1969 г., он оказался в Дрездене (ГДР), на новом месте службы отца. Через 5 лет семья вернулась в Кишинёв, где Андрей окон-

чил школу, и в 1977 г. сразу же поступил на исторический факультет Кишинёвского государственного университета (КГУ). С первого года учёбы он серьёзно увлёкся археологией и ежегодно выезжал в археологические экспедиции.

После окончания университета он решил связать свою жизнь с наукой и был принят на работу в отдел новостроечных археологических исследований Академии наук МССР. Наступил активный период его жизни, связанный с многомесячными экспедициями в зонах новостроек республики. С этого же периода началась и наша многолетняя дружба.

Несколько лет Андрей активно работал на юге Молдавии, принимая участие в раскопках энеолитических поселений и курганов в Буджакской степи, а с 1986 по

1990 гг. работал в крупных новостроечных экспедициях на левобережье Среднего Прута. Его вклад в проведение раскопок курганов эпохи бронзы и сарматских могильников трудно переоценить. К тому времени Андрей имел не только солидный полевой опыт, но и прекрасно рисовал и чертил, оформляя значительную часть полевой документации. Благодаря его работе удалось успешно исследовать крупный сарматский могильник у с. Петрешты и редкий могильник культуры Ноа у с. Перерыта на Пруте. За это же время он подготовил и издал ряд научных статей.

Когда же Молдова провозгласила суверенитет, А. Ю. Чирков вместе с небольшой группой археологов из Кишинёва переехал в Тирасполь, где участвовал в создании приднестровской археологии. Случилось это в самый разгар конфликта 1992 г., когда раскопки пришлось вести в условиях военного времени. Однако экономическая ситуация в непризнанной республике постоянно ухудшалась, и Андрей, чтобы достойно содержать семью, вынужден был оставить науку и вернуться в Кишинёв. Об этом он открыто сказал коллегам, и мы с пониманием приняли это решение. На какое-то время наши пути разошлись. Андрей ушёл в бизнес и достиг значительных успехов в полиграфии, издавая книги и другую печатную продукцию. Но, имея в собственности несколько машин и типографию, не порвал с наукой и сохранил тесную связь со своими коллегами-археологами. Когда же политические реалии сделали невозможным дальнейшее развитие предпринимательства, Андрей вернулся в археологию и уехал к друзьям в Россию.

С 2012 по 2023 гг. Андрей Юрьевич был одним из основателей и незаменимым сотрудником Нижнеокского историко-археологического бюро «Артефакт» (г. Муром Владимирской области). Как полевой археолог советской школы, успевший подготовить и опубликовать полтора десятка научных публикаций,

он уже не стремился защитить кандидатскую диссертацию, поскольку успешно реализовался как специалист и художник на службе охраны археологического наследия. Органично понимавший суть археологических объектов и ответственность за адекватное их сохранение в «бумажном» виде, он внедрил стилистику научной продукции своей организации, не уступающую европейскому уровню. За годы работы в Муроме им были созданы иллюстративные разделы основополагающей охранный документации – проектов границ территорий культурных слоёв Мурома и Александрова Владимирской области, паспортов на выявленные памятники археологии в ряде районов Владимирской, Нижегородской, Рязанской и Московской областей.

В ходе текущей деятельности А. Ю. Чирковым были разработаны альбомы иллюстраций для разделов по сохранению памятников археологии в городах Владимир, Александров, Гороховец, Муром, Юрьев-Польский, Нижний Новгород, Арзамас, Выкса, Городец, Дивеево, Павлово и Переславль, а также для 80 научных отчётов о спасательных археологических работах ООО НИАБ «Артефакт».

Если он делал работу, то на самом высоком уровне. В издательском деле Андрей был профессионалом высочайшего класса. Мы успели с ним начать несколько научных проектов, в числе которых была запланирована и первая из серии готовящихся монографий организации, ставшей ему родной.

Андрей Юрьевич был также активным участником международного проекта «Циркумпонтика», неизменно соперничал за его успех и развитие. Именно его статьёй открылся первый выпуск ежегодника в 2019 г., на котором появилась разработанная им эмблема издания. В рамках проекта он подготовил оригинал-макет международного сборника в честь юбилея И. Пыслару (Археологические памятки Евразии от неолита до средневековья. М.: Мультипринт, 2023).

Велась работа над последующими изданиями, которые он, увы, уже не увидит...

В последние годы мы тесно общались в Муроме, Новочеркасске и Подмоскovie, и всегда это были открытые и тёплые встречи, связанные с работой и застольями.

Высокий, вальяжный, неунывающий, он был лёгким в общении и всегда из-

лучал оптимизм и доброжелательность. Он был полон различных планов и много ещё мог сделать! Но не успел...

Жизнь и работа нашего друга прервались в апогее его мастерства и творческих возможностей. Не хочется верить, когда люди так рано уходят в вечность! Но пока мы о них помним, они с нами!

Яровой Евгений Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения;

Бейлекчи Владимир Викторович – археолог, директор ООО "Нижнеокское историко-археологическое бюро "Артефакт";

Бейлекчи Валентин Владимирович – археолог, заместитель директора ООО "Нижнеокское историко-археологическое бюро "Артефакт"

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

УДК 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-253-263

ΝΕΟΣ ΗΡΩΣ, ΚΟΥΡΟΣ ΗΡΩΣ¹

Ж. Сёр

Аннотация

Вниманию российского читателя предлагается статья известного французского археолога Ж. Сёра². В ней анализируются два рельефа времён Римской империи из Одесса (*совр.* Варна, Болгария), изображающие едущих верхом персонажей и их спутников, а также грекоязычные надписи, сопровождающие данные рельефы. Указанные памятники скульптуры рассматриваются в контексте культа Фракийского всадника и вообще религии, общественной жизни и культуры восточных Балкан римского периода и Римской империи в целом. Особое внимание уделяется значению слова ἥρως (герой) и предшествующих ему слов в изучаемых надписях.

Ключевые слова: Фракия, Римская империя, Одесс, Фракийский всадник, рельефы, эпиграфика, термин ἥρως

ΝΕΟΣ ΗΡΩΣ, ΚΟΥΡΟΣ ΗΡΩΣ

G. Seure

Abstract

This time we present the article of a famous French archaeologist Georges Seure. It analyzes two reliefs from Odessos (present-day Varna, Bulgaria), dating back to the Roman Empire period, which depict riding characters and their companions, as well as Greek inscriptions accompanying the reliefs. These monuments are examined in the context of the Thracian Horseman cult and religion in general, social life and culture of the Eastern Balkans of the Roman period and the Roman Empire as a whole. Special attention is paid to the meaning of the word ἥρως (hero) and the words preceding it in the studied inscriptions.

Keywords: Thrace, Roman Empire, Odessos, the Thracian Horseman, reliefs, epigraphy, the term ἥρως

¹ Перевод осуществлён И. Н. Коровчинским по изданию: Seure G. ΝΕΟΣ ΗΡΩΣ, ΚΟΥΡΟΣ ΗΡΩΣ // *Revue des études grecques*, 1929. Vol. 42. № 197 (1929). P. 241–254.

² *Прим. пер.:* Авторские ссылки в статье часто даны в трудно поддающемся расшифровке сокращённом виде. Мы постарались расшифровать хотя бы часть сокращений, но некоторые лишь предположительно.

Объектом данной статьи я выбрал две надгробные надписи, происходящие из древнего Одесса (Варна, Причерноморье). Они были опубликованы в 1927 г. без комментариев и на языке, большей частью недоступном научной общественности, но в сопровождении иллюстраций. Сами эти памятники, хранящиеся в музее Археологического общества Варны, имеют там инвентарные номера III, 26 и 336; они воспроизведены на иллюстрациях 14 и 114 (прим. пер.: здесь – рис. 1–2) в работе, посвящённой одновременно двум болгарским научным коллекциям¹. Будучи названной «Святилища и памятники Бога-Всадника» (*Sanctuaires et Monuments du Dieu Cavalier*), эта книга представляет собой третий том издания, озаглавленного «Инвентарь причерноморских древностей» (*Inventaire des Antiquités dans la région de la Mer Noire*), автором которой является давно пользующийся известностью в научных кругах археолог г-н К. Шкорпил².

А. Первый памятник был раскопан в самом городе, план расширения которого позволяет точно локализовать находку по указателям: квартал IV, линия 4. Камень был обнаружен на 2 м ниже современной поверхности. В то же время и в том же месте было открыто изображение погребального пира, никакие подробности о котором не известны³. Вероятно, на этом месте располагался античный некрополь. Быть может, преждевременно делать выводы на основе всего двух находок, но мы можем предположить, основываясь на особенностях ономастики и эпиграфики, что речь идёт о греческом кладбище примерно I в. н. э.

¹ *Publications du Musée National bulgare, tome XIV = Matériaux pour la carte archéologique de la Bulgarie, tome V; Tome I (1925) : Monuments mégalithiques et tumulaires.*

² Вся информация о нём можно найти в начале моей статьи *Inscriptions ignorées du littoral balkanique de l'Euxin* (*Revue de Philologie*, 1929), где я воспроизвёл и прокомментировал все остальные эпиграфические тексты из рассматриваемого тома.

³ Chkorpil, *Mer Noire*, 11, p. 5, n°2.

Мраморная пластина сохранилась довольно хорошо, но изображение на ней выполнено весьма посредственно. Её размеры 0,56×0,58×0,13 м, и, поскольку я прилагаю прорисовку, не стоило бы описывать её подробнее, если бы не следовало обратить внимание на определённые детали, которые на рисунке могут быть пропущены, либо, напротив, преувеличены или искажены.

Данное изображение – это ещё один источник для изучения надгробных или votивных изображений всадника, в особенности для сборника «Примечательные типы Фракийского всадника» (*Types curieux du Cavalier thrace*), 3 серии которого я уже опубликовал⁴.

Изображённый персонаж, несомненно, молод, но лицо его стёрто. Его волосы стрижены коротко⁵. Он сидит на прямоугольной, узкой и похожей на коврик попоне⁶, а одет в тунику, чьи складки частично эту попону закрывают. Его плащ, застегнутый на левом плече, образует у него на груди нечто наподобие полумесяца из концентрических и равномерно падающих складок. Задняя пола его плаща, развевающаяся на ветру⁷, неумело пред-

⁴ Перечень и ссылки см. в начале третьей серии: *Revue de Philologie*, 1928, p. 106, note 1.

⁵ Вместо обычной причёски-«валика» или реже встречающихся волос, заплетённых лентой. Здесь эта деталь, несомненно, относится к портрету умершего, по крайней мере, с точки зрения весьма правдоподобной, но всегда могущей быть оспоренной гипотезы, согласно которой всадник на надгробных стелах изображал самого умершего, а не какое-либо божество; например, во Фракии – Бога-Героя. Но опыт показывает, что ничто так не похоже на образ умершего, как образ божества. Несомненно, резчики готовили одни и те же стелы к двойному использованию, и назначение стелы, погребальное или votивное, определялось надписью, наносившейся при покупке по заказу покупателя.

⁶ Об этом аксессуаре, редко встречающемся, по крайней мере, в пластике, см.: *Revue des études antiques*, 1924, p. 66, fig. 21–22; 1912, p. 255.

⁷ На самом деле лошадь не скачет, а встала на дыбы. Г-н С. Рейнах в своё время показал, что в древности не умели изображать настоящий галоп. Это замечание особенно верно применительно к некомпетентным резчикам по камню в полуварварских провинциях. Часто, однако, лошадь лучше удава-

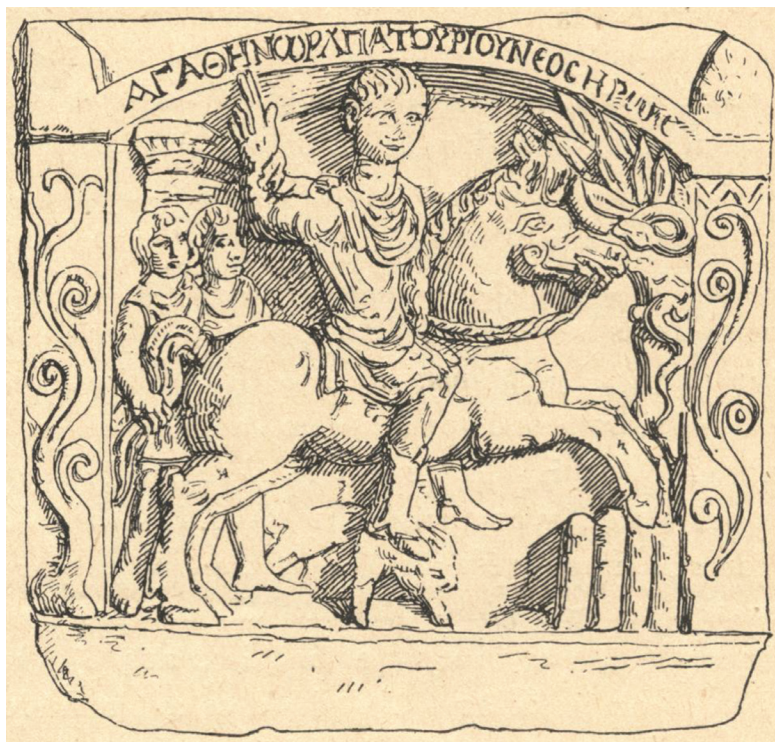

Рис. 1 / Fig. 1

ставлена в виде 4 горизонтальных негибких складок, поднимающихся над головами 2 спутников¹. Эти последние идут бок

лось изображать в прыжке, как бы парящей в воздухе, и её передние ноги, приподнятые над землёй, производят лучшее впечатление движения.

¹ См. моё исследование о спутнике (возможно, схожем с современным греческим агаятом – проводником-слугой путешественников) в первой серии моих «Примечательных типов» (= *Revue des études anciennes*, 1912, pp. 158–159, 3^я). Этот мотив «сопровождающего» обычно появляется лишь в сценах псовой охоты, особенно кормления собак добычей. Лишь в весьма исключительных случаях спутников оказывается 2 или даже 3. Я знаю лишь по одному примеру (Три спутника: *Sbornik*, 1894, табл. VII; два: *Archaeologiai Értésítő*, 1903, илл. на с. 321; к последнему примеру можно прибавить изображение двух женщин-спутниц: *Годишник на Народния музей*, 1921, илл. 221). Таким образом, рассматриваемый нами сейчас рельеф – это второй или, самое большее, третий пример редкого увеличения числа данных индивидов. Он встречается неизменно очень редко также в контексте мотива женщины-адоранта или даже Всадника.

Соблазнительно объяснить подобную редупликацию первоначально одиночного персонажа одной

о бок позади всадника; первый из них держит в обнажённой руке длинный и хорошо исполненный хвост лошади, распушившийся из-за узла, которым он стянут в основании². Поднятая правая рука

привычкой, часто встречавшейся в позднюю эпоху. Обычное изображение Всадника могло быть испорчено неумелой синкретизацией, смешивавшей разные традиции религиозного искусства. Дублирование образа Всадника могло быть оправданным в культе Диоскуров, умножение числа адоранток – в культе нимф, а избыточное число спутников, вероятно, было порождено воспоминаниями о силах в свите Диониса. Но на какой интерпретации можно остановиться здесь, где Всадник – это не Герой, отождествлённый с каким-либо иным божеством, а героизированный умерший? Достаточно ли обратиться к объяснению, столь простому и столь часто правдоподобному, состоящему в том, что сам жанр рельефа предполагал разные способы его использования?

² Данная деталь, справедливо удостоившаяся повышенного внимания г-на Шкорпила, должна присутствовать на многих других рельефах, изображающих Всадника, где, несомненно, она могла бы обнаружиться в случае внимательного осмотра. Даже если сам узел не изображён (возможно, его

всадника выглядит непропорционально большой из-за износа камня или неумелости скульптора. Она как бы начинает делать в воздухе жест, часто встречающийся на votивных и надгробных изображениях Всадника, который принято называть «жестом благословения»¹. Данное выражение на самом деле не разъясняет замысел скульптора и не указывает на связь с каким-либо ритуалом, а просто предполагает доступное для всех сравнение с классическим положением пальцев благословляющей руки в византийской иконографии².

пририсовывали; см. мои замечания в *Revue des études anciennes*, 1923, с. 318 и сл., §A), его наличие отражено на многих памятниках путём представления хвоста необычайно пышным.

¹ О значении этого жеста см. мои *Documents d'archéologie thrace*, I, p. 86. Ср. Kazarov, s. v. *Heros* in Pauly-Wissowa, с. 1135; Mendel, *Musée de Constantinople*, n° 966; Picard, *Bulletin de correspondance hellénique*, 1921, 214; последний пример: *Arch. Anzeiger*, 1928, илл. 12.

² Чтобы завершить тему, я должен сказать, что, если вести речь о нашем изображении, то данная интерпретация жеста руки вызывает у меня сомнения. Очевидно, что на первый взгляд анализ фотографии ведёт именно к такому объяснению, и мы обязаны его придерживаться по причине подтверждения со стороны г-на Карла Шкорпила, который лично видел камень: он пишет, что у Всадника «в руке нет копыя» (с. 6). Но меня удивляет наличие теней и впадин, которые явно выглядят так, словно у этой руки 5 пальцев без большого. Если допустить, что интерпретируемое как 2 длинных благословляющих пальца может на самом деле быть древком короткого копыя, то диспропорциональность руки сразу окажется гораздо меньшей, и памятник окажется в ряду сцен охоты, с которыми у него и так много других сходств, таких, как присутствие агаята и легавой собаки. Следует только допустить, что копыё было очень коротким, потому что не видно следов его острия на плече, оставшемся цельным. Однако примеры такого довольно специфического оружия известны (так, персонаж илл. 2746 «Словаря древностей» (*Dictionnaire des antiquités*) и «*eques singularis Dizala*» из *Corpus inscriptionum Latinarum*, VI, 3202 держат в руке очень короткое копыё, сидят на попоне, у их ног легавая, а позади лошади спутник, так что в целом этот скульптурный тип очень близок к нашему). См. Kalinka, *Antike Denkmäler in Bulgarien*, fig. 109: vol. IV, 1906, des *Schriften der Balkankommission, antiquarische Abteilung*; *Годишник на Народната библиотека в Пловдив*, 1922, с. 33, рис. I; *Revue de philologie*, 1928, planche p. 131, nos 4 et 6; *Известия на народния музей Варна*, илл. 67;

Две передние ноги лошади, составленные вместе и тяжело приподнятые, кажутся опирающимися на некое подобие палисада из четырёх стоящих рядом толстых кольев: деталь на настоящее время уникальна³. Позади палисада растёт лавр⁴, на стволе которого свилась змея. Под правой ногой всадника (эта нога показана свободно свисающей, без стремян; с другой стороны животного видна левая нога, помещённая похожим образом, но по иной вертикальной оси, чтобы остаться видимой зрителю) выгибает спину собака, повернутая мордой к палисаду⁵.

На дуге, помещённой в верхней части рельефа наподобие свода, имеется надпись из букв высотой 0,15 м. Она точно воспроизведена на иллюстрации; стоит

Mendel, *Catalogue du Musée ottoman* n° 1050; *Todorescu, Musée de Tomi*, fig. 39; *Sborník* 1900, fig. 9.

Более того, есть примеры расщеплённого древка (*Известия на народния музей Варна*, рис. 39), слегка выступающего из рельефа, чтобы прикрыть поле надписи (*там же*, илл. 44, 46; ср. в связи с пальцами илл. 31).

Благодаря этим объяснениям и в соответствии с данными аналогиями, наш памятник перестаёт быть единственным в своем роде и оказывается частью уже известной и довольно большой серии. Признаюсь, это и есть то решение, на котором мне хотелось бы остановиться. Но его принятие или непринятие, к счастью, не затрагивает главное в нашем сюжете.

³ Она заменяет обычный в таких случаях алтарь (прямоугольный или цилиндрический) и его многочисленные варианты (такие, как тумба, шар, скала, глыба, лестница и т. д.) Встречающееся иногда полено (*Sborník*, 1900, 1900, fig. 9; *Известия на народния музей Варна*, рис. 54 и 57; 67; *Documents*, fig. 2), возможно, является не упрощением цилиндрического алтаря, как считалось ранее, а указанием на палисад, что дополнительно подтверждается наличием образа двойного полена (*Archaeologiai Értesítő*, 1903; илл. на с. 317).

⁴ Здесь: легко узнаваемый. О трудности идентификации дерева со змеей см. *Documents*, 111, p. 152, note 2, fig. 97 B; *Revue de philologie*, 1928, p. 138 et note 4.

⁵ Обычно, когда собака изображается в такой защитной позе, ошетилившейся и лающей, это означает, что она наизготове перед врагом, спрятавшимся позади алтаря так, что видна только морда. Возможно, что и на этом рельефе было так же в неотчётливо сохранившейся части скульптуры. Но наличие уникального и трудно объяснимого мотива палисада, возможно, соответствует обычной сцене борьбы между двумя животными.

обратить особое внимание на очертания ω, в особенности второй, а также на лунарные буквы:

Ἀγαθήνωρ Ἀπατουρίου. νέος ἦρως.

Ἀγαθήνωρ¹, Ἀπατούριος²

входят в местный ономастикон Одесса.

Что касается формулы νέος ἦρως, хорошо известной, объяснение которой предлагалось неоднократно³, то я не уверен, что в данном случае приму без изменений тождество, предложенное Калинкой⁴, согласно Рошеру: νέος τὴν ἡλικίαν ἦρως, νέος τελευτῶν ἦρως. Можно правдоподобно утверждать, что говорить «νέος ἦρως» должны были, так сказать, с целью лести, в адрес определённых персонажей, как например, νέος Διόνυσος, т. е. «заново рождённого» Диониса. Если же мы возьмем конкретно Фрако-Мёзию, страну «конного Героя», то вправе с учётом того, что умерший изображался на стелах как всадник, с чертами лица, в костюме, позе и со спутниками Героя и предающимся его занятиям, задаться вопросом, не следует ли читать это выражение как νέος ἦρως, и не означает ли оно «отождествлённый с Героем». Умерший, став «новым воплощением» Героя, покровителя умерших, тем самым стал похож на данное божество; или, лучше сказать, слился с ним, стал «Героем в свою очередь» (νέος).

Четыре текста (включая наш), известные в настоящее время во фрако-мёзском регионе, не позволяют сделать однозначный выбор в пользу одной из точек зрения. Несомненно, эпитафия из Никополя-на-Истре, где выражение νέος ἦρως относится к двухлетнему ребёнку⁵, может намекать на его юный возраст.

Точно так же и на основании таких же грубых и простых заключений годовалый младенец мог изображаться с чертами всадника⁶. Однако 3 других надписи, которые точно все происходят из Одесса, сопровождают изображения Всадников, внешность которых хотя и юная, но всё же не детская. Один из них, чей возраст обозначен (16 лет), на своём предполагаемом портрете выглядит старше⁷. Эта стела – и особенно стела ребёнка, о которой мы только что писали, могли бы, между прочим, стать солидными доказательствами точки зрения тех, кто видит в рельефе не образ умершего, а ритуальное изображение Бога-Героя, представленного с чертами красивого эфеба, придуманными, ставшими каноном и воспроизводившимися в мастерских резчиков по камню, т. е. Героя «вечно юного».

Отсюда достаточно ясно следует, что в двух оставшихся случаях – нашего Ἀγαθήνωρ Ἀπατουρίου и его соотечественника Μακεδὼν Μακεδόνας – образ юноши на рельефе ничуть не позволяет сделать вывод о каком-либо особо юном возрасте умершего, названного νέος. Напротив, отсутствие на рассматриваемой нами стеле указания числа лет и наличие его в тех случаях, когда покойные и вправду были молоды, могут говорить о том, что речь не идёт о безвременной смерти в очень юном возрасте.

Другими словами, νέος не обязательно указывает на возраст или кончину во цвете лет. Νέος означает не столько «юный» физически, сколько «новый» морально. Посмотрим, не найдёт ли данный вывод подтверждение в другой эпитафии, где покойный назван уже не νέος, а κοῦρος, ἦρως.

¹ Ἀγαθήνωρ Κλεάνωρος (Kalinka, op. cit., n° 286); Ἀγαθήνωρ Ζήνι, Ζήνις Ἀγαθήνωρος, Ἡρότιμος Ἀγαθήνωρος в списке ἱεράμενοι τῷ θεῷ, к которому мы обратимся позднее.

² Ἀπατούριος Ἀπατουρίου, Διονύσιος Ἀπατουρίου (Ibid.), Ξένανδρος Ἀπατουρίου (Kalinka n° 92).

³ Roscher, *Lexicon*, I, p. 2549.

⁴ Op. cit., n° 286: Ἀγαθήνωρ Κλεάνωρος, νέος ἦρως, ζήσας ἔτη ις, χαῖρε.

⁵ *Supplementum epigraphicum Graecum*, I, 324: Ἀσκληᾶ Χρήστου ὠψὲ νέῳ ἦρῳι ζήσαντι ἔτη β.

⁶ *Journal of Hellenic Studies*, 1908, pl. XXIII, 1; происхождение неизвестно: Анатолия?

⁷ Kalinka, op. cit., n. 287.

У меня перед глазами находится его превосходная фотография, любезно предоставленная мне Музеем Софии; репродукцией худшего качества является илл. 61 (*Sbornik*, 1901): Μακεδὼν Μακεδόνας, νέος ἦρως, χαῖρε.

Б. Второй памятник был найден также в Варне, на улице Котел¹. Изображение на нём имеет размеры 0,64×0,73×0,15 м, заметно стёрлось от времени и представ-

ляет собой горельеф. На его постаменте достаточно легко прочесть надпись:

Ἀρτεμίδωρος Νουμηνίου,
κοῦρος ἥρως [ὕμ]νωδός, χαῖρε.

Рис. 2 / Fig. 2.

Не только имена Ἀρτεμίδωρος и Νουμηνίος по отдельности часто встречались в Одессе, как и имена с ранее рассмотренного нами памятника, но и сочетание Ἀρτεμίδωρος Νουμηνίου было ранее обнаружено там в другой надписи. Идёт ли речь об одном и том же человеке? Данное сочетание имени и патронимикона обнаруживается на 30 месте в списке из 46 имён, преамбула к которому выглядит следующим образом: οἷδε ἱέρηται τῷ θεῷ μετὰ τὴν κάθοδον². Вопреки обычно-

му смыслу глагола, речь не идёт о «каталоге жрецов»: этому противоречит их число, а также странная национальная принадлежность некоторых из них³. Поэтому стоит скорее, учитывая другое допустимое значение глагола, увидеть здесь коллегия людей, посвящённых божеству. Среди этих людей есть те, кто, вероятно, были νέοι – одни из них потому, что их имена встречаются в других списках νέοι⁴ (правда, за отсутствием точной датировки всегда можно заподозрить, что

¹ Chkorpil, *Mer Noire*, II, p. 86, n° 185, fig. 114.

² Mitt. Archäol. Inst. Ath., 1885, с. 317; *Известия на Варненското Археологическо Дружество*, 1912, с. 21, илл. 18 – единственное известное нам фото данной стелы сверху (поступила в Музей Софии в 1921 г., инв. № 2752). Латышев в своём комментарии (Mitt. Archäol. Inst. Ath., 1886, с. 200–202) пред-

лагает возможную датировку этой надписи – рубеж христианской эры.

³ Романизированный афинянин (стр. 25: Μάρκος Ἀντώνιος Ἀθηναῖος); чистокровный фракиец (стр. 5: Κότυς Δερναίου).

⁴ Ἀλατοῦριος Ἀλατοῦριου (стр. 7) – это, возможно, эфеб, упомянутый в списке: Kalinka, n° 115.

2 документа разделяет достаточный временной интервал, чтобы рассматриваемый персонаж перестал числиться среди «молодых»); другие потому, что источник зачисляет в один ряд с ними их отцов. Из этого последнего соображения, а в конечном итоге даже и из первого, вытекает вывод о том, что список содержит имена как νέοι, так и πρεσβύτεροι.

При этом среди братств, в чей состав входили как «новички», так и «ветераны», одно из самых известных в Мёзии – это как раз братство ὑμνωδοί, делившееся на πρεσβύτεροι и νεώτεροι¹. И это не всё. Данный курьёзный институт патентованных певцов на службе у храма или человека пришёл в Мёзию из Анатолии вместе с многочисленными фригийско-вифинскими иммигрантами. Его можно найти в большинстве эллинизированных городов провинции: Никополе², Томах³, Дионисополе⁴ и, наконец, в Одессе, благодаря рассматриваемой нами эпитафии, для которой можно теперь предложить наряду с интерпретацией, которая первой

приходит в голову (κοῦρος ἦρως = νέος ἦρως), если не вместо неё, другую: κοῦρος ὑμνωδός = ὑμνωδός νεώτερος, т. е. «член юношеской части объединения хористов». А далее отдельно следует ἦρως = «умерший».

Эта возможная двойственность объяснения показывает, что мы не смогли сделать благодаря второму тексту решительный шаг, которого ждали, чтобы объяснить смысл первого.

Но возникает ещё один вопрос. Если мы говорим об объединении хористов, какому божеству оно служило?

Именно в Одессе имелось божество, до настоящего времени остающееся для нас загадочным, которое известно нам только по монетам под неясным обозначением θεὸς μέγας Κύρσα. Последнее имя, как нам кажется, содержит несколько сокращений, одно из них практически ясное: κύρ(ιος), второе всё ещё загадочное: Σά(ρατις), Σα(βάσιος) и т. д.⁵ Был ли этот бог египетским или анатолийским, Кабиром Κέρσης (= Κύρσα) или даже самим Богом-Всадником собственной персоной, κύριος'ом по преимуществу – у нас нет никаких доказательств, никакого источника, способного подтвердить или опровергнуть служение братства гимнодов его храму.

Мы можем только сказать, что это, вероятно, и есть тот бог, который фигурирует на рассматриваемом нами сейчас рельефе. У Всадника не сохранились ни голова, ни правая рука. Но его костюм, соответствующий обычному типу «задрапированной женщины»⁶, его сидячая поза лицом к зрителю с двумя свисающи-

¹ Определение «Словаря древностей» (*Dictionnaire des antiquités*), s. v. Thiasus: «разновидность τασιастαί, связанных с μῦστα и θιασοί». Это объединения хористов, посвятивших себя службе различным храмам, обществам или видным особам. Происхождение института – анатолийское. У Ш. Пикара (Ch. Picard. *Éphèse et Claros*, p. 251 et suiv.) можно найти всё самое важное по рассматриваемому вопросу, даже по конкретному вопросу вхождения эфевов в данные братства.

² *Nicopolis ad Istrum*, n° 58-60 (мое исследование в *Revue archéologique*, 1907–1908). Это ὑμνωδοί Богов Пергама, и в тексте n° 50 упоминаются ὑμνωδοί πρεσβύτεροι.

³ *Arch.-Epigr. Mitth.*, 1896, с. 222, п. 89; список имён ὑμνωδοί, составленный Кайлем (Keil) см. в *Jahreshefte*, 1908, p. 101 (*Zur Geschichte der Hymnoden*).

⁴ *Jahresh.*, 1913, *Beiblatt*, p. 106, fig. 79: ὑμνωδοί νεώτεροι (императора Каракаллы). Братья Шкорпилы уже опубликовали этот текст в «Известия на Варненского археологическо дружество» (V, 1912, с. 62, прим. 1 и табл. IV.1), но они не сумели его правильно прочитать, а г-н О. Тафрали (Tafrali) в своей недавней книге «Причерноморский город Дионисиополь» (*La cité pontique de Dionysiopolis*) не преминул повторить их ошибки, добавив к ним несколько новых (см. на эту тему: *Journal des Savants*, juin 1929, p. 279).

⁵ См. мои размышления по этой теме, последнее из которых в *Revue archéologique*, 1929.

⁶ Тем не менее обратите внимание на то, что у задрапированной женщины нижний край гиматия почти всегда обозначается кривой линией, опускающейся справа налево. Он редко бывает горизонтальным, как на памятнике, описанном в следующей сноске. В исключительных случаях кривая линия опускается слева направо, как на нашем одесском рельефе (единственные примеры: *Repert. Stat.* IV, p. 192, n° 7; p. 193, n° 9; p. 198, n° 10; p. 199, n° 10; p. 202, n° 3, последний – в сидячей позе).

ми ногами и его правая рука, держащая поводья, составляют вместе обычную женскую посадку на лошади. Все это вполне естественно привело г-на Шкорпила к мысли, что перед нами *Всадница*. Вертикальная неподвижность тела, указание на изогнутую позу за счёт уменьшения общей длины, но без всякой компенсации, будь то за счёт объёмности силуэта или изгиба складок одежды – все эти несовершенства объясняются неуверенной техникой резчика, но не оставляют никаких сомнений в том, что персонаж сидит. К тому же кончики его ступней слегка выступают за край его длиннополого платья. Лошадь, правая нога которой угадывается благодаря следам копыта, оставшимся на постаменте, идёт шагом процессий и кортежей, т. е. иноходью¹. Существуют надгробные стелы, на которых умерший, его ездовое животное и его спутник представлены совершенно так же, как на нашем рельефе. На этих памятниках виден жест правой руки, откидывающей покрывало, который, возможно, имел место и здесь². Перед персонажем на данных памятниках стоит юный раб, чей костюм, жесты и атрибуты соотносятся с малой фигурой на нашем рельефе³.

¹ Это обычный аллюр, изображаемый всегда, когда Всадник скачет. Однако в книге г-на Шкорпила на 12 примеров иноходи приходится 1, когда Всадник едет не иноходью (илл. 50).

² Можно также предположить наличие здесь какого-то атрибута, который персонаж держит вертикально (рог изобилия? Всадник из Шумлы на илл. 10 в *Sbornik* 1900 = *Chkorpil*, n° 133 имеет данный атрибут, но это бородатый охотник, который скачет галопом и преследует кабана в соответствии с обычным сюжетом).

³ *Bulletin de correspondance hellénique*, 1909, p. 310, n° 66, fig. 29, Musée de Brousse. Описание г-на Менделя: «Женщина в фас, сидящая на лошади и движущаяся вправо; она одета в тунику до пят и гиматий, накиннутый на голову и откинутый с правой руки. Справа *παίδισκος* в короткой тунике. По-видимому, он носит слева небольшой меч, висящий на перевязи, переброшенной через правую руку. Левая рука покоится на гарде меча, правая протянута к лошади, как если бы он её вёл или что-то ей предлагал. Слева девочка и т. д...»

Но в данном случае надпись сообщает, что умерший – это не матрона, а эфеб. Выбор образа остаётся, поэтому, необъяснимым, если только не предположить, что дедикант был готов купить наобум какой угодно рельеф у резчика с бедным ассортиментом надгробных рельефов. Правда, примеры почти что таких покупок известны⁴, но связаны со случаями, когда и продавец, и покупатель были крестьянами из бедных деревень. Здесь же мы находимся в крупном городе древней греческой цивилизации, каменотёсы здесь умелы и торгуют бойко, семья юного гимнаста не является варварской или неимущей. Даже не считая того, что мотив Всадницы был на надгробных рельефах всё-таки редок, маловероятно, что лавка настолько плохо снабжалась, чтобы в ней был недостаток Всадников – типа обычного и вдвойне востребованного во Фракии, где этот мотив использовался как для памятников умершим, так и для посвящений национальному Герою, – а Всадницы, наоборот, имелись в избытке.

Но существуют также богини-всадницы, едущие верхом на женский манер и сопровождаемые служкой или адорантом. Это, например, Афродита⁵ или, в особенности, достаточно часто изображавшаяся во Фракии местная богиня, близкая к Всаднику – Артемида-Бендида⁶. Однако последняя была охотницей в короткополой одежде и никогда не закутывалась в длинные покрывала. К тому же, возможно, нет смысла дальше продолжать поиск среди богинь, если, как я заключил выше, божество, с которым наш эфеб связан как гимнод, было богом: *ἰέρηται τῷ θεῷ*.

Когда о боге на лошади говорят в связи с Фракией, первым на ум приходит Всадник. Но, хотя мы знаем его на лошади, идущей шагом, и безоружным, нет ни

⁴ См. в связи с этим мои размышления и аргументы в *Revue des études anciennes*, 1924, p. 43, note 6, 2°.

⁵ *Repert. Reliefs*, II, p. 319, n° 2.

⁶ Об этом типе см. моё исследование в *Revue des Études Grecques*, p. 39–41, § 2, fig. 2.

одного примера, когда он свесил бы ноги на одну сторону или был бы одет в платье до пят и плащ. Не больше доказывает и фрагмент рельефа, найденный в своё время на Эсквилине в капелле Фракийских всадников при императорской гвардии. Там виден охотящийся с гончими Герой с поднятым мечом, одетый, быть может, в несколько более длиннополое платье, чем обычно, но всё равно с обнажёнными руками и икрами. Однако, как и на рассматриваемом нами рельефе из Одесса, и не смотря на то, что скачет он, по-видимому, как обычно, левая рука у него протянута к шее лошади и держит её за уздечку¹. То же положение левой руки имеется у бога-Всадника Ἡρών² в его фаюмском храме³ и, возможно (хотя весьма сомнительно), у загадочного сильно стёртого изображения Всадника, украшающего надгробную стелу в интересующем нас регионе⁴.

Данный жест, обнаруживаемый, как следует из вышесказанного, всего на трёх памятниках, был, несомненно, взят на вооружение и тем, кто ваял наш рельеф (стало быть, четвёртый в этом ряду). Но, если брать в целом, то аналогии на этом и заканчиваются. Костюм всадника на остальных сравниваемых памятниках не позволяет подтвердить, что наш таинственный персонаж в длинных одеждах может быть Фракийским Героем, тем бо-

лее что он не сидит на лошади верхом. Кроме Героя, есть от силы ещё 2 мужских божества, которые передвигаются сидя на манер амазонок, одетые в длинные платья и плащи, в которые они закутываются по-женски. Это Мен (но он ездит на петухе)⁵ и Дионис (но он ездит на пантере)⁶. Если допустить, что в стране Фракийского всадника один из них⁷ мог ездить на лошади, поскольку они оба ассоциировались с Сабазием⁸, мы возвращаемся к одной из вышеупомянутых гипотез, связанных с ΚΥΡΣΑ. Можно предположить, что братство, к которому принадлежал Артемидор, было братством гимнодов-сабазиастов Одесса. Наконец, если всё же предпочесть Героя, то мы можем допустить, что братство было одним из фиасов Бога-охотника, которые нам известны во многих местностях Мёзии рядом с Одессом⁹, в различных городах на фракийском побережье Эгейского моря¹⁰, быть может, даже в некоторых городах внутри континента¹¹.

Ещё одним объяснением может быть то, что это сам умерший изображён едущим на лошади в костюме и в позе, соответствующих обычаям или обрядам его общества гимнодов. Данное предположение не является ни неправдоподобным,

⁵ *Répert. Reliefs*, II, p. 319.

⁶ *Répert. Stat.*, II, p. 132.

⁷ Я знаю только одного Всадника, который не был назван Дионисом, но явно был отождествлён с этим богом (*Répert. Reliefs*, II, p. 162, n° 2). Но нет ни одного Всадника, который был бы назван Меном (cf. *Bulletin de correspondance hellénique*, 1912, p. 589, n° 43, fig. 28 a).

⁸ О Мене см. Proclus, in Tim., IV, 251 и Heuzey, *Maced.*, p. 30 suiv.; о Дионисе Strabo, X, 15, Harpocr., s. v. Σάβοι и т. д., и Perdrizet, *Pangée*, § VI.

⁹ В Томах (*Corpus inscriptionum Latinarum*, III, 7532; братство анатолийцев); в Дуросторуме (Pàrvan, *Durostorum*, p. 22)

¹⁰ В Абдерах (*Corpus inscriptionum Latinarum*, III, 7378); в Олинфе (*Corpus inscriptionum Graecarum*, 2007 f: κολλήγιον).

¹¹ В Виминации (*Corpus inscriptionum Latinarum*, 111, 8147); в Интерризе (*Archaeologiai Értesítő*, 1906, p. 241: collegium); в Филиппополе (*IGR*, I, 731: κοινὸν κυνηγῶν; о спорном смысле этого выражения см. *Documents d'arch. thrace*, II, p. 30, примечания и сноски).

¹ См. иллюстрацию в *Bulletino comunale di Roma*, 1876, pl. VI, n° 3; я держу её перед глазами, пока описываю.

² Судя по последним данным (нуждающимся в проверке), этот египетский бог, в котором так часто и так долго видели черты сходства с фракийским богом Ἡρώς, не имел с ним иных общих черт, кроме некоторых аналогий в позе и ходе лошади, которые можно найти также в анатолийской и сирийской иконографии. В связи с последними отметим, что бог на них носит длинное платье (R. P. Mouterde, *Mélanges de l'Université Saint-Joseph à Beyrouth*, XI 6, 1926, p. 309-322).

³ G. Lefebvre, *Annales du Service des Antiq. de l'Égypte*, 1920, pl. I; Perdrizet, *Negotium*, fig. 2.

⁴ Фрагмент, найденный в Ахтополе на Чёрном море, происходящий, возможно, из Аполлонии Понтийской, описанный и исследованный мной под n° 9 в *Revue de Philologie*, 1929 (статья, процитированная выше в сноске 3).

ни невозможным, но при нашем нынешнем уровне знаний о гимнадах его невозможно проверить.

В любом случае кажется затруднительным допустить, что юный пеший спутник, стоящий перед лошадью, может быть образом умершего. Проще видеть в нём служителя божества.

Выше я отмечал сходство этого *παίδίσκος* с традиционным рабом надгробных стел, и в особенности с тем, который помещается перед едущей верхом женщиной на азиатской стеле, очень похожей на нашу. Данное сходство настолько ставит в тупик, что трудно примирить с ним свой ум. И как-никак эпитафия не допускает сравнения, т. к. нет данных о том, что гимнады одевались и ездили верхом, как женщины. Недоумение вызывает

и неясность жестов спутника. Заканчивается ли палка на его плече наконечником копья (что совершенно не соответствует образу женщины или эфеба, одетого женщиной) или сосновой шишкой (что соответствовало бы Дионису-Сабазию)? Держит ли он в правой руке, поднятой в сторону главного персонажа, какой-то предмет (кубок, венок и т. п.) или, что проще и вероятнее, уздечку лошади? Этот жест может выражать почесть, учтивость или предупредительность, сдерживание иноходца под всадницей-новичком или сопровождение последней в процессии соответственно её рангу. Но данный жест может также придавать пышность или выражать подчинение, если речь идёт о том, чтобы подчеркнуть, либо почтить статус или функцию наездницы¹.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жорж Сёр (1873–1944) – французский археолог, специалист по археологии Фракии, Македонии и Греции, руководитель раскопок на территории этих древних стран. Выпускник знаменитого Высшего педагогического института (*École normale supérieure*) 1897 г., посвятивший жизнь исследованию античных археологических памятников Балкан. Начиная с 1898 г. и в течение жизни исследовал погребения на территории Фракии, Македонии и Северной Греции, с 1910 г. руководил раскопками греческой колонии Селимбрия на территории Фракии. В 1907–1908 гг. опубликовал монографию, посвящённую г. Никополь-на-Истре, основанному римлянами во Фракии. Предметом особого интереса Ж. Сёра был культ Фракийского всадника. Также он занимался переводом на французский язык и комментированием работ по археологии Фракии, опубликованных первоначально на болгарском и новогреческом языках, благодаря чему ввёл их в более широкий научный оборот. В 1930–1933 г. принял активное участие в полемике, касающейся методов археологического исследования Трои и микенской Греции.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Georges Seure (1873–1944) – French archaeologist, specialist on the archeology of Thrace, Macedonia and Greece, director of excavations on the territory of those ancient countries. A graduate of the famous *École normale supérieure* in 1897, who devoted his life to the study of ancient archaeological sites of the Balkans. Beginning in 1898 and during his life he investigated burials in Thrace, Macedonia and Northern Greece, from 1910 he led the excavation of the Greek colony of Selimbria in Thrace. In 1907–1908 published a monograph on the city of Nicopolis ad Istrum, founded by the Romans in Thrace. The subject of special interest of G. Seure was the cult of the Thracian horseman. He also translated works on Thracian archaeology, published initially in Bulgarian and modern Greek, into French and commented on them. In 1930–1933 he took an active part in the polemic concerning the methods of archaeological research of Troy and Mycenaean Greece.

¹ То же и в той же Фракии мы находим под п. 384 у Калинки на погребальном памятнике всадника-скутария (возможно, оруженосца, который держит под уздцы лошадь своего командира).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ ПЕРЕВОДА

Коровчинский Иван Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR OF THE TRANSLATION

Ivan N. Korovchinskiy – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of World History, State University of Education.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сёр Ж. ΝΕΟΣ ΗΡΩΣ, ΚΟΥΡΟΣ ΗΡΩΣ / пер. И. Н. Коровчинского // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 253–263.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-253-263

FOR CITATION

Seure G. ΝΕΟΣ ΗΡΩΣ, ΚΟΥΡΟΣ ΗΡΩΣ (Rus. ed.: Korovchinskiy I. N., transl.). In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 253–263.

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-253-263

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. СПб.
АДУ – Археологічні дослідження України. Київ
АК МССР – Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинёв
АС – Археологический съезд
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГАКК – Государственный архив Краснодарского края. Краснодар
ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
ГМИИ – Государственный музей истории искусств им. А. С. Пушкина. М.
ГУП – Государственное унитарное предприятие
ДМК – Детский международный комплекс «Новоосино»
ЗВОРАО – Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества. СПб.
ИАА – Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар
ИАК РАН – Институт археологии Крыма Российской академии наук. Симферополь
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск
ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук. М.
ИГУ – Ижевский государственный университет. Ижевск.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. СПб.
ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы. Махачкала
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, Самарканд
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань
ЦП НАН України і УТОПІК – Центр пам'яткознавства Національної академії наук України і Українського товариства охорони пам'яток історії та культури
КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. Краснодар
КРЭС – Краснодарская районная электростанция
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН). М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
КубГУ – Кубанский государственный университет. Краснодар
ЛГУ – Ленинградский государственный университет. Л.
МАК – Материалы по археологии Кавказа. М.
МАР – Материалы по археологии России. СПб.
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, Киев
МАУ – Матеріали з антропології України. Київ
МАЭ – Музей археологии и этнографии. СПб.
МГОУ – Московский государственный областной университет. М.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Л., М.
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
НА – Научный архив
НА АМ – Научный архив Анапского археологического музея

НА ИА РАН – Научный архив Института археологии Российской академии наук

НА БАН – Научен архив на Българска академия на науките. София

ОАСА – Отдел античной и средневековой археологии Крыма Института археологии АН УССР. Симферополь

ООО НИАБ «Артефакт» – ООО Нижнеокское историко-археологическое бюро «Артефакт»

ОГАУ – Оренбургский государственный академический университет. Оренбург.

ОПХ – опытно-производственное хозяйство

ПИАНП – Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Белгород-Днепровский

РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы. М.

РО А ИИМК – Рукописный отдел Архива Института истории материальной культуры. СПб.

РОССПЭН – Российская политическая энциклопедия. Москва.

РП – Разкопки и проучвания. София

РА – Российская археология. М.

РАН – Российская Академия наук

РОССПЭН – Российская политическая энциклопедия. М.

СА – Советская археология. М.

САИ – Свод археологических источников. М.

СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет, Владикавказ

ССПК – Старожитности степового Причорномор'я і Криму, Запоріжжя

СРОО ИЭКА «Поволжье» – Самарская региональная общественная организация «Историко-эко-культурная ассоциация «Поволжье»

ТИЭ – Труды института этнографии. М.

УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа.

ФО А ИИМК – Фотографический отдел Архива Института истории материальной культуры. СПб.

ЮНЦ РАН – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону

BPS – Baltic Pontic Studies, Poznan

NAIM – National Archaeological Institute with Museum, Sofia

Nat. Commun. – Nature Communications, London

Nat. Ecol. Evol. – Nature Ecology and Evolution

Sci. Adv. – Science Advances

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2023. № 5

Над номером работали:
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик А. Ю. Назарова
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин
Корректор А. А. Глазунова

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.istpolitmgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 16,75, уч.-изд. л. 17.
Подписано в печать: 30.12.2023 г. Дата выхода в свет: 21.02.2024 г. Заказ № 2023/12-13.
Отпечатано в ГУП
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А